

GRAD
SPDQ
E
030787

B 1,457,811

Buhr



Куддус ЛАТЫПОВ

МОЖЕТ ЛИ ГОЛУБЬ ЯСТРЕБОМ СТАТЬ?



ЛАТЫПОВ Куддус Канифович родился в 1923 году в Мечетлинском районе Башкортостана.

ОБРАЗОВАНИЕ: педучилище, аэроклуб, военная авиационная школа пилотов, авиационный факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: учитель математики, инструктор-летчик, командир авиаэскадрильи, зам. командира авиаполка по политчасти, зам. командира по политчасти – начальник политотдела авиадивизии, одного из центральных управлений ВВС, факультета Военно-воздушной инженерной Академии им. Н. Е. Жуковского и зав. сектором НИИ.

УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: военный пилот ббап – 1942 г.; летчик-штурмовик – Калининский и Западный фронт – 1943 г.; ст. летчик, командир звена, зам. командира авиаэскадрильи – 2-й Украинский фронт – 1944–1945 гг.

НАГРАЖДЕН: семью орденами и пятнадцатью медалями.

Присвоено звание Героя Советского Союза (Указ ВС СССР от 15.05.46 г., удостоверение № 016414).

В настоящее время пенсионер МО, полковник в отставке.

Куддус ЛАТЫПОВ

МОЖЕТ ЛИ ГОЛУБЬ ЯСТРЕБОМ СТАТЬ?

Уфа
«Китап»
1999

Книга публикуется в авторской редакции

Латыпов К. К.

Может ли голубь ястребом стать? – Уфа: Китап, 1999. – 304 с.

Книга эта во многом автобиографична. Автор – сам участник военных событий – поднимает сложные нравственно-этические проблемы нашей жизни. Но, вместе с тем, с военной тематикой переплетается тема вечная и актуальная во все времена – тема Любви, любви, которая делает человека Человеком – добрым, всесильным, крылатым...

Без объявления

ISBN 5-295-02632-9

© Латыпов К.К., 1999

КЛЯТВА И НАКАЗ ВЕТЕРАНАМ

О, почему так летишь ты, жизнь! И сложно так, и быстро. Вот уже полвека миновало с тех самых радостных и чудных мгновений, какие я более не испытывал за всю свою долгую жизнь, когда волшебное майское утро под Веной впервые за последние четыре года с безгранично ясным голубым небом и ласкающим солнцем, с трогательно нежной зеленью и обворожительным пением птиц возвестило мне и моим товарищам об окончании страшной войны.

О, какое это было мгновение! Такого мир никогда не знал и не узнает...

Нетрудно представить, какие мысли рождает утомленный, но еще достаточно ясный ум участников событий тех грозных лет, какие чувства тревожат их ранимые души...

Конечно, самое заветное наше желание – чтобы никогда не пережили войну наши дети и все грядущие поколения. А самая сокровенная мечта наша – чтобы нас правильно понимали и современники и потомки, а для этого – знали всю правду о нас, о том чрезвычайно неординарном отрезке истории, о времени, в котором мы жили, в том числе и прежде всего о нашей войне.

Общеизвестно, что в жизни каждого человека бывают события, которые заставляют оглянуться на все прожитые годы. Таким событием для нас, разумеется, стала встреча ветеранов нашего полка в честь одного из юбилеев Великой Победы. Потому что за плечами у каждого из нас была та наша война, воистину великая и священная. Вот и хочется нам, очень хочется вспомнить пройденные вместе трудные дороги, показать людям все их тернии и рассказать о неожиданных поворотах.

Одним словом, наступило для нас время, видимо с некоторым опозданием, когда необходимо осмыслить увиденное, пере-

житое, когда поразительно, до боли в сердце стало ясно, что мы во что бы то ни стало должны, пока живы, исполнить еще один долг, долг перед историей, перед следующими поколениями, перед теми, кто не дожил, когда лично пережитое тобой и твоими товарищами уже принадлежит не только тебе...

Эта встреча и послужила толчком к принятию решения о написании книги.

И вот как она происходила.

– Под Знамя прошу встать! – с волнением и в то же время с особым подъемом подается необычная команда в зале Дома культуры прославленного Московского завода «Красный пролетарий», до отказа заполненном ветеранами одного из авиационных полков времен Великой Отечественной войны, их детьми и молодежью завода.

Духовой оркестр заиграл боевой торжественный марш.

Два офицера в парадной авиационной форме, Герой Советского Союза полковник МАКАРОВ Алексей Трифонович и подполковник запаса кавалер многих боевых орденов и медалей ШМОНОВ Иван Ильич показали в зале с двумя боевыми Красными знаменами.

Несут их парадным маршем, гордо и торжественно, как когда-то на фронте, перед строем полка, готовящегося к боевым вылетам в начале особо важных боевых операций.

Зал замер. Взоры всех обращены к алым полотнищам, к этим таинственным реликвиям, активным участникам легендарных событий пятидесятилетней давности.

Вот их поставили на сцене перед столом президиума.

Знаменосцы развертывают знамена так, что можно отчетливо прочесть надписи. На одном из них выведено золотом: «187 гвардейский штурмовой авиационный полк», на другом: «568 штурмовой авиационный полк», на обратной стороне каждого: «За нашу Советскую Родину». Оба они принадлежат одному и тому же полку. Одно обычное, другое – гвардейское. Они гордость и слава, завоеванные в боях, одного из славных воинских коллективов.

Они – символы мужества и отваги, воинской доблести и чести, когда-то властно звавшие в праведный бой, святыни, омытые кровью лучших сынов и дочерей народа, отдавших свои жизни за независимость и свободу, достоинство и честь Отечества, за защиту социалистических завоеваний, как тогда мы считали и в

этом были уверены, коммунистического будущего Родины, а ныне немые свидетели бессмертных героических боевых подвигов и свершений..

Внимание всех приковано к ним.

Память ветеранов неумолимо возвращают они к тем огненным годам. По-своему представляют их смысл и значение сыновья и дочери фронтовиков. Из-за стола президиума встает высокий статный генерал авиации и подходит к Знаменам, становится на одно колено (тоже как когда-то, при вручении полку Знамени) и со словами, сказанными с трогательным волнением: «Здравствуй-те, наши дорогие святыни, наши верные друзья!», поочередно целует их. Это ХОМУТОВ Николай Дмитриевич, талантливый авиационный командир-организатор и воспитатель, возглавлявший полк с начала формирования и до победного окончания войны, заслуженно и любовно названный личным составом «батя»...

На глазах у многих присутствовавших навернулись слезы. Нежданно установилась в зале тишина, удивительная, необычно торжественная и величественная. И установилась она не по команде, а сама собой, видимо, по душевному порыву. Явно чувствовалось, что в этом возвышенном, чарующем вдохновении людей сошлись и слезы, и жизнь, и вера, и надежда, и любовь. Спасшие Отечество в страшной войне, наверное, вспомнили прежде всего о суровом времени, о боевых товарищах, как оставшихся в живых, так и ушедших в бессмертие. Их же детей, очевидно, волновала судьба Отечества и свое собственное будущее...

Знамена поставили позади президиума под портретом Владимира Ильича. Начались выступления. Затаив дыхание слушали люди воспоминания ветеранов: летчиков, воздушных стрелков, техников, младших авиационных специалистов, совместными усилиями обеспечивавших победные бои в воздухе...

С ответным словом выступили молодой рабочий завода и молодой офицер, сын одного из летчиков полка, активного участника Великой Отечественной войны, Миша Зубков.

После выступления, как по команде, становятся оба рядом, торжественным маршем подходят к Знаменам, опускаются на колени и, произнося четко и вдохновенно: «Здравствуйте, боевые Знамена, вы являетесь и нашими дорогими боевыми друзьями, и нашей честью и совестью!», целуют их.

И продолжают торжественно, с подъемом:

– Мы от имени всех молодых людей, присутствующих здесь, клянемся перед ветеранами, завоевавшими боевую славу Отчизны, что будем достойны Вас, будем нести Ваши знамена в твердых руках высоко и надежно...

– Клянемся! Клянемся! Клянемся! – дружно и мощно раздастся клятва сыновей и дочерей бывших фронтовиков. Их поддерживают даже их дети, т.е. внучата седых ветеранов...

Это было волнующе, трогательно.

В конце собрания к ветеранам торжественно обратились дети:

– Дорогие ветераны! У нас к вам большая просьба: сделайте, пожалуйста, так, чтобы все, о чем говорилось здесь, все, что составляет вашу боевую славу, стало достоянием широкого круга советских людей, прежде всего молодых. У вас много того, чему могут поучиться грядущие поколения, особенно мы чтим светлые и высокие идеалы, которыми вы жили, те воистину святые моральные устои и душевные качества, которые были характерны для вас...

...После этой волнующей встречи мы, члены совета ветеранов полка, в том числе и Николай Дмитриевич ХОМУТОВ и генерал-лейтенант в отставке БАРКОВ Михаил Георгиевич, прекрасной души человек, первый начальник штаба полка, неоднократно собирались, обсуждали, как быть. Одновременно стали вспоминать, собирать и фиксировать все ценное из боевой истории полка. А на одной из встреч они, как сговорившись, заявили:

– Вот что, дорогой Куддус Канифович, мы всесторонне обдумали и решили предложить тебе сконцентрировать весь имеющийся материал, обогатить его, поработав в Центральном архиве МО и, поговорив с однополчанами, поразмыслить, поработать над ним и ... изложить письменно, как просили об этом наши дети на последней встрече. Ну как, идет?

– Поручение очень почетное, но справляюсь ли я, ведь дело не только сложное, кропотливое, но и требует соответствующей подготовки, – усомнился я.

– На наш взгляд, у тебя есть все или почти все для выполнения этого «боевого» задания, – стал убеждать Николай Дмитриевич, – во-первых, ты один из самых активных участников боев в составе полка, во-вторых, у тебя есть определенная подготовка, в-третьих, ты ведь в войну был, как нам помнится, неофициальным комиссаром в своей эскадрилье, летчики больше крутились около тебя, чем возле официального замполита или

парторга. Значит, ты и людей хорошо знаешь... А мы теперь и больны, и отягощены другими заботами, которые связали нас по рукам и ногам...

В конце концов мне пришлось согласиться с их доводами. Более того, в самой глубине души я поклялся перед товарищами, оставшимися в живых и, особенно, отдавшими свои жизни за счастливое будущее потомков, что сделаю все от меня зависящее для того, чтобы дети узнали всю правду об изумительно чистой жизни отцов и дедов, об их великих и святых свершениях.

И вот я в подмосковном городе Подольске. Передо мной за искусно изготовленной металлической оградой, в ласкающей взор зелени и разноцветье ухоженных газонов, клумб, фруктового сада и в тени многолетних берез, тополей, кленов и лип – несколько внушительных, привлекательных каким-то своим особым, торжественно-таинственным видом зданий.

Это Центральный архив Министерства обороны – ЦАМО. Так он сухо и лаконично называется официально. А на деле – это храм науки. Храм науки и искусства побеждать. Хранилище истории боевой славы, воинского мастерства и доблести, истории великого народного подвига...

Вхожу в это святилище с глубоким душевным волнением, в нетерпеливом предчувствии встречи вновь со своей пламенной молодостью, со своими боевыми друзьями, братьями по оружию, с грозными событиями в самый ответственный период истории страны...

Сотрудники архива встретили гостеприимно. Отношение искреннее, чуткое и заботливое. Не прошло и часа, и вот передо мною папки с историей боевых действий родного полка.

С каким душевным трепетом и сердечным волнением стал я переворачивать эти поистине священные, то кровавые, то светлые, то печальные, то радостные страницы!

Все ожило...

Все, самым испытанное и прочувствованное, все услышанное и узнанное от боевых друзей, все, прочитанное и продуманное в архиве, в этом арсенале описей отремевших сражений и боев за честь и свободу Отечества, но вдохновляющих и сегодня нашу молодежь и нас самих и потому являющихся действенным духовным и патриотическим оружием, – все, что составило основу предлагаемого повествования. Нет, речь пойдет не о полководцах и других крупных военачальниках, а о «самых низах», в данном

случае о командирах эскадрилий, звеньев и рядовых летчиках, воздушных стрелках, техниках и механиках.

Так родились фронтовые воспоминания, послужившие основой книги «Витязи крылатые», и вот сейчас – это повествование...

1. НА ФРОНТ? ПОДОЖДИ, «ГОЛУБОК»

– Уррраааа!!! – чуть ли не во все горло закричал всегда очень скромный, учтивый и выдержанный Миша Кузнецов, стремительно влетев в комнату – инструкторскую, где мы заполняли документацию после очередного летного дня. Он дышал так часто и тяжело, что грудь его ходила ходуном, как работающий в полную силу кузнечный мех. Спокойные серо-зеленые глаза его блестели как-то по-особому озорно, таинственно, а рот широко раскрылся в торжествующей улыбке. Он что-то порывается сказать, но никак не может отдышаться. Все мы смотрим на него с удивлением, нетерпеливо гадая, что же будет дальше. Наконец я, видимо, один из самых нетерпеливых, не выдержал и воскликнул:

– Ну что ты мычишь только да еще сияешь при этом, как будто тебя публично поцеловала Катюша, не томи, скажи быстрее, в чем дело?

Насчет Катюши, за которой усиленно ухаживал Миша без особой надежды на успех, я, очевидно, напомнил не совсем уместно, ибо он, несмотря на то, что мы с ним были хорошими друзьями, так выразительно посмотрел на меня, что ничего хорошего ожидать было нельзя. Однако он сдержал себя, даже сделал вид, что не обращает никакого внимания на мою реплику и, высоко задрав голову и делая характерный жест рукой вверх, как петух, взмахнувший крыльями после победы в очередном петушином бою, четко и торжественно провозгласил:

– Братцы! Нас отправляют на фронт, ясно?! – и всех окинул победным взглядом, не допускающим, казалось, никаких возражений и сомнений.

– Как?! Неужели? Вот так весть, вот так новость! Ну и обрадовал же ты нас! – повскакивали все. – А откуда ты узнал? А школа? А отряд? А курсанты? Когда, на какой фронт? На чем будем воевать? – посыпались со всех сторон вопросы, выражающие и удивление, и сомнение, и надежду.

Но тут же:

– Ха, на фронт?! На чем мы там будем воевать? На фанере, обтянутой перкалью, без единого пулемета? – ухмыльнулся практичный Леша Сумароков.

– Или, может быть, дадут нам винтовки и айда в пехоту? – ехидно добавил Саша Рудаков.

– Да он финтит, – протянул всегда осторожный и недоверчивый Виктор Миронов, глядя на радостно и хитровато улыбающегося Мишу.

– Ты что, в самом деле брешешь? – теперь уже кинулся на него я, не теряя, однако, в душе надежды, что он говорит правду, – ну скажи, что не врешь, – умоляюще и примирительно обратился я к нему.

Миша, довольный произведенным впечатлением, еще раз окинул всех победным взглядом, с видом, подчеркивающим свое, хоть и временное, превосходство над нами, поднял руку, давая понять, чтобы успокоились, и уточнил:

– Вернее, не отправляют пока, а есть приказ о подготовке из нас легчиков-ночников для отправки в последующем на фронт.

– О, это уже интересно, это уже похоже на что-то правдоподобное, – подытожил горячий спор друзей рассудительный Игорь Брылин.

Утром следующего дня весь постоянный состав отряда был выстроен на площади перед зданием штаба. Срочно прибывший в отряд начальник школы подполковник Филиппов, высокий, грузный, с орденами Ленина и Красного Знамени на груди, по-особому внимательно осмотрел строй с правого до левого фланга.

– Товарищи! Пришел приказ Главкома ВВС о формировании двух ночных ближних бомбардировочных авиаполков из постоянного состава нашей школы и наших же самолетов У-2. Основу одного из них составит ваш отряд, – строго, четко, с некоторым волнением объявил он.

Еще раз внимательно осмотрев всех, как бы пытаясь определить по нашим лицам, как мы восприняли его сообщение, он продолжил:

– Формирование и подготовка к боевым действиям полков будут происходить, как вы уже чувствуете, зная обстановку на фронтах, в то время, когда враг рвется к столице нашей Родины и

наш военный округ стал по существу фронтовым. Поэтому наша святейшая задача – подготовиться в кратчайшие сроки к умелым бомбардировочным и разведывательным действиям ночью на самолете У-2, отобрав для этой ответственной задачи самых способных и достойных инструкторов, летчиков, техников, механиков и других специалистов.

Подполковник сделал небольшую паузу и, пристально взглянув нам в глаза, обратился:

– Товарищи! Я хотел посоветоваться с вами – мне самому вместе с комиссаром и штабом отобрать кандидатов и огласить приказом или по принципу добровольности подобрать боевые штаты?

В строю установилась такая тишина, что даже слышалось дыхание рядом стоящих товарищей.

А начальник школы задал вопрос, конечно, всему строю, но каким-то по-отечески озабоченным взглядом окинул прежде всего нас, молодых пилотов-инструкторов, только вчера спокойно занимавшихся обучением летному делу курсантов, будущих летчиков, никак не предполагая, что завтра мы будем стоять перед выбором, который нежданно так круто изменит, казалось, надолго устоявшийся наш образ жизни. Безусловно, начальника школы очень интересовало, как отнесемся мы к этому, какой душевный настрой рождается в каждом из нас. Поэтому и взгляд его был как никогда испытующий, в какой-то мере тревожный и благожелательный одновременно. Сознают ли они всю ответственность своего положения, хватит ли у всех силы воли без колебаний встать в ряды бойцов, непосредственно сражающихся с врагом, – казалось, вопрошал он, всматриваясь в глаза своих орлят. В большинстве их он не сомневался, но некоторых знал недостаточно, ибо работали-то всего-навсего два месяца. А ведь многим из них только 18–20 лет, сами они еще вчерашние курсанты...

Может быть около минуты простоял строй в тишине. Но и этого было достаточно, чтобы убедиться в самых радужных предположениях о нашем настроении и душевном порыве. Все в строю, в том числе и прежде всего молодые пилоты, стояли спокойные, строго-торжественные, готовые, казалось, немедленно ринуться на выполнение любых, даже самых опасных и сложных, боевых задач.

Единственное, в чем начальник школы мог в какой-то мере сомневаться, так это в том, все ли захотят воевать на учебном самолете У-2. Мы знали, что у него в рабочем шкафу до сих пор лежат рапорты почти от всех инструкторов с просьбой отправить их в ЗАП, переучиваться на легендарных штурмовиках ИЛ-2, а затем уже на них на фронт.

Он хорошо знал нашу заветную мечту быстрее пересесть на штурмовики или истребители, на эти новейшие скоростные и с сильным оружием самолеты, и бить на них врагов Родины более эффективно. Как мы воспримем сейчас возникшую ситуацию, что возьмет верх: быстрее на фронт, пусть даже на У-2, или сначала переучиваться на современных боевых самолетах, что потребует немало времени, и только потом на фронт...

Пауза затянулась. Дальше, видимо, невозможно было молчать и он, уже спокойный, вполне уверенный в своих питомцах, прервал эту тревожную тишину:

– Ну что же, Павел Петрович, мы спросим их самих, – обратился он к стоящему рядом военному с тремя шпалами на петлицах. Это был комиссар школы, среднего роста, сухощавый, подтянутый, со строгими и задумчивыми глазами старший батальонный комиссар.

– Я думаю, что это будет очень справедливо, пусть они сами решают свою судьбу, – спокойно ответил он.

– Итак, товарищи, кто желает добровольно отправиться на фронт, за очень короткие сроки подготовившись к действиям ночью на нашем родном У-2, прошу сделать три шага вперед, – обратился подполковник к строю.

Строй мгновенно зашевелился, зашептался и ... как по команде, в полном составе, как по линейке держа равнение, отчеканил три шага вперед.

– Спасибо, товарищи! Другого мы и не ожидали, – громко, весь сияя от радости за своих подчиненных, воскликнул начальник школы, а комиссар во всю силу захлопал в ладоши, следом раздался дружный, трескучий, как автоматные очереди, всплеск рукоплесканий всего строя.

Да, не меньше, а может, больше командования школы были рады такому повороту событий сами летчики и весь личный состав отряда.

– Ну что, убедились теперь, что я могу сообщать только радостные вести? – победоносно заявил Миша после того, как был выпущен строй.

– Сдаемся, ты оказался прав, теперь тебя и Катюша поцелует наверняка, а? – не унимался я. – А мы сегодня же за ужином воздадим тебе должное, – не скрывая свою радость, закончил я и энергично обнял своего друга.

Что и говорить, мы все молодые, жизнерадостные, воспитанные на революционных, боевых традициях и небывалом трудовом энтузиазме довоенных лет, горячо любящие свою прекрасную Родину, с болью в душе переживающие страдания своего народа, не могли поступить иначе и, конечно же, были вне себя от искренней радости, прямо-таки счастливы от своего выбора и у всех нас было такое настроение, как будто будем готовиться на какие-то празднества, а не на смертный бой с заклятым врагом Отечества.

Это была радость особая, гордость особая, счастье особое, доселе невиданное в истории человечества. Они шли из глубины сердца от сознания того, что тебе доверяют оружие для скорого боя с ненавистными захватчиками и поработителями, для защиты Отчизны.

А ведь так было во всех военных училищах и школах. Я невольно вспомнил обстановку конца июня 1941 года в Свердловской военной авиационной школе пилотов, в которой я тогда учился. Тогда все поголовно захотели пойти на фронт. Кучами ложились рапорты на стол начальника школы с просьбой немедленно отправить на передовую. Все боялись, что не успеют принять участия в разгроме напавших на Родину фашистов. У одного такого могучего красавца механика сержанта Плотникова спросили: «Чем же ты будешь воевать там?», и он ответил с пафосом: «Своей винтовкой, товарищ начальник». На вопрос «Знаешь ли ты, каким оружием владеет фашист?» он ответил решительно: «Неважно. Я готов его задушить голыми руками». Курсант Петр Заря на замечание «Ты еще не готов к ведению боев с фашистскими летчиками» спокойно сказал: «Ну что ж? Если не доверят самолет, я готов воевать в пехоте, а разгромим фашистов – доучусь на летчика». А инструктор-летчик Андрей Баранов на вопрос «Кто же будет обучать курсантов?» невозмутимо ответил: «Через два-три месяца приедем и доучим».

Эти примеры ярко свидетельствуют о душевном настрое миллионов советских людей того времени. Да, мы были патриотами до самой глубины души, до мозга костей. Мы были готовы на все, даже проститься с самой заветной мечтой и сокровенным желанием, лишь бы отстоять то, что имели, нашу свободную и расцветающую Родину. Мы не могли допустить и мысли, что все это могло быть истреблено... Как?! Чтобы Москва была захвачена варварами-иноземцами, загажена, а потом и стерта с лица земли? Чтобы все богатства стали собственностью отдельных людей и все мы встали на колени перед ними? Чтобы мы вновь превратились в рабов? Чтобы моя мать снова кормила грудью байских щенят? Чтобы джигиты снова уступали право первой ночи со своими невестами муллам и баям? Нет! Не бывать всему этому...

В таком настрое бились наши сердца, такие мысли одолевали нас в эти дни. Поэтому и начальники наши, и все молодые летчики были бесконечно рады, что в этот тяжелый для страны час, когда враг оказался под самой Москвой, когда с фронтов возвращались битые, израненные воины, в том числе и летчики, и много было погибших, царил такой неиссякаемый патриотизм. Нет, он даже стал более устойчивым, упрямым и, если хотите, злым, жестким. Он вместе с лютой ненавистью к врагу стал неодолимой силой. Можно ли было поставить таких на колени? Нет, конечно! Народ наш, все думающие передовые люди мира твердо были уверены в этом. Не понимал лишь германский фашизм во главе со своим спесивым фюрером...

Вечером нам не удалось воздать должное Мише Кузнецову, как обещали с утра. Сразу же после ужина командир отряда собрал личный состав и объявил боевой расчет полка, основу которого составили люди отряда. В него вошли БАХИРЕВ, БРЫЛИН, КОРОЛЕВ, МАТЮШИН, МИРОНОВ, РУДАКОВ, ХАСКИН, ШИШКОВЕЦ и многие другие, но не было меня и ... Миши Кузнецова, несмотря на то, что наши рапорты тоже лежали в сейфе начальника школы. Как сказал командир отряда, нас и еще несколько человек не включили в состав полка, потому что мы самые молодые и малоопытные.

Мы опешили от неожиданности такого удара, нет, больше — мы остолбенели. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не выручил бывший наш командир звена, а ныне назначенный командиром эскадрильи лейтенант БАХИРЕВ, который хорошо знал нас

и, видя, как мы переживаем, на следующий же день вызвал к себе и сказал:

– А ну, срочно напишите рапорты: нам разрешили двух летчиков зачислить в качестве резерва. Только старайтесь получше, победительнее, ибо желающих хватает без вас.

Мы стремглав побежали в канцелярию, и не без помощи комиссара эскадрильи я вывел: «Прошу дать возможность исполнять свой воинский долг, как и должно быть, в составе действующей армии. В час смертельной опасности для Отчизны, когда она мобилизует все силы на отпор жестокому врагу, мое место может быть только на фронте. Обязуюсь программу подготовки освоить прочно и в положенные сроки.

Сержант Латыпов К.К.».

Нечто подобное настрочил также Миша. Мы немедленно передали их по команде. Не буду описывать все перипетии прохождения их по инстанциям. В результате мы были зачислены резервными летчиками в эскадрилью Бахирева и в тот же день подключились к своим теоретическим занятиям и полетам ночью. Началась интенсивная боевая учеба. Она совпала с событиями, полными драматизма и тревожных ожиданий. И не только в истории Великой Отечественной войны. Разворачивалась грандиозная и по масштабам и по ожесточенности битва. И она не могла не быть таковой. Ведь начиналась – трудно вообразить, страшно представить – битва за Москву, за саму Москву! За сердце и мозг Родины! Совесть и честь народа! Чудо истории! Символ и воплощение легендарного прошлого и героического настоящего! Колыбель Российского государства, ставшую центром новой, самой человеческой и справедливой цивилизации! Средоточие науки, культуры, искусства и замечательных традиций, накопленных веками великим народом. Москву, где покоится тело бессмертного Ленина и всюду живет его дух!

Ярко и маняще сияющий город-солнце, к которому с надеждой обращены взоры людей честного труда всей земли! Можно ли было это светлое историческое творение представить в грязных лапах фашистского зверя?! Нет! – говорил каждый советский человек и делал все от него зависящее, чтобы превратить город и все вокруг в неприступную крепость. Фашистское чудовище кидалось со всей своей мощью, в бешеной злобе пытаясь вонзить в него свои кровавые клыки. Но, получив достойный отпор, каждый раз

отступало, оставляя, однако, за собой множество следов немислимых преступлений и разрушений.

Затаив дыхание, с небывалым волнением следил за этой исторической битвой прогрессивный мир.

Все эти дни и ночи 704 ббап (ближний бомбардировочный авиационный полк), в составе которого мы были, напряженно занимался, тренировался. И вот наконец в начале ноября 1941 года полк был объявлен подготовленным к боевым действиям ночью в простых метеоусловиях, днем – при ограниченной видимости и низкой облачности. Мы тут же перелетели на Егорьевский аэродром, где после оборудования самолетов специальными приспособлениями для производства бомбометания, а также изучения летным составом района базирования и линии фронта получили приказ находиться в готовности к боевым действиям в районе юго-западнее и западнее Москвы.

Потекли дни и ночи напряженных томительных ожиданий и переживаний. Только не было даже и намеков о посылке нас на выполнение боевых заданий. Всё утюжили ночной воздух в пространстве восточнее Егорьевска.

Мы с Сашей Рудаковым нет-нет да и подтрунивали над Мишей Кузнецовым:

– Ну, как воюется, Миша, хорошо бить фашистов?

– Ничего, и на нашу долю хватит фрицев. Такая кутерьма закрутилась, похоже, не скоро она прекратится, – деланно спокойно отпарировал Миша.

Однако народ в полку в основном молодой, нетерпеливый, и томительное ожидание для него становилось невыносимым. И мы каждое утро приставали к начальнику штаба с одним и тем же вопросом: скоро ли полк получит боевую задачу? Начальник штаба каждый раз невозмутимо отвечал: «Фронт пока обходится без нас, а мы должны подготовиться ещё лучше, чтобы бить потом врага наверняка. Не спешите, ещё навоюемся».

Между тем прошла 24-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В 20-х числах были проведены партийное и комсомольское собрания полка с обсуждением задач коммунистов и комсомольцев по выполнению указаний Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина, данных в приказе и докладе в честь годовщины. На собраниях горячо обсуждались конкретные задачи, задавались волнующие людей вопросы, напри-

мер, вновь заговорили об освоении новой техники. Никогда не забывающий об этом Сумароков отчаянно заметил:

– Сколько тарыхтим без пользы на кукурузнике, за это время уже переучились бы и летали на штурмовиках.

На это командир полка Цыганков спокойно ответил:

– Не так-то просто решить этот вопрос. Промышленность, до сих пор находившаяся на колесах, не может дать достаточно самолетов. Надо сначала хорошо повоевать на У-2, потом можно будет думать об ИЛ-2. Я ещё раз обращаю ваше внимание на то, какие ощутимые удары можно нанести по врагу на нашем самолете. Если каждый летчик за ночь слетает 2-3 раза, значит не менее 400–600 кг боезаряда обрушится на голову врага. Если они точно попадут по цели, врагу будет нанесен огромный урон. Вот о чем надо заботиться и к чему надо готовиться.

– Думаем мы об этом, товарищ капитан, и с нетерпением ждем этого. Но почему нам до сих пор не доверяют? – не сдавался Сумароков.

– Командование знает о нашей готовности и доверяет нам, но, как видите, пока бережет. Значит мы нужны будем позже и, возможно, в другом месте.

Но проходили дни, чередуясь с ночами. С ними шагало и великое сражение по лишь ему известному закономерному пути. А нам только оставалось с небывалым душевным волнением следить за его драматическими коллизиями, каждую минуту, каждый час спрашивая у неведомой силы: «Что дальше? Кто кого?»

Странно, но мы тоже чувствовали себя как бы виновниками того, что захватчиков допустили так близко к столице, и хотя понимали, что резерв, подпорка сражению нужны, сильно переживали, что не находимся среди тех, кто принимает на себя страшной силы удар собранных в мощный кулак множественных фашистских бронеполчищ. Мы даже по-хорошему завидовали им, что они, а не мы будут решать судьбу сражения. А то, что оно завершится победой, мы не сомневались ни на минуту.

И действительно, вскоре стало ясно, что ноябрьское наступление немцев выдохлось. Это означало, что Москва сдаваться не собирается. Мало того, все почувствовали, что вот-вот произойдет какое-то весьма значительное, решающее событие. Ведь не зря же подтягивалось к фронтовому Подмосквью столько войск.

И вот мы, наконец, стали свидетелями того, как защищавшие Москву чудо-богатыри – красноармейцы и ополченцы – перешли в решительное контрнаступление, нещадно пообтрепав фашистского зверя, рвавшегося в Москву, изрядно и основательно, как никогда и нигде, пообломав ему клыки, лапы и ребра, отбросили прочь от столицы на сотни километров...

2. ТЕПЕРЬ УЖ В САМОМ ДЕЛЕ НА ФРОНТ

До предела натянутые нервные струны наши завибрировали на высоких тонах, часто и звонко. Мы ликовали. Мы даже не замечали трескучего русского мороза, когда в один из декабрьских дней полк был построен на митинг по случаю исторической победы, первой большой победы за эту великую войну. Полк стоял в строю «каре» и летчики, техники, младшие авиационные специалисты хорошо видели сияющие возбужденные лица друг друга. Посреди строя стояли командир, комиссар и начальник штаба. Митинг открыл комиссар полка батальонный комиссар Лозичный. Коренастый, с ладно и крепко посаженной большой головой, с крупными чертами лица комиссар старой закалки, успевший повоевать ещё в гражданскую войну, он всегда своим внушительным влиянием действовал на нас успокаивающе.

– Товарищи, – уверенно, даже жестковато, без всяких записок в руках, прямо глядя нам в глаза, начал он, – мы переживаем поистине исторический момент – под Москвой по войскам немецко-фашистских захватчиков нанесен сокрушительный удар, – он резко опустил свою сильную руку, сжатую в кулак, – наконец хваленые фашистские войска потерпели жестокое поражение. Коротко сказав об итогах оборонительных боев и результатах контрнаступления наших войск, он продолжал:

– Это первое поражение фашистских полчищ, до сих пор в течение двух лет заставлявших капитулировать вооруженные силы нескольких европейских стран и поработивших народы почти всей Европы. И это поражение отборным войскам фашистской Германии и её союзникам нанесли наши, советские, войска с помощью нашего, советского, оружия. Мы показали всему миру, что только мы, советские воины, способны остановить нашествие фашистских орд и сильно побить их, что наши оружие и техника не хуже

фашистских и в умелых руках могут творить чудеса. Таким образом, первая решающая битва между социализмом и фашизмом закончилась победой социализма. Честь и слава советским воинам, разгромившим фашистских извергов на подступах к нашей любимой столице и сорвавшим этим план молниеносной войны гитлеровского командования. Честь и слава советским патриотам, мужественно сражавшимся в тылу фашистских войск и оказавшим этим значительную поддержку регулярным советским войскам. Дорогие товарищи! Я знаю, как рвался в бой весь наш личный состав. Но командование сочло нужным держать нас пока в резерве. Но я убежден, если бы мы приняли участие в боях, все бы показали образцы мужества и воинского умения, что и сделаете, безусловно, в боях грядущих. Разгром фашистских войск – первый ощутимый удар по агрессору. Решающие удары впереди. Мы будем бить и гнать врага до тех пор, пока не одержим окончательную победу. Да здравствует наша великая, свободная социалистическая Родина! Да здравствует наша славная Красная Армия! Слава партии большевиков, вдохновляющей и ведущей нас к победе над самой реакционной силой международного империализма – фашизмом! За грядущие победы! Ура, товарищи!

Раздались дружные аплодисменты. Разнеслось по морозному воздуху громкое троекратное «ура».

После небольшой паузы комиссар объявил:

– Митинг, посвященный разгрому фашистских войск под Москвой, объявляю открытым. Кто желает выступить?

И он решительно окинул строй своим спокойным, но пытливым взглядом и вдруг его взгляд остановился ... прямо на мне. Я вздрогнул. Неужели возьмет и предложит: «Ну, товарищ Латыпов, что скажете вы?» Я трусливо отвел глаза в сторону, но через мгновение посмотрел на него. Слава Богу, его взор уже скользил по рядам первой эскадрильи. И в это время поднялась одна, потом вторая, третья ... сразу пять рук. Я вздохнул облегченно. Что и говорить, я пока не научился держаться, тем более говорить перед такой большой аудиторией, да еще в такие волнующие минуты. Это не правила арифметики объяснять в пятом классе, как это было всего лишь год назад.

– Слово предоставляется командиру 2 АЭ лейтенанту Бахиреву, – объявил комиссар как-то по-особенному тепло и радушно.

Из строя вышел среднего роста, стройный, розовощекий, голубоглазый лейтенант, один из любимцев полка. Всегда жизнерадостный, общительный, молодцевато подтянутый, он сейчас выглядел очень собранно, даже сурово. В таком духе он и сказал:

– Может быть, мы еще не успели осознать полностью то великое значение нашей Победы под Москвой, какое она займет в истории. Не знаю, кто как ее представляет, но у меня захватывает дух от радости. Шутка ли сказать, мы Москву, нашу столицу, отстояли. Этим мы отстояли и свою честь. Это неоценимо. Но не менее важно, по-моему, то, что мы как сами себе, так и всему миру показали, что с успехом можно бить и хваленую фашистскую армию, и впервые это сделала наша армия, притом после долгих позорных отступлений, сделали такие же бойцы и командиры, как и мы. И даже наш У-2 внес свою посильную лепту. Эта победа вдохновит весь наш народ и, напротив, нанесет большой моральный ущерб врагу. Не сомневаюсь, что победа в Московской битве, в «генеральном сражении» – заря победы во всей великой войне.

Выступили еще три человека и в завершение – командир полка. Они прежде всего говорили о необходимости тщательного изучения опыта организации и проведения боев под Москвой и о творческом его применении в своей предстоящей боевой работе. В конце, понятно, не обошлось без провозглашения еще раз здравицы в честь народа, партии, Красной Армии и дружного «ура».

Но полной неожиданностью, настоящим сюрпризом явились последние слова командира. Закончив свое выступление, он, выдержав довольно заметную паузу, четко, с расстановкой и торжественно произнес:

– Товарищи! По приказу Главкома ВВС наш полк направляется для ведения боевых действий в распоряжение командующего авиацией 2-й ударной Армии Волховского фронта. Строй замер. Трудно было угадать, как же он воспринял сообщение командира, что происходит в душах людей. Но вдруг, в следующее же мгновение, взорвался таким мощным троекратным «ура», что вспорхнули на деревьях воробьи, а на морозном воздухе, перехватывающем дыхание, взметнулось к небу целое облако пара. Какой подъем, какая радость! Ничего подобного я до сих пор не ощущал и не встречал.

Трудно сказать, чем, прежде всего, такой душевный порыв, такая сердечная восторженность вызывались: то ли сознанием

значимости одержанной первой большой победы над сильнейшим и коварным противником, что, безусловно, вселяло веру и надежду на новые успехи, то ли известием, что мы, наконец, сами скрестим клинки с ненавистным врагом. Вероятно, и тем, и другим. Но как бы то ни было, все были уверены, что Москва и победоносная битва за её защиту станут символом мужества, боевого мастерства и горячего патриотизма, а также маяком, призванным освещать нелегкий путь предстоящих боев. Москва и успешная её оборона как бы благословляли нас, как и всех советских воинов, на подвиги в новых сражениях.

Вот с таким зарядом вдохновения, на легких крыльях мы брали старт на свой неизведанный, загадочный, огненный путь. Каким он будет? На чем и как будем преодолевать его?!

Пока же начинаем мы его на нашем добром и дорогом У-2, бывшим самым что ни на есть первоначальным учебным, а сейчас становящимся всамделишным боевым, хотя я его по-прежнему про себя называю «дорогой мой голубушка». В унисон ритму его движения и побегут часы, дни и недели, а вместе с ними и события и приключения первого этапа боевого пути полка, в том числе и лично моего.

Итак, теперь уж в самом деле на фронт, в состав действующей армии. Через час взлет. А пока мы ещё раз должны посмотреть маршрут перелета и немножко отдохнуть перед дорогой. Сначала проверил все расчеты. Ещё раз – уж который раз – «сфотографировал самым надежным аппаратом» – своими глазами путь движения на карте. Успел осмотреть самолет и поговорить с техником. Теперь жди сигнала. А время ещё есть. В ожидании всегда приходят в голову разные мысли, радостные и всякие другие, не только о том, что ожидает впереди, но и о прошлом. Вот и сейчас... Как только решил пройтись, успокоиться, побыть наедине с собой, как они нахлынули дружно.

– Что же, дорогой, – обратился я сам к себе, – вот, наконец, и настал твой черед. А ведь надо сознаться, что тебе повезло. Да, крупно повезло. Всего-то-навсего год с лишним назад, окончив педучилище и двухмесячные курсы физматов, ты начал учить детей арифметике в пятых классах, вместо того, чтобы учительствовать, как большинство твоих товарищей по основному курсу, в начальной школе. Прошло три месяца, и ты попросился в аэроклуб по спецнабору. Пришел ты к отцу с матерью и заявил, что

тебя отправляют учиться летать. Ты солгал, что тебя отправляют, ни словом не обмолвился, что ты сам, наконец, хочешь приступить к осуществлению своей давнишней мечты. Где уж там сознаваться, когда мать и так в слезы, стала сначала всячески отговаривать. «Как ты можешь оставить такую благородную работу, учеников своих любимых и любящих. Как ты можешь расстаться со своими товарищами, с девушками, с которыми вместе росли и резвились, а со своей красавицей рекой Ай и чудодейственной горюшкой Ташклэт с её ненаглядными березками? Как же ты будешь подниматься в воздух, никто в роду нашем даже думать об этом не смел никогда, ты один такой стремишься ввысь, там, небось, очень страшно. Хоть бы нас с отцом и сестренками своими пожалел, ты ведь у нас единственный...» А отец сказал просто: «Что душе угодно, пусть то и делает. Уже не маленький». Что и говорить, мать была права по-своему. И по-человечески, тем более по-сыновнему было жаль ее. И отец был прав. А его слова по существу послужили поддержкой, благословением. Да, ты поступил, как подсказывала душа, да и по совести тоже. Уже надо было выбирать путь к самостоятельной жизни. Может быть, досадно было то, что уехал очень спешно. Поздно вечером приехал в родную деревню из райцентра, по пути заглянув в Лемезтамаково, где в течение нескольких минут прощался с некоторыми товарищами по работе, а со своими учениками даже не успел, а рано утром уже выехал в сопровождении отца на железнодорожную станцию. Даже с Магирой не смог попрощаться. Только ее подруга Минлигюль случайно встретилась при выезде с полными ведрами воды на коромысле и с улыбкой помахала тебе рукой, не зная, что ты уезжаешь надолго. Ты ещё тепло и благодарно подумал про себя: «Добрый человек в лице милой девушки с наполненными водой ведрами – это ведь хорошая примета, дай Аллах, чтоб путь твой был удачным и жизнь твоя вся была полна удач, как эти полные воды ведра». Я на всю жизнь запомню эту нежную и застенчивую улыбку своей односельчанки, одной из подруг детства и юности, и сочту её за доброжелательное напутствие моей чудной Родины Ай буйы на долгую дорогу в совсем ещё не изведанные мною края.

Пройдя довольно строгие мандатную и медицинскую комиссии, ты стал учлетом Белорецкого аэроклуба. Здесь надо было испытать нечто ранее невиданное: освоение летного дела на самолете с открытыми кабинами при сорокаградусных уральских

морозах и ... характер своего инструктора Михаила Масленникова. Типичный, очень симпатичный на вид, но довольно темпераментный русский парень лет двадцати семи на земле был, что называется, душа человек и умница. Но как только поднимался в воздух, становился дьяволом. «Куда ты передаешь ногу, мать твою туды», – трехэтажно, смачно и выразительно подправлял он нередко тебя, или: «Куда смотришь, разиня такой-то, как ты мог учить детей, когда тебя самого надо учить и учить...» Но после напряженнейшего трехмесячного обучения теории и практике полетов он написал тебе прекрасную характеристику как человеку и учелу и поставил высшую оценку по технике пилотирования. Но, что очень важно, он привил тебе вкус к летному делу. Его девиз «не машина должна вести тебя, а ты её» ты обещал не забывать никогда. Так ты стал полноправным пилотом У-2 и без особых препятствий зачислен курсантом Свердловской военно-авиационной школы пилотов. А здесь ожидали новые трудности. Не только с раннего утра до позднего вечера занятия и полеты, полеты и занятия. Определяющими были армейский режим и дисциплина, к которым привыкнуть было не так-то просто. Но зато инструктор был прямой противоположностью Масленникова. Лейтенант Андрей Баранов, мастерски владевший военным самолетом Р-5, был человеком удивительного спокойствия, что на земле, что в воздухе. Ты хоть положи самолет совсем некстати с ног на голову, вместо плавного разворота делай такое скольжение, при котором вовсю потекут сопля из носа, он все равно останется совершенно невозмутимым и безучастным, как будто в самолете нет его совсем. Но на разборе полета все разложит по полочкам. Баранов приучил своих подопечных к искреннему уважению и неукоснительному выполнению законов летного дела. «Они – сама святость», – подчеркивал он. «В нашем деле нет мелочей, в нем все одинаково важно, а дисциплина – основа жизни и успешной деятельности» – эти его слова звучат так, как если бы они были сказаны сегодня. А однажды, когда с полета по маршруту ты привез в расщелинах шасси и колес листья, он очень спокойно, но строго повторил известное изречение старых летчиков: «Лихачество на малой высоте может привести лишь к тому, что твоим близким придется возложить цветы на твою могилу».

В школе обучение шло в максимально усиленном режиме, ибо была предгрозовая пора тысяча девятьсот сорок первого года.

Трехлетнюю программу завершить за полгода! – такого никогда и нигде не бывало. После успешного окончания школы в звании сержанта ты был назначен в составе группы товарищей военным инструктором-пилотом. За какой-то месяц с лишним практического обучения ты подготовил семь курсантов к самостоятельному вылету на учебном самолете... Но тут жизнь круто изменилась и так, как того хотел ты сам. Вот и получается, что тебе крупно повезло – через год с начала учебы в аэроклубе ты на самолете, пусть пока на учебном, направляешься на фронт! Поистине по мановению волшебной палочки попал в попутную струю! И не только ты, но и твои товарищи по аэроклубу и военной школе пилотов: Иваны – Антипин, Оглоблин, Худяков, Евгений Губин, Анвар Фаткуллин и некоторые другие. Между тем, как говорит Виктор Миронов, многие сотни выпускников других школ, в том числе Молотовской и Энгельсской, даже после трехлетнего обучения сидят до сих пор в томительном ожидании. Так что береги это «крупно повезло». А может быть, не только повезло, а было оказано и доверие. Значит, тогда надо оправдать и доверие. Не только оправдать, но и гордиться. Ну и смотри, будь внимательным, не допускай ничего такого, что может привести к «невезению». Пусть волшебная струя несет тебя и дальше.

Мои воспоминания и размышления были прерваны командой: «По самолетам!»

Наш маршрут проляжет на север, через промежуточные аэродромы Люберцы, Торжок, на один из прифронтовых аэродромов восточнее М. Вишера. Будем лететь сначала на средней, а потом на предельно малой высоте и по одному. Временной интервал между самолетами 5 минут. Всё это для того, чтобы уменьшить вероятность попадания на глаза немецких истребителей-охотникам, шныряющим в нашей прифронтовой полосе. Я вылетаю последним. Выпустив все самолеты, со мной в задней кабине полетит старший инженер полка военинженер III ранга Гаврилов Степан Петрович, уже побывавший с командиром полка на фронтовом аэродроме и ознакомившийся с маршрутом...

Закрутился, затрещал, а потом и запел перед глазами пропеллер, и вот мой коротконосый фанерный аэроплан, слегка покачиваясь, подпрыгивая и тарактя, побежал, сначала как бы нехотя, а потом все больше и больше убыстряя свой ход, по снежному, плотно укатанному полю аэродрома, набрав необходимую скорость,

отскочил, на какое-то мгновение, казалось, завис, но затем, опираясь своими четырьмя легкими крыльями и хвостовым опереньем о студёный и прозрачный воздух, медленно стал карабкаться вверх, подчиняясь силе ста лошадей, воплощенных в его простеньком и безотказном М-11, моторе с пятью звездобразно расположенными цилиндрами воздушного охлаждения. Земля и все, что на ней: леса, дороги, постройки – стали отдаляться все дальше и дальше вниз, уменьшаясь в размерах и теряя свои четкие очертания. Прощай, Егорьевск! Прощай, Подмосковьё! Нас ждут новые дали, новые дела...

Начало маршрута идет прекрасно. Все получается, как было предусмотрено. Этому способствует ясное голубое небо и чистый, как стеклышко, воздух. Если ко всему добавить, что машина послушна и мотор свои песни поет звонко, то станет ясно, какое настроение было у экипажа. Люкс! Под крыльями промелькнули повоенному насупленные, но как всегда привлекательные города, поселки, села и транспортные артерии Подмосковья, а также сама грозная Москва. Остались позади Клин, Калинин. А вот показался вдали и Торжок. Там должны запастись горючим. Стал внимательно вглядываться в местность, стараясь вовремя обнаружить, как говорили при вылете, хорошо замаскированное летное поле правее дороги, сопровождающей наш путь. Но мимоходом взгляд упал на окаймленное лесным массивом большое поле левее дороги. Может быть, это и есть аэродром? Да нет, непохоже – подлетев ближе, увидел на нем хорошо заметные неровности, шероховатости. Перенес взгляд направо и тут же заметил другое поле. По многим, одним летчикам известным, признакам определил, что перед нами самая настоящая взлетно-посадочная полоса. Делаю над ней круг, вот и посадочное «Т». Произвожу посадку.

– Пока мы будем осматривать и заправлять самолет, пройдишь, отдохни немного, – предложил мне всегда доброжелательный Степан Петрович.

Я охотно последовал его предложению. Почему-то (а может быть зародилось простое любопытство: что может быть там?) меня потянуло к замеченному с воздуха полю по ту сторону дороги. И я решительно зашагал к нему. Перейдя дорогу, прошел всего около двухсот метров вдоль опушки леса и перед взором открылось... завораживающее зрелище, похожее на сон или сказку. Я невольно остановился. Передо мной лежало огромное белоснежное поле,

сверкающее миллиардами ярких искринок и окруженное с трех сторон живописным лесом, сплошные стены которого приковывали внимание своими причудливыми, то зелеными, то бурыми, то темно-серыми и белыми красками. Царствовала изумительная тишина. Над головой в безграничной голубой дали ласково светило солнце. А как приятно пощипывал легкий морозец! Какое торжество природы! Какое блаженство!

Очарованный, простоял я несколько минут и не сразу заметил, что поле было покрыто какими-то неровностями, бугорочками и торчащими из-под снега предметами: то ли корягами, то ли пнями или вывороченными корнями. Подошел ближе, присмотрелся пристальней и ... остановился, пораженный увиденным: то были не просто бугорочки, пни и коряги, а человеческие головы, плечи, руки, ноги, в самых немыслимых позах застигнутые смертью и тут же, видимо, прихваченные лютым морозом, а потом припорошенные свежим снегом. В глубоком волнении перенес взгляд дальше. А там, насколько хватает глаз, разбросано бесчисленное множество этих бугорков и коряг! Тысячи! Тысячи обледенелых человеческих тел! Значит, тысячи погубленных человеческих жизней и, конечно, в основном сильных, молодых, не сумевших осуществить своих мечтаний, недолюбивших... А ведь все они были уверены, что рождены для жизни, для созидания, а не для беспощадного истребления. И сколько они могли бы сделать. Между тем, это были следы великого Подмосковного сражения только на одном, совсем небольшом его участке. А сколько же их на всех его участках?!

Как это противоестественно: жизнеутверждающее торжество природы и тысячи безжизненных человеческих тел, детей природы, которые никогда больше не увидят её красот. Так и хотелось крикнуть: «На что вы обрекли людей, тираны?!» Да, это было великим укором человечеству самой великой природы, страдающей на войне несколько не меньше, чем сам человек. По краям поля виднелись лесные завалы, за которыми как будто в глубоком удивлении и печали, таинственно и безмолвно, стройными рядами, как сказочные часовые, стояли уцелевшие от страшного огненного вихря разлапистые сосны, смиренные осины, стройные ели и трогательно-нежные белые березы. Причудливые уборы из недавно выпавшего снега делали их нарядными и еще более таинственными. Чудилось, они, немые свидетели смертного боя, с недоумением вопрошают: во имя каких целей ты, человек, наш властелин и друг

одновременно, используешь свой разум, свои руки, неужели ты не видишь, что эти твои деяния чудовищны как для тебя, так и для нас, неужели ты не понимаешь, что так можешь совсем погубить себя, нас и вообще весь этот прекрасный мир.

Они, конечно, правы по-своему. Но им, этим чудесным созданиям, лишенным разума, неисповедимы все сложности человеческого мироздания и им, к сожалению, невдомек, какие же люди здесь лежат и от чьих рук и почему они пали.

– Удивляетесь? – неожиданно перебил мои тревожные мысли мужской голос.

Я повернулся на голос и увидел подошедшего ко мне сержанта пехоты, как мне показалось, значительно старше меня по возрасту.

– Вот так все поле усеяно трупами людей. Нет, не людей, а этих гадов фрицев. Тысячи их тут, не успели даже убрать! Надо было дальше наступать, неотступно гнать следующих, в панике удирающих гадов фашистов, – с какой-то яростью и злостью в голосе сказал он, отвечая, видимо, на вопрос, выраженный в моем несколько растерянном и удивленном взгляде.

– Спасибо за разъяснение, товарищ сержант. Но скажите, пожалуйста, как могло случиться, что сразу так много полегло их на одном месте?

– Не полегло, а уничтожено, товарищ лётчик, в результате внезапного налета нашей авиации и удара артиллерии, то есть ваших товарищей, – ответил он с уверенностью знатока и, выдержав паузу, как бы шутливо, но фактически с некоторым вызовом и неподдельной гордостью добавил:

– Только не кукурузниками, конечно, а штурмовиками.

Он, конечно, не представлял, как больно задел мое профессиональное самолюбие. Опять «кукурузник», даже пехотный сержант об этом же. Эх, когда же я удостоюсь чести быть штурмовиком?! А ведь на фронте-то я его увижу обязательно, – вдруг совсем не к месту промелькнула мысль.

– Наверное, совсем недавно на фронте? – как бы сочувственно спросил сержант.

– Да, я только лечу на фронт и впервые вижу трупы убитых, в особенности в таком большом количестве, – признался я.

– Ну, тогда ясно, – примирительно и с мягкостью в голосе ответил сержант-фронтовик и, внимательно посмотрев на меня, продолжил:

– Я вижу, вы очень озабочены. Не знаю чем, но если тем, что жалуете фашистов, то напрасно – они нас совсем не жалеют. Жалея врага, не навоеуете ничего. И я советую вам бить их лучше, чем они нас, уничтожать гадов больше и больше, вот так, как эти летчики и артиллеристы, а самому при этом оставаться в живых. Иначе победы не добиться, страну не спасти.

– Благодарю вас, товарищ сержант, за пожелания. Как говорится, дай бог, а этот час, это место, вас и ваши слова я не забуду никогда.

– Спасибо, – кивнул сержант, круто повернулся и пошел своей дорогой.

Я пожалел, что не спросил, кто он, откуда родом и в какой части служит. А не из похоронной ли команды? – подумал я почему-то, не видя поблизости признаков дислокации какой-либо воинской части. Но как бы то ни было, искренность, логичность и доброжелательность суждений мне понравились. Более того, они вызвали во мне новую волну раздумий, может быть, более благородных и справедливых. И когда я, еще раз оглядев это чудесное по своей природе, но превращенное в нечто ужасное по воле людей место, направился к своему самолету, мысли мои уже завертелись вокруг «гадов фрицев».

Наряду с очень неприятным и тягостным впечатлением – тысячи загубленных человеческих жизней! – во мне рождалось ощущение совсем противоположное – чувство удовлетворенности, более того, радости. Да, да, радости, радости самой что ни на есть настоящей. Но не кощунственно ли, не святотатственно ли это? В других, в нормальных обстоятельствах – да! Но здесь?! Кто лежал на этом священном русском поле, на котором русский крестьянин веками выращивал свой хлеб и кормил страну, да еще и с другими делился? На поле, омытом кровью многих поколений русских людей, polegших, защищая его от иноземных захватчиков? Тысячами лежали на поле изуродованными и замороженными трупами те, кто решил насильственно захватить его и присвоить себе, а исконных хозяев его превратить в рабов. Торчали, как коряги, бесчисленное множество рук, ног и голов тех, кто хотел стереть с лица земли Москву. Скрючившись в предсмертной агонии, замерли навсегда те, кто под победный барабанный бой орал «Хайль Гитлер!» и с петушиным апломбом промаршировал по улицам не только Берлина, но и Праги, Парижа, Брюсселя, Ко-

пенгагена, Амстердама, Осло, Варшавы, Белграда... зловеще вопя: «Германия превыше всего», «Захват новых жизненных пространств – святой долг арийцев», а эти пространства лежат прежде всего на востоке, поэтому «Дранг нах Остен!». Я живо представил небывалые за всю историю человечества зверства фашистских палачей во имя достижения своих изуверских планов. Сколько тысяч советских людей замучено! Сколько патриотов с петлей на шее, как Зоя Космодемьянская, плевали в лицо извергам? Сколько городов, поселков, деревень дотла сожжено с их населением, несметными богатствами и историческими реликвиями, нажитыми годами, а то и веками! И все это только за то, что они защищали себя и свою землю от наглых захватчиков! Когда все это предстало перед моим мысленным взором, нестерпимой болью отозвалось в сердце, только тогда я понял и твердо утвердился во мнении, что ощущение удовлетворенности, зародившееся во мне, является вполне оправданным, благородным. По их вине возникла очевидная по своей открытой жестокости ситуация: или они нас, или мы их. Третьего не дано. Они пошли на нас, они пришли к нам, чтобы нас поработить или уничтожить. Значит мы с чистой совестью не только можем, но и должны их бить, чтобы отстоять свою свободу и жизнь. Значит мы правы. Значит мы только мстим свято. В самом деле, почему они, считающиеся самыми цивилизованными и культурными, пришли в чужую страну завоевателями? Все эти фрицы, гансы, карлы вполне могли преспокойно жить у себя в Германии, дальше строить свою цивилизацию и любоваться прекрасным ландшафтом Вестфалии, Саксонии, Тюрингии, Баварии... любить, сеять, созидать, в удовольствие пользоваться плодами своего труда, а с другими народами наладить истинно человеческие отношения на основе договоренности и согласия, обмениваться своими ценностями, более того – жить в дружбе, жениться, выходить замуж, ездить друг к другу в гости... Ан нет, надо было «Дранг нах Остен» с ножом и пушками. Вот теперь и получили «жизненное пространство» на Остен, вот и отвоевались за «Германию превыше всего». Теперь я уже кричу во весь голос: несметное количество вражеских тел, застывших в снегу в самых разнообразных позах, и чудная естественная красота – какая это гармония! Сама матушка-природа празднует победу над своим коварным врагом. Сама природа ликует по случаю свершения большого справедливого возмездия. Она бросает вызов изу-

верам, подчеркивая, что чудеса земли – для людей с добрыми, благородными помыслами. Да, это – начало великого и священного возмездия ради великого и священного долга. Это благоволение высшей Судьбы и Высшего Суда. И стройные ели и сосны, белые березы-красавицы замерли в торжественной тишине, как в боевом строю вовсе не от удивления, а с гордостью: мы победили. Победили невзирая на все ваши ухищрения. Они как будто говорили, что и дальше будет так же. Земля наших свободолюбивых народов для захватчиков может стать только могилой, а не жизненным пространством, цветущей нивой свободного, могучего социалистического государства, а не частью «Германии превыше всего». Понятно, для того, чтобы освободить человечество, нашу чудесную землю от фашистской нечисти, для того, чтобы навсегда отбить охоту «Дранг нах Остен», придется не только уничтожить захватчиков-пришельцев «фон Вестен», но и пролить немало крови и советскому народу. Но что делать, ибо иного пути, к великому сожалению, просто не существует. Надеяться, что сами немцы одумаются, видимо, бессмысленно, слишком далеко зашли. А не мешало бы им поглубже задуматься, причем всем немцам до единого. Тогда, может быть, и поняли бы, что ни за что гибнут миллионы сынов и дочерей талантливого и дееспособного народа, обманутые сумасбродными идеями бесноватого фюрера и безжалостно брошенные на жернова чудовищной войны. Сколько среди них мастеров своего дела – инженеров, техников, агрономов, врачей, учителей, рабочих всех специальностей и, безусловно, новых бетховенов, гете, марксов, тельманов. А ведь лежащие на этом поле – только одни из первых. Далее, безусловно, последуют другие тысячи и тысячи, пока что живущие своими мечтами и надеждами...

Все виденное и пережитое за эти мгновения взволновало меня, всколыхнуло мою душу, очистило и возвысило ее. Оно и стало своего рода призывом: быстрее в бой с врагом.

И я решительно зашагал к своему самолету.

3. ПЕРВОЕ НЕВЕЗЕНИЕ, ИЛИ НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Полет к КПМ – конечному пункту маршрута – начался превосходно. Самолет мой, как голубь в свободном парении, спокойно плыл, плавно покачиваясь временами под обворожитель-

ной синью тихого зимнего неба. Трудяга-пропеллер монотонно пел извечные свои песни, легко вгрызаясь в студёный прозрачный воздух. А сзади-справа приятно ласкали нас лучи полуденного солнца. Под нами же простирались живописные леса и перелески и лишь изредка меж ними мелькали небольшие поля и озера.

Осматриваясь, я невольно залюбовался всем видимым вокруг. Это еще больше поднимало настроение, вселяло в душу какую-то необыкновенную радость. «Вот это полет, – подумал я, – не полет – благодать!» Я обернулся назад – Степан Петрович сиял широкой улыбкой. Значит, ощущал то же, что и я.

Так пролетели мы примерно полпути. А потом... Я не сразу понял, что это такое. Над нами вдруг мощно загудело, зашелестело и промелькнуло что-то черное, обдав нас такой струей, что наш перкальный самолет-голубь резко взболтнуло и положило на крыло. Я его едва удержал от дальнейшего негаданного движения и с трудом вывел в горизонтальный полет. Сразу бросил взгляд в ту сторону, в какую промчалось это что-то, и увидел, как быстро взмыл ввысь остроносый, крестообразный тонкофюзеляжный самолет.

Мгновенно предстали перед глазами силуэты немецких самолетов, которые мы изучали по картинкам, и ... остро кольнула догадка – это «Мессершмитт-109» – гроза фронтового неба сорок первого и сорок второго, стервятник, вооружённый клювом и когтями, способными нанести быстрый смертельный удар.

Только теперь сознаю, какая опасность возникла перед нами вдруг. Начинаю волноваться всерьез, но даю сам себе команду: «Спокойно! Действуй как надо!»

Немедленно отдаю ручку от себя, снижаюсь до бреющего полета (не дать ударить снизу) и закладываю самолет в левый вираж, в ту сторону, куда умчался «мессер», одновременно внимательно наблюдаю за воздухом. Вражеского истребителя не видно. Перекладываю самолет в правый вираж, не ослабляя наблюдения. Но его не обнаруживаю. Ложусь на маршрут, делая отвороты влево и вправо, пристально осматриваю воздушное пространство. Но «мессера» нигде нет, словно растаял в небесной синеве.

Продолжаю полет по маршруту. Пролетел минуточку-другую. Начинаю успокаиваться. Осмотрелся опять, потом кинул взгляд на приборы. И ... что за чертовщина: температура масла макси-

мальная, давление минимальное. Опасный сигнал! Не раздумывая, беру ручку на себя. Едва успел набрать двести метров высоты – почувствовал запах горелого масла. Только подумал: «Лишь бы не вспыхнул пожар», как забарахлил, затрясся, застучал мотор, и не успел я понять, что к чему, тут же раздался сильный удар и ... винт остановился.

Самолет завис в совершенной тишине... Мгновенно перевожу его в пологое планирование (сохранить скорость), одновременно кидая взгляд на землю. Кругом леса. Только левее маршрута затерялась деревушка со своими постройками, квадратиками огородов. Решение созревает молниеносно – садиться на один из огородов, выделяющийся чуть большей длиной. А высота между тем быстро уменьшается. Энергично разворачиваюсь на 180° уже почти над самой деревней, чуть подправляя направление полета на выбранный огород. Прикидываю дальность – идем с некоторым перелетом. Небольшое скольжение, и вот уже вывожу самолет из угла планирования, выравниваю и тут же, едва перетянув ближнюю изгородь, плюхается мой «голубок» своими ножками-лыжами на снежную поверхность, не пробегает и пятидесяти метров, останавливается, увязнув в глубоком рыхлом снегу.

«Вот тебе на! С какой душевной легкостью летели и как тяжело плюхнулись. Неужто правда, что необычайная радость души – предвестник нежданной печали?» – почему-то промелькнула мысль, когда я окинул наше новое жизненное пространство. Значит в жизни может нежданно и не повезти...

Вылезли мы со Степаном Петровичем из кабины и бросились к мотору. Посмотрели и ахнули враз: в стене картера зияла огромная рваная дыра и из нее торчала нижняя часть шатуна с коленвалом, а верхней его части и цилиндра как и не было, отлетели они прочь, вырвавшись из картера.

– Да, не повезло нам с тобой, в то же время и дважды повезло: и «мессер» нас пощадил и от аварии отделались сравнительно легко, не бухнулись где-нибудь в лесу. А ты молодец, что не растерялся и умудрился угодить средь леса на маленький пятачок.

– Нет худа без добра, хорошо, что именно над деревней обрел мотор. А вообще-то это моя первая вынужденная посадка за всю летную практику.

– Ничего, научись. А знаешь, что случилось с мотором? – спросил старший инженер и тут же ответил сам – это самый на-

стоящий обрыв шатуна, то ли от того, что смазки не стало почему-то, то ли устал и не выдержал наш старичок. Я же, по совести говоря, полагал, что его проклянул фашистский стервятник. Но нет, или он пошутил над нами, или пожалел нас – мало ли, может какой-нибудь сочувствующий попался, – или, скорее всего, боеприпасы у него были на исходе и не стал их остатки тратить на такую безобидную и совсем беззащитную мишень.

«Эх, добрый и наивный ты интернационалист, Степан Петрович, – подумал я про себя, – пожалел бы волк кобылу, коли были бы острые зубы. У него, вероятнее всего, и боеприпасов не было, и горючее было на исходе».

Вообще случай сыграл нам на руку. Да и «голубок» наш У-2 молодец. Прост, неприхотлив, не случайно «огородником» прозвали. Только вот он, «призванный» из аэроклубов, уже староват стал и мог подвести в определенных условиях, что и произошло.

– Вот что, дорогой, – сказал мне Степан Петрович, – я отправляюсь на попутных машинах в свой БАО, благо дорога проходит рядом, и как можно скорее постараюсь приехать с исправным мотором и с механиком, а ты отдохни и организуй охрану самолета, а вот, кстати, собираются к тебе помощники.

И действительно, пока мы судачили с инженером, к месту посадки потянулись жители, преимущественно дети, старики и женщины. Они, проваливаясь по колено в снег, с опаской глядя на нас, медленно и осторожно подкрадывались к нам. Но когда я крикнул, улыбаясь: «Смелей, смелей, мы свои, в гости прилетели к вам», – они ускорили движение и вскоре окружили самолет. А одна женщина средних лет и с видом, совсем не сельским, подошла ближе, поздоровалась и представилась:

– Татьяна Петровна, я исполняю обязанности председателя колхоза, пришла узнать, что случилось и не нужна ли какая помощь.

– Очень приятно, Степан Петрович я. Спасибо за внимание, авария у нас серьезная, дальше не сможем лететь, пока не привезем и не поставим новый мотор, поэтому ваша помощь будет очень нужна: надо будет сторожа у самолета поставить и вот пилота молоком напоить и на ночлег устроить, – кивком показывая на меня, ответил ей старший инженер.

Все было решено очень быстро. Самолет будут сторожить поочередно два старика, а я буду отдыхать у соседки председателя, Евдокии Егоровны.

– У нее и молоко вкусное есть, и в доме просторно и чисто, – с приятной улыбкой глядя на меня, сказала Татьяна Петровна.

– Сердечно благодарю вас, Татьяна Петровна. Теперь я могу спокойно отбыть на нашу базу с тем, чтобы завтра привезти и поставить здоровое сердце нашему «голубку», – отозвался инженер.

Проводил я Степана Петровича и остался пока у самолета в окружении сельчан, в основном ребятни. Оказалось, все они видели самолет так близко первый раз и, понятно, очень интересовались, как он устроен, почему летает, куда мы сейчас летим, откуда я, как учился летать и т.д.

На вопросы отвечал я охотно, просто и довольно весело и потому, очевидно, ребята осмелели и попросили посидеть в кабине, посмотреть «стекляшки» и «винтики».

– Только по одному, осторожно ступая вот по этой дорожке справа, – разрешил я им, указывая на ребристые планочки на центроплане вдоль фюзеляжа, а сам встал слева.

Пропустил я всех ребят и только было хотел прыгнуть с плоскости, как передо мной предстала... Любовь Орлова, только чуть ниже ростом и значительно моложе.

– А мне можно, товарищ лётчик? – озорно играя глазами, обратилась она ко мне.

– В зависимости от того, как Вас зовут, – улыбаясь ответил я.

– Катя, – проговорила она весело.

– О, Катюше сам бог велит, – сказал я и протянул ей руку. Она легко прыгнула на дорожку центроплана, подошла и глянула в кабину: «Ох, как интересно!»

С моей помощью залезла в кабину и удобно уселась на сиденье, потрогала ручку управления, педали, стала с любопытством осматривать все приборы, рычажки. Я ей подробно рассказывал о назначении каждого из них. Глаза наши стали встречаться чаще, и взоры становились все теплей. Лица то приближались, то отдалялись, однажды слегка коснулись друг друга. Каким-то волшебным током вдруг пронзило меня всего. Обдало чарующим ароматом девичьего духа. Алая роза зацвела перед глазами...

Возбужденные и радостные, соскочили мы с крыла, и в это время подошли два старика.

– От Татьяны Петровны мы, сторожить ваш эроплан прислала нас, – с ходу заявили они, а что и как, она велела вас спросить.

– Здравствуйте. Спасибо, деды. Сторожить эту «голубушку» значит, никого не подпускать к ней, ни своих, ни чужих, ни коро-ву, ни лошадь, даже ни петушка, ни кошку, тем более чёрта. По-теплее оденьтесь. Стойте, чередуясь через каждые два-три часа. Для пущей важности возьмите с собой берданку. Есть она в де-ревне?

– Есть, есть. Все будет сделано как надо, мы ведь старые сол-даты, так что отдыхайте спокойно.

– Благодарю вас, дедули, теперь я буду спокоен. До встречи утром.

Мы направились к домам. Катя шла рядом. Через несколько шагов она сказала:

– А Татьяна Петровна – это моя мама. Она велела привести вас в дом к Евдокии Егоровне.

– Спасибо вам и вашей маме за заботу. Что бы я делал без вас, а, Катюша?

– Другие бы сделали так же. У нас все очень хорошие, внима-тельные.

По пути она успела рассказать, что они из Ленинграда, мать у нее кандидат сельскохозяйственных наук, занималась исследова-ниями различных сортов зерна. Приехали они в начале июля к родственникам, надеясь вернуться домой, но так и не сумели про-рваться, вынуждены были остаться. Маму попросили стать пред-седателем, а папа на фронте.

Привела она меня в обыкновенную избу, каких тысячи в де-ревнях центральной России, с русской печью, образом Богомате-ри, со столом, накрытым скатертью и клеенкой, и кроватями со взбитыми подушками. В избе было чисто, уютно. Хозяйка оказа-лась скромной миловидной женщиной средних лет. Встретила очень приветливо. Только и сказала:

– Милости прошу. Будьте желанным гостем. Не стесняйтесь, располагайтесь как дома.

Оказалось, живет она одна: муж и сын на фронте, дочь за-мужем в соседней деревне. Во всем ее облике и действиях так и сияли искренние радушие и доброжелательность. Досыта и очень вкусно накормила, напоила она меня да еще баню нато-пила. Я блаженствовал действительно как дома. Вечером Ев-докия Егоровна ушла «посудачить с соседкой», и тут же при-шла... Катя.

– Мама попросила угостить вас кое-чем из того, что сама приготовила, – сказала она и выложила кучу подрумяненных пирожков, – она приказала, чтобы вы всё съели, – добавила она и так улыбнулась, что всего меня охватила невыразимая радость.

– Если вы поможете, – в свою очередь улыбнулся я.

– По силе возможности, – ответила она.

Вскоре запел на столе самовар. В унисон ему разговорились и мы.

– Вы так и не сказали, как же вас зовут, – начала она.

– Коля, – соврал я, – видимо, постеснялся сказать свое настоящее имя, такое непривычное и труднопроизносимое для нее.

– Спасибо, очень приятно, – ответила она, а моего дружка зовут Степан, он служит в морфлоте, на Балтике, – завершила она вдруг.

– А он похож на Разина? – весело спросил я.

– Не знаю. А может внешне и похож, но характером нет, – блеснув глазами, ответила она в том же духе, – он очень добрый, а Разин был жестокий – ни за что бросил персиянку в омут.

– Не в омут, а в волжские волны, – продолжал я подтрунивать над ней.

– Какой вы придирчивый! Какая разница, все равно в воду, в которой она утонула.

– Значит Степан-моряк не бросит вас в волны Балтики?

– Нет, он только осторожно положит во время купания у самого берега...

– А если Коля-летчик захочет осторожно положить вас у берега моря или хотя бы у берега вашей речки?

– Посмотрела бы, сумел бы он сначала овладеть сердцем, – улыбнулась она так, что вся моя душа затрепетала.

– Летчики – народ очень внимательный к девушкам, – стараюсь скрыть волнение, пролепетал я и посмотрел ей в глаза. А глаза ... большие, черные, с тонкими крылышками бровей, они смотрели весело, озорно и ... неудержимо привораживали.

И все лицо ее, овальное, со смугловатым оттенком, было очень привлекательным. Оно в самом деле напоминало Любовь Орлову. И я сказал ей об этом.

– Да, доля правды в этом есть, не вы первый говорите об этом, – ответила она и, помедлив мгновение, выпустила вдруг в меня свои опасно наточенные стрелы:

– А вот вас я не могу сравнить ни с каким артистом, но вы и не похожи ни на кого из тех, кого я встречала до сих пор, вы, если хотите, не знаю чем, но очень притягательны, может очами своими черными и страстными, а может быть кудрями обворожительными, а можно я их потрогаю?

Я не успел ей ответить, она уже начала гладить мои давно не стриженные лохмы, а потом взъерошила их своими нежными, горячими пальчиками... И меня вдруг ударило каким-то фантастическим током в не менее ста свечей.

– А вы не бойтесь, что я могу влюбиться в вас? – как мне показалось, довольно игриво спросила она и уставилась своими глазами.

– Нет, не боюсь, – нашелся я, – к девушкам я равнодушен, они ко мне тоже, а такой комплимент я слышу впервые, тем более от такой ... красивой девушки. Думаю, сказала она это, чтобы подбодрить меня перед фронтом. Спасибо.

– Сказала я искренне, а что касается подбодрить... Этому я тоже была бы рада, если бы смогла. А знаете, я по-здоровому завидую вам и горда за вас, что вы летчик и будете бить заклятых врагов с воздуха. Но в то же время, поймите меня правильно и извините за откровенность, мне очень больно, за победу в этой страшной войне придется платить очень дорого, особенно кровью наших прекрасных молодых парней... Сколько будет недоделано ими, сколько недолюблено...

– Что делать, так распорядилась история. Но, думаю, живых останется вполне достаточно, чтобы продолжить великое дело, начатое страной и ... долюбить.

– Знаете, вы сейчас прекрасны, прекрасны своей убежденностью и вообще всем своим видом вы очень хороши, – посмотрела на меня очень доброжелательно, ласково и ... предложила:

– Дайте я вас обниму и поцелую.

– ???

– Не бойтесь, я так просто...

– Жалея?

– Нет! Напутствуя. Вы не похожи на того, кого жалеют. У вас на лице написано, что будете жить долго. Я просто хочу, чтобы вы всегда побеждали и врагов и жизненные невзгоды.

Только я раскрыл рот, чтобы сказать «благодарю», она порывисто обняла меня, прижалась своими нежными, горячими

губами к моим, обдала теплым, ароматным девичьим дыханием. Шелковистые локоны ее волос мягко коснулись моего лица, шеи, трепетно осыпая их ласками. Будто пронзило всего меня хмельным током теперь уже в тысячи свечей! Восторженно млея, я вмиг очутился ... в изумительно-сладостном волшебном мире...

Это был первый в моей жизни поцелуй девушки, о чем, разумеется, не посмел ей сознаться – нельзя было допустить, чтобы в глазах девушки было хоть в какой-то мере уязвлено мужское самолюбие...

Но как я был растроган ее вниманием и добротой, как я был благодарен за щедрость ее души, за ее искреннюю участливость и ласку. Милый ее образ будет со мною всю войну, всю жизнь...

Рано утром разбудил меня громкий стук в окно. Я вскочил как ужаленный и полусонный прильнул к замерзшему оконному стеклу и только через его чистый краешек увидел две толстенные человекоподобные фигуры: один истый верзила, другой – настоящий коротыш. Брови, ресницы и усы у обоих причудливо заиндевели, из-под ушанок, надвинутых до бровей, глаз почти не видно, головы вобранны в высоко поднятые воротники – не люди земные, а пришельцы из другого мира! Я протер глаза, несколько раз тряхнул головой и снова прилип к другому, более широкому краешку стекла, и только теперь угадал: в коротыше – своего техника самолета Андрея Аксенова, в верзиле – моториста Георгия Петрозавили. Они стояли, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и энергичными жестами указывая в сторону входной двери. Я немедленно открыл дверь, и они, нет не вошли, а глыбами ввалились в теплый дом...

– Где тут печь, покажи нам ее быстрее да ставь скорее самовар. Окоченели мы, шутка ли, больше ста километров в кузове полупорки нестись при тридцатиградусном морозе, – еле пролепетал Андриюша своими застывшими губами.

– А где Степан Петрович и как вы меня нашли? – спросил я, волнуясь.

– Инженер с шофером в кабине машины напротив самолета, а показал нам дом дед-сторож.

Тут засуетилась Евдокия Егоровна, а я побежал за инженером и шофером...

Чаепитие длилось около часа. Потом, отогревшись, вместе дружно взялись за работу. Сняли старый и смонтировали новый мотор за каких-нибудь четыре часа. Это рекорд в подобной операции, притом в полевых условиях и на трескучем морозе.

Даже дед-сторож удивился:

– На ероплане так быстро можно делать такую большую работу?

– Можно, дедуля, если ее делают мастера-золотые руки, да и фронт торопит.

– И то верно. А скажите, товарищ летчик, ваш ероплан – он что, «ястребок»?

– Нет, «голубок» он, наш самолет.

– Значит, он что – почту возит?

– Если надо будет, и почту может возить, и раненых, «голубок» наш – птица очень мирная, должна была возить только небольшие грузы, а главное – учить летать. Но что делать, если пока не хватает «ястребов» да «коршунов», и вот вынуждены его посылать на войну. Оказалось – и он может клевать врага почти как коршуны, то есть бомбардировщики.

– Это как же?

– А так, набирает с собой около трехсот килограммов бомб, гранат, пользуясь темнотой ночи, незаметно подкрадывается и внезапно кидает их на головы фашистов. Видите, под крыльями разные ухваты, они называются держатели крупных бомб, а в задней кабине есть специальные приспособления для мелких.

– О, тогда хорошо, значит он во всем молодец, – и он нежно погладил консоль нижнего крыла.

К этому времени была подготовлена и «взлетная полоса». Это жители деревни во главе с Татьяной Петровной утрамбовали по нашей просьбе снежную дорожку для взлета самолета шириной около пяти метров на всю длину огорода.

К тому времени, когда старший инженер опробовал двигатель и вместе с техником совершил внешний осмотр его, у самолета собрались почти все сельчане. Была среди них и Катя. Мы тепло попрощались со всеми, обменялись крепкими объятиями и рукопожатиями с Татьяной Петровной, Евдокией Егоровной и дедулями, горячо поблагодарили за радушный прием.

– Спасибо, Катюша, век не забуду, дай бог нам встретиться когда-нибудь, нежно пожал я ей руку.

– Я надеюсь, что так именно и будет, желаю тебе удач, да пусть бережет тебя судьба от вражеских пуль, – со спокойной уверенностью ответила она и ласково посмотрела на меня.

Так девушка, русская Катюша, от всего сердца благословила на удачу, а может быть, на подвиг. Дай-то бог, чтобы сбылось ее благословение, чистое, как родник, горячее и пылкое, как ее сердце, нежное и широкое, как ее душа.

А какими искренними были внимание и благожелательность сельчан! В этом выразалось их отношение к советскому воину, их желание, чтобы он быстрее побил фашиста-захватчика. Не только желание, но и надежда и доверие.

Все это так взволновало меня, что я готов был ради них, ставших за какие-то сутки такими близкими и родными, идти на все, лишь бы они были защищены от врага-изувера.

Как же сделать это? Как же ты, еще не испытанный в жизни никаких серьезных передряг, ответишь на благородные порывы чистейших сердец?!

Думай, смотри, мужайся, борись. Борись так, чтобы с честью оправдать их большое доверие. Только ли их?

Вдруг я вспомнил, как меня провожали в аэроклуб, окончив который я сразу же поступил в военную школу. Мои товарищи-учителя по-дружески наказывали тогда:

– По тебе будут судить о всех нас. Не подведи!

А отец после положенных по такому поводу напутствий добавил серьезно:

– В старину говорили: «Худая жена бесчестит мужа, а худой муж – весь народ». Не забывай об этом никогда.

А мать после длительных причитаний смирилась, видимо, с неизбежностью моего отъезда, нежно погладила, как это делала еще в детстве, по голове, похлопала по спине, посмотрела грустно в глаза и проговорила тихо, но уверенно:

– Ладно, пусть будет по-твоему, но я хочу, чтобы ты знал, что у тебя есть все, чтобы быть настоящим мужчиной, егет-батыром и нашей гордостью. Будь всегда самим собой, прилежным в делах, уважительным к товарищам и командирам.

Не было тогда рядом Магиры. Но мы встречались за неделю до отъезда в аэроклуб, в праздник Октября, когда специально при-

езжали в родное село: я из Лемезтамаково, где учительствовал, она из Алмалы, где пока жила вместе с матерью и старшей сестрой и оканчивала 10-й класс.

Чудесно провели мы тогда время в кругу родственников и друзей, побывали во всех любимых нами с детства родных местах, в том числе на бархатистом лугу недалеко от села, в прибрежных кустарниках вдоль живописного родного Ая и, конечно же, на вершине нашего святого Ташклэт, откуда открывалась изумительной красоты панорама одного из чудесных уголков Уфимского плоскогорья, на северо-востоке Башкортостана...

Я уезжал раньше, и она вышла проводить за околицу села... Как она была прекрасна! Льняные волосы ее, заплетенные в тугие косы, аккуратным и очаровательным венцом золотились над чистым лбом. Жители села почему-то называли ее «хары-сэс» – «желтоволосая» – она резко отличалась от большинства черноволосых девушек. Я же называл ее «золотоволосой», и ей это нравилось больше. И вот этот золотоволосый венец, умное и красивое, белое с легким румянцем лицо делали ее сказочной принцессой. Сколько было в ней доброты и ласки, казалось, что душа вся растает от них! А глаза?! Большие, серо-голубые, в обрамлении длинных черных ресниц, трепетно вздрагивающих в зависимости от душевного настроения хозяйки, и под черными и тонкими дужками бровей они сияли искренней радостью и счастьем! Какой непоколебимой и неподдельной верой и надеждой, какой горячей и чистой любовью они лучились!..

На прощанье, прижимаясь к моей груди, она прошептала:

– До конца всей моей жизни, в каждую секунду, каждый миг ты будешь в моем сердце, в моей душе. Я буду ждать тебя терпеливо, сколько бы то ни было, горячо желая, чтобы ты всегда и во всем был сильным и удачливым...

Ее слова прозвучали так убежденно, в них было столько душевной силы, что не могло быть ни малейших сомнений в их искренности. Весь ее облик, легкое неумелое касание ее нежных губ моей щеки, чистый искристый взгляд ее глаз приятно и вдохновенно кружили голову, окрыляли и властно звали к подвигам. Вспомнил все это, и меня явственно пронзила мысль: в каком неоплатном долгу я перед всеми близкими, перед народом. Какими же честными делами и поступками я должен отвечать на такие благородные наказания и высокое доверие их?!

А пока, вот в эту минуту, моя задача – впервые в своей летной практике взлететь с огорода, длина которого не превышает ста метров, да еще воздух не шелохнется. Но все же должно же быть в нем какое-то движение!

Поднимаю увлажненный указательный палец вверх – еле осязаемое дуновение со стороны дальнего конца огорода. Садимся в кабины: я в свою переднюю, Степан Петрович – по-прежнему в заднюю.

Он шутит:

– Ну, Куддус, опять отдаю жизнь полностью в твои руки.

– Надеюсь, она будет неприкосновенна, – отвечаю в тон ему.

– Я в этом уверен, – твердо заявляет он.

Запускаю двигатель, ставлю самолет на самый краешек ближней границы огорода вдоль утоптанной полосы. По моему сигналу впереди консоли крыльев становятся во главе с техником самолета специально подобранные и проинструктированные зарание жители. Они должны придержать самолет на месте, пока двигатель не выйдет на полные обороты.

Постепенно даю сектор газа до отказа вперед. Мотор плавно и звонко зазвенел, запел. Показания приборов контроля работы мотора в норме. Самолет весь дрожит, давая знать, что он готов к взлету. «Ну, «голубок» милый, не подведи, не срамысь, поднатужься и рвани сильнее... Ведь народ такой смотрит на нас, да и пойми, летим-то куда...» – взмолился я.

По моей просьбе инженер развел обе руки в стороны, и люди, державшие самолет, мгновенно отпустили его. Самолет дернулся и понесся, влекомый сотней лошадей. Даю сразу ручку от себя – поднимаю хвост самолета, чтобы он скорее набирал скорость. Самолет бежит все энергичней, резвей. Вот уже прошел 50, 60 метров, но еще не отрывается, а впереди грозно замаячил плетень, еще мгновение – и энергично беру ручку на себя, самолет нехотя взмыл, как бы повис над землей, но все же в эту же секунду, надрывно гудя мотором, проплыл над изгородью, чуть не задевая ее, стал потихоньку карабкаться вверх, набирая нужную скорость и высоту.

Разворачиваюсь на 180°, прохожу над деревней и ее жителями, покачивая крыльями, прощаюсь с этими добрыми, бескорыстными людьми. Они приветливо машут руками.

– До свидания, дорогие сограждане, подумал я и радостно и грустно.

Грустно, что приходится расставаться. А радостно – именно в такие минуты яснее сознаешь, что как бы ни велика была наша Родина, но от края и до края дышит и мыслит едино и где бы то ни было приголубит, приласкает и силой неодолимой снарядит...

Я направил самолет по расчетному курсу, удобно расположил карту на левом колене, сличил ее с местными ориентирами и, впившись взглядом в единственную ленту дороги, идущую в направлении полета, стал уточнять курс. Определив, что угол сноса незначителен, все же сделал необходимую поправку и, пролетев 2-3 минуты, убедился, что летим правильно. В это время почувствовал легкий нажим на плечо. Обернувшись, я увидел спокойное лицо инженера и поднятый большой палец правой руки. Это означало, что все нормально и идем верно. Я кивнул в ответ этому благороднейшему и чуткому человеку, отрегулировал обороты двигателя и стал осматриваться. Воздух чист и все спокойно. А какое чудное видение открылось перед нами! Найдется ли художник, способный перенести на полотно эти прекрасные пейзажи севера России?!

Лететь бы себе и лететь и бесконечно любоваться ими...

Но чудный мир природы явно не сочетался с реалиями мира человеческого. В каких-то 50-60 километрах западнее грохочут на земле взрывы, уродуя и оскверняя ее, убивая и терзая тех, кто призван оберегать и облагораживать это несравненное космическое чудо...

И я пристально всматриваюсь туда, откуда могут появиться уничтожители всего прекрасного – фашистские стервятники – охотники за одиночными «ястребами» и «голубками» в прифронтной огнедышащей полосе земли...

4. В ОЖИДАНИИ БОЯ

На аэродроме, точнее, на хорошо накатанном поле, окруженном лесом, где собрался наш полк, должны были базироваться фронтные бомбардировщики. Для нас же он был промежуточным, трамплином для следующего прыжка на собственный фронтной аэродром. Здесь же мы должны были в ближайшие дни выкнуть к прифронтной обстановке и как следует подготовиться к предстоящим боевым действиям.

Как только я зарулил на указанную мне стоянку в одном из углублений леса и вышел из самолета, ко мне подошли с выражением искренней радости на лицах техник звена техник II ранга Илья Литвиненко, стартех эскадрильи техник I ранга Андрей Таран, летчики Миша Кузнецов, Игорь Брылин и незнакомый мне высокий молодой человек в летном комбинезоне и шлеме – с бледным веснушчатым лицом, круглыми голубыми глазами, беспокойным взглядом и носом-пуговичкой. Литвиненко и Таран, выслушав мой доклад о работе нового двигателя, отошли, провожая старшего инженера.

Хозяин же носика-пуговички подошел поближе и представился по всей форме:

– Техник III ранга Меновщиков Григорий Васильевич, назначен к вам в экипаж стрелком-бомбардиром.

Я пожал ему руку и сказал:

– Рад. Но вас не смущает такое сочетание: летчик, командир экипажа – сержант, а его стрелок-бомбардир – младший лейтенант?

– Никак нет, товарищ командир. Я был младшим лейтенантом по обслуживанию самолета, но сейчас хочу летать и с оружием в руках бить врага. А вы по существу лейтенант, как командир, управляющий самолетом в бою. Так что сочетание вполне нормальное, и я с радостью буду вашим подчиненным и боевым товарищем.

– Благодарю вас за правильное понимание вопроса, за доверие. Надеюсь, сработаемся.

– Я тоже, – ответил Меновщиков и ушел на занятия – тренажи по бомбометанию.

Мы, три летчика звена, остались одни. Миша Кузнецов спросил меня:

– Ты знаешь, почему вылет полка был задержан на целые сутки и мы с тобой ехали не на машине, а летели, причем ты – последним, а я – предпоследним?

– Нет, конечно, даже не догадываюсь.

– Благодарю желудок лейтенанта Хаскина и вестибулярный аппарат старшего лейтенанта Глуценкова. Первый из-за сильного расстройства желудка оказался в Московском госпитале, второй – ввиду сильного головокружения списан с летной работы и назначен адъютантом нашей эскадрильи. Вот так-то! – кивнул го-

ловой Миша по-особому задиристо, сделав жест, характерный только для него одного.

– Значит, не было бы счастья, да несчастье помогло. Мы с тобой стали полноправными штатными летчиками?

– Стали.

– Но интересно, почему эти расстройства случились у них именно перед полетом на фронт? Я что-то не припомню, чтобы подобное случалось у них раньше.

– Как хочешь, так и понимай. Может, правы те, которые говорят, что это «медвежья болезнь»? Но ничего не поделаешь, они имеют объективные медицинские показания.

– А каким был педантом и «строгим» до солдафонства командир звена Хаскин? Помните, как он Сашу Рудакова отстранил от полетов за посадку с перелетом на сто метров? – вступил в разговор Игорь.

– А Виктору Миронову объявил строгача за плохо начищенные перед построением каблуки сапог, – с возмущением добавил Миша.

– А каков был Глущенко? Настоящий франт, «король пилотаж» – планшет до пола, узенькие рыжие усики, торчащие как у суслика, и надменно поднятый подбородок, – съязвил Игорь.

– Да еще хлюст, чуть ли не за каждой официанткой таскался, – дополнил портрет, нарисованный товарищем, Миша.

– Во мне всегда вызывал неприязнь плутоватый взгляд его зеленых нагловатых глаз, – выразил свое отношение и я.

– Одним словом, предфронтные потери не так уж велики, хотя обидно: в такой момент одни из наиболее опытных покинули ряды летчиков, – подвел итоги Игорь.

– Самое обидное, что такие люди бросают тень на других, – с горькой выразительной улыбкой посмотрел на меня Миша. – Пусть этот разговор останется между нами, но ты, Куддус, имей в виду, что кое-кто заподозрил, не имеет ли эта история продолжения.

– ???

Видя мое недоумение, он заговорил быстрее:

– Комиссар эскадрильи и особист сразу же по-своему заинтересовались твоей вынужденной посадкой. Не знаю, чем бы это кончилось для тебя, если бы не Степан Петрович. Говорят, он дал тому особисту и комиссару решительную отповедь. Да и мы не стояли в стороне, хорошо зная, что не способен ты на всякие «хит-

рости». Но впредь держи ухо востро: оказывается, не все так просто – по-дружески пожал мне руки Кузнецов.

– И не поднимайся никогда в воздух на самолете с усталым двигателем, – улыбнулся в свою очередь Игорь.

Радость, переполнявшая меня после благополучного перелета, сразу потухла, и сердце мое отозвалось обидой на такую вероломную напраслину, наполнилось отныне досадой и настороженностью к особисту и комиссару.

Поддерживало меня теплое чувство к Степану Петровичу и друзьям. Поднял мое упавшее настроение и комэск Бахирев. В моем докладе о перелете его особенно заинтересовала вынужденная посадка, а на разборе итогов перелета со всеми летчиками эскадрильи попросил детально рассказать, как я совершил эту посадку на ограниченную площадку, как взлетел с нее. В конце разбора объявил благодарность за «успешное пилотирование самолета в аварийной ситуации».

Воодушевленный, я со всеми вместе приступил к «подготовке к боям на новом театре военных действий» (ТВД).

Нам раздали карты района от озера Ильмень и Новгорода на юге до южных окраин Ленинграда на севере. За неделю мы тщательно изучили его по карте и методом облета днем и ночью в пределах своей территории. Ночью летали на высотах до 900 метров, днем – до 100 метров и на предельно малых, дабы избежать встреч с немецкими истребителями. Тренировались и в бомбометании с пологого планирования на минимальных оборотах двигателя с высот 300–900 метров.

Технический состав осуществлял профилактический осмотр самолетов, двигателей, приборного и специального оборудования, устранял неисправности.

На этом аэродроме мы скромно встретили Новый, 1942-й, год. Тостов и веселья мы еще не заслужили. О довоенном празднике напоминала только нехитро наряженная работниками столовой елка...

Не знаю почему, но в эти предпраздничные, предновогодние дни какой-то щемящей тоской отозвалась в душе и сердце разлука с Родиной, близкими. То ли потому, что первый раз встречал этот особо радостный праздник в необычной обстановке прифронтового бытия, вне привычного круга родных и друзей, то ли потому, что сказывалось тревожное ожидание боя с жестоким врагом.

И так заволновалась душа, так забилося сердце, что не поговорить с ней... с моей Магирой, а через нее и со всеми родными, я уже не мог. Улучив момент, взялся за карандаш.

После обычных приветствий и краткого описания теперешнего моего положения я стал писать: *«Итак, я на войне. Скоро бои. Хочу верить, они будут удачными для меня... Ты ведь не провожала меня на войну. Не прощалась перед отправкой на фронт и не говорила надлежащих по такому случаю слов... Это сделала за тебя русская девушка Катюша, с которой я познакомился случайно. Да, да. По пути на фронт по техническим причинам я совершил вынужденную посадку около одной деревушки. Там пришлось заночевать, пока не исправили самолет. Эта девушка с матерью, все сельчане помогли нам подняться в воздух, очистив дорогу для взлета. Я ее познакомил заочно и с тобою. Вот она и сказала, что провожает меня на войну и за тебя, от твоего имени желает быть всегда здоровым, мужественным, сильным и выходить из всех боев только победителем. Видишь, какая, оказывается, у девушек, солидарность! Я ее от души поблагодарил за себя и за тебя. Спасибо ей. Такое не забывается. А, может быть, это к лучшему, что ты сама непосредственно на войну не провожала? Без слез, без видимых и осязательных волнений. Тем более, говорят, что в таких случаях наверняка повезет. И я почему-то надеюсь на это...»*

Раз ты меня не провожала, значит мы и не расставались и не расстанемся никогда, все у нас будет хорошо... Правда, были наши встречи-проводы в ноябре 1940 года и июле 1941 года. Помнишь?»

В памяти всплыли два дня в родной деревне, когда мы вместе встречали «Октябрь-байрам» – 23-ю годовщину Великого Октября, как она провожала меня в Лемезтамаково, где я учительствовал тогда, а затем вспомнил наш с ней разговор в июле сорок первого года в Троицке, что в Челябинской области, где находилась в это время в лагерях наша ВАШП (военно-авиационная школа пилотов), куда она приезжала вместе с моей мамой и сестрой Саимой. Говорили тогда много о том, о сем, конечно, и о возможности после окончания школы попасть на фронт.

– Если убьют меня, что ты будешь делать? – задал я тогда глуповатый вопрос и, кажется, смутился сам.

На что она, однако, ответила очень серьезно:

– Сердце мое чувствует, ты проживешь до глубокой старости. А если это произойдет... Если нет аллаха... Буду помнить. Ты будешь всегда со мной. – И спросила в свою очередь: – А если я умру, что будешь делать ты?

Я несколько замешкался, но, как мне казалось, нашелся быстро:

– И я навсегда сберегу память о тебе, о днях, годах, проведенных вместе, если вопреки всему святому такое случится... Но я верю, твоя жизнь будет долгой и счастливой...

Да, мы, молодые, верим, надеемся, что так и будет, так должно быть. Очевидно потому, что очень хотим этого... А порою бываем и наивны...

Но жизнь на войне не зависит от твоего желания, и существуют тысячи вероятностей лишиться ее и один шанс – сохранить.

Поэтому каждый, попадая на войну, думает об этом, кто спокойно, кто чрезмерно волнуясь (а это уже шаг ... к смерти), кто с верой и надеждой, кто и обреченно (у такого нет ни одного шанса)...

«...Ты тогда посулила славную и благополучную жизнь до глубокой старости, – продолжил я, – и знаешь, я поверил тебе. Очень уж убедительно сказала ты это. Понятно, и сейчас верю, хотя иногда терзают маленькие сомнения (одни только фанфароны делают вид, что уверены во всем и всегда), но я стараюсь их преодолеть, полагаясь на свой ум и душевные силы, на умение, опыт, свой и товарищей, везение, предчувствие и черт знает еще на что, в том числе даже... на покровительство... какого-то «высшего духа», с которым говорю, советуюсь, даже прошу помочь при необходимости...»

Я надеюсь, что все будет хорошо потому, что вы все: земля родная, все близкие, все сельчане всегда со мною, оберегаете меня, а я – вас. Кто же будет вас защищать, если не я, если не все иррегуляры – парни, подобные мне? Поэтому я и они не имеем права исчезать... А потом, как говорят бывалые фронтовики, по самолету труднее попасть, хотя стреляют по нему все, кому не лень. Все же это не пехота, где ты хватаешь врага, а он тебя за горло, колешь его, а он тебя – штыком... Мы, летчики, всю мощь своего сильного оружия обрушиваем на врага сверху. Правда, приходится брать в руки и пистолет, если подбитые приземляемся на территории, занятой врагом, но это случается не так уж часто...

Но главная моя опора, моя защита – это ты. Ты всегда со мной. Нет, во мне, в душе, в сердце, в сознании... Я так тоскую по тебе. Понятно, я мысленно все время с тобой, там, где бывали вместе. Наши дома, огороды, дворы... Наша нижняя улочка, примыкающая почти вплотную к реке, благородный красавец наш Ай. Живописные, тучные и веселые луга и поля... Такой родной, но таинственный наш Ташклэт...

Странно, но все это не мешает мне жить нормально, делать все свои дела, как все... Напротив, воспоминания помогают делать их лучше и жить как на легких крыльях в этой напряженной обстановке...»

В этом месте я опять прервался, задумался. Захотелось почему-то сказать что-то очень теплое, прежде всего то, что не досказано, но бережно хранится в тайниках души... Признаться в самом сокровенном. Захотелось открыться всем сердцем, всей душой...

Тогда, в последние встречи, ни у меня, ни у нее не хватило, видимо, решительности открыто, смело глаза в глаза друг другу признаться в нашей любви или еще не было осознанности наших чувств и умения выразить их. Но, так или иначе, мы не сказали друг другу ни слова о том, что любим друг друга, хотя всей душой, каждой клеточкой тела чувствовали, что мы не можем друг без друга... Жаль, конечно, что не сказали, не преступно ли не сказать об этом теперь? А с глазу на глаз потом, при встрече...

И сейчас я решительно вывожу заключительную часть своего письма:

«Как же это называется? Как думаешь? Может быть, это и есть ... Любовь?! Скажи – да! Да? Вот умница. Вот молодец! Спасибо. Вот сейчас я могу, наконец, крикнуть громко: люблю!!! Люблю тебя, мою единственную Магиру! Люблю и буду любить пламенно, верно, как никто в мире!!! Кричу об этом во всю мощь... Пусть услышат все, все... Пожалуйста, не называй меня сумасшедшим. По-моему я только сейчас и поумнел по-настоящему. И отныне буду стараться делать все умно, чтобы нравилось не только мне и моим товарищам, но и тебе. Нет! Прежде всего тебе!

Горячий-горячий привет мамам, сестрам, другим родным, также – всем-всем близким, товарищам и друзьям, в том числе, конечно, милым ивушкам и березам, Ташклэту и Сактау, Аю и Тунраккулю...

Я тебя нежно обнимаю и целую. Можно? Спасибо! Будь здорова. Береги себя и мам. Ваш Куддус».

3 января наш полк перелетел на фронтной аэродром у железнодорожной станции Веребье. Многие, вероятно, знают присказку о том, как царь Николай I определял, где должна проходить железная дорога между Петербургом и Москвой. Он попросту решил соединить два города прямой линией, и, когда проводил ее на карте, на пути карандаша оказался его большой палец, выступом лежащий на линейке. Царь не стал убирать его, а аккуратно обвел и продолжил чертить дальше по линейке. В таком виде карту вручили строителям. Кто же отменит решение царя? И вот на том месте, где линия железной дороги проходила через реку Мста, образовался характерный изгиб. На этом изгибе Октябрьской железной дороги и находился довольно крупный аэродром Веребье.

Наш полк вошел в состав ВВС 2-й ударной армии (2УА) Волховского фронта, образованного в декабре 1941 г. Кроме нас здесь базировались два истребительных полка на ЛАГГ-3 и отдельная корректировочно-разведывательная эскадрилья на Р-5 и Р-3ЭТ. И истребители и корректировщики встретили нас по-братски, относились с пониманием, не допускали никакого чванства и высокомерия. Может быть, было только несколько случаев снисходительного, но доброго отношения. Они знали, что и мы можем штурмовать грозного врага даже на такой, почти не приспособленной для боя, технике.

До 7 января полк тщательно готовился к вступлению в непосредственные боевые действия. Очень важно было подготовиться и в морально-психологическом отношении. Нам сильно помогли в этом советы и наставления бывалых фронтовиков и сама атмосфера фронтового аэродрома. Здесь все дышало опасной и напряженной фронтовой жизнью, все было подчинено ее интересам. Восхищение вызывала искусная маскировка всего аэродрома, особенно стоянок самолетов, складов ГСМ, оружия и боеприпасов. Даже лес, окруживший с трех сторон летное поле, насторожен и чуток, заботливо прятал все живое и неживое от вражеских глаз. Деревья, выделяющиеся могучим ростом, казались сторожевыми вышками, бесстрашными часовыми, готовыми в любой момент предупредить об опасности. Пока же они приветливо и благосклонно кивают людям своими загадочными вершинами, словно чувствуют, что пришли свои, защитники.

А как самолеты – и «ястребы», и «голуби», притаившиеся в лесных гнездах-капонирах, выражают свою готовность быть надежными боевыми друзьями своих хозяев и немедленно вспорхнуть по их команде.

По-особому отличались и люди фронтового аэродрома. Исключительные собранность и четкость, готовность к немедленным действиям в любой внезапно изменившейся обстановке и вместе с тем сердечная благожелательность – вот что характеризовало их прежде всего.

Все это не могло не повлиять на нас. Мы учились быть чуткими и предельно внимательными. Ощутимо менялось наше отношение ко всему, возникал и утверждался в нас новый настрой.

Я сам почувствовал, все, что было до сих пор, уходит куда-то в прошлое и начинается нечто совсем новое, неизведанное, по-особому волнительное, загадочно-тревожное и, как ни странно, заманчивое, по-своему интересное. Я все больше осознавал, что жизнь, которой я жил до сих пор, была всего-навсего прелюдией этого начинающегося нового, этого большого, неизведанного, в котором будут, очевидно, совершенно другие измерения. Вдруг я представил, что жизнь моя, протекающая размеренно и буднично до этого рубежа, в большей части и прежде всего была как бы моим личным делом, а сейчас она становилась делом, нужным для чего-то другого, более важного и высокого. Этим высоким и святым, как мы понимали, была судьба всего нашего народа, извечный вопрос «быть или не быть». И мне становилось ясно, что отныне каждый мой шаг будет определяться тем, что, сколько и как сделаю на своем месте для усиления мощи своей страны и ослабления сил врага, то есть тем, сумею ли стать полноценной частицей всего того, что составляет обширное понятие «воюющий фронт», иначе говоря, сумею ли стать искусным воином, способным как можно больше уничтожить врагов, сохраняя свою собственную жизнь...

Вдруг в голове промелькнуло: «Как можно больше уничтожить врагов». Но ведь они тоже люди, говорящие, мыслящие, пусть несколько иначе, чем мы, но чувствующие так же, как мы. Значит жизнь моя нужна для уничтожения как можно больше других жизней? Парадокс?! Но тут же в голове возмущенная отповедь: прекрати философствовать, ты должен убивать тех, кто первым решил убить тебя, твою мать, отца, братьев, насилловать сестер,

подруг, кто решил превратить твоих сограждан в рабов, ты не слезливый христианин и не раб, поставленный на колени, чтобы простить такие «обиды». «Не убий!» А что сделал и делает бог, чтобы не было чингизханов, наполеонов и гитлеров, чтобы ни один христианин ни в одной части света не начинал убийственную войну против своих же братьев, христиан, не говоря уже о «киноверцах», чтобы все люди Земли решали все вопросы только по согласию?..

«Так что убивай ненавистного врага как можно больше, иначе он убьет тебя, уничтожит твой народ. И победить его можно будет только в том случае, если каждый боец и командир поступит таким образом...» Это сказал комиссар полка майор Лозичный на митинге, посвященном началу боевых действий.

Вот так в каждом из нас шла своеобразная психологическая подготовка к боям, не кричаще, а втихую, втайне. Но странно, не страх охватывал, а сложнейший конгломерат мыслей, чувств, настроений. Мы, очевидно, будучи молодыми, не сознавали, что это такое.

Тут и настороженность, и любопытство, волнение и сомнение, как будешь держаться на грани жизни и смерти, как ты одолеешь собственную робость и скованность и сумеешь ли достойно выполнить боевой приказ...

5. ВОТ ОН И ПЕРВЫЙ БОЙ...

Волховский фронт пополнился свежими наземными и авиационными частями не случайно. Предстояла Любанская операция, призванная прорвать блокаду Ленинграда. До этого, в конце декабря 1941 года и начале января 1942 года, его войска под командованием генерала армии К.А.Мерецкова разгромили противника под Тихвином, вышли на реку Волхов и вели бои за расширение плацдармов, захваченных на его левом берегу. А между рекой Волхов и Ладожским озером боевые действия вела 54-я армия Ленинградского фронта. Войскам Волховского фронта и 54-й армии в полосе между Ладожским и Ильмень озерами противостояли 17 дивизий 18-й армии немецко-фашистской группы армий «Север», создавшие прочнейшую оборону под Киришами на левом берегу Волхова.

Замысел советского командования был прост и в то же время очень заманчив: ударом войск Волховского фронта с рубежа Вол-

хова и 54-й армии из района Погостья в общем направлении на Любань окружить и уничтожить любанскую группировку войск противника и в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга.

7 января, не ожидая подхода 59-й армии и 2-й ударной армии, 4-я и 52-я армии Волховского фронта перешли в наступление. По мере прибытия с ходу в сражение входили 59-я и 2-я ударная армии.

Наш полк поддерживал наступательные действия 2-й ударной армии. В ночь с 9 на 10 января первыми вылетят комэски Королев и Бахирев, командиры звеньев Кислов, Шишковец, Пикулин. Они произведут бомбардировку войск противника в районе западнее Мясного Бора. После их посадки, как только доложат об обстановке над целью и результатах выполнения боевого задания, через определенный интервал полетим мы: Митрохин, Миронов, Кузнецов, я и Брылин.

Об этом сказал командир полка капитан Цыганков при постановке общей задачи полку перед операцией. И индивидуальные задачи каждому экипажу на первый полет определил он сам, возложив контроль за подготовкой на командиров эскадрилий и звеньев. При этом он подчеркнул:

– Прошу никогда не забывать характерную особенность работы ночных ближних бомбардировщиков: от взлета до посадки они целиком предоставлены самим себе, весь маршрут туда и обратно и, самое главное, – отыскание, атака и уничтожение цели – они производят самостоятельно. Это предопределяет, во-первых, что вы можете полагаться только на свою совесть и мастерство, не надеясь ни на какую помощь со стороны; во-вторых, вы обречены на абсолютное психологическое одиночество в ночном огненном небе, если не считать взаимодействия со своим стрелком-бомбардиром. А к чему это обязывает экипаж, прежде всего пилота? – вдруг обратился он к нам и, видя, что мы не откликаемся, сам же продолжил:

– Прежде всего, к каждому боевому вылету надо готовиться очень добросовестно, скрупулезно, особенно к действиям в районе цели, помня, что зачастую это будет происходить в условиях противодействия зенитных средств противника с одной стороны и в непосредственной близости от своей пехоты – с другой, а это значит, что надо уметь не только ориентироваться в совершен-

стве, но и, что очень важно, настраивать себя на решительные и точные действия в каждом вылете...

Как только я получил боевую задачу и развернул карту, меня охватило трепетное, щемящее душу чувство. Да, настал час, когда ты впервые встречаешься с врагом! Пусть не так, как представлял когда-то в мечтаниях юности: в лихих кавалерийских атаках с шашкой наголо или в изрытом снарядами поле, с криком «ура», штык в штык, револьвер в револьвер.

Но здесь тоже атака, атака особенная, в открытом со всех сторон ночном небе, с высоты птичьего полета, под звук певучего пропеллера, неизведанная, волнующая, огневая и потому тоже с большим риском для жизни...

Отыскал и обвел кружком необходимые ориентиры и цель, соединил их прямыми линиями, написав правее каждой из них курс, расстояние и время. Тщательно проиграл, иначе говоря, мысленно продумал весь полет от взлета до посадки. Обговорил все вопросы взаимодействия на разных участках боевого маршрута со стрелком-бомбардиром.

Теперь можно к самолету, к оружию, от которого зависит в конечном счете успех всего нашего дела. Нет, совсем не случайно сказал Гриша: «Пойдем к нашей Вере, Надежде, Любви».

Да, надо любить свое оружие, то есть хорошо ухаживать за ним, умело, бережно использовать. Надо надеяться, верить ему. Только в этом случае можно быть спокойным и уверенным, без чего не может быть победы. Эту истину поймем мы на опыте позже, а пока с трепетным волнением подходим к нему. Вот он, «голубок» наш, стоит смиренный, добрый, готовый на все, что мы повелим ему, и смотрит на нас тоже с верой, надеждой, любовью. Догадывается ли он, куда мы его сейчас поведем, для чего подвесили под крылышками четыре «щучки» по 50 кг каждая да еще мелочи целое ведро в кабину бомбардира? Эх, учить бы да учить тебе тихо-мирно новых орлят и сокольников, а тут...

О самочувствии самолета докладывает Аксенов и тоже волнуется. Производим с Меновщиковым предполетный осмотр, занимаем свои кабины, пристегиваемся привязными ремнями, проверяем СПУ (самолетное переговорное устройство, состоящее из рупора, шланга и наушника для каждого члена экипажа). Запускаю двигатель, прогоняю на всех режимах. Все в порядке.

Даю сигнал убрать колодки. Но тут неожиданно подпрыгивает к кабине Аксенов и прямо в ухо:

– Желаю вам успеха, командир! Самолет не подведет, будьте спокойны!

– Спасибо дорогой, будем стараться.

А про себя:

– Ну, «голубушка», не подводила ты, когда учили мы с тобой летать наших соколиков, когда попадали в сложные ситуации, не подведи и сейчас, когда идем бить врага.

Я действительно начинаю успокаиваться.

Выруливаю. Становлюсь на линию старта. Поднимается белый фонарь стартера. Энергично вывожу обороты двигателя до полных. Самолет стремительно начинает разбег. По еле заметному выступу леса на горизонте удерживаю направление взлета. Даю ручку от себя. Поднимаю хвост самолета. Скорость нарастает. Вот уже он всю разбежался, но не спешит оторваться, хотя мотор воев, надрываясь во всю мощь. Да, не шутка четверть тонны дополнительного груза для легковесной «голубушки»! Беги, беги, «голубушка»! Полоса достаточно длинная. Но вот она пробежала сотню метров более положенного, набрала приличную скорость. Пора помочь оторваться. Плавно беру ручку на себя. «Голубушка» моя послушно поднимает нос, а через несколько мгновений грузновато отскакивает и повисает в воздухе. Выдерживаю параллельно земле с тем, чтобы набрать необходимую скорость. Вот и время для перехода в набор высоты.

Сделав круг над аэродромом на высоте 500 метров, ложусь на маршрут, беру нужный курс. Засаекаю время. Мотор работает ровно и звонко. Пропеллер поет свои песни. Кругом темень, только над головой подмигивают тысячи звезд. На всякий случай убеждаюсь в правильности направления полета по Полярной звезде, улыбаюсь ей и посылаю привет. Душевное волнение улеглось. Но появилась озабоченность – как выдержать маршрут на промежутке от Октябрьской железной дороги до реки Волхов, где почти не было крупных точечных и линейных ориентиров. Но когда нашел дорогу, ведущую к фронту, убедился, что она ведет в район контрольного ориентира перед целью. Нет, самой дороги почти не видно. Она четко обозначена сплошной цепью автомашин, движущихся по ней в основном к фронту. Притом, что удивительно, как бы с вызовом, с хорошо видимыми с воздуха включенными ближними фарами и подфарниками. Я еще подумал, что они со-

вершенно не пекутся о скрытности передвижения, видимо, немецкая авиация ночью совсем их не беспокоит.

Чувствую, начинают холодеть пальцы рук и ног. Шевели, шевели ими! Еще не хватало, чтобы они замерзли! А немудрено, мороз редкостный...

Но, внимание! Скоро контрольный ориентир, линия фронта, а там и цель. Усиленно всматриваюсь в местность, впереди лежащую: то тут, то там попадаются костры. А это что? Почти по всей мнимой линии, перпендикулярно к курсу самолета, внезапно вспыхивают и тут же гаснут яркие огненные всплески различной величины. «Это, очевидно, и есть огонь артиллерии и минометов», — догадываюсь я. Внимание еще больше обостряется. И тут же замечаю — нос самолета перерезает контуры широкой серой ленты, выделяющейся на общем темном фоне лесистой местности. Ясно, это Волхов. А вот сразу же за ним две узенькие ленточки, тоже грязно-серые. Понятно, это шоссейная и железная дороги, идущие из Новгорода в Чудово. По существу, по ним и проходит линия фронта. А где Мясной Бор, мой контрольный ориентир? Напрягаю зрение, но не вижу никакой деревни, которая должна быть где-то здесь, на этих магистралях.

Начинаю беспокоиться. Мне надо ее найти во что бы то ни стало. От этого зависит точный выход на цель. Между тем, уже проскакиваю дороги. Деревни нет и нет.

Ох, как нежелательно, но решаю сделать над предполагаемым расположением деревни круг. Развернулся на 90°, на 120°. От напряженного внимания туманится в глазах. Но... Стоп! Что это? Вдруг взгляд мой упал на какие-то бесформенные груды и кучи разных размеров, расположенные вдоль ленты шоссейной дороги. А что, если это?.. Да, да, конечно же, это обломки изб и прочих построек Мясного Бора! — мелькнула догадка. Доделываю круг и точно над обломками беру курс на цель. Впереди подо мною линия боевого соприкосновения. Кругом темное царство, если не считать отдельные вспышки. А вот они появились и с той стороны, но значительно реже, чем с нашей. Но мне пока не до вспышек. Надо найти характерный изгиб опушки леса в трех километрах северо-западнее Мясного бора и артиллерийскую батарею на ней. Тут по пути не за что зацепиться, надо полагаться только на зоркий глаз и точное выдерживание курса и времени. Не пропустить этот изгиб! Где-то в

глубине души рождается волнение, не испытанное никогда доселе. Где этот изгиб? Хорошо, что пока не стреляют по мне. Взгляд скользит то по опушке, то по компасу и часам. Стрелки на часах приближаются к заданной отметке! Где же цель? А вот опушка начинает характерный поворот... И неожиданно с этого места вспыхивает огонь и сразу же гаснет. Это же выстрел! Значит там и... Сердце заколотилось еще сильнее. Всматриваюсь до рези в глазах. Да, да! Ура! Вот он и изгиб, как раз там была вспышка...

– Ну, Гриша, приготовься! – стараюсь казаться как можно спокойнее, передаю Меновщикову.

Сбавляю обороты двигателя до необходимых, перехожу в пологое планирование, нос самолета направляю на цель. Жду совмещения линии глаз – метка на крыле – цель. Волнение достигает апогея, внимание обостряется. Быстрее! Быстрее! И вот, наконец, взгляд мой через метку вонзается в цель.

– Бросай! – кричу Грише.

– Есть бросать, командир!

Чувствую, самолет чуть дернуло. Значит бомбы слетели. Тут же доклад бомбардира:

– Все бомбы сброшены, товарищ командир.

– Молодец, спасибо.

Ну, дружок, ну, «голубок», держись! Прибавляю обороты. С этим же углом начинаю крутой разворот на 180° вправо, чтобы как можно скорее уйти от цели, следовательно, из зоны огня.

В это время слышу радостно-возбужденный голос Меновщикова:

– Товарищ командир! Мы точно попали, в районе цели большой взрыв!

– Ну и молодец, отлично, – отвечаю я ему тоже с искренней радостью.

Только было подумал: «Слава Богу, и в воздухе пока спокойно», – как вдруг слева чуть выше нас что-то яркое вспыхнуло и погасло. Не успел я среагировать, тут же друг за другом озарили небо несколько новых таких же вспышек, но уже ближе к самолету. Зенитка! Средняя! Не сбавляя обороты и не выводя из крена, увеличиваю угол планирования и ставлю рули на быстрое скольжение вправо вниз. Смотрю в сторону вспышек. Они заметно отдаляются. Пронесло! Вывожу самолет из

скольжения. Пора ложиться на обратный маршрут. Но в это самое мгновение неожиданно прочеркивает небо гирлянда ярких разноцветных горошинок справа снизу. Пулеметная очередь! – пронзило сознание. Даю полный газ, перевожу самолет на подъем. Смотрю на гирлянду – она тоже быстро поднимается и приближается. Все быстрее, все ближе и ближе, вот-вот чиркнет консоли крыльев!.. Энергично даю ручку от себя и ввожу в левый крен.

– Трасса догнала, сейчас чиркнет! – слышу тревожный голос Гриши.

Как ускользнуть? Как можно быстрее опускаю нос ниже, увеличиваю левый крен и резко толкаю правую ногу до отказа. «Голубок» наш дрожит, гудит, свищет, стремительно падая влево и вниз.

– Трасса осталась выше! – торжествует Гриша.

Проскользнул еще несколько десятков метров, но уже надо выводить, уже близка земля – вот уже темнеет лес...

Поправляю курс так, чтобы выйти на Мясной Бор. Не прошло и минуты, вижу контуры его развалин. Уже под крылом промелькнули серые ленты дорог и широкая полоса Волхова. Поднимаюсь выше и вижу прямо перед собой бесконечную вереницу машинных фар, протянувшуюся вдоль линии нашего обратного маршрута. Только сейчас заметил, что комбинезон почему-то расстегнут, и я, несмотря на тридцатиградусный мороз, весь в холодном поту, а меховая маска на лице сдвинулась набок. Плотнo застегиваю комбинезон, поправляю маску – при таком морозе, да еще когда нещадно обдувает тебя студеная струя воздуха от винта, при настезь открытой кабине немудрено и обморозиться. Это наша постоянная забота зимой... А в данную минуту больше беспокоит другое – как бы не проскочить Октябрьскую железную дорогу, чтобы по ней выйти на наше знаменитое Веребье. А вот, наконец, прямая серая лента прорезает лесной массив. Это она, милая, хорошая. Теперь можно и расслабиться. Но, чур, чтобы это не перешло в беспечность. Теперь надо точно попасть на аэродром. Вдруг метнулся узкий луч зенитного прожектора, замер как вкопанный в строго вертикальном направлении и через каких-то три-четыре секунды погас. Все ясно. А вот и три костра. Они зажжены на полосе для обеспечения посадки. Захожу вдоль линии расположения костров, «кладу» их на капот и планирую... А вот

они уже перед самым носом, подбираю ручку на себя. Плавно приземляюсь у второго костра...

Аксенов, в завязанной ушанке, весь заиндевелый, встретил нас широкой улыбкой, обнял, как самых дорогих, долгожданных гостей, и долго не отпускал, прыгал вокруг нас, как подросток.

– От всей души большое спасибо тебе, Андрюша! «Голубушка» наша, выпущенная твоими руками, вела себя прекрасно, несмотря на то, что ей досталось крепко.

– Рад за нее так же, как и за вас. Сердечно благодарю и поздравляю вас, всех троих, с успешным выполнением первого боевого задания!

– А мы тебя, ибо без тебя не было бы этого успеха.

– Спасибо, – сказал Аксенов, но так, будто замялся на полуслове.

– Ты что-то не договариваешь, по-моему, Андрей? – спросил Меновщиков.

– Я не хотел это говорить первым, но раз спросили, скажу, – не вернулся до сих пор Митрюхин, хотя расчетное время вышло давно.

– Вот как? Что же могло случиться? Может, сел вынужденно? – с ноткой надежды ответил ему Меновщиков.

Мне теперь стало ясно, почему Аксенов был чрезмерно взволнован и рад встрече с нами.

– Ладно, побежали на КП. Может быть, там уже известно, – только и мог сказать я моим друзьям.

О выполнении боевого задания во всех подробностях мы доложили командиру полка в присутствии начальника штаба и командира эскадрильи. Командир полка задавал много вопросов.

Он особенно интересовался режимом работы двигателя и деталями маневра в момент атаки цели и ухода от нее.

После доклада пришли в землянку, отведенную для отдыха летному составу. Там были уже слетавшие два комэска, три комзвеньев, Миронов, Кузнецов, а также все летчики и стрелки-бомбардиры, сидевшие в боевой готовности. Понятное дело, посыпались вопросы.

– Ну как слетали? Что видели?

– А попали в цель? Были ли зенитки?

– А не видели Митрюхина?

Мы опять рассказали подробно о том, что видели, что делали, что пережили. Вскоре пришел и Игорь Брылин, летевший за мной. С ним повторилось то же самое...

В 4 часа объявили отбой боевой готовности и отпустили на отдых. В 14 часов состоялся обстоятельный разбор первых вылетов полка. Открыл его начальник штаба полка. Он рассказал, на каком оперативно-тактическом фоне проходили боевые действия полка. В дальнейшем доложили о своих наблюдениях и ходе выполнения ими боевых задач все участники первой ночи боевой работы. Итоги разбора подвел командир полка. На основе докладов командиров экипажей он прежде всего подверг анализу способности их боевых действий в районе цели. Указал на необходимость и дальше использовать и совершенствовать положительный опыт. Но больше всего он говорил о допущенных тактических промахах и о том, как в дальнейшем избежать их. Уделил много внимания высотам и направлениям атак, а также управлению работой двигателя над целью.

– Мы с вами уже знаем, что при равномерной работе двигателя на средних или малых оборотах, когда патрубки непрерывно выделяют ровные, еле заметные красно-синие огоньки, на фоне темного звездного неба обнаружить наш самолет не так-то просто, его огоньки просто сливаются со звездами, а вот при резком изменении режима работы двигателя, патрубки то выбрасывают снопы искр, то языки ярко-оранжевого пламени, хорошо видимые издали и способствующие этим самообнаружению. Что и получилось, например, у товарища Латыпова, когда он сразу же после сброса бомб резко довел обороты двигателя до максимальных. Понятно, он хотел быстрее уйти из зоны огня противника, но преждевременно обнаружил себя и чуть не стал жертвой вражеских зениток.

– А что надо было сделать в этом случае, товарищ Латыпов? – вдруг обратился он ко мне. От неожиданности я сначала растерялся, замешкался, даже Миша Кузнецов шепотом стал что-то подсказывать, но вскоре я нашелся и ответил:

– Надо было уходить, не изменяя режима работы двигателя или, если прибавлять обороты, то очень плавно и незначительно.

– Правильно. А в чем ваша вторая ошибка?

– ???

– Вы атаку произвели правильно – сразу с ходу и курсом в сторону противника, но после сброса бомб стали над целью уст-

раивать кордебалеты. Вместо того, чтобы быстрее уйти от цели, спокойно развернуться, например, на 90°, а потом через минуту развернуться на столько же и уйти на свою территорию, вы прямо над целью начали разворот на 180°, и тем значительно увеличили время нахождения в зоне огня противника. Но это не все. Вы совершили третью ошибку. В чем она, по-вашему?

– ???

– После того, когда увидели внизу пулеметную очередь?

– ???

– Вы резко и полностью увеличили обороты двигателя, чем повторили первую ошибку и позволили теперь обнаружить себя зенитчикам-пулеметчикам, во-вторых, не меняя курса стали карабкаться ввысь, мол, раз пулеметная трасса внизу, я пойду наверх, этим создали самые благоприятные условия для вражеских зенитчиков, ибо продолжили полет по прямой, с одной стороны, значительно уменьшили скорость, с другой, вместо того, чтобы просто несколько изменить направление полета и увеличить скорость, уходя с отжимом, не прибавляя оборотов двигателя, т.е., совершив противозенитный маневр, наиболее целесообразный в данной тактической обстановке. Вы поняли, о чем речь?

– Понял, товарищ капитан. Спасибо.

– На первый раз, как говорится, ошибки прощаются, тем более потом вы действовали правильно и отделались только тремя пробоинами в консоли крыла. Но при повторении они могут оказаться роковыми, что, вполне вероятно, и случилось с Митрюхиным и его стрелком-бомбардиром Копыловым, которые были обнаружены под обломками сгоревшего самолета на левом берегу Волхова. По докладу представителей наземных войск их самолет был подожжен уже после атаки цели очередью из зенитных пулеметов фашистов.

Вот так, самых скромных и мужественных, милых и жизнерадостных уральских парней выбрала война в качестве своих первых жертв в полку.

Память наших боевых товарищей, героически погибших в схватке с жестоким врагом, прошу почтить минутным молчанием.

Все встали. Каждый из нас по-своему глубоко задумался о тяжелой утрате, о первой безвозвратной потере друзей. Да, вчера вечером только стояли рядом, улыбались, разговаривали, строи-

ли жизненные планы, а сегодня... Так, сразу, в первую же ночь... Дай бог, чтобы в последующем всем сопутствовала удача...

– Наша с вами задача – сделать правильные выводы из ошибок первой боевой ночи, – вернул нас к действительности командир полка, – я уверен, что вы не ударитесь в панику и поймете, что в основе каждой ошибки лежит причина. Вот ее-то надо стараться предусмотреть до боя и не допустить в бою, максимально учитывая особенности сложившейся обстановки...

Командир полка далее подверг тщательному анализу каждый боевой вылет, выделив как поучительные, так и неудачные моменты, указав на целесообразные пути решения тех или иных тактических проблем, возможных в различных ситуациях воздушного боя. В пример поставил командира звена лейтенанта Михаила Кислова, произведшего в районе цели наиболее целесообразный маневр.

В заключение, после уточнения на карте боевого соприкосновения (ЛБС) и нанесения обнаруженных зенитных точек противника, командиром была поставлена боевая задача на предстоящую ночь.

Удары будем наносить лишь на 500-700 метров западнее и северо-западнее целей прошлой ночи. Готовность к вылету первого экипажа 20.00, я должен вылететь в 23.30.

После обеда в 16.00 осмотр техники и оружия, беседа с техническим составом, а потом предполетный отдых...

Сразу же и не заметишь наших «голубков», спрятавшихся в гнездах-капонирах и лесных углублениях, сверху прикрытых маскировочной сеткой, спереди прислоненными молодыми елями и сосенками, нежно припорошенными тонким слоем инея. Стоят, пока притаившиеся, но готовые немедленно ринуться в любое пекло, если на то будет воля их хозяев.

Техник и два механика, когда мы подходили, энергично вытанцовывали немислимые коленца, что-то вроде смеси «чечетки» и «лезгинки», сопровождая их усиленными похлопываниями «ладушками». Это они так спасались от редкостного даже для тех мест мороза. Они остановились, как только мы подошли. Аксенов, все еще не отдышавшийся, доложил, что весь объем работ проделан, в том числе заклеены пробоины в консоли правого крыла, хорошо, что металлические и деревянные части не были повреждены.

– Нетрудно и заделать, ну их к лешему, пусть их больше никогда не будет, – пожелал он от души.

– Хорошо бы, мы тоже за это, но как Ганс рассудит, и что противопоставим мы ему, – ответил другу Меновщиков.

Осмотрели, уже который раз, до каждой клеточки знакомый наш «голубок», ознакомили Аксенова и других членов экипажей с боевым заданием, которое предстоит выполнить сегодня, и уже хотели было уходить, но подошел Щербина, техник самолета Митрюхина. Осунувшийся, сгорбленный, весь – отрешенность.

– Здравия желаю. Можно к вам на минутку? – обратился он к нам.

– Конечно, Петро, пожалуйста. Прежде всего, мы просим тебя принять наши сердечное сочувствие и глубокое соболезнование по случаю такой тяжелой невосполнимой утраты – неожиданной гибели дорогих наших боевых друзей Василия и Вячеслава. Мы все разделяем с тобой это большое горе. Понимаем, что мы не сильные советчики и помощники в таком деле, но от души желаем, чтобы ты не сдавался, всемерно крепился. У тебя есть все для этого, – не совсем четко ответил я ему.

– Спасибо за сочувствие и добрые пожелания, но скажу откровенно, пока никак не могу прийти в себя. Знаете, он всего месяц прожил с молодой женой перед войной. Говорил, что она очень красивая и добрая. Вчера ей написал, что придет день, когда вместе отпразднуют победу. Он обещал, что весь экипаж пригласит в гости. А знаете, о чем он мечтал? Быть после войны водителем больших воздушных кораблей с множеством пассажиров. Он так и говорил – водителем. Вот и получается, что умом, вроде, хочу понять, что его не будет никогда среди нас, а сердце и душа не воспринимают, и все тут! Да, оказывается, очень тяжело испытать такое, не дай бог это другим.

– Все верно, Петро, но потерпи немного, и время расставит все по своим местам.

– Будем надеяться. Но, извините, пожалуйста, я хотел и вас спросить, не видели ли хоть вы что-нибудь там, а то почему-то никто не знает, как все это произошло?

– Не мудрено, Петро, ведь экипажи шли на значительных временных интервалах. Мы тоже никак не могли видеть, ибо цель была совсем другая и атаковали мы ее на час позже, чем Василий с Вячеславом. Мог видеть, и то случайно, Миронов, ибо он летел непосредственно за ним, но опять-таки на 20 минут позднее его.

Так что, извини, мы ничего не можем добавить к тому, что передали наземники.

– Спасибо, мне ясно, что ничего не ясно. Бой есть бой. А нам действительно остается только гадать, терпеть и уметь пережить тяжкие испытания.

– Не только. Надо сделать все, от тебя зависящее, чтобы этих тяжелых испытаний было как можно меньше...

Вот так, только что была радость совместного ратного труда, были друзья – опора жизни и службы, была радость общения с ними и вмиг не стало всего этого – проглотила всепожирающая бойня войны. Кто же следующая жертва? В полку их будет, возможно, несколько человек, но полков тысячи. Значит, будут сотни, тысячи, миллионы потерь. А что делать, таковы логика и диалектика войны, коли жернова ее завращались вовсю... Понимают это, но не чувствуют и не сочувствуют никогда те, кто затевают боины, ибо никогда не испытывают их последствий на себе...

6. И НОЧЬЮ ГОНЯЕТСЯ ЗА «ГОЛУБКОМ» СТЕРВЯТНИК

Пришло время, когда я иду второй раз дубасить тех, кого послали эти всеильные мира сего для того, чтобы убить меня и закабалить мой народ. Естественно мое стремление бить их как можно лучше и убить как можно больше и оставаться целехоньким при этом самому. Возможно ли это? Возможно, если я сумею подобрать из десятков вариантов один, единственно верный, вариант атаки, при котором враг будет поставлен в наихудшие условия, а я сам окажусь в наилучших...

Где-то впереди меня цель – батарея полевой артиллерии фашистов. Я подлетаю к линии фронта. Как мы выявили сами и как доложила разведка, левее цели расположены пушки МЗА (малокалиберной зенитной артиллерии), правее – зенитные пулеметы. Значит атаковать цель с правым или левым разворотом, выйдя на нее правее или левее, нельзя, ибо как ввод в атаку, так и выход из нее пролягут через зенитные точки. Это верная смерть. Остается целесообразной атака с ходу, после чего проход несколько по прямой, а затем с левым или правым отворотом обойти две зенитные точки так, чтобы быть недосыгаемым для них, но и не нарываться на «чу-

жие». А можно и заранее обойти зенитки и атаковать цель с тыла, откуда враг наверняка не ждет, с прямым выходом затем на свою территорию. Очень заманчивый способ. Но я боюсь – вдруг Гриша замешкается хоть на секунду со сбрасыванием бомб и они могут накрыть свои войска. Нет, пока нет опыта, рисковать не будем. Решено – бьем с ходу. Теперь, чур, не проскочить и точно опознать цель! Внимательно всматриваюсь в землю. Вот пролетели уже знакомые железную и шоссейную дороги. То тут, то там видны вспышки редких пушечных выстрелов. Нет-нет да взметнутся к темному небу сигнальные ракеты, прочерчивая яркие искристые следы. По их направлению и характеру, если и не определяю точно, то по крайней мере угадываю несколько сместившуюся на северо-запад линию соприкосновения воюющих сторон. Взгляд на компас, часы. Все, вроде, точно. Через минуту должна появиться цель. Снова глаза устремляются на землю. Где поле за той злополучной опушкой и кустарник на нем, левее которого в ста метрах должны быть позиции фашистской батареи? Хоть бы разок одна какая-нибудь пушечка оттуда выстрелила! Но там полная темень и, кажется, полное безмолвие. Вдруг выхожу на лесной массив. Что за чертовщина? А где же та опушка с характерным изгибом? С волнением осматриваюсь. Но желанного ориентира не вижу. Делаю отворот влево, потом вправо, потом опять иду прямо по курсу. Но кругом лес, без всяких опушек. Уклонился? Неужели ветер усилился и, еще хуже, изменил направление? Пролетаю еще полминуты, делая змейки. Но под нами все еще чернеет лес. Решаю поднять высоту. Усиливаю наблюдение. Все то же. Между тем курс выдерживается заданный, секундная же стрелка часов уже отсчитала время атаки. Начинаю тревожиться всерьез...

Только не суетиться! Может встречно-боковой ветер усилился? Надо выдержать курс и высоту еще несколько секунд. Там видно будет. Пролетели около 10 секунд, и вдруг слышу голос Гриши:

– Товарищ командир, справа вижу вспышки!

Мгновенно кидаю взгляд туда. Но ничего не вижу. Подожди, потерпи. Если это были вспышки, они ведь могут повториться. Проходит секунда, другая. И... ура! Правее курса за задней кромкой крыла, километрах в трех за лесом, в двух местах ярко вспыхнули огоньки и сразу потухли. Неужели? Неужели это залпы «наших» орудий? Неужели нас отнесло настолько от расчетной линии пути?! Возможно. У меня нет выхода кроме как проверить

достоверность догадки. Решительно поворачиваю нос самолета туда, где промелькнули вспышки, ни на миг не отрывая взора от «заветной» точки. Стрелки часов неумолимо отсчитывают секунды, но впереди ни просвета. Кажется, что прошла вечность. Но неожиданно лес обрывается и перед нами открывается ровное синевато-матовое поле! Но, смотри, не дыши. И тут же (о радость!) прямо перед носом промелькнули одна... две... три...(!) огневые точки, озарив собой ... кустарник! О, боги, бывает же такое счастье! Это же она сама, желанная цель! Надо проверить, убедиться да и уходить быстрее, пока не обнаружили нас зенитки, находящиеся рядом. Энергично разворачиваюсь на 180° и делаю над лесом маневр с таким расчетом, чтобы атаковать батарею. Да, так и есть, – вот это поле, кустарник на нем, левее которого были замечены огненные всполохи.

– Готовься, Гриша, мы на боевом! – как можно спокойнее и увереннее стараюсь дать другу команду.

– Есть, товарищ командир! – чеканит он в ответ.

Слегка сбавляю обороты, чуть отжимаю ручку управления от себя. Взор устремляю на цель. Вот она – неопределенной формы темные точки батареи – все ближе, ближе и, наконец, ложится на визирную линию...

– Бросай, Гриша!

– Есть!

Плавню прибавляю обороты, вывожу из угла планирования и с тем же курсом ухожу от цели.

– Товарищ командир, взрывы точно там, где были вспышки.

– Спасибо, молодец, Гриша!

Выйдя из предполагаемой зоны воздействия зениток, делаю целесообразный маневр и беру курс домой.

Почти весь обратный маршрут пролетели спокойно. Скоро дом. Впереди поперек нашего пути, под некоторым углом к нему, ровной узкой полоской пролегла Октябрьская, наша милая, наша спасительница. Слава Богу! Сейчас развернусь вправо по ней и через две минуты увижу огни аэродрома. Стало легко и приятно на душе. Но вдруг... тревожный вскрик Гриши в ушах:

– Командир, какой-то большой самолет без огней приближается к нам сзади!

Безмятежность улетучилась мгновенно. В ту же секунду на полшага убираю газ и только успеваю ввести самолет в глубокое

правое скольжение, как не столько увидел, сколько ощутил прямо над головой сначала целый сноп трассирующего огня, вслед за ним нечто большое и темное, грохочущее, шквалистое. Я не успел еще понять происходящее, как «голубок» наш произвольно и легко переворачивается на левое крыло и переходит в глубокую спираль. Перевел взгляд вниз – темная, шероховатая плоскость лесного массива под острым углом быстро приближается к нам. Энергичным движением рулей крылышки «голубка» ставлю параллельно ей и вывожу из угла пикирования. Над самыми макушками деревьев! Уф! А почему это кренит влево? Да, ведь на левых крыльях лохмотья! Стараюсь успокоиться. Осматриваюсь. Ушло чудовище или нет? Догадываюсь – этим чудовищем мог быть «Мессершмитт-110», двухмоторный многоцелевой фашистский стервятник. Он временами охотился не только днем, но и ночью, за нашими отдельными зазевавшимися самолетами. Надо же так случиться, что напоролся именно на нас!

– Гриша, осмотрись получше, не видно нигде фашиста?

То же самое делаю сам. Но нигде не обнаруживаю его. Об этом же докладывает Гриша. Значит, он потерял нас. Пронесло! Как говорится, и на этот раз повезло.

Ну, а где мы находимся? Вражеский истребитель нашел нас, как только мы вышли на Октябрьскую. Курс с той поры не меняли. Значит находимся восточнее дороги. Разворачиваюсь на 180° и вскоре выхожу на нее. Теперь левый разворот, а там уже рядом аэродром родненький...

Искренне поздравляют нас с благополучным возвращением не только Аксенов, Литвиненко, но и Таран, Бахирев, а также оказавшиеся вместе с ними Миша Кузнецов и Игорь Брылин. Они обеспокоены, что мы пробыли в воздухе на полчаса больше положенного.

– Да, щедро вас угостили фашисты, – глядя на пробойны различной величины в левых крыльях и верхней части киля, протянул комэск, а стартех добавил:

– И работы нам порядочно подбросили.

На КП мы доложили по порядку все, что было в ходе этого боевого полета с тем, чтобы все наши ошибки и промахи могли учесть остальные.

– Хорошо. Победителей не судят, – довольно сухо произнес командир полка и кинул на нас взгляд, говорящий, что

разговор на этом закончен и ни о чем больше беспокоиться не надо.

Только комэск, Миша, Игорь и Виктор Миронов, вылетающие вслед за мной, особенно заинтересованно расспрашивали о всех деталях полета. Мы им охотно отвечали.

– Главное, своевременно берите поправку на угол сноса и не расслабляйтесь даже у дома, – посоветовал я друзьям.

– Спасибо, учтем.

И они, и все другие летчики полка, выполнявшие боевые задания в эту ночь, вернулись домой благополучно, если не считать нескольких пулевых пробоев в самолетах Миши и Виктора.

7. ЗВЕЗДА САЛАВАТА

Став «безлошадниками» и резервными, мы все же всю оставшуюся ночь просидели в боевой готовности. Утром, отпустив Меновщикова, направился на стоянки – что там делается с нашим «голубком»? И с некоторым опозданием пришел на завтрак.

Только принесла официантка второе блюдо, как ко мне подсел летчик-истребитель.

– Боевой привет и приятного аппетита «голубям» – ночным бомбардирам, – весело и, как показалось радушно, поздоровался высокий, статный молодой парень в меховом комбинезоне, кладя шлемофон и планшет с картами на рядом стоящую табуретку.

– Спасибо. Здравия желаю бесстрашным ястребам, – в тон ему отозвался я.

– Благодарю. Как отработали? Слышал, всю ночь тархтели родные «М-уш-ки», – спросил он, имея в виду наши моторы «М-11»-е.

– Неплохо, даже хорошо. Не считая некоторых недоразумений и досадных мелочей.

– Без них редко обходится, лишь бы не было крупных неприятностей.

Как бывает в таких случаях, мы разговаривали о том, о сем и к концу завтрака невольно ощутили взаимную симпатию. Нам уже казалось, что мы знаем друг друга давно и, наконец, встретились после долгой вынужденной разлуки.

– Меня зовут Саша, Саша Лунев, – вставая из-за стола протянул мне руку мой новый знакомый.

– Куддус. Куддус Латыпов, – я крепко, с удовольствием пожал его сильную руку.

– Куддус? – переспросил Саша. – Очень интересное редкое имя. Вы из Татарии?

– Из Башкирии, – с гордостью поправил я его.

– О! Потомок Салавата Юлаева! – он посмотрел на меня еще заинтересованней, словно пытаюсь найти в моем лице что-то знакомое. – Будешь воевать так же героически! – твердо, словно не сомневаясь в этом, добавил Лунев.

Почувствовав, что краснею от незаслуженного сравнения, я поспешил ему возразить:

– Что Вы, Саша! Как Вы можете ставить меня рядом с ним? Я не робкого десятка, но эти мысли и слова считаю дерзкими.

– Дерзкими? Да Вы понимаете в какое время мы живем?!

Я нетерпеливо перебил его:

– Вы, я вижу, не понимаете, что и кто такой Салават для нашего народа! Это самый великий башкир! Каждый на нашей земле с молоком матери впитывает любовь к нему, гордится и восхищается им.

– Вот и надо стремиться дотянуться до него, – продолжал настаивать на своем Саша. Ведь Салават, хоть и легендарный батыр, был тоже человеком и, наверное, не останется единственным героем вашего народа.

– Как Вы не понимаете! Это совсем не то! Да, герои были до него, они есть и сейчас, появятся потом, но такого уже не будет. Это не просто человек, даже не просто батыр, это сам дух нашего народа, его сердце! Не сравниваете же Вы себя со Степаном Разиным или с Мининым и Пожарским! – вконец разволновался я.

– ???

– Удивляетесь? А ведь Салават для башкир значит больше, чем они для русских!

– Да-а-а! Не ожидал, что наш разговор будет таким серьезным и сложным. Есть предложение продолжить при первом же удобном случае. Идет? – после небольшого паузы сказал Саша.

– Договорились.

– А я, Куддус, местный, новгородский, из деревни Березовая. Еще не пролетали над ней?

– Пока нет.

– Посмотри хотя бы сверху. Понравится, – сказал он потеплевшим голосом. – А теперь мне пора.

Прямо, открыто глядя в глаза, он по-дружески крепко пожал мне руку. Большие серо-голубые глаза его выражали такую доброжелательность, что невольно вызывали доверие. А если вы представите его чистый, высокий лоб, голову, обрамленную густыми вьющимися русыми волосами, горделиво возвышающуюся на могучих плечах и вообще всю его внушительную осанку, то увидите перед собой настоящего мужчину. Мужчину сильного, мужественного, добропорядочного и поэтому красивого.

Разговор этот, случайно возникший, так взволновал меня, что, несмотря на усталость, я долго не мог уснуть, мысленно продолжая его.

Теперь, с высоты прожитой мною сложной, трудной жизни, полной больших радостей и непростительных ошибок, размышлений, порой самых мучительных, об историческом пути и судьбе моего любимого народа, поисков смысла жизни, своих корней и истоков, пытаюсь решить вопросы, которые часто оставались без ответа, я иначе, чем тогда, будучи восемнадцатилетним, понимаю Салавата.

Тогда я не мог понимать того, что Салават, молодой по прожитым годам, по существу, был гораздо старше, впитав в себя всю вековую мудрость своего народа, нравственную силу, философию, сам его дух. Это дало ему, молодому егету, с горячим темпераментом, острым умом и добрым сердцем, еще и крылья за спиной. Они и подняли его до звезд, сделали одной из звезд, свет которой даже после прошедших веков после его трагической гибели помогает моему народу ощутить свою силу, самобытность, свое место на этой большой земле среди множества населяющих ее народов.

Тогда, сам будучи молодым, я понимал удивительную ясность его мыслей, целеустремленность, чистоту, безграничное бесстрашие, высокую гордость...

Но образ Салавата еще имеет и бездонную глубину, постичь которую я смог, только прожив долгую жизнь, хотя до сих пор не уверен, что вполне постиг его загадку. Почему, прошли века, а о нем слагают и поют песни? Почему, когда произносят его имя, у любого башкира сжимается сердце, а на душе становится радостно и горько? Радостно оттого, что он был, его помнят и горько оттого, что погиб, погиб не прожив отпущенный ему природой срок. Почему эта горечь не проходит с годами, вернее, с веками? Почему его так любили и боялись?

И уже после того, как поймали, связали руки, его боялись. Посадили в клетку, увезли далеко от Родины, родных, но боялись.

Не умел говорить по-русски, но боялись. Отрезали язык, выслали на край света, но боялись. Заточили в крепость, чтоб никто не видел, запретили говорить о нем, но боялись.

Не разрешали называть новорожденных мальчиков его именем, но боялись.

Могущественные правители всех рангов боялись его как огня.

И в то же время его родной народ и те, кто больше всего ценит свободу и свободный труд на своей родине, живущие в разных странах, почитали и любили его горячо, незабвенно. Почему?

Тогда я еще не полностью осознал все эти «почему».

Позже, уже после войны, стал серьезно знакомиться с исторической наукой, изучать все, что есть о Салавате, его современниках, его времени, в том числе и прежде всего, народные легенды, сказания, песни. И только сейчас осмеливаюсь воссоздать в душе его великую жизнь, его неповторимый образ, сопоставить его с другими выдающимися национальными героями, борцами за народное счастье, понять, что двигало ими. Трудное это постижение. Вижу, как много общего в их мыслях, жизни, поступках. И чем больше вдумываюсь, тем больше узнаю, тем богаче становлюсь я сам, теплее на душе, прибавляется оптимизма. Многие (хотя далеко не все) «почему» становятся понятнее, яснее.

Сегодня, когда историческое сознание нашего народа во многом формируется газетами, радио- и телепередачами, телерепортерами, оплаченными разбогатевшими на спекуляции воротилами, когда пытаются перечеркнуть все хорошее, что было создано трудом, умом и душой народа, за предшествующие годы, когда обесцениваются честная трудовая жизнь и нравственная чистота, когда воспитывается приспособленец, а то и хуже – человек, предающий свои идеалы, должны быть услышаны каждый голос, каждое слово об истинном смысле человеческой жизни, человеческом счастье. Надеюсь и мое слово, слово о великом бунтаре Салавате, о моих боевых товарищах будет услышано. Пусть каждый сравнивает, на каких идеалах выросли и победили мы и на каких пытаются вырастить сегодняшнее поколение.

Салават был одним из тех сынов своего народа, которые беспрельдно любили свою Родину (а любить для них Родину и народ значило жить заботами об их свободе, благополучии и про-

цветании). Они часто и всерьез задумывались, когда, каким образом, почему их народ, в прошлом многомиллионный, могучий, мужественный, талантливый, свободолюбивый и гордый оказался, по существу, лишенным прав на свои земли, на свою свободу, на свою жизнь.

Пусть наивно, пусть не совсем осознанно, но они задавались вопросом, почему пришельцы стали вершителями судьбы их народа, издревле являющегося единственным обитателем и хозяином этих обширных, благодатных земель.

Давно ли было, когда их народ вольготно, полновластным хозяином жил на огромных просторах от казахских степей до среднего Урала, от Волги до Тобола, когда на бесчисленных и живописных горных и равнинных пастбищах с сочными травами паслись тысячи и тысячи коней, крупный рогатый скот, овцы...

Они приходили в клочущую ярость от того, что пришельцы вероломно захватывают все это у народа, а они бессильны помочь ему, все громче и громче стонущему от нещадного гнета, позора и издевательств...

Они знали, что все это началось еще с татаро-монгольского нашествия, продолжалось под властью Казанского ханства. Но даже тогда, по преданиям, народ не доходил до такой степени бесправия и крайней нищеты, как при их жизни, хотя было ох как нелегко. К сожалению, и после захвата Казани Иваном Грозным беды башкир от покушений наглых соседей не кончились, а, напротив, усилились.

Тогда и пошел башкирский народ на добровольное присоединение к России, веря, что в ее лице найдет надежное покровительство от посягательств извне, прежде всего татарских ханов с запада и востока и многочисленных кочевых племен с юга.

Свободолюбивый, но наивный народ, это чистое и простодушное дитя природы, не мог предположить, что его богатая, чудной красоты природа станет лакомым куском, а сам он, трудолюбивый и мужественный, – создателем богатств и дешевой ратной силой для русского царизма.

Нет, совсем не под крылышки ангелов-хранителей угодил он тогда, а под ярмо безжалостных вельмож, а попросту – самых настоящих хищников.

Да, царизм действительно оказал покровительство, но не башкирскому народу, а русским помещикам и купцам, всяким дель-

цам и проходимцам. Тысячами и тысячами потянулись они тогда за легкой наживой, то лестью, то обманом, то вероломством и силой стали расхватывать лучшие уголья башкирской земли, а в те территории, в недрах которых обнаруживались ископаемые сокровища, вцеплялись, вгрызались с звериной жадностью, мертвой хваткой.

Так башкиры лишились своей свободы, своих исконных земель, своих несметных богатств. Так началась в их многовековой истории страшная пора порабощения, бесправия и вымирания.

Почти как у индейцев Северной Америки! – отметим сегодня мы.

Каждый клочок башкирской земли обильно полит не только потом, но и кровью башкирского и русского рабочего и воинского люда. На каждом дореволюционном сооружении на этой земле, будь то завод или фабрика, рудник или мост, на каждом метре железной и иных дорог, проложенных в то время, кровь тружеников и ратников башкирских и русских и иных, невидимые глазу слои грязи бесовестных и наглых ухищрений новоявленных землевладельцев, заводчиков, фабрикантов, купцов и прочих узурпаторов и крохоборов...

Где же выход из этого тяжелейшего, казалось бы, безнадежного положения? Как спасти многострадальный народ свой? Как вернуть отобранные земли свои?

Салават долго и мучительно искал ответы на эти вопросы. И после глубоких размышлений, под влиянием стихийно возникших народных волнений пришел к единственно правильному с его точки зрения выводу – бороться. Да, он решил бороться. И свои мысли, свои решения понес народу. Он объявил беспощадную войну всем узурпаторам и насильникам, всем обидчикам народа. Он провозгласил смерть тирании и тиранам и свободу народам. Народ его понял, ему поверил, его поддержал. Народ – впервые весь народ – пошел за ним.

Пошел потому, что цели борьбы и призывы Салавата соответствовали исконным, самым заветным его желаниям, желаниям всех людей труда.

Долой рабство! Да здравствует свобода! Свобода, Свобода и Свобода! Не просто свобода и не только. И справедливость! И честь! И достоинство! И равноправие! На деле, для каждого человека, для каждого народа! Разумеется, также и Право, Право

решать самим свою судьбу! – вот такие великие и священные цели повели Салавата и вместе с ним весь его народ. Величие и святость целей дали ему и его народу душевные силы и вдохновение, не позволившие им склонить головы перед царем, его сатрапами и прочими властелинами несправедливыми всех степеней и мастей. Для них стало ясно, каким путем достичь своих целей. Сначала они просили вернуть захваченные земли добровольно. Но вероломные захватчики не согласились. Раз так, остается одно – бороться, бороться силой, вооружиться, восстать.

И, что очень важно, он, вождь, герой-батыр одного поработанного народа, впервые выступил за братство всех народов в этой борьбе, в этом восстании. Он хотел свободы, справедливости, равноправия и счастья не только своему родному народу, башкирам, но и всем жителям земли.

Глубокий мыслитель своего времени, он понял, что трудовые люди всех наций, и великих тоже, одинаково бесправны, одинаково угнетаемы, поэтому и цели у них одни – борьба за свое освобождение, за свои права. И враг у них, их угнетатель один – царские сатрапы, помещики и другие собственники земли, ее недр, все чаще появляющихся заводов, фабрик и других материальных средств, создаваемых руками тружеников. Чтобы достичь своих целей, стать хозяевами своей жизни, своих прав, своих земель и всех богатств на ней, все народы должны бороться против общего врага решительно, сообща, объединенными усилиями, а робко, несмело и в одиночку его, этого хищного, могучего и коварного врага никогда не одолеть.

Одаренный поэт и певец, Юлаев явился и искусным вдохновителем людских масс на борьбу... Но Салават не только признал и провозгласил единство и общность великих целей борьбы народов и способов их достижения.

Неоценимая историческая заслуга Салавата и в том, что он впервые возглавил совместное восстание угнетенных крестьян, ремесленников, кустарей, заводских мастеровых из разных народов, живших на прилегающих к башкирским территориям, и примкнул к «народному царю» – Емельяну Пугачеву, в котором увидел мужественного борца за свои сокровенные мечты. В ходе народной войны превратил свою многотысячную рать в одну из самых значительных и стойких частей объединенного войска восставших, став до конца его верной опорой, талантливым предводителем.

лем и умелым организатором боя с вооруженными до зубов регулярными частями царской армии.

И при всем при этом ярко проявил себя как вожак безукоризненной чести и достоинства, чуткости и доброты, справедливости и человеколюбия, беспредельной верности и преданности долгу, отдавший всего себя без остатка самоотверженной борьбе за интересы хлебопашцев, скотоводов, заводских мастеровых, ремесленников, охотников, рыбаков...

А в бою? В бою любом, в том числе самом жестоком, всегда впереди, стремительно летит на легких крыльях с высоко поднятой сверкающей саблей, беспредельно отважен, красив, искусен и находчив, бесстрашно врывается в цепи врага, рубит его, наводя невообразимый ужас, неудержимо увлекая за собой храбрых и преданных бойцов – повстанцев своих...

Вообразите все это, вдумайтесь во все вышеперечисленное и вы поймете, почему от всего сердца и незабвенно полюбил его народ и лютой ненавистью воспылали к нему тираны и грабители народов.

Поймите, почему он стал знаменем борьбы родного народа, борьбы за жизнь, достойную этого изумительного народа, народа свободолюбивого и мужественного, невообразимо бескорыстного и трудолюбивого.

Поймите, почему его имя стало в народе воистину священным!

И пуще чумного мора страшились Салавата и его деяний власть имущие, все противники истинной свободы и равноправия. Их душонки нечистые всегда мрачнели и цепенели от жуткого страха перед его именем, перед его подвигами. Да, тогда им удалось потопить в море крови восставший народ. Наивно было бы полагать, что стихийные выступления доведенных до отчаяния крайней нуждой десятков, сотен тысяч разнородных масс, вооруженных в основном луками, вилами да топорами против пушек, ружей и штыков, не объединенных глубоко осознанными целями борьбы и не обученных ей, могли привести к победным результатам. Но то, что они до основания потрясли существовавший тогда общественный и государственный строй, то, что оказали существенное воздействие на народные умы, то, что оставили неизгладимый след в народном сознании, – все это является бесспорным.

И как бы власть имущие ни старались и ни изощрялись, память о великом народном герое и великом борце за Свободу и Справедливость так и не смогли уничтожить.

И этого не сможет никто и никогда. Ибо он, как все подобные ему, стал звездой, звездой путеводной, звездой надежды.

Она, эта звезда, звала на борьбу за воцарение самого праведного мира на земле. Она, звезда Салавата, наряду с другими, ей подобными, указывала нам, башкирам, верный путь борьбы с фашизмом, пытавшимся поработить нашу великую Родину и вместе с ней наш родной Башкортостан. Яркая звезда водила меня и всех других воздушных бойцов моего народа самыми верными маршрутами и надежно освещала наш путь в огненных небесах...

8. НЕЖДАНЫЙ БОЙ С «МЕССЕРАМИ». СПАСИТЕЛЬНАЯ АТАКА САШИ

А теперь вернемся к фронтовым делам, к тому дню, когда произошло знакомство с Сашей Луневым и когда выяснилось, что я земляк Салавата Юлаева. Наши дружеские беседы о Салавате, о других сынах России и их роли в истории, о положении дел на фронте, настоящем и будущем страны, о жизни после победы и о многом другом быстро сблизили нас. Мы действительно стали друзьями и не заметили, как перешли на «ты». Встречи наши и беседы стали регулярными. Посетил я и стоянку его самолета, чтобы посмотреть на «ястребок»-истребитель. Саша пригласил посидеть в кабине, рассказал, как происходит полет, воздушный бой. Моему восхищению не было предела. Когда же оно осуществится, мое заветное желание, когда я пересяду на настоящий боевой самолет? Правда, я больше мечтаю о «соколе»-штурмовике ИЛ-2...

Но пока... Пока направляюсь к своему «голубю», верному, нежному, но с бойцовским характером, другу...

Сутки, пока его латали, мы с Гришей находились в боевой готовности в качестве резервного экипажа. Потом в течение трех ночей произвели три вылета на бомбардировку целей на переднем крае и в ближайшем тылу обороны противника. Наверное, то ли просто повезло, то ли помогло то, что старались применять разнообразные тактические приемы (атаки с разных высот и направлений, с непостоянными скоростями и углами наклона к горизонту

и прочее), эти вылеты завершились вполне благополучно. Однако на некоторых эпизодах хочу остановиться.

Первым отличился Виктор Миронов. Произведя разведывательный полет по дороге Любань–Тесово, он ухитрился вырваться из цепких объятий щупальцев немецкого прожектора, отбиться от атак самолета неустановленного типа, а потом уйти из зоны интенсивного огня зениток. Это было настоящим чудом: впервые попав в такое пекло, выйти из него победителем. Впрочем, в этом не было случайности. Виктор после окончания полного курса летного училища имел годичный опыт инструкторской работы, числился в ряду самых искусных и мужественных пилотов полка. На земле спокойный, даже меланхоличный, в воздухе он превращался в виртуоза. Мы про себя называли его арийцем. В самом деле, истинно рыжие волосы, заметный орлиный нос, глубоко сидящие голубые, круглые, как у совы, глаза, сверлящие тебя насквозь, придавали ему вид рыцаря времен крестовых походов. Мы понимали, что он, по существу, совершил подвиг. Правда, и сам, и самолет были израненными.

– Тебя, наверное, немцы приняли за своего и отпустили. Иначе бы ты вряд ли выпутался из такого ада, – пошутил Кузнецов, который в ту же ночь сам вернулся изрядно потрепанным.

Мы с Меновщиковым не ждали и не гадали, что и нас подстерегает впереди нечто подобное. Но, как говорится, все решает судьба.

Первый за это время эпизод, довольно тревожный и радостный одновременно, произошел... Нет, пожалуй, расскажу сначала о событии, послужившем причиной нашего, вернее, моего, предстоящего полета.

В эту ночь, когда экипажи, вернувшись с выполнения боевых заданий, только легли отдыхать, истошно заревела сирена – воздушная тревога! Не успели мы даже вскочить с постелей (а спали легчики в деревянных домах в селе, технический состав – в землянках на аэродроме), как загудели юнкерсы-«лапотники» (мы сразу узнали их по характерному звуку) и тут же затявкали наши 37-миллиметровые зенитки. Сразу грохнуло в районе стоянок истребителей, затем и корректировщиков. И пошло – поехало! Сплошной гул и грохот стояли на аэродроме не менее десяти минут. Когда мы выскочили из укрытий и направились на аэродром, последние «лапотники» уходили, но на высоте еще крутилась ка-

русель истребителей: не менее десяти ЛаГГов и примерно столько же «Мессершмиттов-109» стремительно гонялись друг за другом, натужно грохоча и изрыгая длинные языки пламени. Все небесное пространство над аэродромом прочерчивалось во всех направлениях огненно-сверкающими трассами пуль и снарядов, с яростью стремящихся настичь свою жертву. Мы невольно остановились, наблюдая за этой смертельной воздушной схваткой. Красивое, эффектное зрелище... несущее, как утверждают некоторые «герои», столь же красивую, эффектную... смерть. Нет, любая преждевременная смерть нелепа!.. Вот одна из разноцветных очередей «мессершмитта» настигает ЛаГГ... Не проходит и минуты, как губительный огненный язык облизнул «худого» (так летчики звали «Мессершмитт-109» за его тонкий силуэт) и тот, вспыхнув и расколовшись надвое, стал беспорядочно падать на землю.

Это неистовое гудение моторов, работавших форсажно, и беспрерывная трескотня пулеметов и пушек самолетов прекратились так же внезапно, как и возникли.

Итоги налета: ранены 9 и убиты 5 человек, в том числе и один моторист нашего полка, повреждены два ЛаГГа, один Р-зэт, один По-2, выведено из строя летное поле. В воздушном бою сбиты два «Юнкерса-87», один «Мессершмитт-109» и два ЛаГГа...

Как только прибыли на аэродром, мне и Брылину было приказано немедленно отвезти двух тяжелораненых во фронтовой госпиталь в районе Малая Вишера. Полет должен был проходить без стрелков-бомбардиров, так как самолеты не были приспособлены для перевозки раненых и их можно было брать только в заднюю кабину по одному человеку.

После того как мы сдали раненых в руки медиков, Игорь улетел домой, а мне приказали срочно перебросить на одну из площадок недалеко от наступающих войск представителя штаба фронта. Доставил я его удачно. А вот на обратном пути подстерегала меня очень серьезная опасность.

Только взлетел и взял курс домой, как заметил летевшую встречно-пересекающимся курсом пару «Мессершмиттов-109». Не успел я даже принять решение, как они стали разворачиваться в мою сторону. Значит, атака! Резко и до отказа даю ручку влево и вниз, а педаль полностью вправо. Самолет с большим углом и максимально возможным креном заскользил вниз. Выравниваю его перед самой землей и только создаю глубокий правый крен,

как вижу над собой разноцветно сверкающую гирлянду пуль и снарядов, а через какие-то мгновения молниеносно промелькнули, прогудели и прожужжали комариные силуэты двух «худых». Они сразу же взметнулись в высоту. Ясно, чтобы снова спикировать на меня, точнее, на нас. Ну, «голубок», давай будем держаться! Главное, не терять их из виду, и не давать бить прицельно. А для этого нужно непрерывно менять характер движения, ни минуты однообразия! Вот они уже начинают новую атаку. Моментаً перекидываю своего «голубя» в левый крен и еще больше прижимаюсь к земле. Ну, матушка-земля, помоги и ты! Тем временем «худые» стервятники приближаются на дистанцию действительного огня. Увеличиваю крен, ускоряю вращение настолько, что начинает темнеть в глазах. И тут же почти перед самым носом заблестели огненно-ядовитые жала стервятников. Сейчас ужалят. Сейчас ужалят... если... не... Правая нога машинально резко давит на педаль, а ручка сама по себе клонится вниз и влево, «голубок» же скользит, льнет к лесу так, что оказывается меж верхушками высоких деревьев, а разномастные жала стервятников чудовищно протянулись над нами и... в момент исчезли, «худые» же вихрем промчались опять ни с чем. Вывел самолет из головокружительного виража. Сразу бросил взгляд в сторону начавших набирать высоту немецких самолетов и... О, Боже! О, Аллах! Неужели вы есть на самом деле?! По быстро набирающим высоту «мессерам» стремительно пикирует сверху-сзади пара ЛаГГов! Вот дистанция между ними уже 500, 400, 300, 200 и ... из пушки ведущего ЛаГГа вылетают милые, красивые, то зелененькие, то красненькие искристые шарики и вонзаются в отвратительное худое тело ведущего «мессера»... Ура! «Мессер» ярко вспыхивает, разваливается на куски... Почти в тот же миг задымил ведомый «мессер», пораженный огнем второго нашего ястребка, но не падает, а со снижением начинает уходить восвояси. На это мгновенно среагировал первый ястребок, выпустив по нему вторую прицельную очередь. «Худой» резко пошел вверх, на какой-то точке подъема упал на крыло и, вращаясь вокруг своей оси, пошел к земле...

Наши истребители развернулись и стали пикировать... на нас. С непередаваемой радостью и душевной благодарностью я следил за ними, они вышли из пике у самой земли, всего метрах в ста перед нами и, покачав крыльями, устремились ввысь по нашему курсу.

Эта неожиданная и головокружительная круговерть произошла за какие-то секунды, и я не успел даже осознать суть случившегося и прийти в себя. Несколько остыл и опомнился только, когда вышел на Мсту перед Частово. Мне нравилось это место. Река, протекавшая среди живописных лесов, напоминала Уфимку в окрестностях Белокатайского района Башкирии, совсем рядом с моей маленькой родиной. Я невольно снизился и направил моего «голубка» по ее руслу. Мы летели с ним, повторяя каждый поворот реки, то взмывая на высоту птичьего полета, то припадая к ее белоснежной ледяной глади, и не заметили, как увлеклись любившимися сердцу милыми мстинскими пейзажами. Вот впереди характерный изгиб, где красавица-шалунья Хуба, незаметно подкравшись по опушке леса, соединяется с Мстой. Поворачиваю на 90° влево и дальше идем по ее пути. Справа к реке вплотную подступает волшебный лес, слева красуются курчавые кустарники, а за ними переливающиеся миллиардами искринок волнистые поля под пушистым январским снегом. Чудная краса зимы! Мягкие рассеянные лучи дневного светила, пробивающиеся сквозь тонкие перисто-слоистые облака, делают пейзаж просто сказочным.

Успокаиваюсь окончательно. Поворачиваю опять градусов на девяносто, теперь уже направо. Впереди мстинский мост, а за ним Веребье, ставшие такими близкими, родными. Радостно забилося сердце. Улыбаюсь, ласково смотрю на все вокруг, и, конечно же, на моего «голубка», стойко выдержавшего такое испытание. Представил еще раз истребителей, спасших нас от верной смерти, на душе стало еще теплей и светлей. С какого же гнездовья эти дивные и бесстрашные птицы? Кто же они, эти чудо-человеки, управляющие ими?

Аксенов и Меновщиков встретили нас вдвоем, такие радостные, что стало не по себе. Улыбки до ушей, глаза сквозь слезы радости сияют.

– Знали бы вы, как мы вас заждались! – воскликнул Гриша, – куда это годится: все расчеты – ни в какие нормы! Сердце – вот-вот вырвется!

– Извините, дорогие. Но мы с «голубком» не считаем себя виновниками ваших волнений. А в том, что мы сейчас перед вами, а не где-нибудь в кустах, виноваты оба. И не только мы. Короче, счет прошу предъявить штабу армии и... фрицам, – объявил я и рассказал как было дело.

А вот и командование...

Когда я зашел в «кабинет», точнее, в комнатку, отведенную для командира полка в землянке командного пункта, там было все руководство.

Четким шагом подошел к командиру (он это любил), приложил руку к шапке-ушанке и только успел произнести:

– Товарищ капитан, ваше задание выполнено... – как он преврал меня совсем недружелюбно:

– Вы заставляете себя ждать, товарищ сержант! Где же вы так долго пропадаете?

Я с недоумением посмотрел на него, потом на остальных и тут только заметил, как неприкрыто настороженно устремили на меня взгляд начальник штаба, его заместитель, оперуполномоченный особого отдела и комиссар эскадрильи старший лейтенант Чупин. Лишь на лицах комиссара полка и комэска прочитал явные признаки лояльности.

«Спокойно!» – даю себе команду и:

– Разве вам не звонили из штаба ВВС Армии, они обещали это сделать? – вопросом на вопрос отвечаю я, чувствую все же, что ко мне начинает подкрадываться нечто вроде раздражения.

– Звонили, не звонили – это не касается существа дела, все равно вы должны были возвратиться полчаса назад.

– А не теряли случайно ориентировки, не садились нигде? – вперился в меня своим отвратительно-подозрительным взором оперуполномоченный.

Я усиленно стал думать, как же ему ответить. А не сказать ли: «Да, сиделся, сиделся к тете Дусе чаю попить», – как зазвонил телефон.

Командир полка взял трубку:

– Да, «Сыч» 1-й слушает. «Стриж» 2-й? Слушаю Вас. Днем? Да, два экипажа... Да, один вернулся десять минут назад... – капитан вдруг насторожился, забеспокоился. В моем сознании промелькнула радостная догадка: «Стрижи» – это истребители!

– Восточнее, юго-восточнее Руссы, километров пять? – повторил капитан вопрос с того конца провода, – минутку, я уточню, он как раз находится здесь, – и обратился ко мне:

– Товарищ Латыпов, Вы случайно не подвергались атаке «месеров» примерно час тому назад в районе километров пяти юго-

восточнее Руссы и не видели, как потом с ними вели бой наши истребители?

– Да, было такое, – произнес я довольно спокойно.

– Да, это он, наш... Фамилия? Сержант Латыпов, – ответил командир полка, и, как мне показалось, с чуть оживившимся лицом повернулся ко мне, продолжая слушать звонившего.

Тем временем я мельком взглянул на остальных. Взгляд начальника штаба и его заместителя выражал нечто напоминающее угрызение совести, а у особиста – откровенную досаду и недоумение. Только глаза комиссара полка и комэска светились искренним участием и как бы говорили: «Держитесь! Мы вам как всегда верим».

– Ну что же, рад за вас, товарищ Латыпов, что устояли в первом серьезном бою с «мессерами», – командир полка сам подошел ко мне и пожал руку, как только закончил разговор по телефону. – Желаю вам удач в боевой работе. Сегодня ваш экипаж освобождаю от выполнения боевых задач ночью, завтра – готовность в 19.00, а сейчас, по пути домой, зайдите на КП истребителей. Они хотят что-то уяснить с Вашей помощью.

Хотя до КП «ястребков» было больше километра, я домчался туда за пять минут. Встретил меня в комнатке, на двери которой было написано «начальник штаба», мужчина лет сорока, с усталыми серыми глазами, в телогрейке с меховой подкладкой.

Как только я представился, он вскользь окинул меня с ног до головы взглядом, который никак нельзя было назвать почтительным.

– Мы бы очень хотели, чтобы вы правдиво рассказали о воздушном бое, свидетелем которого были... – обратился он ко мне, подчеркивая «мы», хотя был в единственном числе.

Я рассказал все, что увидел, от начала до конца и закончил вопросом:

– Не могу ли я узнать, кто были эти ребята?

Он лукаво улыбнулся, резко крутанул ручку полевого телефонного аппарата и произнес в трубку:

– Прошу прислать ко мне на минутку Лунева.

Уловив вспыхнувшую на моем лице радость, он спросил:

– Что это вы так заулыбались, как будто я вас одарил алтынном?

– Если бы одарили меня всем золотом Земли, радость была бы меньше!

– Вы знаете Лунева?

– Да мы с ним друзья!

– Поздравляю. Вам здорово повезло, – успел сказать начальник штаба. Тут открылась дверь и перед нами предстала могучая фигура... Саша. Увидев меня, широко заулыбался, но сдержался и сначала по всем правилам обратился к начальнику:

– Товарищ майор, лейтенант Лунев по вашему...

– Ладно, ладно, Лунев, лучше пожмите руку своему другу. Он все рассказал, все подтвердил. Поздравляю тебя официально с очередной победой.

– Спасибо, товарищ майор! Служу Советскому Союзу! Разрешите поблагодарить своего друга, – повернулся он ко мне.

– Что ты, Саша! Это я тебя должен благодарить, – не выдержал я и быстро подскочил к нему и, не успев опомниться, как обхватил его могучую фигуру.

– Хорошо, хорошо, Куддус, рад, что именно ты был там и что благодаря тебе я уничтожил еще одного фрица, – бормотал он, обнимая меня своими медвежьими ручищами и хлопая ими по спине...

– Выходит, что поздравлять надо обоих, что я и сделаю сейчас, – от души пожал нам на прощанье руки майор и добавил: – Вторую часть церемонии завершите за ужином.

Мы вышли на воздух, довольные и радостные. Я был просто в восторге, что именно Саша оказался моим избавителем от цепких когтей фашистских стервятников, как по мановению волшебной палочки подоспел он именно к тому времени, к тому месту.

– Нет, ты Саша, не представляешь, как мы с моим «голубком» благодарны тебе и твоему «ястребу», – выплеснулась моя радость наружу. Ведь ясно, наше единоборство было неравным и кончилось бы для нас печально, не появись вы на наше счастье. Век не забуду этого.

– Не стоит так преувеличивать. Это же обыкновенный воинский долг – выручать попавших в беду. Я сам бесконечно рад, что помог своему другу. Кстати, я не один, а со своим напарником, сержантом Ланько. Я познакомлю тебя с ним на ужине. Иди, переоденься, умойся, через час встретимся.

9. УЖАС ОТ ... «БОЕВЫХ» СТА ГРАММОВ

Когда мы с Гришей вошли в столовую, Саша уже сидел за столом рядом с незнакомым мне молодым летчиком. Он сразу заметил нас и взмахом руки пригласил к столу.

– Познакомьтесь, – жестом показал на соседа, – мой друг, мой надежный «щит и меч», на земле и в воздухе.

– Максим. Максим Ланько, – привстал и, кивнув головой, протянул нам руку, застенчиво улыбаясь, черноволосый, чернобрый юноша с очень тонкими чертами лица.

– Это и есть тот самый Максим, который сразил сегодня немецкого аса, заставил его рухнуть на землю, – не без гордости проговорил Саша и ласково посмотрел на своего напарника.

– Товарищ лейтенант, не так же было. Я же его только поджег, а сразили его Вы, – с нотками укора в голосе произнес Максим и даже на его смуглом лице было заметно, как он краснеет.

– Да не обижайся, дорогой мой, я сказал все как есть! Он был безнадежен, я только ускорил его конец на доли секунды, чтобы он упал на нашей территории.

– Максим, я тоже видел, что немец горел вовсю и должен был вот-вот взорваться или упасть. Саша прав, это могло произойти не на нашей территории, ведь линия фронта была совсем близко, – поспешил я поддержать друга и успокоить молодого летчика.

– Спасибо Куддус. Теперь, Максим, ты согласен, что ты победил вполне заслуженно?! Так что давайте поднимем наши стопочки за нашу общую победу, в том числе и твою, Куддус. Да, да и за твою тоже. И не смотри на меня, пожалуйста, с таким недоумением. Сколько мы знаем случаев, когда в таком положении твои собратья оказывались беспомощными жертвами, как куропатки ночью. Вы только подумайте, около десяти минут эти вооруженные до зубов, быстрые и вертлявые стервятники с остервенением кидались на твоего тихоходного, безоружного «голубя» и ничего не могли поделать! Эти кичливые и высокомерные хищники, конечно, и не могли предположить, что могут напороться на такого «голубя», который способен виртуозно и смело защищаться. Просчитались и были наказаны. Ты их не только задержал до нашего прихода, но и довел до изнеможения. Нам ничего не оставалось, как прикончить их. Итак, за нашу победу.

За твою, Куддус, за твою, Максим, кстати первую, за которую мы, все летчики полка, очень рады...

– А за твою победу, Саша? – не совсем тактично перебил я друга и, полный чувства признательности и гордости за него, посмотрел ему в глаза и на грудь, где красовался орден Красного Знамени, к которому было особое почтение у советских солдат.

– За шестую. Пока. Ну, за победу, мои юные друзья, – поднял свою стопку Саша.

Я оцепенел. А через мгновение затрепетал от... ужаса. Что делать? Ну, дорогие мои, душа и разум, решайте. Друзья с нетерпением ждут, и на ваше решение отведены доли секунды... Сегодняшние молодые люди не поверят, что я до сих пор знал только вкус воды, молока, чая, как бы ни пытались уговорить товарищи попробовать спиртное. До сих пор удавалось избежать этих соблазнов. А сейчас... Просит, предлагает сам... Лунев – один из прославленных летчиков-истребителей на нашем аэродроме, друг, которого глубоко уважаешь, спасший сегодня тебя от верной смерти. Можно ли ему отказать? Если откажусь, не примет ли это за неуважение, а то и за ханжество? И вообще, не прослыву ли я ... «немужчиной»? А что может случиться, если соглашусь? Эти и другие мысли лихорадочно пронеслись в возбужденном мозгу.

Смотрю на Сашу как заколдованный. Понимает ли он мое состояние? Вот он, одобряюще кивая, улыбается: «что мол, тут медлить, давай-давай, я же жду...»

... Некоторые аскеты могут сказать, как же так он, такой умница и такой человечный, заставляет юношу переступить страшный порог, нарушить естественное течение жизни организма, прямо-таки подвергает его самой настоящей экзекуции, неужели не понимает, что этим принуждает его отравлять опасным ядом еще не окрепший, по существу развивающийся организм, таким образом нанося непоправимый вред здоровью своего друга. И сам юноша тоже хорош, бездумно идет на такой соблазн. Неужели не сознает пагубность такого необдуманного шага? И, конечно же, они будут правы, эти аскеты. Но они забывают или просто не знают, что мы действительно не думали в то время о вреде этого зелья, нам тогда попросту никто не толковал об этом. Более того, некоторые «знатоки» объясняли нам, что оно в определенных количествах и в определенное время даже полезно и необходимо, ибо очищает и расслабляет организм, снимает нервное напряжение

ние. Всю вредность этой жидкости я пойму и почти окончательно откажусь от нее только через пару десятков лет. А тогда, в те волнующие минуты, наверное, действительно проявляли слабость...

И вот я зачарованно смотрю на Сашу и на остальных. И понимаю только, что дальше медлить нельзя... «Ну что же... Будь что будет. Чему быть, того не миновать». Собираюсь с духом и решительно поднимаю стопку... с водкой! С этим пока непонятным зельем. Как заправский выпивоха опрокидываю содержимое прямо в горло. Почувствовал, что во рту все обожгло, а потом перехватило дыхание. И тут же перед глазами запрыгали немыслимые чертики, по всему телу побежали мурашки.

– На, запей компотом, – протягивает мне Саша стакан с темноватой жидкостью. Очевидно, он что-то почувствовал, догадался.

С жадностью выпиваю содержимое. Проскочило. Наконец облегченно вздыхаю.

– Вот и все. Давай, закусывай, – подбадривает Саша. Закуска хорошая. И огурчики соленые, симпатичные и сало аппетитное, а вот и гуляш ароматный... Начинаю быстро отправлять в рот все что есть на столе и... жду, что же со мной будет дальше... Вот оно, кажется, начинается. Сначала ощущение тепла, оно ударило в голову, заструилось в пищеводе, желудке, а через какие-то секунды разлилось и по всему телу, сделав его свинцово-тяжелым. Но не прошло и минуты, как как-то странно и необычно закружилось, завертелось в голове! Ничего подобного я раньше не испытывал, ни при каких обстоятельствах, даже при выполнении глубоких выражей, мертвых петель. Вместе с этим ощущением, точнее вслед ему, какая-то тоже непривычная легкость, невесомость: в теле, в душе, на языке. Вроде бы хочется подняться, попарить, попорхать и... говорить, говорить... У меня что-то спрашивают, я что-то отвечаю... А потом, кажется, еще раз поднимаю стопочку. В голове становится яснее, веселей на сердце. Но через какое-то время, напротив – неуютно, неприятно, а дальше и вовсе тяжело, начинается одолевать сонливость... Но все же хватает силы духа и ума попросить извинения и разрешения уйти. В сопровождении Гриши добираюсь до дома и, не говоря никому ни слова, раздеваюсь и ложусь спать...

Утром просыпаюсь с трудом. Не сразу понимаю, где я и что со мною. В голове мутится, на душе муторно. Ужасаюсь от сознания случившегося, вскакиваю как ошпаренный, вглядываюсь

в маленькое зеркальце. Вид помятый, глаза тусклые. Становится гадко и стыдно. Настороженно озираюсь по сторонам. Слава Богу, все еще спят. Быстро натягиваю брюки, унты и выбегаю на улицу. Только рассвело. Тихо. Ясно. Свежо. Энергично делаю несколько упражнений и пробежек. С наслаждением обтираюсь чистым снегом. Захожу в дом, по пояс умываюсь холодной водой, тщательно полощу рот, чищу зубы. Только сейчас убеждаюсь, что окончательно становлюсь самим собой. Вот и мои друзья поднимаются. Гриша улыбается. Я тоже. Мы хорошо понимаем друг друга...

Только подошли к столовой, а оттуда выходят Саша, Максим и еще двое товарищей. Саша сразу устремил на нас свой пытливый, но дружелюбный взгляд. Не знаю, куда деть свои глаза:

– Мы рады приветствовать вас, – приходит на помощь деликатный Саша и как ни в чем не бывало тепло и нежно жмет нам руки, – как отдохнули, как самочувствие? Судя по вашему виду, должно быть неплохо?

– Вполне, хотя после подъема было похуже, – сознался я, почувствовав, что свободно задышал.

– У таких орлов и не может быть иначе. Как сегодня работаем?

– Готовность в девятнадцать, на бомбежку.

– А нам уже через полчаса. Ну, успехов дорогим «голубям» – поднимает он правую руку для приветствия, доброжелательно улыбаясь, и бодрым шагом направляется к стоянкам своего полка.

– Спасибо. Победных боев славным «ястребам», – успеваем мы пожелать им вслед.

10. АД КРОМЕШНЫЙ И.. ЧУДНЫЕ МГНОВЕНИЯ ВДРУГ...

И вот он – шестой боевой вылет, которому суждено было оставить в памяти неизгладимый след. Более того, он внес впоследствии существенные поправки в мою фронтовую жизнь, придав ей несколько иной характер, иное содержание, сыграл решительную роль в определении смысла всей моей жизни.

Думал ли я тогда, в те далекие долгие годы войны, что даже через полвека буду помнить до удивительной ясности многие ха-

рактерные детали большинства смертельных схваток с фашистскими войсками? Что по ночам мне долго не дадут заснуть бередящие душу воспоминания? Что через полвека буду помнить чувства, с которыми отправлялся в полет и возвращался? С каким ликованием возвращался, когда одерживал победы и с какой мучительной болью, с каким чувством безысходности, мужского горя, когда оставляли на поле боя ставших дороже чем родные братья боевых друзей и товарищей? Что навечно отпечатается в мозгу каждый из почти 200 вылетов (из них 134 на штурмовиках), каждая из 450 атак, когда шел один на один со смертью? Много это или мало для одного человека? Для одной жизни, для трех лет «моей» войны, моего пребывания на фронте? Что давало силы остаться живым? Остаться живым не только физически – с руками, ногами, но и духовно? Как не погибли в тех вылетах, атаках, смертях наши души? Как их не выжгло тем огнем? Что было сильнее смерти?

И когда мне с умным видом говорили иные редакторы-профессионалы, прочтя мою рукопись, зачем это я описываю подробно столь много атак и чуть ли не каждый вылет, охватывало чувство горечи... Вспоминались пустые глаза особиста, который допрашивал меня после вынужденной посадки вне аэродрома. Перед этим человеком, претендующим на нравственного поводыря, никогда не стояли эти вопросы. А найти ответы на них, значит многое понять вообще в человеке, в нашей истории...

Боевые вылеты, разумеется, были очень разными как по степени сложности, результативности, так и по яркости накала, по силе нервного и эмоционального напряжения.

Но были среди них такие, которые помнишь не только умом, но и особой памятью сердца.

Одним из таких стал в моей жизни шестой вылет...

Сначала все шло хорошо, по предусмотренному плану. Но потом началась такая цепь происшествий, которую я назвал вторым крупным невезением, хотя она и скрасилась одновременно столь же неожиданным, но приятным сюрпризом. Впрямь, «нет худа без добра».

А события развивались так... Наносили мы бомбовый удар по небольшому населенному пункту, в котором скопилось значительное число живой силы и боевой техники фашистов, преднамерившихся, по всей видимости, нанести контрудар по нашим наступающим войскам. 2-я ударная армия с большим трудом, но

прорвала сильно укрепленную оборону противника на узком участке вокруг Мясного Бора и продвигалась на север в направлении Новая Кересть – Вдицко. Линия фронта в районе нашей цели проходила почти с севера на юг, и мы шли параллельно ей, только с юга на север по территории, занятой нашими войсками. Вышли на траверсу цели, уточнили ее месторасположение, прошли еще несколько на север и разворотом влево пересекли линию фронта. Затем развернулись еще на девяносто градусов влево и легли на боевой курс параллельно линии фронта, теперь уже с севера на юг по вражеской территории с тем, чтобы после атаки опять с разворотом влево на девяносто градусов сразу выйти на свою территорию. Вот цель перед нами. В тихую и морозную звездную ночь отчетливо вижу очертания деревушки и темные предметы во дворах и около домов вдоль улочки. Произвожу по ним прицеливание и даю команду Грише приготовиться. И как раз в это мгновение озарила нас вдруг справа спереди ослепительная вспышка и так тряхнуло, что чуть не вырвало из рук ручку управления. Глянул вправо – консоль крыла охвачена ярким пламенем. Успеваю крикнуть Грише «Бросай!» и резко кидаю самолет влево вниз. И тут же вспыхивает справа сзади. Энергичное скольжение продолжается еще сотню метров. Затем круто разворачиваюсь влево и с большим углом снижения. Пламя срывается с консоли. Третья вспышка остается сверху на значительном расстоянии. Вывожу самолет в горизонтальный полет уже на своей территории. Стало возможным спросить у Гриши как дела.

– Все было бы нормально, если бы не один казус – фугасная и зажигательная слетели и точно попали в цель, а осколочные не успел сбросить, командир, – извиняющимся тоном отвечает он.

Да, ситуация совсем нежелательная. Садиться с бомбами не только большой риск. Нет, это совсем невозможно, это большой позор, ведь задание выполнено неполностью. Что делать? После мгновений на оценку обстановки, беглый поверхностный осмотр самолета и проверку управления (слава Богу, рули работают нормально), отвечаю:

– Не беда, Гриша, готовься ко второй атаке.

На крутой восходящей спирали над своей территорией набираю нужную высоту. И... что же я вижу!/? Сердце затрепетало от радости – деревушка была охвачена ярким пламенем пожара. То

тут, то там видны были взрывы. Это, значит, лопаются бензиновые баки, снарядные ящики и сами машины, а вместе с ними и фашисты, бодрствующие и спящие... Ой да молодец ты, Гриша!

Воодушевленный видимым, более уверенно начинаю исполнять свое новое решение. Выхожу на цель так, чтобы атаковать ее теперь с обратного направления, то есть с юга на север. Резким разворотом на девяносто градусов перехожу в пологое планирование, прицеливаюсь по ближайшей окраине деревни, где пока нет пожара, и по команде Гриша сбрасывает все оставшиеся бомбы. В этот момент вижу почти перед самым носом гирлянду разноцветных огненных шариков. Мгновенно создаю глубокий правый крен и максимальный угол пикирования. Перкально-деревянный самолетик мой свищет, дрожит, трясется, медленно ускользая от смертельного фейерверка...

Из головокружительной круговерти вышли уже над своей территорией, чуть не задевая макушки деревьев. Когда пересекали широкую ленту Волхова, высота была около пятисот метров. Мы уже начали успокаиваться – идем же живехонькие домой! Я по привычке посмотрел на звезды. Надо же и ими полюбоваться! Сначала мне показалось, что они сияют очень уж ярко и, мало того, подозрительно подмигивают мне и перемигиваются между собой. Что это могло значить? Предупреждают или подбадривают нас? Не прошло и двух минут, как они стали покрываться тонкой пеленой, а потом постепенно и вовсе закрылись. А дальше больше... Буквально через считанные секунды началось такое... Вдруг самолет стало так трепать, что он сначала лихорадочно затрясся, а потом стал как разъяренный: то взмывать ввысь, то нырять в бездну, то неожиданно и резко ложился на одно и тут же переключался на другое крыло. Одновременно понесло его быстро и легко, как перышко, вправо от линии пути. Только, казалось, взял с большим трудом необходимую поправку на курс (с учетом угла сноса), и пролетел, вернее сказать, проболтался около трех минут, как внезапно окутало нас невообразимой мутью. Сразу не стало ни неба с его облаками, ни земной поверхности с ее лесами, полями, дорогами. Кораблик наш крылатый оказался отрезанным от мира сего, затерявшись как песчинка в безграничном воздушном океане. Переносу взгляд сразу на приборы: шарик и стрелка «Пионера» шарахаются с одного края на другой, скорость колеблется от 70 до 120 километров в час, курс плавает в пределах 10° впра-

во и влево от заданного, высота 40 метров. Вариометр, слава Богу, почти на нуле.

А болтанка бешеная продолжалась. Казалось, наш невесомый, как перышко, кораблик схватила безжалостная рука какого-то чудища и, рассердившись, свирепо трясла и беспорядочно кидала его, как только заблагорассудится. Кораблик же то неистово ревел, то жалостливо стонал, то, чудилось, боязливо дрожал, визжал и свистел.

Нет, надо прижаться к матушке-земле, непременно установить с ней зримую связь. Снижаюсь до минимально возможной, так называемой «безопасной» высоты. Но по-прежнему ни зги не видно кругом. Отжимаю осторожно еще немного ручку вниз. Но земли пока не вижу. Еще чуть-чуть давлю на ручку высоты вниз. И только сейчас замечаю: что-то темное промелькнуло под самолетом, а потом еще и еще. Радуюсь – это верхушки деревьев. Теперь уже неотрывно слежу за землей – как бы не столкнуться с какой-либо преградой и, может, покажется нужный ориентир. У самой земли болтанка вроде бы чуть ослабла.

Мгновенно оглядываюсь назад. Вижу только Гришу. Он сидит в очках, в маске, с поднятым воротником мехового комбинезона, весь заледенелый, похожий на какое-то фантастическое существо. Нет, ни дать ни взять – инопланетянин. Только сейчас замечаю – меня самого холод пробирает до костей. Я так окоченел, что руки и ноги еле слушаются.

Пролетели так столько, сколько надо было, чтобы выйти на Октябрьскую дорогу. Но ее не видно. Пролетели еще минуту, другую, третью – ее нет и нет. Не обнаружили ее и через следующие пять минут. Что за чертовщина? Решаю, что дальше этим курсом нет смысла лететь. Полагаясь только на приборы, прежде всего на указатели поворота и скольжения, скорости и высоты, строго следя за землей, пытаюсь поставить самолет на нечто похожее на пологий вираж – вдруг обнаружу железку. Знали бы вы, как она нужна мне! Дороже и желаннее ее для меня в эту минуту нет ничего на свете.

Сделал вправо и влево по два круга – железки нет. Делаю еще нечто вроде восьмерки. Мелькают только еле заметные макушки деревьев и небольшие островки полян. Ни железной, ни других дорог и селений, ни аэродрома...

Смотрю на часы, потом на бензиномер. О, это уже не шутки – стрелка его приближается... к нулю. Что делать? Что делать, ког-

да под тобой пробегают только остро торчащие вершины деревьев, а мотор вот-вот может остановиться?!

Самолет закладываю в очередной вираж, прохожу несколько секунд прямо, потом начинаю разворот в противоположную сторону и... о, все же мир не без чудес! – вижу... небольшую деревушку, прижатую к лесной опушке, а рядом, за полосой леса, – продолговатую поляну.

Все! Решено. На минимальных оборотах, соответственно и скорости (успеть бы!), едва не задевая за макушки деревьев, ощущаю, полагаясь больше на интуицию, чем на расчет и глазомер (ибо горизонтальной видимости нет совсем), делаю снова круг с тем, чтобы выйти вдоль заветной, спасительной поляны.

И «шестое чувство» не обмануло: только вывел самолет из крена, пролетел три-четыре секунды и увидел прямо перед собой ту самую поляну. Немедленно направляю самолет по ее середине, перевожу в угол планирования и только достиг ее переднего края... остановился мотор. Мне ничего не оставалось, как выровнять самолет, и он тут же плюхнулся, проскользнул около двадцати метров и... удар, стук, треск... Я только становлюсь беспомощным свидетелем, как мой самолетик-кораблик энергично разворачивается на девяносто градусов и встает на нос.

Выбрались мы из кабин, быстро соскочили по наклонной плоскости и... завязли по колено в снегу. Посмотрели, что же произошло. Оказалось, наш фанерно-перкальный аппарат напоролся своей тоже фанерно-перкальной ногой-лыжей на один-единственный на этом поле пень. Лыжа, конечно, пропорота и вывернута, а винт-пропеллер сломан. Все остальное вроде целехонькое.

Вот так казус. Вот так трахнула нас чудовищная рука. Смысл и глубину случившегося осознали мы полностью позже, но и сейчас переживаний было достаточно. Шутка ли, с таким позором завершить боевой вылет. Поверят ли, что так может нашкодить воздушная стихия. Хотя... ведь подобное наверняка произошло и в районе аэродрома...

Но сейчас надо было спастись самим, продрогшим, окоченелым. А ветер стонет и воет, как многотысячная стая взбесившихся шакалов, ведьм и шайтанов и черт знает еще каких-то немислимых и таинственно-сказочных существ вместе взятых, мороз же вкупе с ними безжалостно щиплет лица. Конечно, единственный выход – быстрее добраться до деревушки. И мы, утопая в

снегу по колено, местами и выше, зашагали как могли. Только бы не потерять направление, не заблудиться в таком тумане. Ориентиры видны не более чем на пятьдесят метров. Хорошо, что взяли карманный компас.

А где мы все же находимся? Не могло ли нас перебросить на территорию, занятую врагом? На всякий случай вытаскиваю из кобуры револьвер системы Наган – один на двоих! Не знаю, сколько километров прошагали через лес, но минут через сорок-сорок пять он вдруг расступился и прямо перед носом выросла избушка, огороженная плетнем. Ура! Мы спасены. Запыхавшиеся, усталые, мы остановились, чтобы перевести дух и осмотреться. Обошли избушку, вышли на открытое место – ба, тут целый ряд домов! Пошли по улочке дальше. Ни единой души нигде, только где-то рядом залаяла собака. Окна в некоторых домах, хотя и очень слабо, но освещены. Ничего подозрительного. Значит, мы у своих. Мы выбрали один из домов, как нам показалось, более внушительный и солидный, вошли во двор и осторожно постучали в дверь сеней. Долго ждать не пришлось. Через какие-то три-четыре минуты слышали сначала скрип внутренней двери, потом и старческий голос из сеней:

– Кто вы будете?

– Мы свои, летчики, произвели вынужденную посадку недалеко отсюда – заспешил я обрадованно и быстро всунул револьвер в карман комбинезона.

Что-то зашуршало, заскрежетало, и тут же отворилась дверь. Показался старик в шапке-ушанке, полушубке, валенках и с керосиновой лампой «летучая мышь» в приподнятой руке. Он на мгновение задержал взгляд на нас и сказал затем, словно приглашая долгожданных гостей:

– Прошу, проходите, пожалуйста, в дом.

– Спасибо, – не заставили мы долго уговаривать себя.

Из сеней сразу оказались в большой комнате, освещенной керосиновой лампой, поставленной на столе под окном у дальней стены. Что бросилось в глаза в первую очередь, так это широкий матово-белый бок русской печи справа и большая кровать под цветастым покрывалом и взбитыми подушками слева...

Достаточно было перешагнуть порог этого деревенского дома, как молнией блеснули воспоминания. И вмиг, как на волшебном

экране, возникли картины жизни и быта родного дома, пьяняще пахнуло давно забытым его запахом...

Уже минуло полгода войны, утвердилась неизвестно насколько другая, суровая и беспощадная, жизнь, к которой уже успели притереться и не верилось, что когда-то было мирное время, где-то живут мирные деревни и люди не убивают друг друга, а рожают новые жизни, живут себе просто, работают, сеют, жнут... Как будто машина времени перенесла нас в далекое-далекое прошлое или, напротив, в далекое-далекое будущее...

За это короткое время не один раз побыл я один на один со смертью, не один раз она была совсем рядом, но в то же время сжавшимся в комочек птенцом сидела во мне вера, что нет, не умру я, не убьют меня, не должны. На чем зиждилась она?

Полтора года я совсем не был в своем родном доме с его особому волнующим душу, присущим только ему одному запахом, чудно смешанным запахом матери и хлеба, свежего целебного молока, поющего и дымящегося самовара, березового веника, сушеной черемухи и калины. А еще пять лет назад бывал только в каникулы. Все эти годы, особенно в жестокие месяцы войны, все время копилась в моем сердце тоска по родному очагу, искрился огонек надежды, что я не могу, не должен с ним расстаться навсегда.

Не они ли согревали меня, не они ли давали мне, наивному деревенскому пареньку, так нужные в такое время душевные силы?

И вот сейчас, только я переступил порог даже неизвестного мне дома, в неизвестной, но мирной деревушке, так неожиданно, так остро пронзило ощущение тихого, благополучного деревенского мира... Неужели он еще может быть?

Что может быть теплее этого чувства возвращения домой, к до боли в сердце дорогому родному гнезду, к такому изумительному родному запаху?!

Доли секунды длился этот мираж...

– Не с того ли ероплана, который только что пролетел над деревней? Мы даже подумали, не немецкий ли он, – вернул нас к действительности вопрос старика.

– Да, да, с того самого... Разрешите, дедуля, спросить теперь вас. Извините, конечно. Нам хотя и стыдно, но вынуждены это сделать. Больше часа в кромешной тьме крутила-вертела нас какая-то нечистая сила, бросала и туда и сюда и, наконец, подбросила не знаем куда..., – осторожно обращаюсь я к нему.

– Ольховка, Ольховка называется наша деревушка. Счастливая она. Не дошел-таки немец до нас. Говорят, в свое время и Батый-Хану не удалось побить в ней, – удовлетворенно посмотрел на нас старик.

Ольховка! Старик ответил на вопрос, который я стеснялся задать сразу, но который больше всего не давал мне покоя. Тут же я уточнил по карте местонахождение этой деревушки... И ужаснулся: нашего «голубка» отнесло значительно дальше вперед и в сторону от маршрута и, разумеется, совсем не туда, куда мы предполагали.

Успокоившись окончательно, мы оглянулись и только сейчас заметили образ в левом дальнем углу комнаты, откуда сочувственно, но в то же время с таинственным интересом и испытующе, глядела на нас Богоматерь, рамы на стенах с фотографиями, этажерку с книгами, платяной шкаф, и то, что печь выходит в комнату одной внушительной и столь желанной сейчас для нас стороной, а остальная часть, видимо, в соседней комнате или кухне, дверь в которую была закрыта.

– Прошу, раздевайтесь, пожалуйста, будьте как дома, – так искренне и доброжелательно произнес старик, что мы совсем оттаяли душой.

– Большое спасибо, – только и могли сказать мы и быстро сняли с себя всю летнюю амуницию и немедленно прильнули к печи.

– Здравствуй, дорогая, здравствуй, милая, – то ли простонал, то ли пропел Гриша, прижимаясь всем телом и распластанными руками к такой долгожданной и открытой широким горячим боком русской печи.

Последовал его примеру и я... О, силы праведные! Знали бы вы, какое я почувствовал удовольствие, как только приник к волшебному источнику тепла, как по поверхности кожи и по всем клеточкам под ней побежали такие мягкие, нежно согревающие токи, а потом и по всему телу расплылась такая сладостная благодать, лучше которой, как мне показалось, ничего не может быть на свете.

Судя по тому, как пыхтел, охал и ахал, ощущал подобное и Гриша. Но мы не могли предположить, что это только начало счастья, что как бы и сколько бы мы ни думали, ни за что не могли додуматься, что райское блаженство ждет нас впереди.

– Ребята, вы, значит, пока грейтесь, а я на минуту выйду, – услышал я как в полусне голос хозяина и еще сильнее прижался к печи. Всего меня охватило такое наслаждение, что я закрыл глаза и вдруг... предстали передо мной картины недавней поры моей юности...

Возвращался я, студент второго курса месягутовского Башпедучилища (так оно тогда называлось), в очередной субботний февральский вечер домой, побыть в родной деревушке, отдохнуть, да и прихватить затем скудной провизии на следующую неделю. Когда выходил на дорогу, солнце еще на целый аркан стояло выше горизонта. Мороз бодряще пощипывал лицо. Воздух был тих и прозрачен. На душе было светло, приятно. Попадающиеся на пути березки, кустарники, растущие вдоль Ая, фантастично приукрашенные инеем, приветливо кивали мне. Забылся в разных мечтаниях и я сам. Лишь машинально замечал, что прошел Абдрашитово, потом и Каранаево, что у Гумерово прошел по льду Ая и только тут ощутил, как резко задул холодный ветер и окутала меня темень. Не придавая этому особого значения (ну и что, наступил вечер с ветерком, как это бывает часто), я продолжал шагать, чтобы в привычное время успеть домой, до которого оставалось еще около семи километров (а прошел восемнадцать). Но встречный, северный, как раз со стороны моей деревни, ветер все усиливался и усиливался. И не прошло и десяти-пятнадцати минут, как он стал выть и стонать, безжалостно бить в лицо снежными и ледяными колючками. Начался самый, что ни на есть, настоящий уральский буран. Какой он бывает страшный и беспощадный! – об этом только тот представляет, кто сам испытал. А уральцы хорошо это знают! Идти стало тяжело. Я едва преодолевал неистовый напор потоков разбушевавшейся воздушной стихии, поворачиваясь на ходу то левым, то правым боком или спиной вперед. Лишь бы идти и идти, не теряя при этом дорогу. Начало беспокоить то, что стал пробирать всего меня холод, хотя давно наглухо застегнул на все пуговицы довольно потертую овечью шубенку и крепко завязал старую ушанку. Но совершенно безнадежными оказались брючки из дешевой х/б ткани и льняные домотканые кальсоны под ними. Колени начали деревенеть. Не раз чиненные пимы тоже подвели – изрядно озябли пальцы ног. Вдобавок все тело стало клониться к земле; ноги с трудом удерживали его, качающегося из стороны в сторону. Сколько удалось пройти, сколько еще оста-

лось – не имел никакого понятия (о часах и мечтать не смел тогда). Не знал и где нахожусь. Все внимание было обращено на то, чтобы не сбиться с пути. Вот я и шел по твердой полосе земли, безвольно шатаясь от одного ее края к другому. Но вот я почувствовал, что спускаюсь в низину, прошел по ней метров тридцать-сорок, и начался небольшой, но довольно крутой подъем. Ага, это «Кодаса кул» (что в буквальном переводе означает «Рука младшей сестры снохи или зятя»). Значит, до ближайшей деревни Ясиново осталось около трех километров. Как их преодолеть? Тем более на этом пути находится более длинный и высокий подъем. Держись, дорогой, держись, старайся, – даю себе команду, – ведь там тебя ждут... Упорно одолевая бешеное сопротивление беснующегося воздуха, то подставляя под него спину, то прорывая его, наклоненный вперед, прошел еще неизвестно какое расстояние. Но почувствовал, что сил становится все меньше и меньше. К тому же, в это время, как мне показалось, – ветер завыл, застонал все сильнее и стал валить меня с ног. Не иначе как все циклоны и злые духи лежащих на севере ледяных гор и океанов дружно задышали студеным ураганным потоком, начиненным снежными зарядами и острыми ледьшками, а этим их кошмарным беснованием руководил сам главный сатана, специально сошедший для этого с небес...

Я уже ползу на четвереньках, стараясь ошупью рук не терять накатанную твердь земли под собой. Через некоторое время почувствовал, что начинаю карабкаться вверх. Догадываюсь, подошел к подножию седловины, соединяющей Толькольотау и Сактау...

Почему-то вдруг отчетливо представил их летний облик. Толькольотау, тянущаяся от меня километра на два налево, т.е. на запад, всегда привлекает к себе своими чудными березовыми рощами, смешанными местами с островками сосны и осины, ягодными полянами и «девичьей крепостью», этим таинственным памятником древности. А Сактау, находящаяся справа, на востоке, похожа на голову мудреца, красуясь спереди открытым лбом и лысиной, а сзади и с боков – замысловатыми кудрями берез, ясеней и осины, боярышника и шиповника...

Сейчас их, конечно, не видно. Только предполагаю по крутому косоугору, который спускается к седловине Толькольотау слева и пологим скатом Сактау, соединяющимся с седловиной справа, где как раз сейчас загадочно темнеет какая-то стена. Это, очевид-

но, краешек «Сактауской бороды», как называют здесь небольшую лесную полосу на западном подножии горы...

Чувствую, из последних сил ползу, карабкаюсь все выше и дальше по седловине, сантиметр за сантиметром, метр за метром. Сколько сумею проползти? Ведь леденею, коченею. Руки и ноги слушаются все хуже и хуже... Надо идти, надо, надо! – приказываю себе в полусне...

Вдруг... Что это?... Или мне померещилось?... Но я не успел разобраться что к чему, только ощутил, что меня обдало чем-то теплым. Я всеми силами попытался подняться на ноги, но не сумел и лишь беспомощно посмотрел вверх и... увидел прямо над собой, перед глазами... что-то бесформенное, черное, лохматое, со сверкающими большими точками в верхней части... Не дав мне и опомниться, это страшилище сразу же засвистело, зафыркало, заржало... Лошадь не лошадь, что за чудовище? Неужто сам сатана или какой-то злой дух в образе лошади предстал передо мной? Но, стоп! Что это? Это же человеческий голос! Откуда он? Всем своим существом напрягаю внимание и... слышу явственно даже через сатанинский вой урагана: «Ну, вперед, вперед, Толпар!»... Да, да, это голос человека! Не упуская из виду не исчезающего перед глазами чудовища, пытаясь одновременно безуспешно встать на ноги, изо всех оставшихся сил прокричал: «Абый! Абый!»

Моментально человеческий голос смолк, а чудовище, как показалось, отошло назад и выше. И тут же, через какие-то мгновения, что-то меня закрыло от чудовища и стало тормозить. Вслед я услышал, как с того света, еле внятный голос: «Кто ты? Что с тобой?»...

В этот момент, видимо, меня оставили последние силы... Очнулся я уже дома, на большой печи, в отцовском тулупе, в окружении родителей, сестер и фельдшерицы Глаша-апай...

Оказалось, на меня наткнулся возвращавшийся из поездки в Мечетлино Сагдий-агай, наш сосед с нижней улицы, старший брат Магиры. Как по велению волшебной силы остановился его умный конь, увидев перед собой страдающего.

Я, разумеется, полностью пришел в себя, сходил в баню, попарился. Страхи, усталость, холод как рукой сняло.

Потом было счастливое чаепитие с медом и душицей в кругу счастливых родных и друзей. Были там и Сагдий-агай с Магирой.

С неподдельной радостью сияли ее глаза, алым цветком румянились щеки...

– Знаешь, что сказала моя мама? Она говорит, что спасшийся однажды от верной смерти человек проживет долгую и счастливую жизнь. Мы верим и от души желаем тебе, чтобы так именно было, – сказала она, когда мы оказались на минуту наедине.

– Спасибо, Магира, тебе и маме, – ответил я, – не исключено, что будет именно так, ведь и ты, и твоя мама, наша любимая Миндиямал-апа, очень добрые и умные, почти святые, и хотите этого от всего сердца.

Она засияла еще ярче. И была просто прекрасна в своем искреннем простодушии...

– Ну, ребята, а теперь умойтесь, пожалуйста, умывальник там за печкой, в куточке значит, – ласковый, но в то же время довольно настойчивый хозяйский голос прервал мои полудремотные воспоминания.

Как бы вернувшись из небытия, мы последовали в указанное хозяином место, шутя и отфыркиваясь, с удовольствием умылись нагретой водой с душистым мылом (как только оно сохранилось!) и вернулись не спеша в гостиную и...

– Здравствуйте, – услышали мы вдруг нежный голос справа у приоткрытой двери, ведущей в соседнюю комнату. Мы повернулись на голос... О, святые! Что за чудо!? Перед нами стояла... Не может быть... Нет, не может же быть, чтобы здесь оказалась она... Неужели я еще не проснулся, неужели все еще не пришел в себя? Что за наваждение. Мне стало не по себе. Я остановился как околдованный... Видимо, у меня был такой несуразный вид с округленными глазами и широко раскрытым ртом, что Гриша посмотрел на меня с опаской, но тут же устремил восхищенный взгляд вслед за мной на нее... Я закрыл и снова открыл глаза, потряс головой...

Да, да, перед нами стояла чудо-девушка, удивительно напоминающая... Магиру, мою Магиру! Всем своим обликом – и ростом, и лицом, и голосом, и ласковой доброй улыбкой, и чудесными косами, уложенными венцом, и даже выражением и цветом глаз...

– Здравствуйте, – еле пролепетали мы в растерянности.

– Будем знакомы, Настя, – просто, спокойно сказала она и так приветливо и непринужденно улыбнулась, что в комнате стало светлей.

– Дочь моя, младшая, значит, – вмешался старик-хозяин, видя, что мы не сразу пришли в себя, за хозяйку она у меня, пока мать у старшей дочери гостит. А меня величают Егором Кузьмичом, значит, а вас как зовут?

– Я Григорий, Григорий Меновщиков, – опомнился первым Гриша.

А как назвать мне себя? Куддусом или Колей? – замешкался я на секунду, но видя, что взоры всех обращены ко мне, и не сумев одолеть опять свою дурацкую застенчивость, сказал несмело:

– Коля, Коля Латыпов.

– Очень хорошо, очень приятно, бойцы-молодцы, а теперь пора и отужинать, прошу, пожалуйста, за стол, – опять пригласил нас гостеприимный хозяин.

Мы охотно повернулись к столу и... Неужели это не сон?! На столе заманчиво пыхтел паром и задушевно пел сверкающий золотом самовар в окружении тарелочек с немислимыми в такое время яствами. Заманчиво глядели на нас блестящие грибочки, розовые ломтики аппетитного сала, отливающие изумрудом пузатенькие огурчики и, главное, душистый ржаной хлеб рядом с дымящейся разваристой картошкой...

Потекли слюны, но мы никак не решались притронуться к такой фантастической еде. Опять выручил хозяин.

– Кушайте, кушайте, это все подано, чтобы кушать, – повелительно произнес он и подал сам первый пример.

Вслед за ним начали и мы кусок за куском отправлять в рот вкуснейшую пищу, которую не видели уже не знаю сколько времени.

Проворно и, видно было, очень охотно, нет – с искренней радостью, колдовала за столом Настя. Это делало нашу трапезу еще более приятной...

Мы только успешно уплели сало, грибочки и огурчики с картошкой, как она подала полные стаканы горячего молока с ватрушками и мягким домашним хлебом. Объедение! Моя любимая еда с детства. Ай да Настя! И не успели справиться с молоком, она уже разливала крепкий ароматный чай (как она сказала «с нашими травами»), пододвигая к нам розеточки с вареньем и янтарным сотовым медом... Это уже был верх фантазии. Мы были на седьмом небе.

Не выдержала Гришина душа подобного счастья, внезапно выпавшего на нашу долю, и он с изумлением и восхищением одновременно обратился к щедрому и доброму хозяину:

– Скажите честно, Егор Кузьмич, откуда у вас взялась на столе такая, по-настоящему сказочная для такого времени, еда?

– Не удивляйтесь. В деревне есть люди, живущие хуже нас, чуть ли не на одной картошке, значит. Но это те, кто не особенно любит работать, а полагаются, значит, больше на авось. А мы все, и я со старухой, и старшая дочь с зятем, и вот и Настя, значит, только и радуемся, что трудимся вдоволь. Ну и вот, и для жизни все есть, значит, вдоволь, и запасы имеются на всякий случай. Вот так, значит... Старик сделал небольшую паузу, хитровато посмотрел на нас и продолжил:

– Но есть здесь еще один секрет...

– Ну, папа! – умоляюще воскликнув, прервала отца Настя.

– Ну ладно, ладно, доченька... Одним словом, значит, мы любим красных бойцов, летчиков особенно, значит, которые бьют фашистов, Родину, нас защищают...

– Большое спасибо вам, Егор Кузьмич, и вам, Настя, и за немислимо теплое гостеприимство и за вашу любовь к нашей армии, – поблагодарил я добрых, сердечных хозяев.

– Мы ничего не пожалеем для вас, соколики, только бейте гадов-фашистов еще лучше, гоните мерзавцев с нашей земли, значит...

– И мы не пожалеем своих сил для этого, Егор Кузьмич.

Мы до глубины души были тронуты всем тем, что пережили в доме этих чудесных людей и наполнились таким чувством благодарности, таким зарядом воодушевления, которого хватит, наряду с поддержкой всех других советских людей, на всю войну, на всю нашу жизнь...

– Вижу, ребята, вы очень устали, а сейчас хорошо разморились, расслабились, давайте, значит, спать, – предложил хозяин и мы, конечно же, охотно согласились.

И вот мы утопаем в мягких подушках, на той самой кровати, что стоит слева от входа...

Охваченные немислимым блаженством, мы быстро заснули...

Когда проснулись, уже рассвело. Мы, свежие, бодрые, несмотря на наше незавидное положение, все же с довольно приподнятым настроением, быстро натянули брюки, свитера и выбежали во двор...

И что за диво?! Вокруг царила необыкновенная тишина. Беснующейся воздушной стихии со свистящей, стонущей, воющей свистопляской тысяч небесных чертей, подвергшей нас

в ночной темени смертельной опасности, как не бывало. Рождался прекрасный новый день. Над деревней плыли обыкновенные слоистые и слоисто-кучевые облака. Слабое дуновение воздуха лишь слегка пощипывало лицо. Первое, что увидели во дворе, это аккуратно поставленные хозяйственные постройки: впереди и слева свинарник, коровник и овчарник, перед которыми хозяйничал Егор Кузьмич и аппетитно жевали подброшенный им корм розоватая хрюшка, крупная с большими рогами корова Матильда и безмянные овечки во главе с красивцем бараном с роскошными рогами, то и дело поглядывая с благодарностью на своего щедрого хозяина. А справа таинственно глядели баня, закрытый амбар и внушительный сарай, из дверей которого были слышны веселое гоготанье гусей и кудахтанье кур...

Идиллия да и только! Настроение поднялось еще больше. И мы с удовольствием поприветствовали виновника этой радости:

– Доброе утро, Егор Кузьмич! Дай Вам Бог еще более доброго дня!

– Спасибо на добром слове! Но, дай-то бог, сам не будь плох!

– Верно. Сам не сделаешь, ни один бог не сделает, – поддержал я его.

– Как спалось? Не рановато ли встали?

– Спали как в раю, Егор Кузьмич. Спасибо Вам большое, а встали, к сожалению, немного поздновато.

– Ну, ничего. Сейчас, значит, позавтракаете и отправитесь в путь.

После нескольких энергичных упражнений и хорошей пробежки мы зашли в дом, а там... опять такой же щедро накрытый стол с весело манящим к себе самоваром, та же сказочная хозяйка с обворожительной улыбкой...

Завтрак прошел весело, непринужденно, как между старыми знакомыми, ели мы, конечно, с аппетитом, говорили о том о сем, больше о положении на фронтах. В основном задавал вопросы Егор Кузьмич. Мы отвечали как могли. Только один его вопрос несколько озадачил меня:

– Ваш-то ероплан, значит, подбили фашисты, и он не смог долететь до своего еродрома? Или как по-другому?

Я ждал этого вопроса и... боялся. Мне стыдно было признаться, что мы заблудились и сели вынужденно. Но что они могли

знать о какой-то подготовленности летчиков к полетам в разных погодных условиях? Я даже подумывал ответить им точно в таком духе, как был задан вопрос в первой своей части.

Но не посмел грешить перед этими, если не святыми, то, по крайней мере, сердечными людьми и рассказал всю правду.

– Если сказать честно, нам просто повезло, могло быть и хуже, – подытожил я.

– Да, значит, вы в рубашке родились. Полагаю, помогло вам и то, что наша Ольховка издревле считается везучим местом.

– Спасибо ей, спасибо судьбе!

Решаю: для доклада командованию о случившемся отправить Гришу, а самому остаться здесь, осмотреть получше самолет, а также местность – нет ли более подходящей площадки для взлета. Да и, сознаюсь, очень хотелось поближе познакомиться с такими чудными, не так часто встречающимися людьми, как Настя и ее отец...

Ольховка затерялась в лесистой местности. От нее до дороги, по которой «много ходит всяких подвод и машин», было около десяти километров. Отвезти до дороги Гришу взялся Егор Кузьмич, попросив у бригадира, инвалида без руки, лошаденку. А дальше Гриша доберется на попутных.

Проводив их, окрыленный, с каким-то светлым и волнующим предчувствием, вернулся я в дом.

Настя, увидев меня, прервала свои домашние хлопоты, посмотрела таким участливым и чутким взглядом, что мне стало еще приятней и радостней. Я проникся каким-то удивительным спокойствием и поверил в удачный исход всех предстоящих моих дел.

– Проводили?

– Да.

– Не беспокойтесь, отец все знает, все делает хорошо. Да и Гриша, видно, расторопный парень.

– Спасибо. Я тоже уверен, что быстро и благополучно доберется Гриша до аэродрома, а Егор Кузьмич вернется домой. Теперь мне надо успеть посмотреть, как чувствует себя наш «голубок» и сможет ли он разбежаться там, где стоит, чтобы подняться в воздух, когда заменят ему ножки.

– «Голубок»?

– Да. Мы так любовно называем свой самолетик.

– Это интересно. Вы, должно быть, очень ласковые хозяева.

– Да, мы любим его. А вы, Настя, не могли бы помочь найти хорошую дорожку, чтоб он смог вспорхнуть ввысь.

– О, конечно! Спасибо за предложение. Я с удовольствием пойду с вами!

Прелесть! Какой доброжелательностью, теплотой и нежностью веет от нее!

Она быстро оделась, и мы не мешкая выбежали за ворота. Встретила нас тихая, утопающая в снегу, присмирившая после редкостного ненастья деревенская улочка. Ни души на ней. Даже собаки притихли. Только замысловатые клубки дыма, стремительно вырываясь из труб и направляясь к облакам, с легким наклоном кивали нам, весело приветствуя нас и желая доброго пути.

Я привел Настю к тому месту за крайней избушкой, где мы вышли из леса, пытаясь увидеть вчерашние следы. Но их не было. Значит, замело. Я рассказал Насте, где, как и в каком направлении мы шли.

– А-а-а, это «Дашкина поляна», больше в том направлении нет мест, где может приземлиться самолет. Я знаю туда дорогу.

– «Дашкина»? Почему она так называется? – спросил я, как только мы направились к этой таинственной для меня поляне.

И Настя рассказала о трагической судьбе молодой женщины по имени Даша. Бедная красавица Даша вышла замуж за вернувшегося с Гражданской войны красноармейца. Когда безземельным крестьянам распределяли земельные наделы, молодой семье досталась та самая поляна. Они зажили счастливо. Но... Однажды, когда муж выехал по делам, Дашу подкараулили там то ли бывшие хозяева поляны, то ли их наймиты. Они надругались над ней, зверски убили и скрылись...

– С тех пор эта поляна носит не только ее имя, но и считается в народе святой. Вот она и спасла вас вчера.

– Спасибо ей!

Мы прошли несколько минут молча. Шли не спеша. И не только потому, что мешал глубокий снег...

Над нами, на высоте птичьего полета, пронеслись, клубясь, большие кучи облаков, снизу и в середине темноватые, а по краям и сверху светло-дымчатые. В просветы между ними то и дело просачивались нещедрые лучи зимнего солнца, озаряя все вокруг таинственным светом. Тысячами алмазов сверкал тогда под ногами ослепительно белый снег. А изумрудные стройные ели, белотелые

березы и разлапистые сосны, одетые в нарядные белые шубы и такие же шапки, то с гордым удивлением, то кокетливо и жизнерадостно поглядывали на нас. Мелкие же пичужки, деловито порхающие между ними, радостно приветствовали нас и желали счастья.

Я случайно взглянул на Настю. Она была прекрасна! Из-под пуховой шали с изумлением и восхищением оглядывают все вокруг широко раскрытые лучистые ее глаза и ярко пламенеют нежненькие и пухленькие ее щечки.

Посмотрел и поразился еще раз... Как она была похожа на... Магиру! И этого было достаточно, чтобы сладостно затрепетало сердце. Воскресли в памяти родная деревенька, отчий дом, уральская красавица береза, милые леса и долины, которыми не раз любовались мы вместе с ней...

– Ваш лес очень напоминает наш уральский, башкирский, – мечтательно прервал я молчание.

– Ни разу не была там, говорят, у вас очень красивая природа? – словно нежно приласкала Настя.

– Не только природа, – улыбнулся я.

– Так и должно быть. Ведь существует закон гармонии. Безусловно, сильная, красивая природа рождает и сильных, красивых людей.

– Не могу не согласиться.

– Я рада за вас. Расскажите, Коля, немного о себе, – искренне попросила она.

Я рассказал. Потом – она. Мы условились, что будем поддерживать дружеские связи. Постепенно и незаметно перешли на ты. С ней было очень легко и приятно...

– Ты очень похожа на Ладынину – свинарку, – бухнул я неожиданно и... запнулся, наверное, покраснел до ушей, подумав, задним числом, ведь мог же сказать «Ты очень похожа на Глафиру из фильма «Свинарка и пастух».

– А ты – чистый Зельдин – пастух, – рассмеялась она, как будто ничего не замечая.

Умница, – подумал я.

– Не боишься, что мы можем оказаться в таких же отношениях, как и они? – теперь улыбнулся я.

– Нет, Коля, – отрезала сразу Настя, – и вовсе не потому, что ты не понравился мне, просто у меня есть свой «пастух» и зовут его Саша.

– Рад за Сашу и завидую ему в самом хорошем смысле. При-
знаюсь и я тебе – у меня тоже есть своя «свинарка», и зовут ее
Магира. Живет она в нашей родной деревне, на берегу чудесно-
го Ая.

– И я рада за тебя. Конечно, Магира похожа на свою родную
природу и в чем-то на тебя? – приятно засветились ее глаза.

– Да. И во многом на тебя, – как можно мягче и искренней
ответил я.

– Вот это интересно. Теперь я все время буду думать, как и
когда встретимся мы с ней и все вместе.

– Это было бы замечательно.

И вдруг молнией пронзила догадка – Саша! Саша!? А что
если...?! Почему же я сразу не спросил об этом?

– Кстати, где сейчас Саша? – поспешил я исправить допущен-
ный промах.

– В этих краях, совсем недалеко отсюда, в Веребье, точнее, на
аэродроме около этой станции. Он военный летчик.

Я заволновался всерьез.

– В Веребье? А не Лунев ли он случайно? Летчик-истреби-
тель?!

– Он самый. Откуда же ты его знаешь?

Сердце мое запрыгало, словно пытаюсь вырваться из гнезда.
Стараясь быть как можно спокойнее, я ответил:

– Мы же с ним хорошо знакомы... Вот это да, вот это оказия...

Дальше я рассказал о том, как мы познакомились и какие от-
ношения установились между нами.

И теперь только подумал, не является ли одной из причин ра-
душного гостеприимства то, что мы с Сашей принадлежим к од-
ному профессиональному семейству...

Каким коротким, по сравнению со вчерашним, оказался путь,
проделанный сегодня вместе с Настей! Как говорится, не успели
мы с ней наговориться и оглянуться, как открылось внезапно перед
нами небольшое поле, окаймленное со всех сторон сплошными
стенами леса, посередине которого, уткнувшись носом в землю,
словно целуя ее и опершись на душку левого крыла и высоко зад-
рав хвост, стоял или, точнее, полулежал наш драгоценный «голу-
бок»...

Нам показалось, что он глядит на нас жалобно и ждет по-
мощи.

– Здравствуй, «голубок» наш дорогой, – приветствовали мы его и нежно похлопали по спине и крыльям.

Да, оказалось, что кроме повреждения левой ноги и винта, все детали и системы его в полной исправности, целы и невредимы. Так была рада встрече с ним Настя и с таким удивлением осматривала его, что я предложил ей посидеть в кабине и рассказал коротко о назначении всех приборов и как происходит управление самолетом и двигателем в полете. Она с каким-то жадным интересом слушала, задавала вопросы и потрогала рычаги, приборы, ручки...

– Ой, как я признательна тебе за все это, Коля. Ведь я первый раз в жизни вижу это чудо...

Не ведал я в это время, какие чувства породила в ней эта ее первая встреча с летательным аппаратом. Об этом я узнаю потом, через пару месяцев. А пока...

Мы только соскочили с крыла и отошли от нашего «голубка» на каких-то пять-шесть метров, как над нами загудело, затрещало, зашелестело. Мы успели заметить только, как между нами и «голубком» разлетелись в разные стороны куски земли, снега, а потом глянули вверх и ...

Из небесного окна среди облаков выныривает сначала двухмоторный самолет, а за ним вслед, метрах в 400–500, другой одномоторный, ведущий беглый огонь из пушек и пулеметов, трасирующие снаряды и пули которых вонзаются в тело первого...

Они промчались над нами так быстро, что я еле успеваю заметить на крыльях и фюзеляже первого – черно-желтые кресты, второго – красные звезды и вдобавок на киле – большую белую цифру 07...

Настя остановилась как вкопанная и следила как зачарованная с широко раскрытыми лучистыми глазами и шевелящимися нежными губами за внезапно нагрянувшим загадочным видением в небе...

– Ой да Саша! Ну и молодец же ты! – вне себя от радости воскликнул я неожиданно, как только промчались мгновенные картины боя, – Нет, ты истый орел! Надо же, как он его разделал! – продолжал я кричать и прыгать, видя, как высоко в небо взметнулся столб дыма, огня и каких-то предметов на том месте в лесу северо-западнее деревни, где рухнул фашистский стервятник.

– Саша?! Какой Саша? – все еще не пришедшая в себя от непонятного ей самой сложного чувства и страха, и изумления, и

восхищения всем пережитым за эти мгновения, — взмолилась Настя, поворачиваясь наконец ко мне лицом.

— Он, он, дорогая Настенька, он, самый что ни на есть твой «пастух».

— Ой! — только и вскрикнула она, закрыла лицо руками, и из ее уст услышал я нечто больше напоминающее рыдание, чем возгласы восхищения.

Я быстро подошел к ней, машинально притянул к груди. Плечи ее вздрагивали. Она всхлипывала и охала, вопрошая временами негромко: «Неужели это он?», «Неужели так может быть?» «А где он сейчас?»

Я ей отвечал: «Да, да, он это, он... Я знаю точно... Я узнал его по номеру самолета... и по особому почерку его полета... В бою бывает по-всякому... Он сейчас прилетит к себе домой на аэродром...»

Отвечал и гладил нежно по голове, по спине... и сам не заметил, как по лбу, по щекам ее мягко и осторожно заскользили мои губы...

Она не отвернулась, не отошла. Она понимала, что делаю это я как брат родной, как надежный друг, для ее успокоения.

И в самом деле, она вскоре очнулась, успокоилась...

— А откуда летели комья земли и снега вначале? — вдруг спросила она.

— Это снаряды из пушек вражеского самолета взрыли землю. Они, конечно, были нацелены или на нас, или на нашего «голубка». Но фашист не попал, вернее, Саша помешал ему прицельно пристрелить нас.

— Ой, Саша, какой же он молодец. Может быть он нас видел и узнал?

— Все может быть, Настенька. Так или иначе, он наш спаситель. Мы обязаны ему своей жизнью.

— Когда же мы его отблагодарим за это?

— Я надеюсь, уже завтра. Думаю, и тебе скоро удастся это сделать. Он, случайно, не приглашал тебя в Веребье?

— Приглашал. Только говорил, чуть позже, когда наступит хоть небольшое затишье.

— Вот видишь. Завершится начавшаяся операция, и ваша мечта сбудется.

— Скорее бы.

– Пожелай нашим бойцам, и Саше в том числе, удач.

– Ой, от всей души и всеми богами.

Потом осмотрели поле, вдоль и поперек. Решили, что по нему «голубок» не сможет разбежаться настолько, чтобы успеть оторваться.

– А если по диагонали, вон с того угла, где стоит одинокая сосна, к тому углу с березками, стоящими кучкой? – вдруг спросила Настя.

– Молодчина же ты, Настя. Считаю предложение наиболее целесообразным. Только остается нам проверить, – ответил я, отметив про себя, какая она сообразительная, и как ее предложение совпало с тем, что уже вынашивал мысленно сам.

Прошли по предполагаемой полосе, проверили, нет ли препятствий. Решили, длины полосы вполне хватит для взлета, если срубить кучку берез, хотя ох как было жаль лишать жизни таких красавиц.

Что делать? На войне шли и не на такое...

Пришли домой усталые и... радостные, как раз ко времени обеда. Как по мановению волшебной палочки, золотые Настины руки поставили вскоре на стол дымящиеся ароматные пщи и пшаняще аппетитные, белобокие, пухленькие пельмени...

Чудное настроение и вкуснейший обед молодого парня и прелестной девушки после головокружительного калейдоскопа событий – что к этому еще можно добавить?!

После обеда не хотелось идти никуда, тем более чувствовали легкую усталость в теле, и мы решили посидеть в тепле, отдохнуть, поговорить. Естественно, больше говорили о боях, в том числе воздушных. Настя, расспрашивая о Саше, интересовалась, от чего зависит исход воздушного боя, кто выходит из него победителем. Я разъяснял как мог, как представлял.

– Наверное, очень трудно и опасно там, в воздухе? – вдруг она спросила.

– Сознаюсь, нелегко. Особенно если пилот или штурман подготовлены слабо.

– А не могут его убить? – вдруг с тревогой обратилась она ко мне.

Мог ли я ответить ей, что в бою могут убить всякого, что и он может оказаться жертвой то ли прицельного огня, то ли шальной пули, а то и неожиданных технических неполадок.

Только сказал ей вполне уверенно и спокойно:

– Не всех ведь убивают. Почему же среди них не может быть Саша? Ты вот приедешь и сама увидишь, что Саша – это бурлящая жизнь, это ком энергии. Он очень честный и мужественный, к тому же мастерски управляет первоклассной машиной и ее мощным оружием. Таких любят, оберегают. Так что у него очень много шансов быть живым, невредимым и выходить из каждого боя победителем.

– Ой, спасибо, Коля, за то, что ты вселяешь в меня уверенность, успокаиваешь.

– А твоя любовь, чистая как утренняя роса, светлая и горячая как солнечный луч – ты думаешь не поддерживает она его в бою? Да еще как! Только не все девушки это представляют и осознают.

– О, он всегда во мне, и любить буду его всю жизнь! Если бы я могла, была бы всегда рядом с ним, в том числе в бою.

– Какая ты молодчина и умница, Настя! А вы давно любите друг друга?

– С тех пор, как мы познакомились, когда я окончила 8-й класс, а он – первый курс летного училища. Все эти годы он ухаживал за мной как за сестренкой, но чувствовалось совсем другое... Хотя мы даже не целовались... Он говорил: «Вот сыграем свадьбу, тогда и нацелуемся». Он должен был приехать за мной в июле 1941 года, после окончания Качинского летного училища. Я же оканчивала 10-й класс Березовской средней школы, родной школы Саши, что в двадцати километрах от нас.

– Спасибо. Теперь я понимаю все. Кроме истинного счастья и всяческого благополучия я ничего и не могу вам желать. Вы достойны этого...

Глядел я на нее и никак не мог наглядеться. Какая-то необыкновенная краса, необыкновенная душевная сила светилась в ней. И невольно проникался я к ней любовью и уважением.

В чем их необыкновенность? Вспомните и представьте себе, как характеризуют своих красавиц русские народные сказки. То ли это Аленушка, то ли это Аринушка, то ли это Катерина или просто Машенька...

Так вот, лучшая красавица из самых лучших сказок и есть Настя, только на самом что ни на есть наяву.

О них нередко пишут: «Золотисто-льняные волосы...», «большие голубые глаза...». Нет, Настя не такая, точнее не совсем такая.

Да, волосы льняные, но без золотистого, а спокойного и мягкого оттенка. Сейчас хорошо расчесанные локоны, чарующе обрамляя чистое одухотворенное лицо, свободно висят до самого пояса, делая ее горделивую осанку еще более привлекательной и милой.

Глаза серо-голубые, но нельзя сказать, что они слишком большие. Но чем они так неотразимо завораживают?! Добротой? Да. Необычной чуткостью и участием, когда обращаются к тебе? Непременно. Спокойствием и уверенностью, вселяющим в собеседника веру и надежду? И это есть. Но в них постоянно присутствует еще что-то такое, что придает им особую силу, особую привлекательность, как это выразить точнее? Пожалуй, очень подходит... благородство, но не напускное, а какое-то естественное, светлое, величавое, одухотворенное, сопровождаемое спокойной мудростью во взгляде и... решительностью в действиях...

– Ну, расскажи, Коля, о своей деревне, о Магире, – ласково прервала мои мысли Настя, – конечно очень любите ее?

– Очень. Не представляю себя без нее. Она всегда со мной, не только в радостях, но и во всех моих бедах, надежная опора, как волшебная палочка-выручалочка... Как зеленая трава не может без дождя и солнца, так и я не могу ни минуты без нее и без Родины моей...

И тут еще явственней предстали перед мысленным взором моя Магира, мамы наши, очаровательные Ай буйы, домики и дворы, находящиеся рядом, плетеные заборы, даже ласково скулящая наша общая любимица лайка Актюш.

– Я очень рада за вас, за тебя, за милую Магиру, за вашу Любовь, за вашу прекрасную Родину, и от всего сердца всегда буду желать вам здоровья, благополучия, счастья... и я горда, что мы с Сашей обрели такого друга, как ты, Коля. Будь таким же молодцом всегда. Буду надеяться и верить, что будем встречаться пусть не часто, но регулярно, – продолжает она.

– Спасибо, Настя. По крайней мере, я сделаю все от меня зависящее для этого, – отвечаю я и мысленно говорю себе: «Нет, не случайно принял ее за Магиру, чудесные они обе и так похожи», – не без гордости думаю я. Те же задумчивые серо-голубые глаза. Только у Магиры они расположены чуть шире и имеют еле заметный восточный разрез. Удивительно отражены в них та же доброта, то же великодушие, та же готовность немедленно прийти на

помощь нуждающемуся, та же согревающая до глубины души милая улыбка. Пусть всегда будут передо мной эти глаза, глаза Магиры... то полные благоразумия, озабоченности, то сияющие жизнерадостностью и такими искрящимися лучами чистоты, искренности и преданности, что в состоянии довести до боли даже «железное», хотя и пылкое сердце твое...

Вскоре прибыл Егор Кузьмич, довольный, с видом человека, честно выполнившего свой долг.

– Маленько задержался, к старому другу, значит, по пути заехал. Слава богу, значит, у него все в порядке. А Гришу проводил, значит, очень удачно. Он сразу попал, значит, в кабину попутного газика. Так что, значит, доедет хорошо.

– Спасибо, Егор Кузьмич. Я теперь спокоен, помощь подоспел вовремя.

– А теперь, значит, Коля, вы немного погуляйте, а мы с Настей, как только я, значит, поем, позанимаемся кое-какими, значит, делами.

– А может я смогу быть чем-нибудь полезным?

– Нет, нет, вы будете только мешать нам.

Еще раз поблагодарив чудных хозяев, я вышел. Что делать? Прошелся по деревне, побыл за ее околицей. Потом направился к бригадиру. Попросил его помочь срубить те березки на углу «Дашкиной поляны», которые преграждали путь самолету на взлете. «Не беспокойтесь, к утру все будет сделано», – только и сказал он.

Времени у меня было много, и я решил еще раз побывать у «голубка» – все ли с ним в порядке и, главное, убедиться, не посмотрели ли какие-нибудь шаловливые «медвежата» бортовые его часики и другие приборы... Нет, часы и все приборы по-прежнему исправно отсчитывали время и сам «голубок» и все оборудование находятся в том нормальном состоянии, в каком оставили утром.

Вернулся с приятной усталостью в ногах, но свежий и бодрый, когда деревню окутали густые сумерки и в отдельных домах засветились неяркие огоньки.

Встретил меня Егор Кузьмич, чистенький, покрасневший, и сразу:

– А теперь, Коля, значит, снимите только комбинезон и айда, значит, в баню. Я уже помылся, очистил, значит, в ней и воздух от

угара и себя, ясное дело. И вас ждет, значит, с нетерпением легкий, целебный пар для крепости и здоровья тела, значит, – приятно ошарашил он меня.

Откровенно говоря, чего-чего, но такого сюрприза не ожидал. Однако, разумеется, на крыльях понесся в храм легкого целебного пара.

Предчувствуя нечто долгожданное и нестерпимо желанное, открыл дверь предбанника и... Такое убранство, такая чистота, такая теплынь, такой уют встретили меня, что я действительно почувствовал себя как в храме.

А когда, раздевшись и аккуратно разложив одежду, зашел в парилку... Вдруг мне почудилось, что я в родной отцовской баньке, и мгновенно вспомнилась банная его «наука». Какое это счастье, хоть спустя год с лишним, еще раз испытать это чудодействие.

Вначале все тело обласкал сухой, приятно нагретый воздух. После пятиминутного сидения на средней полке появились капли пота, а затем, словно сговорившись, они целыми струйками побежали по всему телу. С головы до ног ополаскиваюсь теплой водой, смывая первые порции пота и «шлаков». Прелесть! Чуть брызнул водой на камни и пересел на верхнюю полку. Горячий, слегка увлажненный воздух охватывает мое уже размягченное тело. Прошли первые три-четыре минуты, и чувствую явственно, как в каждую мою клеточку проникает радость жизни. Еще через некоторое время из организма стремительно потекли новые струйки отработанной влаги. Я блаженствую... Снова очищаюсь теплой водой. Теперь пора помыться. Сначала тщательно промываю голову, затем обильно намыливаю тело, старательно тру, значит, массирую его внушительной, тоже хорошо намыленной мочалкой. Новые потоки теплой воды шелковисто обмывают тело. Нежно глажу его руками, слышу только, как заманчиво и щекотливо хрустит. Вот и время приступить к главной части банной процедуры. Начинаю с того, что выхожу в предбанник и отдаю тело трех-пятиминутному отдыху. Затем возвращаюсь в парилку, слегка ополаскиваюсь теплой водой, поднимаюсь на верхнюю полку, беру веник, держа его над камнями, прошпариваю горячей водой. С каленых камней, шипя и клубясь, поднимается обжигающий пар, заполняя все пространство под потолком и плотно обволакивая все мое тело. Пора!! Начинаю хлестать себя веником по спине, пояснице, по бокам, рукам, ногам, животу... постепенно увеличивая силу ударов и ускоряя дви-

жение руки с веником... Э-э-э-х! Ну и ну! Я опять начинаю парить на крыльях блаженства... Хлоп-хлоп, еще две-три минуты и... подаю дополнительной порции воды и какой-то отдельной смеси в кружке. Камни с новой силой зашипели сотнями целебных змей, зашелестели брызгами бесчисленных фонтанчиков. Ртутью забегали, запрыгали по ним тысячи шарообразных капель, превращаясь мгновенно в пар, весомо и упруго ощутимый, накаленный. Веник с новой силой пошел хлестать и шпарить все тело спереди, сзади, с боков, снизу... Только пальцы и уши обжигает пламенным огнем... Раз-два их холодной водой и дальше. Вдруг все вокруг задышало таким ароматом, что трудно передать словами. Тут удивительно соседствуют ядреные запахи и берез, и сосны, и трав целебных, и камня, и дыма и еще черт знает чего. Это особая духовность! Ух, как бодрит, как опьяняет она тебя!

Шпарю себя дальше, уделяя особое внимание месту, где приятно... чешется. Э-э-э-х! А-а-а-х! Пот ручьем. Хлынули, наверное, из меня последние остатки шлаков... Ну вот, кажется, начинает туманиться голова и дышать вроде становится трудновато... Пока хватит. Окапываю себя холодной водой, выбегаю... за баню в огород, покатился по чистому снегу, обтерся и назад. Обмылся теплой водой.

Теперь отдохнуть немного в предбаннике и... снова в парилку... Парился еще раз с каким-то неистовым удовольствием, оказывал себя холодной водой, обмывался теплой...

Вышел в предбанник, вытерся чистым, пахнущим девичьим духом, льняным полотенцем, остыл, обсушился и... не обнаружил своего белья. Вместо него лежали совсем другие... подштанники, рубаха... белоснежные, мягкие, несущие аромат арбуза и молодых огурцов, вместе взятых. Ясно... Ох и Настя, Настенька! Ох и Кузьмич, ты Егорушка! Какие вы – чудо-люди! Понимаете ли вы это сами?

Оделся – словно заново родился. Воистину, «баня парит, баня правит». Да тут ко всему чудодейственная чуткость чудо-людей...

Когда я зашел в дом, они оба встретили меня с чарующей улыбкой.

– С легким паром, Коля. Ну, как помылись, понравилась ли наша баня?

– Фантастика! Не только ни один царь, ни один король, но и ни один бог, ни один аллах не испытывали такого! – отвечаю бо-

жественным хозяевам, – нет предела моей радости, моей благодарности вам за такое райское наслаждение, какое преподнесли мне и сейчас, и вообще за эти сутки.

– Спасибо на добром слове. Это уж так принято в народе встречать, значит, желанных гостей, – улыбается довольно Егор Кузьмич.

Радостно, доброжелательно сияют чудо-глаза Насти. А я чувствую такой подъем сил – хоть сейчас взвейся ввысь, на бой...

Но мы пока что сели за стол и началось такое изумительное чаепитие, которое бывает только в сказках и у таких благороднейших людей, как Егор Кузьмич и Настенька, каких, слава Богу, немало во всей России, в том числе и в моей родной Башкирии, несмотря на немыслимые тяжести лихолетья. Мои отец, мать, сестры Асма и Саима, зять Давлетбай, дяди Талип и Мирза, Магира моя, Юмабике-апа и тысячи моих земляков и сородичей встретили бы точно так же. Уверен, на таких держится человечество и такие обеспечат победу в этой страшной, античеловечной войне... и вообще во всех передрягах человеческой жизни, повсюду и всегда...

Рано утром на следующий день приехали техник звена Илья Литвиненко, техник самолета Андрей Аксенов и моторист Михаил Громов со всеми необходимыми инструментами и запчастями.

Погревшись, позавтракав вместе, направились на... подводе к «голубку». Замена левой лыжи со стойкой и винта, а также проба двигателя и рулей управления заняли около трех часов.

И вот мы с Аксеновым в воздухе. Благополучный взлет с ограниченной площадки на исправленном самолете, прозрачный воздух, зимнее полуденное солнце, удивительной красоты милая панорама под нами вселяли в душу радость и успокоение.

Пока не ушли от «аэродрома», ставшей своей «Дашкиной поляны», решаю еще раз проверить работу мотора на всех режимах и показания приборов. Делаю круг над ней, над дорогой сердцу Ольховкой. Все в порядке. Беру высоту так, чтобы хорошо видеть деревню, людей в ней. Иду на второй круг. И... во дворе своего дома стоят Егор Кузьмич, Настя и еще кто-то и машут руками. А я им в ответ машу крыльями. Еще раз любуюсь ладным обликом подворья, который без слов говорит о природной культуре и трудолюбии хозяев, их умении рачительно хозяйствовать на земле. А если к этому добавить их искреннее радушие, то станет ясней широта и красота

их души, истинная их человечность... Который раз убеждаюсь – трудолюбие, человечность, культура, идут, как правило, рядом, составляя по существу основу общества, созидая достойную жизнь... Сердце сжалось щемящей болью... Грустно почему-то расставаться с такими людьми, в такое время. Прощай, Егор Кузьмич, дорогой ты, добрый Человек! Прощай, Настенька, ангел ты небесный! Придется ли еще встретиться с тобой? Если да, когда, где, при каких обстоятельствах? Но будь уверена, Настя, за тебя, за Магиру, за тысячи и тысячи таких, как вы, за ваше счастье, за ваше будущее будем биться, не жалея ни сил, ни самой жизни. Вы ведь и наше счастье и наше будущее, будущее всей страны, а если на это пошло – и всей земли... А сегодня вы самая желанная и надежная опора...

Так и хочется крикнуть во всю мощь:

Мама! Все мамы, похожие на Настю, на Магиру!

Понимаете ли вы, какой клад для человечества представляете из себя!? Больше, больше рожайте и воспитывайте таких, как вы сами. Какое это будет счастье, если вас будет большинство. Тогда наверняка настанет всеобщее благополучие на земле. Без войн, без тревог. При духовном и материальном достатке. При истинном человеколюбии!...

Со смешанным чувством и радости, и надежды, и смутной тревоги берем курс домой...

Доклад мой о случившемся командир полка выслушал вроде бы спокойно, но ответил довольно сухо:

– О деталях поговорим завтра. Сегодня отдыхайте. Завтра встреча здесь же в десять ноль-ноль.

Я вышел из землянки КП, намереваясь идти в общежитие, как увидел заходящую на посадку пару истребителей. Не Саша ли, промелькнула мысль. Вот ведущий уже на пробеге. Смотрю на номер – 07. Так и есть. Он. Решено встретиться с другом сейчас же. Разве можно терпеливо носить в душе такой сюрприз, как привет от Насти. Пусть доложит о выполнении задания, и я явлюсь неожиданно перед ним. Как раз пока я дойду до КП истребителей, пройдет времени столько, сколько надо на заруливание и доклад.

И точно, только открыл дверь КП, как увидел выходящих из кабинета начальника штаба Сашу и его напарника Максима. Саша сразу обратил внимание на меня и... глаза его уставились на меня то ли с удивлением, то ли с недоумением, но мгновенно засияли, и мы кинулись друг другу навстречу, крепко обнялись.

– Поздравляю тебя от души, что благополучно вернулся, рад, безмерно рад за тебя, – заговорил Саша, крутя и вертя, хлопая меня по спине своими лапищами, – здорово подпортила вам дело небесная канцелярия, всем гарнизоном переживали за вас.

– Да, она подвергла нас таким испытаниям, выдержать которые оказалось нам не под силу.

– Но ведь ты вернулся со своим «голубком»?

– Да, но...

– Раз так, ты выдержал эти испытания с честью. По крайней мере, ты сделал больше, чем мог. Ну ладно, расскажи все по порядку. Выйдем, походим, поговорим, тем более вылета по графику сегодня больше нет, если, конечно, не будет неожиданностей. А ты, Максим, посиди пока в дежурке.

Настроение у обоих было приподнятое. Саша вернулся, успешно выполнив очередное боевое задание. Я все еще находился под приятным впечатлением встреч в Ольховке, а сердце колотилось от предвкушения того, какой сюрприз я преподнесу сейчас другу.

Я действительно рассказал все по порядку, за исключением названия деревни и имен людей, из тактических соображений, конечно, чтобы удивить Сашу под конец.

Но он сам вдруг спросил:

– А около какой же деревни приземлились вы?

– А вот угадай! – видимо, улыбка моя получилась хитровой, потому что он сразу воскликнул:

– Неужели! Неужели у Березовой?!

– Нет. К сожалению или к радости, но не у Березовой.

– Почему к сожалению?

– Потому что не побывал в твоей родной деревне.

– А почему к радости?

– Потому что... потому что...

– Что ты темнишь и мычишь? Скажешь ты наконец? – не совсем добрые искорки появились в глазах Саши.

– Потому что... привез я оттуда... самый что ни на есть горячий привет... от Насти и Егора Кузьмича! – выпалил я торжествующе.

Глаза Саши глянули на меня сначала как бы удивленно и растерянно, но видя, что я серьезен и спокоен, расширились и так заблестели, заискрились, словно к ним подключили сотню ярчайших свечей.

– Ох ты плут, ну же и плут ты окаянный, как же ты так мог, что не сразу сказал?! Вот так сюрприз, вот это сюрприз! Нет, это подарок настоящий! – не скрывая радости, восклицал всю Саша, обнимая меня и хлопая по спине, – Спасибо тебе, спасибо большое! Ну, расскажи подробней, как они там?

Я обстоятельно рассказал все, что связано с их жизнью, про их гостеприимство.

– Да, это они. Узнаю их. Молодцы, что встретили тебя так. Спасибо им. Горжусь ими. Вот, знай наших! Кстати, все они, мои земляки, такие, – веселые огоньки заискрились в глазах Саши...

– Я с тобой согласен на все сто. Но еще один сюрпризик припрятал под конец.

– Ну ты даешь. Что же еще может быть?

– Это уже непосредственно связано с тобой.

– Со мной?! Это уже совсем как в сказке.

– Но это совсем не сказка, а самая истинная бль, и сотворена она твоими, вот этими руками, – показал я ему руки.

– Не томи опять, выкладывай скорее!

– Ты пятнадцатого числа вел бой с «Мессершмиттом-110»? Кокнул его так, что одна пыль осталась?

– Да, случилось такое.

– А где же?

– Северо-западнее Ольховки.

– Там он упал, а атака происходила как раз над деревней и «Дашиной поляной», где находился «голубок» и недалеко от него стояли мы и воочию видели мгновенные картины боя...

– Ах, это были вы!? Чудеса да и только!

– Так что Настя хоть как-то представляет теперь, что такое воздушный бой и... кто такой воздушный боец Саша Лунев, которого она безгранично благодарит, так же как и я, за спасение наших жизней.

– Ну и закрутил ты!

– Нет, я разматываю только твои круги. Так что я дважды должен поздравить тебя.

– С чем же это?

– А с тем, в первую очередь, что тебя безмерно любит такое чудо земли, как Настя, и с одержанной очередной победой, во вторую. Искренне рад за тебя и горжусь от всей души!

– Спасибо. Но без этого самого, пожалуйста...

– Хорошо, хорошо. Ты бы знал, как тебя ждет Настя! И как тебя она любит. Так и сказала: «Не только я, Березовая и Ольховка, но и вся Новгородская земля любит его и желает удач»...

– Благодарю, дорогой, за приятные вести. Дай Бог им здоровья и благополучия, а тебе – боевых успехов, человеческих же качеств тебе не занимать.

– Дай Бог. И Аллах тоже.

– Будем надеяться. А сейчас пойдем по домам, узнаем обстановку, за ужином встретимся опять.

Друзья в общегитии встретили нас с искренним радушием. Конечно, особую радость выражали теплые лучистые глаза и крепкое объятие Гриши.

– Трудящиеся Урала и Поволжья, оказывается, поздравляли нас с Новым Годом и успехами наступления после битвы под Москвой. Подарки, может быть, немножко запоздали, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Нам с вами, товарищ командир, тоже досталось. Вот, посмотрите, – протянул мне сверток Гриша.

Развернув сверток, я взял в руки черные ручной вязки шерстяные перчатки и шелковый кисет ярко-зеленого цвета, с вышитым желтыми шелковистыми нитками орнаментом.

Сердце наполнилось приятным теплом. Какие добрые руки изготовили и прислали их? Как здорово, что там думают и заботятся о нас, поддерживают нас как могут. Знали бы они, как это волнует и воодушевляет нас.

– Безграничное спасибо им. Бери себе, Гриша, перчатки, чтобы они грели твои руки так, чтобы ты и дальше точно попадал в цель, а я возьму себе на память кисет. Идет? Уж очень я люблю зеленый цвет и аккуратненькие вещички-символы.

– Командирское решение – закон. Мне остается только согласиться. Спасибо, командир, – от души отвечает Гриша.

Миша Кузнецов и Игорь Брылин предупредили меня, что завтра, видимо, предстоит серьезный разговор с начальством по вынужденной посадке.

– Продумай все и не ляпни ничего лишнего сгоряча, – дружески посоветовал мне Миша.

– Спасибо, постараюсь, – только и мог я ответить друзьям.

Когда мы подошли к столовой, Саша и Максим поджидали меня у входа.

– Успели вовремя, наш стол еще свободен, – с дружеской улыбкой встретил Саша и характерным для него широким жестом пригласил в столовую.

Едва успели занять места за столом, подошла миловидная официантка Надя.

– С благополучным возвращением. Не только мы все, но и ваши фронтовые «сто грамм» с нетерпением ждали вас, – ласково улыбнулась она.

Как выдержать опять эту экзекуцию, – неприязненно подумал я про себя, но чокнувшись со всеми за смерть врагам и за наши победы, стараясь не показать вида, довольно спокойно и смело опрокинул в рот «боевые сто грамм»...

За столом, как обычно в таких случаях, развернулся оживленный разговор сначала о положении на фронтах вообще и на своем участке фронта в особенности, посетовали также на то, что наступление идет очень туго. Поговорили о трудностях в жизни и работе тыла вообще, глубокого и ближнего.

– К сожалению, не везде и не все так живут, как в Ольховке Егор Кузьмич с Настей, да Куддус? – вдруг заиграли умные глаза Саши.

– К сожалению, да. Ибо не везде и не все так трудятся, как эти замечательные люди, хотя таких и немало.

– Такие есть и в нашей Березовой. Вот побудешь и увидишь. А что, почему бы нам не махнуть туда, Куддус, хотя бы на денек, как только завершим эту операцию, а?

– Спасибо, я принимаю это приглашение, лишь бы обстановка позволила. А тебя с Настей, как видно, я сумею пригласить к себе в Башкирию, на Ай буйы, к Магире, только после успешного завершения всей этой войны. Так и знай, это и делаю я сейчас, заранее.

– Спасибо. Это будет замечательно, познакомиться с твоей родиной, красивой землей и с чудесными людьми, населяющими ее. Буду просить Бога и Аллаха, чтобы состоялось это свидание. А пока разреши, Куддус, вручить тебе на память о нашей дружбе и в знак благодарности за бесценные дорогие вести из Ольховки вот этот скромный дар наших земляков.

Саша вытащил из-за пазухи и нежно положил мне на руки... белоснежно шелковистый, мягкий, как пух, шарф-кашне. Я сна-

чала растерянно посмотрел на него, не зная что сказать. Потом несколько спохватился:

– Спасибо, дорогой, спасибо от всей души. Сознаюсь, я этого никак не ожидал. Очень удивил ты меня. Право же, не знаю как и ответить на твое сердечное внимание, на этот чудесный дар...

Но вдруг... осенило! Кисет! Быстро засунув руку в карман (кисет был там), я вытащил оттуда спасительную вещичку и обратился к нему:

– Прими, пожалуйста, Саша, и от меня эту вещичку, простенькую, но дорогую, ибо она трогательно исполнена нежными девичьими руками с нашей земли, с Урала. Пусть она тоже служит символом, постоянно напоминающим тебе о нашей дружбе и совместно проведенных днях и часах.

– Ну вот, думал, что только я преподнесу тебе сюрприз, а ты, как всегда находишь ответ. Спасибо, дорогой Куддус, сердечное спасибо за этот бесценный подарок. Конечно же, он постоянно будет напоминать о дружбе: и нашей с тобой, и, дай Бог, Насти с Магирой...

Мог ли я предположить, что эта трогательная встреча двух фронтовых друзей окажется последней?

Так или иначе, я безмерно был благодарен Саше, а вместе с ним и Насте, за чистую и яркую как звезда дружбу, за бесценный дар, искренне преподнесенный за дружеским ужином. Всю жизнь память о них будет согревать мне сердце и душу тем теплом, которое способно делать человека добрым, бескорыстным, чистым мыслями и поступками.

Иначе и не могло быть, ибо какое великолепие сочетаний всего сущего и прекрасного в Саше и Насте! И доброжелательность, и мужество, и человечность, и высокая целеустремленность!

Впрочем, как и в словах и делах моих земляков: бригадира Муллабая Нигматьянова, комбайнера Миндигали Батталова, ветфельдшера Ишмурата Муратова, учителя Давлетхана Мирхаева, фельдшера медпункта Глафиры Симагиной, моих однополчан, друзей по оружию Лозичного и Бахирева, Кузнецова и Брылина, Аксенова и Литвиненко, Громова и Петрозашвили...

Воистину, коль душа добропорядочностью полна, и жизнь во всем обличье красна.

Пример таких благороднейших людей окрыляет, поддерживает в самые трудные и ответственные моменты. Поэтому как хо-

чется, чтобы было как можно больше благоразумия в людях, больше красоты в их душах, больше человечности в их поступках. Пусть бы красота рождала еще больше красоты, доброта – еще больше доброты. Пусть бы повсюду на земле здравствовал закон соответствия в лучшем его смысле, повсюду на земле царствовало прекрасное...

Пусть бы... К сожалению, пока это – всего лишь благие пожелания. Пока в нашем несовершенном мире далеко не везде получается так... Пока на земле нашей продолжается самое чудовищное и отвратительное – взаимное уничтожение человека человеком, огромных масс людей другими огромными массами...

11. НЕ ВСЕ СПРАВЕДЛИВО В ЭТОМ МИРЕ... НО И ЦВЕТОЧКИ ЕСТЬ В НЕМ

Вынужденная посадка, да еще вне аэродрома, это, конечно, серьезное ЧП. Но, оказалось, оно было лишь «цветочком» невезения. «Ягодки» же его были впереди.

Я ожидал, что будут какие-либо меры воздействия, но никак не предполагал, что они примут такой неожиданный оборот.

Все началось с разговора с командиром и комиссаром полка в присутствии особиста Хрюкина, командира эскадрильи Бахирева и его комиссара Чупина. Они пригласили на эту беседу меня, Кузнецова и Миронова, произведших вынужденную посадку вне аэродрома. Нас это насторожило: почему эта беседа только с участием особиста и комиссаров, а не послеполетный разбор, как обычно, в присутствии всего летного состава, и если предстоит разговор вообще о событиях «туманной ночи», как окрестили ее летчики, почему нет Матюшина и Кислова, севших тоже вынуждено, но, как они признали сами, просто случайно на аэродроме соседей. Не приглашен и Брылин, вернувшийся на свой аэродром совершенно правильно с полпути, не выполнив боевого задания, после того как попал в туман.

Беседу вел командир полка. Дополнительные вопросы в основном задавали довольно экспансивные Хрюкин и Чупин. Комиссар полка и командир эскадрильи больше молчали.

Одним из первых был вопрос:

– Чем объясняете причину вынужденной посадки вы сами?

Мы удивленно переглянулись между собой. Ни один из нас не открыл рта. Взгляд голубых глаз командира перескакивал с меня на Мишу, потом на Виктора и обратно. Хотя глаза казались спокойными, даже дружелюбными, но внутри них нет-нет да и проблескивали еле заметные тревожные искорки.

В чем дело, чего же он хочет, – недоумевал я, – ведь и он и все остальные, сидящие тут, прекрасно знали: мы не были подготовлены к полетам в таких сложнейших метеоусловиях – ночью, в тумане при сильном попутно-боковом ветре; да и «голубушка» наша не имеет крайне необходимых в таких случаях приборов видения и пространственной ориентации. Неужели, – мелькнула в голове мысль, – они ждут от нас ответа, который бы хоть в какой-то степени оправдал безответственные действия тех, кто создал аварийную ситуацию, случайно не приведшую к более печальным последствиям.

Пауза затянулась. Не совсем спокойно заморгали голубые глаза. Заскрипела табуретка под грузным квадратным туловищем в меховом полушубке особиста. Его бесцветные глаза, казалось, бессмысленно уставились на нас. Черненькие глазки из узких щелей век Чупина безуспешно шарили по нашим лицам. Вдруг:

– Что вы скажете на это, товарищ Латыпов, – голубые глаза встретились с моими каштановыми, наверняка выразившими в это время заметные признаки и недоумения и внутреннего возмущения. Ибо всем нутром своим ощутил, как на меня дохнуло поистине мерзким холодом непонимания и подозрительности и совершенно резонно, не найдя как лучше ответить, я возьми и спроси:

– А почему метеослужба и вышестоящие штабы не обеспечили реальными метеоданными?

Еще не закончил я вопрос, как тут же, расхрабрившись, поддержал меня Миша:

– И командные пункты выпустили экипажи, не зная истинных погодных условий...

Голубые глаза расширились, стали серьезными:

– Это не ваше дело, за это они ответят перед командующим... А вы, имея подготовку к полетам по приборам, в том числе ночью, вполне могли справиться с пилотированием в условиях той ночи, – совсем недоброжелательные искорки глаз нацелились на меня.

– Вы не хуже меня знаете, что такое туман и какие способности наших приборов. Они, в лучшем случае, позволяют держаться горизонтально и делать развороты с небольшим креном, спуски и подъемы с небольшими углами. А как определить при полной невидимости, куда и насколько относит тебя? – осмелился я. – То же самое на бреющем полете, ибо еле-еле различались отдельные предметы и только непосредственно под собой.

– А вот Кислов и Матюшин вышли на запасной аэродром, Брылин же произвел посадку на своем аэродроме, – заскрипел голос особиста, и белесые глаза его свинцом вперились в меня.

– Кислому и Матюшину просто повезло, как они сами признали, они попали на этот аэродром совершенно случайно, а Брылин же позже всех вылетел, и туман застал его на половине маршрута к цели, он правильно сделал, что вернулся и произвел посадку при нормальных условиях, – начал я раздражаться, – и вообще, когда сидишь на земле, да еще в теплой землянке, при свете керосиновой лампы, кажется все так просто, а в ночном, невообразимо бушующем воздухе, да еще после того, как еле вырвался из цепких объятий вражеского огненного неба, куда как сложнее... – не закончил я тираду, ибо довольно грубый окрик прервал меня:

– Товарищ сержант, не забывайте, где вы находитесь и с кем разговариваете, – голубые глаза потемнели, округлились и засверкали недобрым огнем, а рыжие брови над ними резко взметнулись вверх, потеснив ряды неглубоких морщин к кромке аккуратно зачесанных на пробор русских с рыжеватым оттенком волос.

Задавший же вопрос Хрюкин побагровел так, что казалось вот-вот зашипит, а большой его рот открылся так широко, что нижняя губа беспомощно отвисла, глаза же, с налитыми кровью белками и заблестевшими зрачками, полезли на лоб так, что готовы были выскочить из орбит.

Тщедушное тельце Чупина при этом, втиснутое в летный меховой комбинезон, хотя оно ни разу не касалось кабины самолета, нервно заерзало, а мышинные глаза его так заморгали, что казалось, вот-вот брызнут слезы.

Только комиссар полка Лозичный был невозмутим. Большая его голова, удобно расположившись на крепкой шее, держалась непоколебимо гордо и неподвижно. И в темно-серых глазах его нельзя было прочесть ничего, кроме мудрого спокойствия.

А вот синеокий комэск смотрел то с сочувствием, то с досадой на нас и с некоторым недоумением – на командира полка, особиста и своего комиссара...

Цепь моих мыслей оборвалась, и я молчал, не зная что же говорить дальше. Не знаю, сколько бы тянулась очередная пауза, если бы наконец не пропищал голос:

– Скажите, как это вы не заметили в поле единственную корягу и наткнулись на нее, – засверлили меня бусинки чупинских глаз, обретших вдруг признаки злорадства, смешанного, как мне казалось, с надеждой, видимо, на поддержку и оправдание своего партнера по беседе Хрюкина.

Не понимал только незадачливый политрук, что еще больше усугубляет возникшую натянутость разговора, еще сильнее раздражает меня:

– Это была не коряга, а пень, скрывшийся под толстым слоем снега, который ночью в тумане и на фоне того же снега я не смог заметить... А вот недавно я заметил, как вы, идя по совершенно ровной дороге от столовой до КП днем, чуть не упали, споткнувшись о маленький, один-единственный бугорок... Почему бы это?

Вдруг все затихло в кабинете так, что стало слышно, как часто-часто засопели широкие ноздри Чупина, а узкие щелки его глаз раскрылись так, и зрачки-бусинки закрутились-завращались с такой быстротой, что чудилось вот-вот вырвутся наружу. По-медвежьи заворочался-запыхтел Хрюкин. Белым огнем засветились свинцовые кружки в его глазищах, мечась между сидящими, останавливаясь только на мгновение то на мне, то на Кузнецове, то на командире, будто ища у него защиты. Что это, загишь перед бурей? – мелькнуло в голове. Но строгий командирский голос прервал мои мысли:

– Товарищ Латыпов, прошу отвечать только по существу вопроса, – глаза его, однако, глядели уже не совсем огненно, как недавно, – у кого еще есть вопросы?

– У меня еще, товарищ капитан, – шлепнулись толстые губы Хрюкина, а кружочки в глазищах, обретшие опять белесоватый оттенок и окруженные светло-рыжими ресницами, быстро-быстро забегали между мною и Мишей, – скажите, почему это прежде всего у вас, особенно у товарища Кузнецова, бывает больше всех пробоев в самолете, – самодовольно откинул он назад голову со стриженными под ежик льяными волосами.

– Вот именно, – поддакнул ему Чупин с видом, как будто он нашел, за что зацепиться при падении в пропасть.

Я с удивлением и возмущением метнул взгляд на особиста и комиссара эскадрильи. В уме ли они, осознают ли они, что говорят? Неужели они таким способом хотят реабилитировать себя в своем положении людей, явно попавших впросак? Или хотят больше подкузьмить нас? Так или иначе, это только не стремление выяснить причину.

Более того, этим вопросом они лишь подзарядили начинающую грозу в окружающей душной атмосфере...

Я посмотрел на Мишу: расширились и болезненно заблестели его глаза, задрожали губы, то бледнея, то краснея вздрагивало, лицо...

Беспокоясь за друга, дабы предупредить, чтобы он не ответил неожиданной дерзостью, я решил отпарировать особисту и комиссару по-своему, вопросом на вопрос:

– А не появлялось ли у вас, хоть раз, желание слетать на боевое задание вместо стрелка-бомбардира на выбор с кем-либо из летчиков, допустим со мной или с тем же Кузнецовым, можно и с Брылиным и Матюшиным... Вот тогда, я убежден, вы увидите, в кого как стреляют фашистские зенитчики, и кто из летчиков как поступает в этих случаях... И может быть поймете, что часто больше всех пробоин привозят те, кто во что бы то ни стало старается поразить цель, уничтожить как можно больше фашистов... что бывают экипажи, как говорят опытные летчики, у которых главной заботой является не то, как бы точнее попасть в цель, а то, как побросав бомбы как придется, быстрее уйти от нее и из зоны огня... Конечно, в самолетах таких экипажей вряд ли будут пробоины...

– Не будет их также и у тех, кто только по естественным надобностям выходят из землянки в три наката. И вообще лучше всех на этот вопрос ответили бы Митрюхин с Копыловым, если бы они вдруг поднялись из могил и предстали перед нами, – неожиданно с вызовом заявил Миша, по-петушиному задрав голову и жестко кольнув Хрюкина и Чупина острым взглядом.

Ну и ну. Допекли-таки они Мишу...

Воцарилась могильная тишина.

Бешено замигали бледно-свинцовые кружочки и «хлоп-хлоп» нервно запрыгали над ними белесые ресницы («Точно у разъяренного борава», – подумал я). И тут же они, как по команде, син-

хронно с мышинными бусинками и голубыми зрачками под рыжими бровями заискрились, загорелись синим огнем, в упор расстреливая меня и Мишу. Продолжали сверкать стрелами молний и очи серо-зеленые...

Не знаю, чем бы кончилась эта дуэль, если бы не раздался спокойный баритон Лозичного.

– Скажите, пожалуйста, товарищ Бахирев, вы лично разобрались с ними в случившемся?

– Да, товарищ батальонный комиссар, – спокойно ответил комэск, как бы давая понять, что это для него совершенно ясный, само собой разумеющийся вопрос.

– И как же вы оцениваете факты по существу?

– В случившемся их вины я не вижу, – отчеканил Бахирев.

Хрюкин и Чупин сначала переглянулись, однако, как только посмотрели на комиссара полка и командира эскадрильи, сразу же сникли. Командиру полка ничего не оставалось, как попытаться сгладить остроту момента, обращаясь к виновникам странной беседы на «военном совете», как окрестили позже этот разговор летчики:

– Конечно, то, что вы почти в отсутствие горизонтальной видимости удачно произвели вынужденную посадку на очень ограниченных площадках, делает вам честь. Но нам кажется, что вы не все сделали для выхода на свой или хотя бы какой-либо запасной аэродром. Разговор на эту тему будем считать исчерпанным.

Так ли это? Да, официальный разговор на эту тему больше нигде не велся, и нас не наказали открыто: не объявили ни замечания, ни выговора, не предупредили о неполном служебном соответствии, тем более не арестовали с содержанием на гауптвахте или без. Но...

Сразу же объявили, что мы больше не будем летать в составе полка, а откомандировываемся, точнее – передаемся во временное оперативное подчинение штаба ВВС 2-й УА, а затем и всего фронта на аэродроме Малая Вишера. С этого момента будет кидать нас фронтовая судьба по огненному небу, как буйная река щепку. Мы станем летать то на связь с авиационными и передовыми наземными частями, то с партизанскими отрядами в тылу врага, то на разведку, то на выполнение других специальных заданий. Это будет чуть позже. А пока...

Мы это восприняли как удар по нашему самолюбию. Одно дело наносить непосредственный удар по врагу, другое – выполнять как бы вспомогательные задания, когда ты не чувствуешь, что уничтожаешь его, хотя по сложности и по степени риска эти задания оказываются порой куда более каверзными...

Конечно, приказ есть приказ, тем более на войне, его не обсуждают, а выполняют как принято, точно, беспрекословно и в срок. Однако во мне все время крутилась и жужжала как назойливая муха обидная мысль, почему именно меня и Кузнецова откомандировал командир полка, ведь в ту злополучную ночь отличились не только мы. А может быть нам оказано большее доверие, выполнять-то придется очень ответственные задания? Может быть, но главное в другом, – тут же подкрадывалась обидная мысль: виновно наше поведение на «Совете», вернее – характер наших ответов на вопросы, которыми мы больно задели гордость и самолюбие тех, кто эти вопросы задавал.

Неужели в самом деле прав оказался Игорь Брылин, предупредивший сразу после того разбора: «Ну, ребята, держитесь теперь...»

Неужели командир полка не согласился с нашими доводами, остался недовольным тем, что мы твердо отстаивали их и решил воспользоваться моментом, чтобы освободиться от «неудобных»? Тем более Миша буркнул насчет того, что пробоин «не будет у того, кто не выходит из землянки в три наката». Конечно, Миша попал в точку, ибо командир на выполнение боевого задания еще ни разу не летал. И вполне возможно, что это замечание принял в свой адрес? Может подтолкнул его на это Хрюкин? После одного разговора с ним мне всегда казалось, что он держит на меня обиду. Дело в том, что с первых дней моего пребывания в полку он мне предложил быть его осведомителем... Мать, отец, мой первый учитель Давлетхан Мирхаев учили меня не быть ябедой. А если я знаю о человеке плохое, то сказать ему это прямо открыто в глаза, а не за его спиной. Всю жизнь не мог я терпеть ябед, всегда поступал так, как учили родители и начальная моя школа. А тут предлагает быть даже... стукачом! Я был вне себя... Хотя я отказался тогда вежливо, но показалось мне, что с тех пор особист стал относиться ко мне с подчеркнутой холодной вежливостью. А, может быть, он затаил если не зло, то имеет предубеждение, неприязнь и сейчас вознамерился отомстить?

А не внес ли в это дело свою лепту также Чупин? Ведь на «беседе» на его долю выпало немало. К тому же он чувствовал, что все мы в душе его недолюбливали. Призванный из запаса в самом начале войны, бывший парторг трикотажной фабрики, он закончил краткосрочные курсы, став политруком с тремя кубиками на петлицах, и никак не мог подобраться к нашим простым сердцам и душам. И вообще, он не нашел, да и не мог найти себя в ответственной роли комиссара, политического руководителя и воспитателя авиационной эскадрильи, не будучи ни летчиком, ни штурманом, ни, хотя бы, техником. Многие даже посмеивались над его беспомощностью, как в том анекдоте, когда одного из таких посылали в каптерку за компрессией винта... А тут два сержанта ответили ему совсем не так, как ему хотелось бы...

Да, ответить-то ответили, а что делать с самим собой, с душой своей, которая впервые так сильно заволновалась, и с сознанием, на чистом небосклоне которого появились, тоже впервые, какие-то отвратительные черные тучки?

Ох, оказывается, как ранит душу, нет – всего тебя, эта страшная штука – недоверие! Я теперь верю, оно может погубить даже совершенно невинного. Это знают все, кто хоть мало-мальски задумывался над этим, а тем более те, кто хоть раз испытал это на себе. А вот теперь попытайтесь представить себе мое душевное состояние, состояние безусого юноши, испытавшего это в первый раз в жизни!

Для меня, наивного башкирского паренька, всецело верящего в справедливость, относящегося ко всему окружающему доверчиво, этот разговор оказался тяжелым испытанием, можно сказать, ударом наотмашь по открытой моей душе, первой глубокой душевной раной, первым потрясением, пошатнувшими мое душевное равновесие и согласованность всего моего существа с самим собой и окружающим миром.

Ведь до сих пор, то ли в семье, то ли с односельчанами, то ли с товарищами, повсюду, где я успел побывать до этого дня, отношения мои строились предельно откровенно, честно, на взаимном доверии, без малейших признаков неискренности, двуличности. Это неслучайно, ибо характер мой, как и многих других моих ровесников и родичей, формировался в башкирской деревне, среди волшебных гор, лесов, рек и озер так же, как и весь мой народ рождался, жил и формировался в дружбе, гармонии с родной при-

родой, с родной землей, пестуя, оберегая и защищая их от стихий и врагов. А постоянное общение людей с природой, их близость, любовь к ней определяет естественность, непосредственность их характера и взаимоотношений. Когда человек живет в полном согласии с природой, со всеми причудами ее стихий, в зависимости от климата, погоды, времени года характер его становится гибким, терпеливым, добрым, чистым. Добавим к этому – человек, выросший в природе, живущий постоянно в ней, наивен и естественен как сама природа.

Да, так-то оно так. Но откуда берутся люди с кривыми душами и помутненным сознанием?..

Именно с этого разговора в результате моих сомнений и размышлений начал я понимать, что не все справедливо и мудро устроено в этом мире (видимо потому, что не все понимают и признают естественность и чистоту природы, отсюда и чистоту и естественность человеческих душ и отношений)... Что в нем живут не только простодушные и доверчивые мои сородичи, односельчане, не только мои друзья и товарищи-пилоты, эти честнейшие крестьянские и рабочие парни, принимающие все сказанное и видимое на веру и готовые по долгу на все, что прикажут, но присутствуют, мало того, активно действуют другие люди, люди, способные подозревать кого угодно, даже самого честного человека в грехах, в том числе самых тяжких... Понятно, что эти люди одни из самых страшных в этом мире... Вот так впервые мой чистый и светлый мир простых и честных человеческих отношений серьезно поколебался. Нет, это не значит, что я потерял веру в добропорядочность человеческих отношений. Наивная в своем начале вера моя в то, что правда всегда права, несколько не пошатнулась. Я всегда верил, что в конечном счете, рано или поздно, правда восторжествует. Уже потом, пройдя по жизни, я все чаще и чаще убеждался в этом, несмотря на то, что я не раз встречал на своем пути несправедливость, продажность, ложь и коварство. Не только встречал, но и боролся, убеждался, что это – тоже война, причем война самая коварная и страшная, ибо ведется, как правило, не в открытом бою, а скрытно, исподтишка, вероломно, не в лоб, а за спиной. И выиграть эту войну, пожалуй, не легче, а во многом труднее, чем в открытом рукопашном бою...

Разбор на полковом «военном совете» и был одним из первых боев этой большой, продолжительностью во всю жизнь, войны.

Выиграли мы с Мишей этот бой или нет, судить не нам. Но я не сомневаюсь лишь в одном – мы не сдались. Издав приказ, «вершители судеб» наших признали свое бессилие и поражение, свою неправоту.

Я твердо убежден и в том, что приказа по отношению ко мне могло бы не быть только в том случае, если бы я вел себя на полковом «военном совете» иначе, т.е. как хотели того мои собеседники. Но это было бы моим поражением и победой несправедливости.

Вот почему иначе я не мог. Ибо иначе – значит идти против истины, против совести, беспринципно, т.е. против самого себя. Во мне уже тогда, как убедился впоследствии, – навсегда укоренился принцип, заложенный матерью и отцом – везде и всегда быть самим собой, никогда не поступать вопреки совести, чести. Больше – он стал моей сутью. Сознаюсь, этот и другие свои принципы выражал зачастую прямолинейно, как говорится, резал «правду-матку в глаза», особенно не утруждая себя дипломатическими ухищрениями и строгим соблюдением правил этики. Правда, вежливость, уважительное отношение ко всем людям, особенно к добропорядочным, честным и трудолюбивым, всегда были присущи мне. Лишь в случаях, когда при мне происходило что-либо вопиюще несправедливое, мог вспыхнуть довольно пламенно и взрывно. Понимал, что это не красит меня, более того – вредит изрядно, ибо не все были способны правильно понять меня. Но ничего не мог поделать. Видимо то, что передано генами предков, не так-то легко регулируемо сознанием и волей...

Таким образом, я поступил, как совесть велела. Поэтому понятно, не жалею от этом.

Итак, не будем жалеть, будем строго выполнять приказы и... держаться. Это тоже дело чести. Солдату где ни воевать, лишь бы воевать, принося пользу своим, вред – врагу. С этими мыслями, смирившись с новыми ударами судьбы, мы вышли из кабинета начальника штаба с документом, предписывающим явиться в распоряжение штаба ВВС 2-й ударной армии. Вылет завтра с утра. Сегодня подготовиться самим, осмотреть, подготовить самолет...

Но едва мы успели закрыть за собой дверь кабинета начальника штаба, как подскочил к нам писарь Поломарчук, являвшийся одновременно полковым почтальоном.

– Вам письмо, товарищ сержант. Оно пришло еще вчера, но я не смог вам передать вовремя, – извиняющимся тоном обратился он ко мне и, почему-то улынувшись, добавил:

– Уверен, оно принесло добрые вести.

Достаточно было мне мельком взглянуть на конверт, чтобы ответить ему тоже улыбкой:

– Спасибо, дорогой, я тоже думаю именно так.

Лишь ее милая, чистая рученька могла вывести такие, присущие только ей, ладные, симпатичные букочки, выстроившиеся, как по линейке, ровно, но с легким наклоном вправо...

Сердце мое забилось так, что мгновенно ощутил его сильные, учащенные удары. Эх бы, подержать бы эту ручонку в своей, погреть, понежить ее... Однако, что же она вывела там?

Нет, нет, не сейчас, прочитаю позже, понаслаждаюсь, помечтаю наедине, вечером... А пока пусть побудет в нагрудном кармане, послушает, как бьется сердце друга...

Поздно вечером, когда все легли спать, я забился в угол за маленький столик, на котором тускло горела самодельная лампа-коптилка из гильзы...

«Дорогой мой, здравствуй! Прежде всего... И не знаю, какими только словами выразить наши чувства горячей благодарности и радости за твое письмо, – начал я читать. – Мы только и живем им в эти дни...»

Нужно ли много слов, чтобы передать тебе, как тоскую по тебе я, как тоскуют мамы, твоя и моя, папа твой, сестры твои и мои, все-все близкие... Даже наш верный Актюш часто-часто подходит ко мне, машет-виляет хвостом, скулит и скулит. Я знаю, это он выражает свою грусть и тоску по тебе...

Все остальные тоже живы, здоровы и по мере своих сил трудятся на своих местах. Саима-апа по-прежнему радуется своих учеников в той же школе. И мне дали два класса начальной школы. Сказали, только что окончила 10 классов и теперь сможешь учить сама. Ведь всех учителей-мужчин отправили на фронт, остались только в Мечетлино твои учителя: Фаткуллин Хусайн-абый по старости и Гималов Фахрей-абый по болезни.

Колхоз прошлым летом получил неплохой урожай, кое-что досталось и колхозникам... Сейчас остались хозяевами одни женщины, старики да дети. Они пока неплохо ухаживают за скотом...

О нас не беспокойся. Мы уж здесь, в спокойной обстановке, как-нибудь справимся со своими делами... Мы уверены, никогда не запятнаешь чести своей и всего нашего народа, будешь верен заветам наших предков и своему слову и потому бить врага смело, старательно. Но мы все очень просим тебя – береги себя...

Не только наши, такие милые, такие добрые, такие дорогие односельчане, но и жители всех селений нашего края, вместе с нашими очаровательными Ай буйы и Ташкклэт, а также Сактау, Толькольотау, Нажибль, Еланыш, Коштау и Сосновка с их чудесными лесами, полями, долинами и лугами – все мы очень любим тебя и передаем тебе горячий привет и низкий поклон, от души желаем тебе боевых удач... Все мы ждем тебя и будем ждать всегда с большим нетерпением, ждать возвращения в наши объятия с победой...

Относительно твоих признаний... Очень тронута. Спасибо. Конечно, лучше сказать. Хотя мы и так знали... Уверена, ты знаешь, что я испытываю не менее искренние, значит глубокие, горячие и сильные чувства, чем ты... Да что там говорить? Знай раз и навсегда, ты для меня все, я живу тобою. Крепко обнимаю и целую тебя... Твоя Магира.

P.S. Ты, конечно, по адресу догадался, что мы остались в Алматы. Но ведь это совсем недалеко от нашей родной деревни, и я бываю в ней каждую неделю и поэтому буду писать тебе так, будто бы живу там...»

Сон ушел прочь... Сердце... Пылкое, пламенное сердце мое! Оно так забуянило, что вот-вот вырвется из груди... Голова кружилась все больше и больше, наполняясь светлыми и добрыми мыслями. А за спиной вырастали быстрые и сильные крылья... Крылья надежды...

Ох, эти слова, из глубин чистых душ ваших идущие! «Все мы очень любим тебя... бить врага смело... береги при этом себя... Будем ждать возвращения с победой... Я живу только тобою...»

Тут и вера, и надежда, и любовь...

Ну как можно не любить их?! Как можно не стараться изо всех сил ради них...

Мои милые сородичи! Всё мои дорогие земляки! Мои неопикуемой красоты горы, леса, реки и озера – вся моя чудесная Родина!

Понимаете ли вы, что значат для меня эти ваши слова?! Так же как и все вы сами, вместе взятые?!

Вы и есть та священная сила, которая поднимает до бескрайних высот, ведет по жизни к счастью! Трескучие морозы превращает в жару, нестерпимую жару – в прохладу! Глупого делает умным, умного – мудрым! Труса – смелым, смелого – героем!..

Ну... что за чепуха, эта возня хрюкиных, чупиных...? Тьфу!

Главное в жизни – благополучие близких, всего моего народа, всей моей Родины; радость любви к ним, радость общения с настоящими людьми; сознание того, что ты нужен людям, а люди – тебе, что они дорожат тобою, а ты – ими...

Как прекрасно, что все это есть у меня... Раз так, я должен выдерживать... Я выдержу все невзгоды ради счастья людей с добрыми сердцами... Пусть несут меня вперед молодые, сильные крылья надежды... Пусть проявится любовь моя в делах добрых, насущных...

12. НОЧНАЯ РАЗВЕДКА – БЛАГОДАРНЫ «ДЛИННЫЕ РЕСНИЦЫ»

Благополучно приземлившись в Малой Вишере, мы едва успели поставить самолеты в указанные нам капониры и отнести свои солдатские вещички в одну из землянок в приаэродромном лесу, как прибежал посыльный с приказом срочно прибыть в штаб ВВС фронта.

Нас принял мужчина довольно приятной наружности, среднего роста, белолицый, с черными бровями, темно-русыми волосами; на полевых петлицах серой коверкотовой гимнастерки три шпалы. Темные глаза его в обрамлении длинных ресниц (как у женщины, подумал я) смотрели на нас спокойно, внимательно и доброжелательно. Это успокоило и нас.

– Прошу получить новые карты двухкилометровки; если надо – обновить полетные пяти- и десятикилометровки, склеить их, нанести линию фронта с последними уточненными данными, в том числе о средствах ПВО противника, тщательно изучить передний край его обороны против наших войск, продвинувшихся вперед, и дороги, ведущие к нему. О готовности доложить в 14.00, уже пообедав. Ясно, товарищи летчики? – опять мягко и вежливо спросил он.

– Ясно, товарищ подполковник.

– Прошу, выполняйте.

Линия фронта на этом участке проходила очень необычно. На наш взгляд, конечно.

– Что за колбаса, – даже хихикнул Миша.

– Да нет, это скорее бутылка или мешок, – возразил я.

Действительно, наши войска 2-й ударной армии прежде всего прорвали проходившую по реке Волхов линию обороны немцев в районе Мясного Бора шириной около трех-четырёх километров, далее углубились на северо-запад, образовав «мешок» или «бутылку», наполненную нашими наступающими частями, шириной 10-12 км и длиной около 20 км.

Таким образом, в горле этого бесформенного мешка находилась Мясной Бор, вернее, точка, где раньше был Мясной Бор, затем осевая линия проходила через Н.Кересть и упиралась в «дно» мешка во Вдицко.

Миша получил задание доставить связного с пакетом в одну из частей, находящихся почти у «дна» «мешка», а я – произвести разведку переднего края противника, примыкающего к «горловине» его слева, т.е. с юго-запада. Миша вылетал немедленно, а я – ночью...

Все было бы как обычно, если бы не предупреждение подполковника перед вылетом:

– Прошу отнестись к заданию очень серьезно, с максимумом внимания и доложить о его выполнении после посадки немедленно.

Полет до цели проходил по знакомому маршруту на Мясной Бор. Затем, пройдя до северо-западной границы «горловины» по своей территории, полого развернулся на сто восемьдесят градусов и пошел над передним краем обороны противника вдоль линии фронта с общим направлением с севера на юг с тем, чтобы выйти в расположение своих войск у самого входа в «горлышко» чуть западнее Мясного Бора.

Высота 800 м. Тихая звездная ночь, видимость хорошая – удача улыбается мне. Внимательно всматриваюсь в уже хорошо знакомую местность. О том же прошу Гришу. Вот она – большая роща с характерными очертаниями... Стоп, что это? Да, всплески – раз, два... Ясно, отметку на карту... А это?.. Продолговатые огненные языки... Минометы ночью? Еще и еще... Засаекаем... А это?! Спра-

ва от юго-западного края рощи, в направлении Новгорода, тянется... вереница... огней? Это очень интересно... Надо уточнить...

Но пока надо пройти по намеченному курсу, осмотреть весь передний край на указанном участке... А вот слева трассирующая пулеметная очередь, рядом автоматные... Очевидно, идет бой... Интересно, как тут, на этом открытом поле? Вот они – темноватые, зигзагообразные, ломаные линии – там, тут... Окопы и траншеи... А вот и тот кустарник. Всплески с западной границы. А что внутри? Костер? Как на это отважились немцы?

Пройден весь участок. Вот и линия фронта. Удивительно, обошлось так тихо-мирно. Но не дает покоя вереница огней от той рощи... Нет, нельзя уходить, не выяснив точно. Решительно делаю разворот на Мясной Бор, а оттуда опять следую на исходную точку разведки. Перехожу передний край и беру курс прямо на ту рощу, точнее, на место около нее, откуда начались огни. Вот и роща... Стоп-стоп... Да что это такое? Ба! Огоньки! В самой роще! И много. Да ведь это фары, точнее подфонарики! А, вот откуда они идут! Впереди точка, где вереница сливается с юго-западным краем рощи. Учащенно забилося сердце. Глаза впилась в вереницу... Машинально отжимаю ручку вперед, снижаюсь до 500, 400, 200 метров. Вот они, прямоугольники – заметно высокие. А вот эти приземистые... с хоботом, а эти поменьше... Да ведь это колонна автомашин вперемежку с танками и бронетранспортерами! И, казалось, не видно ей конца. Пройду еще дальше. Перехожу под углом дорогу, прохожу некоторое время в стороне от нее и набираю высоту опять до 800–900 метров. Выхожу опять на дорогу. И тут... Ослепительная вспышка прямо перед носом. Засекли, сволочи! Руки, ноги срабатывают мгновенно. Самолет, резко и глубоко накренившись вправо, с максимальным углом устремляется к земле.

– Командир, сзади слева и чуть выше – трасса снарядов МЗА (малокалиберная зенитная артиллерия)! – тревожно сообщает Гриша.

Энергичное снижение с правым разворотом продолжаю.

– Командир, трасса догоняет!

Попытаюсь обмануть зенитчиков. Самолет резко переваливаю на левый крен, создавая минимальный угол набора.

– Трасса осталась ниже...

Знаю, это ненадолго. Сейчас она поднимется. Лучше заранее и быстрее снизиться, прижаться к земле, оказаться в мертвой для

зенитчиков зоне. Плавно убираю сектор газа до минимальных оборотов (до минимума уменьшить пламя из патрубков), энергично перевожу самолет в глубокую правую спираль.

Бедная «голубушка»! Она дрожит всем телом, дробно трепещет крылышками, часто виляет хвостом...

– Трасса выше, командир.

Хорошо, еще круче спуск...

– Трасса сзади и чуть выше...

Прекрасно. Считаю, мы от нее оторвались. Вывожу «голубушку» из крена и угла пикирования над самой землей... Идем теперь обратным курсом к линии фронта. Надо еще раз посмотреть дорогу. Разворот влево. Минута, другая. Вот и она. Пересекаю ее под углом десять-пятнадцать градусов слева направо. Движение колонны продолжается. Небольшой поворот вправо и иду параллельно дороге. Да, так и есть. Дорога впереди поворачивает влево и упирается в рощу. Нельзя уходить, не рассмотрев поподробнее... Начинаю наклонять ручку влево, нажимаю на левую педаль. Но... Что это? Вдруг слева спереди засветилось-засияло! И в то же мгновение из-под крыла вытянулась гирлянда из сотен мелких искрящихся лампочек... Едва успеваю сообразить что к чему, как ручка управления потянулась на себя, сектор газа до отказа вперед. «Голубок», гудя и дрожа, устремился вверх, а гирлянда осталась ниже. Вот он уже закачался на верхней точке горки, а гирлянда...

– Командир, пулеметная очередь под нами, сейчас лизнет фюзеляж! – вдруг завопил Гриша.

Не убирая газа, резко толкаю ручку вперед и вправо, «голубок» ревет и свищет, ускоряя движение вниз...

– Командир, вторая очередь справа сверху, достает крыло... По хвосту...

Резко нажимаю на левую педаль... А тут уже земля... Ручку на себя и вправо... Быстрее, быстрее к лесу. Это единственное теперь спасение.

– Командир, очередь догоняет слева сверху...

Отжимаю ручку вниз и вправо. А вот и макушки деревьев. Прижимаюсь к ним как можно ниже, прямо-таки обнимаю их...

– Где трасса, Гриша?

– Исчезла, товарищ командир.

Теперь полет до самой линии фронта над лесом. Темнеют, зловеще притаившись, а то и мигают огнями, беспомощно провожая нас, смертоносные вражеские машины ...

Как только я закончил доклад о выполнении задания, подполковник с длинными ресницами крепко пожал руки и сказал:

– Вы привезли очень ценные данные. Спасибо. Молодцы. Считайте это за официальную благодарность командования.

Красивые его глаза глядели на нас удовлетворенно, даже с оттенком непривычной для нас нежности...

...Душа наполнилась бодрящим теплом... Крылато затрепетало сердце... Много ли надо человеку, чтобы вдруг овладела им радость, эта довольно привередливая гостья фронтовых будней?

А вот «голубок» наш присмирел, взгрустнул малость. Все же досталось ему прилично. Повреждены правая консоль (даже задет лонжерон), хвостовая часть фюзеляжа, стабилизатор и киль.

– Но, ничего, не беспокойтесь, за день подлечим, – сказали в ПАРМ (полевая авиаремонтная мастерская).

Днем, еще раз осмотрев, понежив «голубка» и пожелав специалистам как можно надежнее подлатать его, мы решили заняться кое-какими своими личными делами.

После обеда, немного отдохнув, я подумал: самый раз написать письмо Магире, когда еще будет такая возможность?

Удобно устроившись за самодельным дощатым столиком на единственной ножке, я принялся за дело. Не знаю, сколько я потратил времени, но после зачеркиваний, перечеркиваний, всяких исправлений и переписывания, в конверт был вложен лист со следующим текстом:

«Магира, радость ты моя, родная ты моя, здравствуй! Если ты полагаешь, что представляешь, как меня обрадовала своим письмом, наверняка ошибаешься. Я сам не могу найти подходящих слов, чтобы выразить это. Одно могу сказать твердо – ты мне подарила праздник. Я побывал в чудесном нашем краю. Побегал вместе с тобой босиком по шелковистой траве, по берегу родного Ая. Помнишь, как мы любили подолгу стоять в реке у нижней оконечности нашего острова. Дно песчаное, мелкозернистое. Прозрачная-прозрачная вода и... тысячи пескарей щекоцут поочередно пальчики наших ног... а солнце так приятно ласкает нас, создавая радужки, когда мы плещемся, пускаем тысячи мелких брызг... Наверное, не забыла, как мы «ветер догоняли»

на лыжах по льду реки, по лугам, по холмам среди берез. Должно быть помнишь, как мы однажды набрали в густых прибрежных кустах ивняка на зайца, метавшегося в петле, пытаюсь вырваться из нее. Ты попросила освободить его... С какой прытью сиганул он в кусты... А потом Садретдин, поставивший петлю, узнал об этом и долго приставал ко мне... Пока я не надавал ему тумаков... Интересно, где он сейчас и неужто обижается до сих пор...

Побыл с тобой и как будто набрался новых сил. Душа вся переполнилась счастьем. Друзья заметили это сразу. «Ты что, сто тысяч выиграл по облигации? – спрашивает один из них, Миша. А я ему отвечаю: «Нет, нечто неоценимое!» Мой же ближайший собрат Гриша сказал искренне: «Вы, товарищ командир, весь в радостном сиянии, дай бог, чтобы оно стало добрым предзнаменованием». Я ответил: «Иначе не может быть, ибо в основе этого сама святость...» «И я буду просить об этом всех святых и сам буду стараться по мере сил», – поддержал он. Вот так-то...

А что, у нас в самом деле так получается все время. И прошлой ночью получилось хорошо. Мы слетали на выполнение боевого задания, довольно нелегкого и рискованного. Но справились успешно. В этом и твоя заслуга. Не улыбайся, пожалуйста, это точно. Знаешь, как помогает поддержка близких, хороший душевный настрой, рожденный их добрым словом. А если тут примешана сама... искренняя любовь... Я верю, что так будет всегда. Ибо ты тоже будешь писать всегда и... Да? Значит, я постоянно буду ощущать биение твоего сердца, сердец всех близких, дыхание всей моей Родины, наших родных Ташклэт и Маташкол, Ай буйы и Озонкуль... А это делает мою жизнь светлей, осмысленней, что, в свою очередь, позволяет лучше ориентироваться, лучше решать все свои дела, особенно в бою. Поэтому обо мне не беспокойтесь, не тревожьтесь слишком сильно. Благодаря вам, вашей чуткости, вашим сердечным желаниям я всегда живу с надеждой. И чувствую себя хорошо...

Всем, всем горячий привет и низкий поклон. Особо нежно обними наших мам, сестер... И от моего имени погладь по голове нашего доброго и преданного друга Актюш.

Знаю, не заставишь долго ждать письма. Пиши подробнее обо всем. Поинтересуйся, куда разбросала судьба наших друзей

из села, особенно Бариса, Карима, Фарита, Анвара, Сабира и Загира. А где, как трудятся наши милые девушки Айсылу, Бибинур, Фархана, Миндигюль?

Будь здорова, береги себя, дорогая моя.

Крепко обнимаю и целую тебя. Твой Куддус.

[P.S.] а) Дорогая моя! Извини, чуть не забыл: от всего сердца поздравляю тебя с началом самостоятельной трудовой деятельности. Очень-очень рад. Ты учительница! Это здорово. Уверен, ты будешь учить и воспитывать достойных ребят, умных, здоровых, храбрых, человеколюбивых. Нам самим достойную смену. Тебе, конечно, будет пока очень трудно. Ведь специальных знаний у тебя нет. Но, ничего. Учись пока сама. А после войны приобретешь в институте. Желаю тебе успехов в этом трудном, но очень нужном и почетном деле.

б) Обрати внимание на адрес. Не знаю, надолго ли, но он изменился».

13. В ГОСТИ... К ПАРТИЗНАМ

Утром следующего дня, как было приказано накануне, мы прибыли к подполковнику – Длинные ресницы, доложили о готовности к выполнению новых заданий. Он тепло, как с родными братьями, поздоровался с нами и сразу, без лишних слов, взял быка за рога:

– Сегодня ночью, товарищ Латыпов, предстоит Вам очень интересный полет в тыл врага к партизанам, без Меновщикова, с представителем штаба фронта. Посадка вдоль трех костров, расположенных в линию на лесной поляне в пятистах метрах вглубь и километр вправо от юго-восточной оконечности лесного массива в двадцати восьми километрах юго-западнее Любани, в 2 часа 30 минут... Обратите внимание – в 2 часа 30 минут. Отклонение может быть допущено лишь до плюс двух-трех минут...

Далее на карте мы обсудили необходимые в таких случаях детали. В заключение подполковник сказал:

– Вы, конечно, понимаете, что обстановка в воздухе туда и обратно, там на месте, может измениться неожиданно, могут возникнуть совершенно непредвиденные обстоятельства. Успех зависит оттого, насколько вы правильно оцените их и сумеете при-

нять наиболее целесообразные решения и предпринять самые решительные действия по их осуществлению. Маршрут и профиль полета определите сами. Как видите, вы – хозяин-барин во всем...

Убежден, вы понимаете, какой исключительной важности задание будете выполнять. Вы ответственны за жизнь не только своего самолета, но и лично представителя командующего фронтом, выполняющего приказ Ставки Верховного Главнокомандующего (ВГК). От этого зависит успех важной операции и в тылу врага, и здесь, на фронте...

Стоит ли говорить, какое вам оказано доверие. Представитель штаба подойдет к самолету за пять минут до вылета. Желаю успеха.

Подполковник спокойно и уверенно посмотрел мне в глаза, крепко, по-братски пожал мою руку.

И вышел я от него тоже спокойный, уверенный, хотя понимал, какая ответственность легла на меня... И все это буду решать сам – один. Какое это доверие! Оно наполняло душу трудно передаваемой словами гордостью и ... радостью. Тебе, безусловно, малоопытному, недостаточно обстрелянному пилоту оказана такая честь. Оно усилило чувство ответственности, породило безграничное желание и готовность во что бы то ни стало выполнить задание, выполнить достойно, с честью...

Доверие! Как оно много значит всегда, везде и всюду, а здесь во сто крат...

Молодец подполковник! Не чета хрюкиным, чупиным, цыганковым...

Весь день до обеда был посвящен подготовке. Тщательно, до мельчайших деталей изучен по карте маршрут и район посадки. Продуманы все возможные непредвиденные ситуации в воздухе и на земле... Остаток дня после обеда ушел на отдых. На стоянку самолетов я прибыл за час до выруливания. «Голубок» мой стоял полностью освобожденный от всех маскировочных атрибутов. Только на мотор была надета «теплая рубашка». Так называл техник зимний его чехол. Вид «голубка» мне понравился. Он как бы говорил: «Командир, не беспокойся, я готов ко всему». Но несмотря на это, в полном объеме, как никогда придирчиво, произвел предполетный его осмотр. Не только по приборам, но и открыв пробки, проверил заправку бензином и маслом. Погонял как следует во всех режимах мотор. До самой пробки дозаправил бензином.

И в это время подкатила «Эмка», распространенная в то время легковая машина. Вышли из нее двое: наш милый подполковник и высокий мужчина в шапке-ушанке, белом полушубке, обтянутом ремнем, ватных брюках и валенках.

– Вот, привез дорогого и желанного гостя, – обратился подполковник, – прошу любить и жаловать.

– Здравствуйте, Мельников Иван Федорович, – сняв меховые рукавицы, протянул руку высокий мужчина и, казалось, улыбнулся.

– Здравия желаю. Милости прошу. Я и мой «голубок» уже готовы и принимаем вас, как почетного гостя, – ответил я.

– Ну, ни пуха ни пера, – пожелал подполковник Ивану Федоровичу, и они обнялись, – а вам, товарищ Латыпов, смелости, мастерства, удачи и до свидания не позже семи утра, – похлопал он меня по плечу (как старший брат младшего – подумал я) и улыбнулся так, как бы говоря: «Не волнуйся, все будет в порядке».

Гостю я помог занять свое место в задней кабине, пристегнуть привязные ремни и начал быстро рассказывать, как себя вести в полете, но он прервал, улыбаясь:

– Не беспокойтесь, товарищ летчик, я это уже знаю...

Пролетели мы до Н.Керести на высоте 800 метров, точно по времени, проложенному маршруту, и очень спокойно. Почти безветренный прозрачный воздух, звездное небо, тишь да благодать, но расслабляться нельзя. Летим-то во фронтовом небе. По бокам расположены вражеские войска, да и впереди, через каких-то 10 минут после Вдицка, у основания «мешка», линия боевого соприкосновения. Нельзя забывать и о специально подготовленных фашистских стервятниках «Мессершмитт-110». Они частенько выходят на свободную охоту и ночью.

Поэтому я очень внимательно вел круговое наблюдение за воздухом. И... не зря. Только мы пролетели Н.Кереть... Впереди, метров на сто выше нас, с встречно-пересекающимся курсом справа налево быстро движется... Что это и кто это? Да, это самолет, но чей? Вряд ли бомбардировщик, ДБ или СБ, мог оказаться на такой высоте здесь. И скорость самолета больше чем у них... Вероятнее всего, сто десятый. Все! Не теряй его из виду. На всякий случай передаю гостю:

– Иван Федорович, видите впереди слева чуть выше нас самолет? Я прошу и вас, понаблюдайте, пожалуйста, за ним и передавайте мне о характере его маневра...

– Есть.

Наверняка, он заметил нас. Сейчас для атаки будет стараться зайти нам в хвост. Нельзя позволять ему эту роскошь! Маневр и ниже к земле! Вот он проходит навстречу левее. Значит, он будет разворачиваться влево на сто восемьдесят градусов. Надо навстречу ему, под него... Слегка прибираю сектор газа. Энергично даю ручку вперед влево и нажимаю на левую педаль. Так и есть, он на развороте. Пусть развернется. Еще больше увеличиваю угол пикирования. Под него, под него! Пусть он проскочит сверху. Вот он впереди и выше... Нет, не спикировать ему на нас. Поздно!

– Товарищ летчик, он проходит выше нас, встречным курсом!

– Спасибо.

Высота 400 метров. Надо развернуться опять на него. С тем же углом снижения делаю разворот на сто восемьдесят градусов. «Голубок» наш вибрирует, гудит. Немудрено, скорость-то уже 170. Для него это чрезмерная... А где «мессер»? Черт дери, не вижу его... До боли в глазах обшариваю переднюю сферу, продолжая идти тем же курсом. Где он?

– Иван Федорович, видите самолет?

– Извините, потерял его.

Начинаю отвороты, не уменьшая угла снижения: влево... вправо... Вдруг!! Впереди под нами (угадал-таки, сволочь, наш маневр) сверкнула молния и прямо на нас устремились огненные стрелы. Вмиг толкаю ручку вправо вниз, а педаль – влево. Стрелы проносятся выше и левее, чуть не задев «голубка»... И почти в ту же секунду над нами, вся, гудя, журча и свистя, проносится громадный, черный искристый коршун-чудовище с язычками пламени сзади, обдавая такими вихрями мощных струй, что «голубок» наш легко кувыркается вниз и вправо. Энергичными действиями рулей – ручку на себя и влево, левую педаль до отказа – вывожу его из угла пикирования и крена и ставлю горизонтально... Над самой землей... Впереди – лес. Быстрее туда. Вот мы над ним. Решаю совершить круг. Надо осмотреться. То же самое прошу сделать Ивана Федоровича. Но где ты, коршун-чудовище?! Впереди и выше на фоне звездного неба ясно вижу его отвратительный силуэт. Он идет попутно-пересекающимся курсом. Что будет делать дальше? Неотступно слежу за ним. Вот прошла секунда-другая и он начал разворот... от нас... Еще через пару секунд, развернувшись на сто восемьдесят гра-

дусов, пронесся выше в обратном направлении. Делаю еще вираж. Как бы ни всматривался в чудное зимнее небо с миллиардами мерцающих, искрящихся, подмигивающих звезд, не нахожу среди них огнедышащего дракона... Значит, потерял нас. Слава Богу. Будем продолжать путь. Надо сначала восстановить детальную ориентировку. Беру нужный курс. Приподнимаю «голубка» чуть выше. Внимательно осматриваю впереди лежащую землю. Кругом лесной массив. Если идем правильно, скоро должна быть открытая местность с характерными очертаниями, а на северо-западной окраине ее – прижатое к лесу Вдицко... Летим две, три минуты. Ну, где же вы, желанные мои? Терпение, терпение... Проходят еще три минуты. Ах, вот вы где! Левее по носу выплыла большая со своими характерными углами, изгибами, поляна, а на ней – до зарезу нужная деревушка. Все. Порядок. Ввожу необходимую поправку в курс, засекаю время. Впереди еще половина пути. Решаю идти на малой высоте, на бреющем. Этому способствует то, что большая часть маршрута, в том числе переход линии фронта, покрыта лесами. А дальше будем идти в обход селений и пунктов, где могут быть огневые точки или посадочные площадки немцев.

– Все в порядке, Иван Федорович, взяли курс прямо на нашу точку, – успокаиваю гостя, «виновника» полета.

– Спасибо, – отвечает он.

Мне кажется, что он удовлетворенно улыбается.

За 15 минут до КПМ, чтобы улучшить обзор, решаюсь подняться на 200 метров. Передо мной открылась в молочной дымке пересеченная местность. Медленно уходили под наш «голубок» подернутые тонким слоем темноватого пепла, но хорошо различимые под звездным небом небольшие холмы, овраги, перелески. Скоро слева должна появиться небольшая роща почти треугольной формы, за ней проселочная дорога... Да, так и есть. Правда, не видно дороги. Видимо, она под снегом и не используется сейчас. Но... Подожди, подожди... Что это за точки сразу у второго от нас угла рощи? Ну-ка довернем, посмотрим получше... Прошу об этом же Ивана Федоровича. Да это же, это же ... подводы... Раз, два, три, пять, семь! Спрашиваю «гостя». Он подтверждает. Странно и... интересно, чьи они? Это в пяти километрах от точки нашей посадки. Им полчаса ходу, нам три минуты лета. Беру направление на КПМ. Уже издали, за грязно-молочной открытой

местностью, вижу темнеющий массив, передняя кромка которого пролегла поперек нашего курса, с севера на юг. Переносу взгляд налево... Минута, еще... Ура! Впереди слева округлая юго-восточная оконечность лесного массива! Кладу нос «голубка» на один километр правее ее. Вот и кромка леса. А где же поляна с кострами? Мы уже над точкой. Но... их не вижу... Уже прошли положенные пятьсот метров. Да, перед нами небольшая продолговатая поляна и... тут же вспыхивают три костра... Время 2 часа 32 минуты...

После приземления человек с двумя фонарями «летучая мышь» в руках показал, куда поставить самолет. Развернувшись на девяносто градусов, прорулив всего 25–30 метров, останавливаемся у опушки, костры сразу же погасли.

Когда мы выбрались из кабин, три человека уже нас ждали у самолета. Как только мы спрыгнули с плоскости, они подошли, тепло поздоровались с нами, спросили, как долетели, как чувствуем себя. «Наверное, командир с комиссаром и начальником штаба», – подумал я.

– Как можно себя чувствовать, Василий Тимофеевич, если больше двух часов пробыть на всех семи ветрах, да в объятиях сурового Деда Мороза? – обратился Иван Федорович к мужчине в папахе, в темной длинной шубе, ладно подогнанной к статной его фигуре, – а долетели мы неплохо, если не принимать во внимание настойчивые попытки «гитлеровского стервятника» схватить нашего «голубка» вместе с нами огненными когтями. Спасибо юноше-пилоту, иначе бы остались без координатора своих действий с фронтом.

– Примите нашу сердечную благодарность, товарищ летчик. Спасибо, громадное спасибо, что спасли жизнь себе, нашему Ивану Федоровичу и «голубку» нашему... Нередки печальные последствия в таких случаях, – хозяин папахи крепко пожал мне руку. Его примеру последовали два его спутника.

– Но, я думаю, одним спасибо не отделаешься, зайдемте на пять минут в землянку, согреетесь, а «голубок» ваш постоит под охраной надежных людей, они знают что к чему и не подпустят к нему никого, – пригласил нас Василий Тимофеевич.

– Благодарю вас за приглашение, мы воспользуемся им с большим удовольствием, но прежде я хочу доложить о том, что мы видели у тругольной роши...

И Иван Федорович рассказал о подводах, двигавшихся по дороге в направлении леса.

– Спасибо, что сказали. Это серьезно, – остановился Василий Тимофеевич и тут же обратился к одному из своих спутников:

– Петр Иванович, распорядитесь, чтобы Петрикеев выслал туда дозоры и занял оборону на опушке против площадки, а Нелюбин – пусть правее. О любых изменениях докладывать немедленно. Мы пока будем в нашей землянке.

Какое спокойствие, какая уверенность в словах и действиях партизанского руководителя и людей, окружающих его. Все свидетельствует о том, что они здесь полные хозяева.

Землянка, куда мы зашли, не отличалась особо от тех, которых я видел немало до сих пор. Дощатые столик, скамеечки, нары вдоль стен и печка-чугунка посередине. Пожилой мужчина в ватнике, видимо дежурный, поднялся навстречу.

– Павел Григорьевич, надеюсь, уже готова наша заявка, прошу срочно на стол, – улыбаясь обратился к нему Василий Тимофеевич.

Тут же на столе появились дышащий паром котелок, металлические кружки, куски хлеба, сала и картошка.

– Прошу, отведайте с нами походную трапезу и партизанский чай, согрейтесь.

Нетрудно представить, насколько была вкусной эта нехитрая снедь, насколько ароматным – этот чай, напоминающий скорее отвар из душицы, мяты, лабазника и еще каких-то трав, людям изрядно проголодавшимся, продрогшим...

Но некогда было расслаживаться в столь тревожный час. За чаем мы поговорили в общих чертах об обстановке здесь, на фронте, перекинулись несколькими словами о дальнейших планах, о возможности встреч. И вскоре Иван Федорович напутствовал меня:

– Ну, товарищ летчик, еще раз от души наше вам большое спасибо. Я остаюсь здесь, пока не знаю на какое время. Когда нужно будет снова перебираться на Большую землю, мы сообщим. Вполне возможно, что это произойдет с вашей помощью и мы встретимся здесь опять, – крепко пожал мне руку Иван Федорович, – счастливого полета до дому.

Тепло попрощавшись со всеми собеседниками, я направился к «голубку». Через считанные минуты мы легли на обратный маршрут. Пройдя его от начала до конца, прижавшись к земле-

матушке. Дабы не встречаться ни с какими небесными дьяволами, мы в расчетное время коснулись «родной» посадочной полосы.

14. И РИНУЛИСЬ МЫ В БЕЗДНУ

Хорошо отдохнув после напряженного полета, я вышел на «улицу» и, с наслаждением дыша чистым, вкусным воздухом, направился в штаб с тем, чтобы там узнать обстановку, а потом пойти в столовую (был предобеденный час). Но не успел сделать и десяти шагов, осмотрелся и... остановился как путник, зачарованный внезапно возникшим необыкновенным видением. Стоял чудесный зимний день. С какой-то спокойной радостью и нежной лаской сияло бледно-голубое небо в неярких лучах нещедрого на тепло дневного светила. И в то же время казалось, что все вокруг притихло, притаилось, словно в ожидании чего-то особенного. Постепенно в мое сердце стало закрадываться щемящее волнение. С интересом оглядываясь и любуясь окружающим миром, я медленно зашагал дальше. Через некоторое время взгляд мой замороженно застыл на северо-западе, откуда слой за слоем, медленно и осторожно наплывали белые облака, закрывая небо до самого горизонта сплошным, но зыбким серо-молочным маревом...

Когда я вышел из столовой, уже весь небосклон был во мгле, переливающейся мягким серебристо-белым светом, сверху легко и бесшумно сыпались к земле миллиарды причудливых снежинок. Я с любопытством стал наблюдать за этим удивительным природным явлением. И мне показалось, что это совсем не снежинки, а с тихим шелестом порхающие бесчисленные стаи сказочных, чудной красоты бабочек...

Безгранично обильный снег шел весь остаток дня, весь вечер и сладким, мягким шорохом проводил нас ко сну...

А поутру, когда мы глянули на мир, ахнули от изумления. Он был весь под чисто белым, нежно-пушистым, алмазно-сверкающим покрывалом... Но не успели мы дойти и до штаба, повалил такой снег, какой я видеть не видывал. Он хозяйничал весь день, лишь изредка прерываясь на несколько минут, как бы для того, чтобы передохнуть и посмотреть, сколько же он настелил белого пуха, и наброситься с новой силой, чтобы добавить еще больше.

Внешне казалось, что жизнь замерла, что на свете и войны-то нет никакой, а есть только вот это белое царство, эта чистота, эта нежность... Но мы-то знали, что жизнь, не менее интенсивная, чем обычно, не останавливалась ни на минуту на аэродроме, точнее на стоянках, в капонирах, где периодически прогревали двигатели самолетов, проверяли состояние вооружения и спецоборудования, а также на летном поле, где беспрерывно сновали снегоочистители...

Вечером снегопад прекратился и тут же нас с Гришей и еще несколько экипажей вызвали в штаб.

– Дорогие товарищи, небывало сильные снегопады сделали дороги совершенно непроходимыми для автотранспорта, – начал красавец подполковник Длинные ресницы, – необходимо срочно доставить грузы с продовольствием для передовых наступающих частей... Сами понимаете, какое же это наступление... на голодный желудок. Поэтому стоит ли говорить, какая ответственность ложится на ваши плечи...

Нам с Гришей выпала честь доставить на поле, обозначенное треугольником костров у самого Вдицка, ящики с продовольствием, подвешенные к подкрыльным бомбодержателям, и еще малогабаритные ящички, устроенные прямо на полу в задней кабине и на коленях бомбардира. Доставить, конечно, способом сбрасывания...

Как только взлетел и взял нужный курс, легкое волнение в груди улеглось совсем. Ведь маршрут был изучен чуть ли до каждого кустика, до каждой извилины дорог и речушек...

Однако не успели мы отойти от аэродрома и на десять километров, опять начался... снег. Я вынужден был снизиться до 50 метров, потом и на 20, 10 и 5 метров при видимости 500–300 метров. Сердце заколотилось сильнее, стало одолевать легкое беспокойство. Так пролетели большую часть пути, но за каких-то две минуты до точки сброса повалил такой густой снег, что как бы я ни напрягал зрение, ничего не видно было вокруг. Только изредка, через эту крошечную тьму, глаза схватывали едва различимые контуры темных предметов и тусклые блики светлых точек на земле. Вдруг появилось сомнение – может, повернуть назад? Но тут же: Как ты смеешь, ведь там голодные бойцы перед врагом! А ну перестать хныкать! Успокойся – и за дело! Вперед, только вперед!

Тем временем вот-вот должна появиться цель, то бишь точка сброса. До рези в глазах всматриваюсь в землю. Напряжение на-

растает до предела. Я весь внимание! Отсчет времени пошел на секунды. А они, черти, кажутся вечностью... Ну, скоро ли... Скорость, высота, вариометр – все в порядке... Ну, где же вы, такие нужные... такие желанные три костра! Пока ни зги... На всякий случай даю команду: «Приготовиться, Гриша!» Еще секунда, другая... И вот они, милые, дорогие... Сквозь муть сплошной снежной пелены, как через матовое стекло, расплывчато засветились три зыбких огненно-рыжих пятна довольно внушительных размеров. Я мгновенно вскричал: «Гриша, бросай!» И... В сию же минуту... Удар! Загрохотало... Затрещало... Сектор газа на себя... Опрокидывает... Еще раз удар... И... ринулись мы в бездну... Тишь мертвая да темь непроглядная охватили нас вдруг...

Не знаю, сколько секунд или минут продолжалось такое состояние, но я очнулся. Очнулся... в окружении людей, колдовавших около нас при свете фонарей «летучая мышь»...

– Очнулись? Целы и невредимы? Молодцы...

– А самолет-то какой молодец, сам не загорелся и хозяев спас...

– И весь груз-то сохранил целым и невредимым...

– Спасибо и ему и хозяевам...

Только и слышались эти и другие реплики стоявших и сновавших около нас людей. С их помощью отстегнув привязные ремни (спасибо им, что не дали выпасть из кабин и удариться о преграды) и выбравшись из-под самолета, точнее, оставшихся от него развалин и обломков, мы остановились растерянно...

«Голубок» наш, еще несколько минут назад такой живой, жизнерадостный и прыткий, лежал весь израненный, изломанный, распластавшись, с поломанными ножками, перебитыми крылышками, разбитой головкой... Из деформированных труб сочилось масло... И нам казалось, что это из поврежденных сосудов пульсирует кровь...

Здорово мы рухнули с тобой, как когда-то я на собственном «летательном аппарате», – почему-то подумал я и вдруг, совсем некстати, вспомнилось давно прошедшее, но никогда забываемое...

... О чем только не мечтал каждый из нас в детстве и юности: то он скачет на быстром скакуне лихим кавалеристом, то преодолевает преграды в могучем танке, то мчится на автомобиле или мотоцикле, то опускается в глубины моря, то парит за облаками... Все это испытал, конечно, и я.

Но самой заветной моей мечтой был самолет, вернее, желание управлять машиной в воздухе. И что только ни делал будучи еще мальчиком лет 8-12, потом и подростком до 15 для того, чтобы хоть чуточку прочувствовать полет (ведь в глухой башкирской деревне, затерявшейся в чудных дебрях Урала, конечно не показывались ни самолеты, ни хотя бы планеры): и с крутых гор спускался на салазках с приданными приспособлениями, похожими на крылья, и с крыш домов, сараев, и с высоких деревьев прыгал... А сколько бумажных «аэропланов» было выпущено...

А вот однажды поспорил с Барисом, Сабиром и Загиром, вернее, они подзадорили, что я не соскользну и не полечу с крыши «магазея» (так назывался склад для общинного зерна, стоявший на окраине деревни, на опушке леса)... Я поднялся и «полетел» на своих салазках с «крыльями». Соскользнул с крыши хорошо, даже «пролетел» неплохо, но пробежавшись после приземления всего три-четыре метра тоже очень хорошо... уткнулся носом в пенек. Конечно, разбил губу...

С годами эти мальчишеские мечты зрели и постепенно превратились в сильное, осознанное желание. После завершения учебы в педучилище и с началом учительствования решение стать пилотом стало окончательным...

И вот сейчас, вспомнив эпизодик из детства, я подумал: тогда, слетев со складской крыши (конечно, на «аэроплане», хотя и на самодельном), умудрился разбить губу, а сейчас после падения в столь экстремальной ситуации, на настоящем самолете, не имею ни единой царапины, и это благодаря тебе, дорогой мой «голубок». Спасибо, век не забуду... И в том, что так трагически для тебя завершился этот полет, ты несколько не повинен. Оказалось, мы сели на крышу дома – костры были расположены «пехотой» совсем рядом с ним...

... Взяв часы, компас и некоторые другие, пригодные для эксплуатации, приборы, мы пустились «пешком», то бишь на попутных машинах в обратный путь, домой...

Вот так, третий раз не повезло нам, на этот раз, пожалуй, крупно, очень крупно...

Обо всем, что и как было, доложили начальнику штаба ВВС фронта.

– За то, что в сложнейших, совершенно непригодных для полетов погодных условиях нашли нужную точку и доставили не-

вредимым ценный, прямо скажем тоже «боевой» груз, заслуживает похвалы. За остальное – бог простит. Он создал эти трудности, пусть он и отвечает.

Передал ли он что-либо командиру полка, осталось неизвестным никому.

Но нам дали другой самолет, пилот которого (к его несчастью, к нашему счастью) вернулся с задания раненым. Тут уж, нужно сказать, «повезло».

15. СПРАВИЛИСЬ С «ПРИЧУДАМИ» ПЕРЕДОВОЙ, НО НЕДОВОЛЕН «СИНИЙ НОС»

Когда через день утром явились к подполковнику Длинные ресницы, он, как всегда по-девичьи нежно улыбаясь, спросил нас:

– Ну как, голубчики, успокоились, пришли в себя?

– Вполне, – ответили мы дружно.

– В таком случае, перефразируя известное изречение, с бала да на корабль, не тратя ни минуты даром надлежит доставить срочно вот это, – он протянул мне пакет довольно внушительных размеров и добавил, – секретный.

Новое ответственное задание, значит и новое доверие, воодушевило нас. А когда мы вышли из землянки, нас встретил новый рождающийся день с синим-синим без единого пятнышка небом и поднимающимся из чистейшего, хорошо омытого горизонта, хотя и негреющим, но ласковым солнцем, вовсе стало легко на душе. Мы были готовы вспорхнуть навстречу хоть к самому дьяволу...

Подошли к новому «голубку». Нам показалось, что он, почти ничем не отличающийся от прежнего, тоже настроен бодро, побоевому...

Легли на курс. Видимость – миллион на миллион! Такая прозрачность! Надо же, как профильтровали воздух прошедшие снега... А нам лететь в злополучный «мешок», вокруг которого всю снуют... черные «стервятники» с длинными колючими когтями. Вот тут на светлую душу и упала мрачная тень... Но, чур! Смотри в оба... Прижимаюсь к земле как можно ближе, осторожно огибая все ее неровности... Впереди «горлышко». Надо его пролететь точно посередине. Ведь оно насквозь простреливается

всеми видами огня. Вот она точка, где когда-то был Мясной Бор. Это начало. Мысленно определяю среднюю линию и направляю «голубка» как можно точнее на нее. Внимательно слежу за воздухом. Но вдруг... трассирующая пулеметная очередь вспарывает его... снизу вверх, чуть впереди и справа почти на одной высоте... с нами. Что делать? Снизиться еще больше? Куда же? Итак, стрижем макушки деревьев. Подняться? Прошьют, как браконьер куропатку. Остается выдержать, чуть-чуть меня направление... Первый комочек в сердце... Сколько их будет за день... Вот трасса идет... на нас. Сейчас... Но, чуть не задев нас, промчалась выше... Еще очередь... И неширокая просека перед нами. Вмиг «ныряем» туда... Трасса осталась позади. А впереди «горло» расширяется и начинается собственный «мешок» с лесами и полянами. Вот и Н.Кересть, точнее, несколько оставшихся домов и развалин, прижавшихся к левому дальнему углу большой поляны. У правого угла отыскиваем площадку, казавшуюся с воздуха ровной, и производим посадку, прируливаем к самой кромке леса. Выключив мотор, выбираемся из кабин. Одев мотор «теплой рубашкой» (она была в фюзеляже) и затащив самолет в небольшое углубление леса, выходим на дорогу, идущую вдоль кромки леса. Сразу же попадает группа военных. Все в шапках-ушанках, белых полушубках, подпоясанных португееями с пистолетом, планшетиками. Командиры, – подумал я. Все молодые, краснощекие, жизнерадостные. Они подсказывают, где найти землянку штаба или, точнее, командного пункта (КП) 2-й ударной армии.

– Пройдете по этой дороге вот в этом направлении 300 метров, затем повернете влево и через 50 метров наткнетесь на часового у входа в землянку. Это и будет нужный вам КП.

В одной из довольно просторных, теплых и хорошо освещенных комнат большой, глубокой землянки нас принял высокий военный в гимнастерке, на треугольных петлицах которой было прикреплено по одной большой звезде.

Я не без волнения начал докладывать:

– Товарищ генерал-майор... Но он тут же резко махнул рукой, давая понять, чтобы я прекратил, и нетерпеливо потребовал:

– Прошу, дайте что привезли.

Я вытащил из-за пазухи пакет и протянул ему.

Он быстро вскрыл его, вытащил все бумаги и стал рассматривать их при свете настольной электrolампы под колпаком.

Стоя перед ним (он, конечно, не предложил сесть, хотя были стулья и даже диван), я начал внимательно разглядывать его. Сразу же бросился в глаза его нос, властно взгромоздившийся на его широком лице. Не нос, а носище. Действительно, «в картошку», весь в пупырышках с синеватым оттенком. Под ним наглухо сжаты толстые губы. Жирный или, не знаю, может быть, просто мясистый двойной подбородок прямо-таки распирает еле застегнутый воротник с белым подворотничком. Рыжеватые негустые волосы беспорядочно лежали на большой его голове, полузакрыв неширокий с множеством морщинок лоб.

Я смотрел и ждал, переминаясь с ноги на ногу, когда же, наконец, отвернутся от бумаг эти... Даже кашлянул, конечно, нечаянно, но получилось вроде от нетерпения. И надо же, точно в эту же минуту, большая голова тяжело откинулась назад, кругловатенько-зеленоватенькие глазки равнодушно, словно в стенку (а может просто устало) уставились в меня, а толстенные губищи прохрипели:

– Во-первых, нескромно торопить начальство, во-вторых, сейчас пока идите, отдохните в 3-й землянке слева, если захотите отлучиться, скажите куда. Если не вызовем раньше, прибыть ко мне через час.

Как только мы с чувством огромного облегченья вышли на воздух, нас обласкали такой тихий, теплый солнечный день, такая лесная благодать, что захотелось пройтись, насладиться этим зимним лесным чудом, подышать ароматным целительным хвойным духом.

Природа... Как она прекрасна. Пока ее не искорежит ее же дитя-человек, – добавим мы. И она прекрасна по-своему всегда (только надо уметь ее замечать), даже когда грохочут пушки, беснуются огонь и дым, прекрасна в любое время года, в любую погоду... А уж в такой день, как сегодня, она просто очаровательна...

Вот они в первозданных беленьких шапках, воротниках, а то и в шубах стройные ели и разлапистые сосны, изумрудно блестящие в солнечных лучах, сумевших пробраться через лесную чащобу; белоствольные с каштановыми кудрями нежные красавицы березы – все они, кажется, затаились в тревожной настороженности, завораживая своей чистотой, пробуждали в душе высокое чувство любви ко всему прекрасному.

Радуют глаз солдата и пернатые представители лесной жизни, в том числе вот эти черно-зеленькие пушистые комочки с аккуратненькими клювиками и эти, более крупные в пестром разноцветье, без устали очищающие деревья своим острым клювом от паразитических червей и всяких наносных отложений... Случайно ли, настоящий человек, нет, даже просто обыкновенный, нормальный, тянется к ней, к природе, к своей колыбели...

Минут двадцать проходили по сказочному зеленому царству в белом наряде, поприветствовали юрких синичек, помахали рукой вечному труженику дятлу... Потом вышли к опушке и...

Сначала услышали противный прерывистый гул, характерный только собранным из железа воздушным хищникам, или иначе «хейнкелям» и «юнкерсам». А вот они и сами. Парадно выстроившись в ряд уступом вправо, они подошли к тому месту, где находилось то, что осталось от деревни, и один за другим, как громадные коршуны и грифы с вытянутыми когтями, переворачиваясь через левое крыло, стремительно понеслись круто вниз, сбрасывая на ходу черные, длинные, хвостатые предметы. Там, где они встречались с землей, вырастали фонтаны огня, дыма, земли, каких-то кусков, обрывков, лохмотьев... Тишины как не бывало. Гудение, грохот, свист и еще какие-то неестественно-жутковатые звуки заполнили, казалось, все пространство. Но вдруг в этом неистовом разгуле сатанинского ада впереди и левее нас что-то затывало, захлопало... Мы глянули туда и только сейчас, совсем недалеко от нас, в трехстах метрах заметили батарею 37-миллиметровых зенитных пушек, ведущих интенсивный огонь по вражеским самолетам, которые в это время, закончив первую атаку, готовились ко второй, проходя левым кругом прямо над нами, злобно ссутулившиеся истые дьяволы с отвратительным гулом, черно-желтыми крестами и постоянно торчащими «лаптями». Казалось, они не обращали никакого внимания на зенитчиков. Но те не ослабляли огня и были вознаграждены. Вдруг спесивый ведущий фашист ярко вспыхнул, перевернулся на спину, затем стал падать, переворачиваясь с крыла на крыло. Ударился он о землю чуть перелетев зенитчиков, примерно в пятистах метрах от нас. Тем временем задымил второй «юнкерс» и сразу развернулся на запад в сторону своих войск. Видя все это, остальные воздушные хищники, беспорядочно побросав остатки бомб, стали тикать восвояси... «При старании и наши зенитчики могут бить фашистс-

ких стервятников, – подумал я, – и при этом запросто спадает с них самоуверенность и спесивость». Что греха таить, в это время еще была близка к истине солдатская поговорка «Немецких зенитчиков и русских летчиков кормить маслом, а русских зенитчиков и немецких летчиков – соломой».

Весь гром-грохот стих так же внезапно, как и возник. Взглянул я на часы. Налет продолжался всего 3 минуты... Времени еще много. И мы с Гришей решили удовлетворить свое любопытство, посмотреть, что стало с «юнкерсом» и его экипажем. Но, подойдя, мы увидели одни обломки, искореженные куски металла, забрызганные маслом, бензином в смеси с копотью и водой, брошенные комьями земли, снега и... ощутили такой специфический неприятный запах, что даже всегда уравновешенный Гриша вынужден был констатировать:

– Фу, какая отвратительная вонь, так и несет фашистским духом...

Ровно через час мы стояли перед угрюмым генералом.

– Вот вам два пакета. Срочно отвезите во Вдицко, вручите лично командиру части, при его отсутствии – начальнику штаба. Ясно? – застыли на мне совиные глаза.

– Ясно, товарищ генерал.

– Выполняйте.

Мы подошли к «голубку», похлопали по боку, спросили: «Как чувствуешь себя, дружок?» и раздели моторчик. Он был еще тепленький и с первого же оборота зачихал-закашлялся два-три раза, выдохнув голубенькие колечки дыма и... затрещал, загрохотал.

Прямо с места разбежались, оторвались и, «брея» верхушки леса, взяли курс на Вдицко... Нашли мы эту деревушку (количество домов пересчитали по пальцам) быстро, хотя она довольно искусно запряталась на юго-западной опушке леса, обращенной на поляну, которой едва хватает для посадки и взлета нашего «голубка».

Как только мы подрулили почти вплотную к ограде крайней избушки и, отрегулировав обороты мотора на малом газу так, чтобы он не остановился, вышли из кабин, к нам подошли двое командиров в обычном зимнем фронтовом снаряжении и представились. Это были начальник штаба нужной нам части и его адъютант. Я поинтересовался насчет командира.

– Он в бою, отбивает очередную контратаку фрицев, сейчас и мы туда пойдём, – отчеканил начальник штаба и заулыбался, ши-

роко открыв белозубый рот и весело заблестев большими карими глазами.

«Да он же явно навеселе, – подумал я, – вот это да, в бой, а...» Под хмельком были и адъютант, и подошедшие еще четверо военных в том же одеянии, и одна женщина средних лет с испытанным лицом, с папиросой в зубах, одетая сверх платья в стеганую фуфайку и укутанная шалью. Рядом с ней, широко открыв глаза, стоял подросток во всем солдатском: в шапке-ушанке, налезшей на глазенки, в шинели широкой и длинной, свободно болтающейся у самого пола и в больших, не по ногам, черных валенках. Еще двое бойцов с автоматами остановились поодаль.

В это время несколько раз бабахнуло из пушек, застрекотали-затрещали пулеметные и автоматные очереди. Понятно, я невольно посмотрел в ту сторону.

– Не волнуйтесь, это наши дают прикурить фрицам. Ни одна пуля, ни немецкая, ни наша, сюда не прилетит, – все еще улыбаясь, проговорил начальник штаба.

– Я не волнуюсь, находясь в таком надежном окружении, а просто интересно слышать так близко и явственно стрельбу наземного оружия, – ответил я как можно спокойней и почему-то посмотрел на женщину. Видимо, я действительно удивился: как это в деревушке, почти на самой передовой, оказалась женщина... Ибо она сразу отреагировала:

– Не удивляйтесь, товарищ летчик. Мне со своими детьми просто некуда деться...

– Простите, я не удивляюсь. В такое время всякое может быть. Дай бог вам и вашим детям здоровья и благополучия, – пробормотал я в ответ.

Получив пакеты, начальник штаба не распечатал их сразу (посмотрим сейчас на КП), но направил адъютанта срочно принести пакет с последними оперативными и разведывательными данными с тем, чтобы мы отвезли на КП армии. А сам стал расспрашивать, как дела вокруг «мешка» и вообще на всем фронте, а также в тылу. Мы отвечали как могли. И тут, как бывает в таких случаях, завязалась беседа между нами и фронтовиками с передовой, окружившими нас («письма получаем редко, информации с других участков фронта и из тыла явно недостаточно...»). В это время почему-то зачихал наш моторчик.

Я, оставив собеседников с Гришей, побежал к самолету, поднялся на крыло, стоя у кабины погазовал немного, отрегулировав обороты, прыгнул на землю, но не успел сделать и шага, как услышал у самых ног резкий треск и почувствовал острый запах дыма и гари.. Мгновенно поднял голову и... Нет, не успел ни удивиться, ни испугаться, а просто ясно увидел, как пара небольших тонких тупокрылых самолетов выходит из пикирования и молниеносно, с каким-то свистящим гулом проносится над нами и исчезает в западном направлении. Я лишь успеваю определить, глядя на их силуэты, что это «Мессершмитты-109». И только теперь посмотрел на ноги и... обомлел – пулеметная очередь легла полукругом около левой ноги, изрешетив самый носок унта. И люди только сейчас разбежались кто куда. А я стою и наблюдаю, не появятся ли еще «мессеры». Не появились. Снимаю унт и осматриваю ногу – вдруг очередь задела и ее. Но нет, только обожгло! Еще бы несколько миллиметров, я бы был без пальцев, а если сантиметров – без ног. «Ну и везучий ты, летчик, факт, в рубашке родился», – только и воскликнул, увидев все это, начальник штаба. Да, что верно, то верно. Только неприятным последствием этого ЧП было то, что больше недели я ходил в дырявых унтах, от стыда не мог смотреть людям в глаза, ибо зав. вещевым складом старшина Голопупенко сказал: «Не могу вам выдать новые унты, не положено, срок не вышел». Не знаю, сколько бы еще ходил так, если бы подполковник не вызвал его к себе и не показал ему «срок»... А пока же я томился в догадках. Почему не попал немец? Ошибся в прицеливании? Может быть. А может пожалел и решил только попугать или пошутить над своим «собратом». Ведь увидел, узнал летчика и целился только по нему. Да, интересно, конечно. А не сидел ли там какой-нибудь пролетарий, не забывший о рот-фронте? Эх ты, опять наивничаешь. Все это объясняется очень просто: они спешили домой после выполнения задания, на исходе были и боеприпасы и горючее, по пути попался ты, они и попробовали тебя кокнуть на ходу, но неудачно... Эти и другие мои мысли перебил начальник штаба:

– Вот, товарищ летчик, принесли пакет, прошу вручить его генералу (я так и не запомнил, то ли Вертису, то ли Кертису. Что-то в этом роде), – начальник штаба, казалось, все еще улыбался, – и тикайте быстрее, от греха подальше, а то они заявятся снова.

Мы решили «тикать». Быстро взлетели, взяли курс на Н.Кересть, но не пролетели и пяти минут, как закричал Меновщик: – Командир! Справа сверху «мессера»!

Вот так «утекли» – почему-то подумал я и резко кинул «голубка» вниз и навстречу двум «мессерам». Только успел достичь глубоких правым разворотом земли, как они проскочили выше нас метров на двести, не успев даже открыть огня. Сейчас, разумеется, не отстанут... И действительно, они резко взмыли вверх, глубоко накренившись одновременно влево. Понятно, с левого боевого разворота начинают атаку... Главное сейчас – не дать бить прицельно, во чтобы то ни стало сократить им время атаки, создать неудобную позицию для открытия огня, а для этого непрерывно маневрировать...

Энергично переключаясь «голубка» с правого в левый крен, до предела прижимаюсь к земле... А вот уже начали пике... Сейчас будут прицеливаться... Резко беру ручку на себя и сразу снова вниз, одновременно успеваю переложить в правый крен и нажать на левую педаль. Хорошее скольжение, аж из носу потекло... А вот и длинная гирлянда из ярчайших разноцветных шариков... проходит на метр выше и сзади...

Думаю, нет необходимости подробно описывать все перипетии этого драматического поединка тихоходного, безоружного, но достаточно вертлявого «голубка» с быстроходными, вооруженными до зубов «ястребами-стервятниками»... Не менее пяти минут «голубок» наш гудел, ревел, визжал, пищал, ворковал, свистел, снова ревел, то неожиданно и круто взмывая вверх, то резко кидаясь вниз, то совершая головокружительные виражи влево и вправо, то плавно уклоняясь или скользя в самых неожиданных для врага направлениях, держась постоянно над лесом.

Но «хищники» вскоре внезапно исчезли. Я уж посчитал было, что мы настоящие победители, но в этот миг увидел спереди слева четверку одномоторных ширококрылых с высоко расположенными кабинами красавцев-самолетов и вертящихся около них столько же, еще более симпатичных, краснозвездных «ястребков»...

Ах вот, оказывается, кто виновники нашего торжества! Это наши прославленные ИЛ-2 шли на штурм вражеских войск в сопровождении ЛАГГов, при виде которых и «тиканули» по-настоящему фашистские «стервятники»...

Получив из наших рук пакет, генерал КЕРТИС-ВЕРТИС (оказывается, это фамилия уже нам знакомого генерала с синим носом-картошкой) тут же распечатал его, быстро пробежал глазами содержимое, продребезжал своим, видимо, простуженным голосом:

– Как с самолетом? Все ли в порядке?

– Да, все в порядке. Правда мы еще не успели его осмотреть после боя с...

– Ничего, еще осмотрите, – перебил он меня, – а сейчас надо срочно лететь и осмотреть, прошу подойти к карте, вот этот участок обороны немцев и, далее, дорогу до самого Финев Луга. Ясно вам задание?

– Ясно, но...

– Что еще но? – громыхнул генерал, и кругленькие глазки его еще больше округлились, потемнели, засверкали и так жестко посмотрели на меня, что я на миг потерял дар речи, но тут же нашелся, набрался сил, достаточных для того, чтобы четко ответить:

– Товарищ генерал, мы сегодня столько пролетели и провели длительный бой с «мессершмиттами» на таких максимальных оборотах, что горючего едва хватит только для того, чтобы долететь до аэродрома.

– Как?! Меня заверили, что горючего вполне хватит для выполнения этого задания, – прогремел генерал. Вдруг он схватился за трубку полевого телефона и стал резко крутить ручку:

– Срочно найдите мне командующего ВВС...

Установилась гнетущая тишина. Глазки генерала продолжали сверкать и искриться. На лице же забегали, задержались желваки... Еще больше посинел нос.

– Так вот, товарищ полковник, ваш летчик отказывается выполнять боевое задание, объясняя это нехваткой горючего... Сейчас передам... Возьмите... как вас там... трубку...

Я, разумеется, начал в это время сильно волноваться, только бы не вскипеть! – упрасивал я себя. Я взял трубку. С того конца спокойный голос попросил: «Расскажите, в чем дело». Я коротко рассказал все, что было и как было. «Хорошо, попросите генерала к телефону»...

Что полковник говорил генералу, мы, конечно, не услышали, но у генерала перестали дергаться желваки, нос принял нормально-синюю окраску и глазки приняли обычную форму...

– Сейчас летите домой, а завтра чуть свет сюда. Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ генерал.

– Выполняйте.

16. ГРИШИН ФОКУС-МОКУС

Прилетели мы на свою точку уже к концу обеда и сразу побежали в столовую с тем, чтобы, подкрепившись (а желудки давно и настойчиво требовали этого), вернуться к «голубку», осмотреть, «покормить» и его тоже...

В приподнятом настроении мы вышли из столовой и только направились на стоянку самолетов, как из-за поворота лесной дорожки вышел навстречу наш подполковник.

– А, дорогие голубчики, здравствуйте, – милая улыбка осветила его лицо. – Как самочувствие, как дела?

– Самочувствие хорошее, хотя дела не совсем радостные, даже еще хуже – чуть было не приписали невыполнение приказа, что это такое на фронте, вы знаете лучше меня, – ответил я.

– Знаю. Знаю и ваши дела. Не беспокойтесь. Надеюсь, все обойдется. Только надо быть постоянно начеку, в смысле быть готовыми к действиям в самых чрезвычайных ситуациях, – внимательные глаза его под длинными ресницами выражали искреннюю доброжелательность. – Вы меня извините, товарищ Меновщиков, я на минуту отойду с вашим командиром.

– Мы, передавая экипажи в распоряжение наземных командиров, предполагали, что кроме их использования для связи некоторые могут посылаться на разведку ночью, но чтобы днем, да в такую ясную погоду, шарить по переднему краю противника, оснащеному всеми средствами защиты, – этого мы не ожидали, – доверительно проговорил подполковник, когда мы остались наедине. – Это тем более странно, что на этот счет есть четкие рекомендации Главкома ВВС и, что важно, строгие требования самого товарища Сталина, где и как использовать различные типы самолетов... Ведь сколько побили их, легкокрылых, но тихоходных «голубушек», вот так безжалостно посланных днем на разведку, и даже на штурмовку наступающих фашистских полчищ... Тем не менее, вот опять... Ведь они нам

не подчиняются... Мы можем их только просить. А действуют они как совесть им велит, – как бы извиняясь продолжал наш, «собственный», непосредственный шеф, – и говорю я вам все это не для того, чтобы вы пытались перечить их приказам. Нет, упаси бог! Напротив, их приказы надо выполнять неукоснительно! Иначе можете попасть в неприятнейшую историю. Такие примеры уже есть... Вот я и хочу предостеречь вас... И говорю, во-вторых, для того, чтобы вы действовали везде и всюду очень умно и хитро, смотрели и делали все не как «голубь», а хотя бы как... «сорока»... Надеюсь, поняли меня правильно.

– Я вас понял, спасибо большое.

– Ну, будьте здоровы, от души желаю вам удач, – вполне дружелюбно пожал мне руку подполковник – умница и добрая душа...

– Да, завтра предстоит, по всему, жаркий день, дорогой Гриша, – обратился я к своему помощнику, – надо нам хорошенько продумать все и «голубка» подготовить тщательно... Ты – молодец со своими гранатами. Есть теперь у нас что обрушить на головы наземных фрицев. Вот бы по воздушным... А не попросить ли нам у пехоты хотя бы автомат, чтобы ты мог при необходимости пустить очередь по «мессерам», пока не придумали ничего другого... Эх бы, пулеметика... Как мы убедились сегодня, будем делать вылазки в тыл к фашистам не только ночью, но и днем, это вопрос жизни и смерти.

– Товарищ командир, разрешите мне, пока вы будете заниматься с «голубком», сходить кое-куда на пару часов...

– ???

– То, о чем вы заботитесь, и мне не дает покоя, в этом наши мечты совпали. Сейчас, мне думается, пришло время осуществить это на практике... Разрешите, товарищ командир, – так настойчиво и с надеждой посмотрел на меня Гриша, что я не стал ни о чем спрашивать, а просто сказал:

– Иди, Гриша. Я не раньше девятнадцати уйду со стоянки.

Допытываться о чем-то у Гриши было излишне. Предельно честный, добросовестный и пытливый, он сделает все, что задумал. Он с первых дней совместной работы дал понять, что не намерен мириться с ролью просто стрелка-бомбардира и наблюдателя, ограничить себя рамками, определенными инструкцией, а активно искал, что же можно еще сделать для усиления боевых возможностей У-2.

Как-то случайно мы наткнулись в одном из домов, освобожденных пехотой, на кучу небольших замысловатых трубочек с просунутыми в отверстие на их теле чеками. Решили выяснить, что же это такое. Взял я одну из них и только вытащил чеку, как она задымит. И я с испугу мгновенно отбросил ее прочь и тут же раздался... слабенький, но взрывчик, достаточный, однако, для того, чтобы... хотя и легонько, но поранить своими осколочками мне руку, а Грише, совершенно невинному, – щеку. Решили проверить, что же есть еще в этом доме. И вот в противоположном углу увидели ящик. Открыли крышку, а там полным-полно каких-то лимонopodobных по форме и черных по цвету предметов... Больше не стали рисковать, чрезмерно любопытствуя, и спросили у одного пехотинца. Оказалось, эти яйцевидные штучки не что иное как гранаты Ф-1, или иначе, как их называют пехотинцы, «лимонки», а те трубочки – запалы (взрыватели) к ним...

И вот тут Гриша обратился ко мне умоляюще:

– Товарищ командир, разрешите взять весь этот ящик и все эти трубочки с собой.

– Зачем? – я не сразу сообразил, для чего они ему нужны.

– Да я этими «лимонками» буду угощать фрицев сверху, когда будем пролетать над ними, – уверенно заявил он.

– Ну и ну. А вообще-то правильно. Молодец. Но куда мы поставим этот ящик?

– Пока в фюзеляже перевезем домой, а в полет я буду брать по несколько штук с собой в кабину, в сумке из-под противогаза, – твердо заверил мой «бомбардир».

– Все. Утверждено. Благодарю за солдатскую находчивость и извини, что у меня других, более щедрых прав для поощрения не имеется. Дай бог, чтобы наугощал этими «фруктами» как можно больше фашистов, – я от души пожал другу руку.

После этого он всегда брал с собой эти очень удобные гранаты и при малейшей возможности применял на деле.

И вот теперь... Не прошло и двух часов, как ушел, а уже «тащится с сумой на плечах».

– Товарищ командир, «голубок» наш теперь будет «вооружен и очень опасен» для всех фрицев: и воздушных, и наземных, – докладывает он торжествующе, запыхавшись так, что носик-пуговичка ходит ходуном, а глаза сияют, будто хозяин их осуществил самую заветную мечту своей жизни.

– Ну, ну, быстрее раскрывай тайну эпохи, – тороплю я друга.

Он быстро и ловко снимает внушительную суму (это оказался искусно завернутый и завязанный моторный чехол), просит меня:

– Командир, если вы отвернетесь на минуту, перед вами появится сам ангел-хранитель.

Я послушно отворачиваюсь. И буквально через секунду:

– Повернитесь, командир. Он перед вами.

Поворачиваюсь и... Что же я вижу? Поблескивая отборной сталью, лежит... ШКАС новенький, симпатичный авиационный скорострельный пулемет сравнительно небольших размеров, которым крошили фашистов наши истребители (некоторые вместе с пушками). Рядом с ним – тонкостенный, достаточно широкий и глубокий металлический ящик (примерно 10x50x50 см), а также металлический полукруг, кронштейн, какие-то деревянные детали, гайки, стержни, железные колечки и т.д.

– А что в ящичке? – ошарашенный увиденным, я спрашиваю его наконец.

– Там ленты с патронами, а остальное – приспособление для установки пулемета, – с некоторой таинственностью, чуть ли не полупшепотом отвечает Гриша.

– Хорошо, очень хорошо. Но что же получится, если он взгромоздится на «голубок»? – не унимаюсь я.

– Потерпите, товарищ командир, немного, и вы увидите, – все еще загадочно улыбаясь, отвечает новый «пулеметчик».

Итак, он берется за дело. Я помогаю: что-то подаю, что-то поддерживаю. Проходит чуть больше часа, и свершается чудо: над задним бортом кабины на мастерски приделанном прочном и симпатичном кронштейне царственно и горделиво устремлен в зенит сам... скорострельный и авиационный – гроза фашистских «стервятников». Гриша, хитро подмигнув мне, нажимает на крючок, искусно соединенный со спусковым тросом пулемета и... раздается характерный только для ШКАС быстрый, дробный треск и одновременно молниеносно и сказочно красиво прочеркивается небо разноцветными искрящимися точками... Это – очередь, пулеметная, прожигающая, пробивающая даже железо, убивающая все живое. И это сможет... наш милый, наш нежный «голубок»! Разумеется, если его вынудят...

– Вот это да! Вот это настоящий ангел волшебный! А ты, Гриша, маг истинный, нет, чудо-чародей, дай же за это обниму тебя крепко. Очень рад, что ты теперь не только будешь пугать фрицев

сигнальными ракетами, а будешь их жарить по-настоящему. Кстати, где и как сумел ты сотворить этот фокус-мокус?

– Э-э-э, товарищ командир, не зря говорится – не имей сто рублей, а имей сто друзей. Эта народная мудрость всесильна, тем более на фронте. Встретил я в ПАРМе хорошего дядьку, из наших краев. Вот он и подсобил снять со списанного истребителя этот «шкастик» и приспособить его к нашему «голубку».

– Молодец этот дядька. Дай бог ему здоровья и дальнейших удач.

17. НЕ «ПАЛКИ КОММУНИСТОВ ГНАЛИ» НАС НА РАБОТУ ТЯЖКУЮ

Это, конечно, было здорово, что теперь заднюю сферу «голубка» будет защищать пулемет, способный прицельно выпустить полторы тысячи пуль в минуту с углом охвата вверх до сорока пяти градусов, вниз до тридцати и до семидесяти пяти градусов влево и вправо. Это позволит более уверенно выполнить и предстоящее задание...

Действительно, чуть свет мы были на КП. Генерал Синий нос с еще более заметными мешками под глазами встретил довольно холодно и сказал угрюмо:

– Задание вчерашнее: произвести разведку поля боя противника на указанном участке и дороге, ведущей до железнодорожной станции Финев Луг, а также самой станции. Ясно задание?

– Ясно, товарищ генерал.

– Надеюсь, горючего сегодня-то хватит? – сверкнули его глаза.

– Хватит, товарищ генерал, – подтвердил я уверенно.

– Выполняйте задание. Доклад о результатах немедленно после посадки.

– Есть, товарищ генерал, – как можно спокойнее и с достоинством отвечаю я, хотя сам волнуясь, волнуясь изрядно и от того, что и вид его, и тон разговора мне неприятны, и от сознания того, что он посылает на архирискованное задание, шансы на то, что останешься живым при его выполнении, всего 1 к 99%.

Что делать, надо идти – боевой приказ... А что мог сделать генерал, отдавший этот приказ? Ему немедленно, позарез нуж-

ны сведения, где же находятся передовые части и подразделения его армии, где противник, каковы его основные группировки и что он предпринимает именно в этот час. А он не может их получить. Решения же надо принимать с часу на час, учитывая при этом, что обстановка изменилась. Но пока он получит данные через КП и штабы своих подразделений, авиационных полков, пройдет немало времени и сведения устареют, потеряют свою оперативную значимость. Вот и рад он, что заполучил, наконец, свой самолетик, способный, по его мнению, доставить эти свежие данные с фронта и с тыла. А способен ли на самом деле этот тихоходный, фанерно-перкальный, легонький и прозрачный, как перышко, летательный аппаратик, для которого любая пулька и осколочек представляют опасность, преодолеть почти сплошной огонь вражеских зениток и фашистских воздушных пиратов, снующих повсюду. Это, видимо, было неважно. «Чтоб було» и все тут. Авось удастся...

Мы немедленно направились к «голубку». Разложив карту на крыле, еще раз тщательно «сфотографировали» глазами детали предстоящего маршрута, обговорили, как лучше осмотреть тот или иной разведываемый участок, и согласовали возможные варианты взаимодействия в случае нападения «мессеров» или обстрела зенитными средствами противника.

– Значит, все время на бреющем, товарищ командир? – почему-то еще раз уточняет Гриша.

– Да, дорогой товарищ, иначе нас немедленно подберут «мессера», да и зенитчики, особенно средние, будут рады.

– Да, я согласен, товарищ командир. Я к тому, что заранее хочу вас попросить, чтобы вы мне разрешили и помогли угостить фрицев «лимонками», и «шкасик» попробовать по их головам и спинам, хотя, конечно, я понимаю, что они тоже будут стараться при этом прошить нас самих со всех сторон, – невозмутимо отвечает Гриша, как будто говорит: «А не дадут ли фрицы нам возможности попить ароматного чая?»

– Обстановка покажет, что и как будем делать в каждый конкретный момент. Во всяком случае, я постараюсь создать все условия, чтобы ты поупражнялся и как гранатометчик, и как стрелок. Но учти, главное – увидеть и зафиксировать как можно больше и лучше. Все остальное должно быть подчинено этой главной зада-

че. Что же касается того, прошьют ли нас, могу только ответить, дорогой. Да, могут, вполне могут, но будем надеяться: ты на бога, а я на аллаха, может, увидят, поймут наши благие намерения и разжалобятся... А если серьезно, это будет зависеть, прежде всего, от нас самих, от того, насколько умело я буду маневрировать, а ты – метко стрелять. Словом, от того, как мы поработаем.

– Понял, товарищ командир, понял, что работенка предстоит сегодня, ох, какая серьезная. Но я надеюсь, товарищ командир, у нас с вами вполне хватит сил для того, чтобы выполнить ее успешно.

– Молодец, Гриша. И я тоже не сомневаюсь в этом.

Да, именно «работа», «работенка», тяжкий воинский труд – сущность, основа воинской службы, всей военной жизни. В этом я убедился за многие годы своей практики, своего опыта... А в молодости, до войны, я успел поработать чуть более трех месяцев в школе. Разумеется, за такой короткий срок я не понял, не ощутил разницы между учебой и работой. Самой главной работой для нас, восемнадцатилетних, как говорилось, стала война. Работа и смерть. Смерть и работа. В каком соотношении, в какой зависимости они находились? Понятно, что основная задача бойца, особенно на передовой – это, оставаясь живым самому, как можно больше убить врагов. От чего это зависит? Конечно, избежать смерти можно по воле случая. Но такое случается очень редко. Надеяться на это – значит обречь себя на неминуемое поражение.

Практика показала, что побить врага и сохранить свою жизнь можно, только предельно самоотверженно выполняя работу. И чем больше мастерства, умения тактического, технического, чем больше силы и энергии физической ты сумеешь вложить в свой труд, тем больше шансов остаться самому живым и тем больше уничтожить врага. «Чем больше силы и ума, тем больше побьешь врага, и тогда победа придет сама». Эта и подобные ей солдатские поговорки ходили до самого конца войны.

Это подтвердил опыт огненных дней первого периода войны и всех последующих, жарких, бурных, жестоких, в течение оставшихся еще долгих-долгих трех военных лет...

И потому наше поколение училось работать, постоянно не жалея сил, времени, работало и работало самоотверженно, как в годы военного лихолетья, так и потом, уже в мирное время. Мы

просто не могли иначе. Сами, своим умом, своей волей, по своей душевной потребности, по своей привычке, по долгу перед своим многострадальным народом, ради достижения тех высоких и благородных целей, чем жили всю жизнь, чем живем сейчас, чем будем жить до конца дней своих. Ибо мы уверены, что они самые справедливые, самые праведные...

В этом корни характера нашего поколения, а не в «палочной дисциплине при коммунизме», как сейчас пытаются представить иные «демократы» в званиях академических или без оных.

Так и хочется крикнуть: «Эй вы! Социальные ничтожества и пигмеи! Не «палки коммунистов», не «штрафные батальоны» кидали нас в смертельные атаки, а Совесть, высокое Сознание и горячая Любовь. Любовь ко всему прекрасному, к чудесной Родине, к дорогим предкам, к милым невестам. И никто нас не пичкал насильно никакими беспочвенными идеями, а учили и воспитывали, как могли, на очень желанном, утверждающем самую справедливую жизнь и обоснованном великими предками учении. Учили и воспитывали, видимо, ошибаясь иногда в деталях, в путях, формах, но так, что мы сами, в своем большинстве, разбирались, что хорошо, что плохо, что высоко, что низко, что чисто, что грязно, что верно, что ложно, что справедливо и что подло и бесчестно... И жили мы по самым высоким меркам своих убеждений. И сами мы выбирали свой путь, свою судьбу. Даже судьбу Родины пытались определить сами. И определили бы, если бы не досадные ошибки одних, не леность ума других, не фарисейство, а то и прямое предательство, третьих. Конечно, из аппаратчиков и «ученых», центральных и местных, номенклатурных и не совсем... Но мы уверены – за этим учением будущее. Никто его не отвергал и не отвергнет. Ибо за ним верность, правдивость и народный идеал. А что касается социализма в СССР, который мы защищали и отстаивали в свое время... Просто вышел первый блин комом из-за неумелости одних (а прокладывать путь в неизведанное ох как нелегко), нечистоплотности других (да и, сказать правду, они сделали все, чтобы развалить его, а для сохранения – ничего)...

Но встанут на ноги, на твердые ноги, настоящие коммунисты, чистые душою, наученные горьким опытом, вооруженные основами того учения и современными познаниями, знающие потому, как строить истинный, научный, творческий социализм, синтези-

рующий все лучшее из науки и практики, из истории развития общества вообще... И народ поймет в конце концов всю правду...

Так думает наше поколение, поколение победителей самой страшной силы мракобесия, какую знало когда-либо человечество, – фашизма...

А события, о которых рассказывается в книге, это лишь первые шаги того трудного, долгого пути, который привел полвека назад к великой исторической победе...

Взлетели. Взяли курс на северо-запад. Успокоились вполне. Настроение боевое. Кругом то темно-зеленые, то темно-серые, то буроватые острова лесного массива, переплетенные с белыми прогалинами, полянами, просеками... Изумительной чистоты прозрачный воздух делает видимость идеальной до самого космоса, до самого дальнего горизонта. А только что поднявшееся дневное светило, направляющее свои косые лучи нам в спину, превращает окружающий мир в сказку. Да и нам помогает: все, что впереди, мы видим отлично, а враг не видит – лучи бьют прямо в глаза. Это нам позволяет появляться над ним незамеченными и уйти не сбитыми. Вот тебе и помощь Бога и Аллаха...

Действительно, предполагаемую линию фронта над указанной точкой перелетели спокойно. Делаем левый разворот. Теперь начинается самое ответственное и самое опасное одновременно – полет вдоль линии фронта над передним краем обороны и тщательное «фотографирование» теперь уже на местности (глазами, конечно) живой силы, техники, оружия и оборонительных сооружений противника: сколько их, где и как они расположены.

Объекты разведки не заставили себя долго ждать. Только легли на боевой курс, как они, словно в калейдоскопе, замелькали, замельтешили, побежали под крыло. Только успевай запоминать. Вот открытое поле. Оно изрыто. Окопы слева и справа вдоль опушки и поперек. В трех местах квадратные возвышения, под них ныряют сплошные траншеи. То тут, то там в окопах полукруглые ячейки, а там... торчат стволы и головы фрицев. Это, значит, огневые точки. А вот двое побежали. А справа... Прямо на опушке... И дальше под деревьями... Притаились квадраты с длинными стволами. Это что? Танки? Или САУ? Сколько их? Раз, два, три... пять, семь... Опять открытое место... Опять спереди справа какие-то длинные предметы за полукруглыми невысокими стена-

ми... Да это же орудия. Раз, два, три. Чуть дальше с выступом вперед еще... Раз, два, три... опять окопы...

– Командир, справа пулемет по нам! – вскричал вдруг Гриша.

– Да, вижу. Опомнились, сволочи.

– Садани по нему из «шкасика», – чуть приподнимаю «голубка» и создаю незначительный правый крен, чтобы удобно ему было бить.

И вот застрочил Гриша из своего «ангела святого» и «заветной мечты»: раз коротко, еще раз... и замолк фрицевский пулемет...

Замелькали опять... выпуклые квадраты... кружки... зигзаги окопов, люди, огневые точки... И снова... засверкали искрящиеся точки сзади и чуть выше. Мгновенно и резко делаю движение ручкой влево и кричу Грише:

– Бей, Гриша, быстрей!

Тут слышу за спиной длинную очередь: одну, вторую.

– Командир, порядок!

Еще два-три отворота влево... вправо...

Смотрю на часы. Все. Хватит с этим курсом. Энергичный разворот влево на солнце, на свою территорию. Теперь надо посмотреть, где же находятся наши наступающие части. Еще разворот влево на девяносто градусов, и мы идем опять вдоль линии фронта, но с обратным курсом и над своими, а солнышко глядит теперь на нас справа. Мы прекрасно видим все впереди и слева. Противнику опять значительно труднее наблюдать за нами. Он смотрит против солнца. Свои, слава Богу, не трогают нас. Это облегчает наше положение и мы внимательно фиксируем все, что попадает в поле зрения...

Ну, пора менять курс, точнее, перейти снова линию фронта и взять курс на далекий, не менее двадцати километров в тылу врага, Финев Луг. Прохожу еще минуту с тем, чтобы проскочить передний край в стороне правее того места, где проходили первый раз, иначе наверняка встретят огнем... Но все, порядок. Впереди дорога на Финев Луг и, конечно, сама станция... Солнце опять – нам в спину, в глаза врагу... Только наблюдай, замечай...

Дороги пока не вижу. Она должна быть где-то левее. Да и лес пока скрывает. На десять градусов уменьшаю курс. Проходит минута, другая и... что это там справа впереди блеснуло? Во все

глаза смотрю туда... еще блеск, еще. Ба, вот же просека, такая узенькая, что кажется, над ней смыкаются верхушки деревьев. Оставляю ее слева по борту и усиливаю наблюдение. И вот результат: блеск, еще блеск, а там и точка, движущаяся, вторая, третья... пятая... пятнадцатая... Приближаюсь, присматриваюсь: вот так точки! Это не что иное как... крытые машины (значит, блеск от фар, отражающих солнечные лучи), а меж ними... танки и автоцистерны. Потом опять машины, опять танки и цистерны, опять машины... Изредка попадаются и легковые...

– Командир, разреши «лимончиков» подкинуть фрицам.

– Давай, только по крытым. И не слишком увлекаться – впереди основная цель.

Вдруг лес резко обрывается и дорога вся открывается. По ней движется еще десяток машин, не успевших скрыться в лесу.

Все! Надо чуть отойти от дороги, так, чтобы видеть, наблюдая со стороны. Только подумал...

– Командир, бьют с задней машины, пособи...

И в тот же миг замелькала искрящаяся трасса совсем рядом слева и на одной высоте с нами. Нет, тут некогда пособить. Резко беру ручку на себя и вправо, секунда и вниз прямо, потом вверх влево и тут слышу: застрочил Гриша... Но я опять вправо вниз... Кажется, ушли. Очереди не вижу.

– Как дела, Гриша?

– Замолкли, командир.

– Хорошо. Но смотри в оба и за землей, и за воздухом. Это были цветочки, ягодки же впереди.

– Понял, командир.

Местность вокруг слабопересеченная. Перелески перемежаются с полями. Изредка попадаются неглубокие овражки, еле заметные подо льдом и снегом озерки, речушки, обросшие кустиками, а то и целыми кустарниками...

Держусь правее дороги, ни на минуту не упуская ее из виду. Да и за воздухом посматриваю все чаще и чаще. На дороге попадают только одинокие машины и подводы. А вот впереди селение. Дым вьется над каждой трубой. Надо бы проверить это селение. Разворачиваюсь влево, выхожу прямо на его южную окраину и... Вот это да... Прижавшись к домам, к сараям, под навесами стоят... машины, преимущественно крытые, а также длинные и

узконогие приземистые квадратики. В каждом дворе... Понятно. В лес, недалеко от передовой, вошло одно танковое подразделение с пехотой, а здесь запряталось другое.

Но! Что это там справа, на северо-восточной окраине, задвигалось? Да это же «эрликоны», фашистская МЗА, гроза наших самолетов на малой высоте.

– Гриша! Посмотри вправо! Видишь, закрутилось... Немедленно дай туда жару, иначе... – создаю маленький кренчик вправо и даю правую ногу. Секунда, другая, и вот «шкастик» затрещал всюю...

– Командир! Они остановились. Подверни, пожалуйста, на них, «лимончиком» я им добавлю, – умоляет Гриша.

Вот черт, чего он захотел. Это уж чересчур... А что? Давай попробуем. Резко и глубоко закладываю в правый крен, вывожу, и вот установки перед носом.

– Гриша, давай!

Через каких-то две-три секунды:

– Командир, есть! Парочку не пожалел.

– Хорошо, молодец! Пошли дальше.

Резкий разворот влево, и мы переходим в левую сторону от дороги. Не летим, а «стрижем-бреем», лишь изредка взмываю на 40–50 метров, чтобы получше посмотреть тот или иной скрытый участок дороги. Пока спокойно. Опять попадают лишь одинокие, или по две-три единицы, машины... А эти... что за техника? А ну ближе. Да это же обыкновенные гусеничные тракторы. Три штуки, а за ними что-то вроде автобуса. А что это такое прицеплено к тракторам? Интересно... А-а-а, ясно. Это просто-напросто снегоочистители... Во фрицы! Как они заботятся о проходимости дорог.

Ну ладно, пошли дальше. А вот деревушка чуть в стороне от дороги. Тоже надо посмотреть. Подлетели на самой малой высоте. Из каждой трубы валит дым. Вроде опять спокойно. Но внимание... И что же я вижу? В каждом дворе, около каждого сарая, навеса, амбара и даже изб – подводы, лошади. А уж в самих сараях, наверно, тесным-тесно. Ясно, надо быстрее уходить, пока никто не стреляет...

Дорога опустела совсем. Взгляд перевожу на часы. Через две минуты конечная цель – этот злосчастный Финев Луг. Что он нам

преподнесет? То, что он хорошо прикрыт зенитками, сомнений не может быть. Железнодорожная станция в прифронтовой полосе – этим сказано все... Но, чур! Надо подойти незамеченными. Буквально начинаю «брить» так, чтобы было «тише воды, ниже травы»... Вот и водонапорная башня... Другие пристанционные сооружения. Направляю «голубка» так, чтобы с юго-восточной оконечности станции пройти по диагонали на ее северо-западную окраину. Для этого надо выйти чуть левее. Разворачиваюсь градусом на тридцать влево и... Прямо перед носом справа налево ползает из-за станционных сооружений... состав... Раз... два... три... Насчитываю больше пятидесяти единиц, из них три пассажирских вагона, десять больших крытых и более четырех десятков открытых платформ, пустых. Только из дверей пассажирских выглядывают по одному-два человека, видимо, кондукторов. Больше нигде никого и ничего... Разворачиваюсь вправо и беру боевой курс. Теперь я буду пересекать станцию под небольшим углом к путям... Вот уже выскочил из-за строений на пути и... достаточно было мгновений, чтобы ясно увидеть точно таких же три состава, какой уходил со станции на юг... Мне все ясно. Здесь делать больше нечего. Прохожу минуту этим же курсом для того, чтобы подальше от станции развернуться на обратный путь. Железная дорога теперь правее нас, а впереди и левее начинается лес. Вот там и развернемся. Но... Что это? Впереди на опушке, прямо перед носом... Зашевелились, закопошились... Да это же целая батарея зениток! Деваться некуда. Самое лучшее, плотно прижавшись, пройти точно над ними в мертвом пространстве, чтобы не успели и опомниться, а им поддаться...

– Гриша, впереди под нами зенитки. Подкинь им пару «лимончиков» и очереденку, быстрою!

– Есть!

Кидаю самолет прямо на орудия. Ниже, еще ниже. Больше некуда. Расчеты увидели нас слишком поздно, не успевают бежать или прятаться, а остолбенело глядят на нас, только отдельные падают тут же оземь... Прохожу, «виляю» хвостом, делаю отвороты то влево, то вправо. Слышу, строчит Гриша: одна очередь, вторая, третья. Хватит. Теперь, пока не поздно, разворот влево, на лес, уйти подальше от опасного места. А там поминай как звали... Прохожу курсом на северо-запад полторы минуты, затем разворачиваюсь на

север – северо-восток, ложусь на курс параллельно железной дороге, (я ее пока не вижу, но она правее нас, совсем недалеко), прохожу еще две минуты и начинаю разворот вправо с тем, чтобы лечь на курс домой. Только развернулся... Вот это да! Неожиданно открылась передо мной железная дорога, вернее, железнодорожный разъезд в лесном укрытии, а на нем длиннющий состав... железнодорожных цистерн, рядом же с ними – автоцистерны... Мгновенно «сфотографировано»... Ну и цель! Ах, как заманчиво!

– Гриша, немедленно бей по цистернам, чем можешь!

Чуть поворачиваю влево, чтобы пройти наперерез им под небольшим углом. Вот они... Никто даже не шелохнулся... И тут же треск, еще-еще. Это Гриша... Ну, достаточно. Резко разворачиваюсь вправо. Как можно ближе прижимаюсь к матушке-земле и беру курс на восток – юго-восток.

Осторожно, удачно обходя населенные пункты и дороги, подходили уже к линии фронта. Через каких-то три-четыре минуты будет лес, по которому проходит тот участок, где мы ее пересечем... На душе стало легко, радостно. А что? Основная часть боевого задания выполнена и, на мой взгляд, успешно. Думаю, над лесом удастся благополучно одолеть линию боевого соприкосновения...

– Командир! Справа сверху приближаются две точки, – довольно спокойно передает Гриша.

Метнул взгляд вправо вверх. «Точки» быстро превращаются в хорошо различимые силуэты: тонкие обрубленные крылышки, узенький фюзеляж. Я их уже вижу под 2/4 снизу. «Мессера!» Пришла в голову, кажущаяся парадоксальной, мысль. Неужели в самом деле преждевременное радостное чувство – предвестник печали? Нет, этого нельзя допустить. Не имеем права!

– Приготовиться к бою. Я буду маневрировать так, чтобы не попасть под их прицельный огонь и стараясь тянуть в расположение своих войск, а ты бей их, выбирая удобную позицию по своему усмотрению. Ясно?

– Ясно!

Резко закладываю «голубка» в крутой правый крен с тем, чтобы нырнуть под них, принуждая их тем самым оказаться в очень неудобной позиции для открытия огня, для чего нужно увеличить угол пикирования, а это невозможно на такой малой высоте и дис-

танции. Развернувшись под девяносто градусов и все еще держась над землей буквально в полуметре, смотрю вверх. Два крестообразных силуэта «худых» проскакивают всего метрах в двухстах над нами. Внезапную атаку, таким образом, мы им сорвали. Теперь нельзя их терять из виду... Энергично ввожу «голубка» в левый вираж. А они находятся на правом боевом развороте... Значит, они намереваются атаковать нас со стороны солнца. Перекладываю «голубка» с левого в правый вираж, но... Они уже с полупереворота начинают пикировать на нас. Они разгадали наш замысел и взяли достаточную поправку на дистанцию и высоту атаки... Момент очень опасный... Вывожу «голубка» из правого виража и ставлю носом на них. Не теряя их из виду, иду прямо, делая «змеяку», или, иначе говоря, отвороты влево и вправо... Они скоро откроют огонь, поэтому делаю резкий разворот со скольжением влево на девяносто градусов, создавая тем самым неудобный ракурс (4/4) для них, и удобную позицию для ведения огня Грише.

– Командир, небольшой крен вправо...

Чуть даю ручку вправо, а ногу – левую, чтобы Грише удобно было стрелять. «Голубок» скользит, а «мессера» могут не заметить это... И точно в это время с ведущего «мессера» потянулись огненные щупальца, а с нашего борта застрочил «шкастик». Ну, кто кого? Щупальца проходят буквально на метр выше и сзади нас, а трассирующая очередь «шкастика» – перед самым носом ведущего «мессера». Но этого достаточно для того, чтобы он взмыл как ошарашенный. Конечно, для него это была большая неожиданность. Как это вдруг с борта «Рус-фанер» открылся скорострельный, да еще довольно мягкий, огонь?! Может, струсят атаковать дальше? Черта с два! Вот они делают крутой левый разворот с одновременным набором высоты. Ясно, атака повторится с переворота через левое плечо с задней полусферы... Надо успеть развернуться на сто восемьдесят градусов вправо... Полный газ, глубокий крен вправо с максимальным углом вращения. Аж темнеет в глазах. И сразу влево на девяносто градусов, также быстро и круто... Эти маневры приближают нас к линии фронта, а за ней и под защиту своих зениток. Но пока... Пока вот они – вытянулись, как черные змеи, устремляются справа сбоку на нас, дистанция сокращается. Вот и зашипели, и вытянули свои смертоносно-ядовитые огненные жала прямо на нас. Успеваю резко на-

жать на правую педаль и тут же чувствую, как что-то встряхнуло «голубка», а на консоли левого крыла затрепыхали ключья перкали. А через мгновение затрещал сзади наш скорострельный...

На «змейке» с общим курсом на восток продолжаем полет. А где «худые»? Не вижу.

– Ты видишь «худых»? – спрашиваю Гришу.

– Они взмыли вверх с правым разворотом.

Что же они замышляют? Вероятнее всего, решили атаковать со стороны солнца, на встречных курсах. Конечно же, мы их не видим или плохо видим, а они нас – как на картинке. Да и развернуться им для этого надо всего на сто восемьдесят градусов, т.е. с боевого разворота переворот через правое плечо – и мы тут как тут перед их прицелом. Недурно, хотя и довольно шаблонно. Ну, внимание... Взгляд в сторону солнца. Отворот влево... вправо... Где же они? А вот они: чуть правее, уже пикируют... А что, если? Конечно, большой риск, но это сейчас единственный выход.

– Гриша, они со стороны солнца. Я сейчас развернусь, чтобы тебе было удобно бить. Как только закончу разворот, сразу бей по ведущему.

Делаю энергичный разворот на сто двадцать градусов, вывожу из него. Мгновение – и заговорил наш дорогой авиационный, скорострельный. Ну, давай, давай, ангелочек, не подводи! Короткая, еще короткая и длинная... И в это время чуть правее нас сверкнула огненная трасса и исчезла.

Еще через пару секунд прямо перед нашим носом устремляются вверх «худые»... Но... что это? Один из них дымит. Да, да, ведущий «худой» задымил, и... вот он уже отваливает и уходит на запад. Ура! Но радоваться пока рано. Надо следить за вторым. Что он будет делать – пока неизвестно. Но вот он совершает крутой левый разворот, опять с набором высоты. Понятно, он, обогленный за то, что вывели из строя товарища, сейчас будет стараться отомстить.

– Гриша, следи за «худым» справа, сзади...

Закладываю «голубка» в глубокий левый крен, на курсе сто градусов вывожу, отворот вправо, влево. На земле замелькали траншеи, окопы, огневые точки... Передовая! Через несколько секунд будем над расположением своих войск. «Держись», – говорю я себе. Главное сейчас – не дать убить себя, как куропатку.

Но, однако, где же «худой»? Внимательно осматриваю все пространство справа и особенно сзади. Но ничего не вижу. Покруче отвороты влево, вправо, еще и... «худой» пикирует не справа сзади, а справа спереди... Если я стану носом на него под ракурс 0/4, то создам ему идеальные условия, и он будет бить нас с наслаждением, поэтому надо опять...

– Гриша, фриц спереди справа, сейчас будет сзади слева, не упускай удобного момента.

Ввожу «голубка» в крутой левый разворот. На двести восемьдесят градусов вывожу.

– Командир, поверни чуть вправо! – слышу голос помощника.

Секунда и... очередь Гриши, еще секунда, и огненные стрелы... прошивают наше правое крыло...

Машинально даю ручку влево, давлю на правую педаль... Вывожу сразу в правый разворот с тем, чтоб взять нужный курс на юго-восток, но «голубок» слушается плохо. Не входит до нужного угла в крен, и нам с трудом удается завершить разворот.

– Гриша, где же «худой»?

– Взмыл с разворотом вправо.

– Почему прекратил стрельбу?

– Кончились патроны, командир.

Это уже плохо. Очень плохо. С раненым «голубком». И без защиты хвоста.

– Командир, «худой» слева сзади.

Глянул, ба, он уже на дистанции прицельного огня. Мгновенно кидаю «голубка» влево вверх и сразу же пытаюсь вправо, но не получается – удается только вниз. И тут же... Заблестело, зашуршало слева... Я ручку вправо, ногу влево. А теперь заискрилось, засверкало... рядом сверху... Ногу вправо, ручку вниз... Что-то прогромыхало, прогудело, прошелестело над нами... Качнуло «голубка» так, что он ринулся к земле. Я тяну ручку, еле выравниваю его у самых макушек деревьев, Запахло гарью. Смотрю на приборы. Черт побери, давление масла падает, а температура растет. Течь масла! Минута – и мотор или загорится, или, в лучшем случае, остановится. Где же мы? Под нами лес, впереди и чуть левее в каком-то километре – открытая местность. Пытаюсь чуть повернуть влево, но элероны не слушаются. Нажимаю

на левую педаль. Она тоже идет с трудом. Давай, давай, милочка, старайся, выручай. Нажимаю сильнее. Пошла, пошла заметней, и вот уже носик «голубка» смотрит на поляну. Еще каких-то двести метров, и мы достигнем ее, но запах гари усиливается. К тому же начинает нести дымом. Давление подошло к нулю. Стрелка температуры за максимальной шкалой. Моторчик уже зачихал, застучал. Но и поляна уже под носом. Мгновенно отключаю рычаг магнето. «Голубок» пошел к земле. Я едва успеваю подобрать ручку управления на себя, и он.. неуклюже падает... Не пробежал и десяти метров, ложится на левое крыло, разворачивается на девяносто градусов, опускается на нос и, едва достигая снежной поверхности, останавливается. Посмотрел направо – правая стойка переломилась, как подрубленная топором, обе плоскости отвисли, как подпиленные, в них зияли дыры, болтались лохмотья перкали, торчали огрызки деревянных деталей лонжерона, нервюр... Оборачиваюсь назад – что-то в этом роде и с килем, и стабилизатором...

Быстро соскакиваю с сиденья, вспрыгиваю на плоскость, спешу к Грише:

– Ну, как дела Гри...

Посмотрел на него и обомлел: лицо все в мелких ранках и каплях крови, тоже самое с правой рукой. Комбинезон на правом плече и предплечье так изодран, что торчат лохмотья ... Тут попался на глаза «шкасик»... весь изуродован, начиная с места стыка ствола до самого затвора. Конечно же – прямое попадание эрликоновского снаряда, и, как видно, осколочного, а не бронебойного. Да... если бы не «шкас» и не осколочный, а бронебойный, то Гришу, а вслед за ним и меня, просквозило бы, как нож по маслу. Взглянул на Гришу, а он, черт, улыбается, как бы говорит: «Извините, товарищ командир, что так получилось», и носик-пуговичка не смотрит задиристо, а опущен как-то виновато...

– И, что ни говори, а та самая рубашка, в которой рождаются, у нас с тобой, дорогой мой, была... А как плечо, предплечье? Они не болят?

– Нет, товарищ командир, я пошевелил ими и ничего опасного не почувствовал.

– Ну, давай тогда выбираться...

Спрыгнули мы с плоскости, глянули на своего «голубка», и зануло сердце до самых глубин своих... Лежит он, «голубок» наш, весь израненный, смотрит жалобно и не может ни ворковать, ни стонать, лишь трепыхается беспомощно, покрываясь маслянистыми и бензиновыми брызгами и каплями, словно кровью обливается... Нет, не прирастут к нему эти крылышки... «Ты ведь должен только новых орлят учить летать, чтобы с воздуха приносили они пользу образованию, воспитанию и повышению жизненных благ, а воюешь в огненных небесах, правда, тоже за торжество созидательной жизни... Вот видишь, что получается, когда заставляют делать то, для чего ты не предназначен... Но пойми, мы вынуждены это делать – мало еще настоящих солдат-самолетов. Но уж потерпи немного, и станешь опять только учителем, а не солдатом...»

– Не разжалобились они, товарищ командир, – ни мой бог, ни ваш аллах над «голубком» нашим. Не знаю почему, и ведь грехов-то у него никаких.

– Зато нас самих пожалели. Это чудо, что в такой ситуации я отделался легким испугом, а ты – легкими ранениями.

– Да, надо быть признательными им за это.

– Но бог-то бог, да и сам не будь плох – говорит народная поговорка.

Не потому ли пострадал «голубок», что мы оказались плохими?

– ???

– А почему в самый решающий момент боя у нас кончились патроны? И нас, беззащитных, побил фриц?

– Потому что раньше успели израсходовать очень много.

– Во! Молодец, что докумекал. Лучше поздно, чем никогда. Мы с тобой забыли, что «шкас» поставили прежде всего для защиты себя от воздушного противника. А мы обрадовались, что у нас есть пулемет и давай палить по земле. Конечно, трудно удержаться, когда перед глазами живой фриц. Да и была ли гарантия, что они не сшибли бы нас еще раньше, если бы не заставили их замолчать? Ну ладно. Пусть этот бой будет нам уроком...

Сняли мы с самолета все, что может пригодиться, сложили в чехол, связали и тронулись в путь, взяв направление по компасу на юго-восток. Но не успели сделать и два шага, как услышали за спиной:

– Товарищи летчики, остановитесь!

Голос был такой повелительный, что мы мгновенно встали как вкопанные. Обернулись – из-за хвоста «голубка» показался... красноармеец в ватных брюках, фуфайке и шапке-ушанке, с карабином в руках.

Он подошел к нам вплотную, запыхавшись, видимо, от быстрой ходьбы, и сказал:

– Товарищи летчики, вы сели на минное поле и сейчас пошли по нему. Вот видите под правым крылом бугорочек – это противотанковая мина. Если бы вы чем-нибудь задели ее, то сразу бы взлетели на воздух. Понятно, совершенно в другом качестве... Наши не успели еще разминировать поле после освобождения.

Нетрудно представить, какие мурашки пробежали по нашим телам.

– Спасибо, товарищ красноармеец. Мы оказались здесь вынужденно, – промямлил я виновато, – вы, конечно, покажете, как нам выбраться на дорогу, ведущую в Новую Кересть?

– Да, мы вам поможем. Но сначала пойдете к нам в батарею. Наш комбат вас приглашает, – в доброй улыбке засияли его глаза, – да вы же ранены, – глядя на Гришу, воскликнул он, – дайте вашу связку.

– Спасибо.

Мы повернули назад и пошли за красноармейцем, след в след.

– Переживает очень наш комбат, что не сумели мы сбить того «мессера», который атаковал вас...

– Вы, зенитчики, вели огонь по тому «мессеру»?! – встрепенулся я. – А мы в горячке боя не заметили это. Теперь мне ясно, почему он прекратил атаку и не добил нас. Большое вам спасибо.

– Пожалуйста. Конечно, лучше было бы, если бы мы его кокнули.

– Безусловно. Но это не так-то просто: он маленький, вертлявый, скоростной. Но вы и так сделали свое дело – вы спасли жизни своим летчикам.

– Согласен. Это куда лучше и куда важнее, чем сбить одного стервятника. Думаю, придет время, когда мы перебьем их всех.

Мне стало приятно на душе, что даже рядовой красноармеец правильно понимает основной смысл совместного боя – не на-

вреде своим, а выручай их во что бы то ни стало – и уверен в нашей окончательной победе.

Вскоре за неширокой полосой леса мы вышли на сравнительно небольшое открытое поле и увидели четыре 37-миллиметровых зенитных орудия, а пройдя дальше метров двести по опушке, наткнулись в небольшом углублении леса на землянку.

Комбат, уже немолодой лейтенант («из запаса я», – скажет он потом) принял нас с искренним радушием, что было видно не только по широкой улыбке, но и по тому, что было приготовлено на столе: три открытые консервные банки, куски сала, хлеба, сахара, галеты, фляга, четыре алюминиевые кружки, дымящийся чайник.

Но после взаимного обмена приветствиями сказал:

– Однако, я вижу, мы должны начать знакомство с медосмотра. Здесь не может быть шуток. Трофимов! Позовите срочно санинструктора.

Я ожидал, что придет санинструктор-девушка, как в большинстве подразделений фронта, но пришел довольно пожилой мужчина в обычной красноармейской форме («сельский фельдшер, сам пока согласился», как объяснил позже комбат) и сразу приступил к делу.

– Извините меня, но я прошу позволить осмотреть вас, – обратился он к Грише, – как ваше самочувствие сейчас?

– Так, ничего вроде, однако там, кажется, что-то мешает, почувствовал совсем недавно, – признался Гриша.

А как только Гриша освободился с нашей помощью от всей одежды, достаточно было санинструктору взглянуть мельком, чтобы заявить:

– «Мешает», «почувствовал»... Да надо было завопить! Да вы знаете, сколько кусочков фашистского металла ввелись в ваше комсомольское тело! Немедленно в медсанбат! Сейчас на время перевяжу, чайку стаканчик позволю попить и айда к врачам. Благо медсанбат рядом. А у вас, дорогой пилот, как дела? – обратился он вдруг ко мне.

– У меня все в порядке, доктор, – уверенно заявил я, хотя чувствовал, что в левом предплечье саднит немного.

– А это что такое? – вперился он взглядом в мое предплечье.

Я глянул и только сейчас заметил сквозную рваную дыру на рукаве комбинезона.

– Не имею понятия. Первый раз вижу.

– В таком случае прошу и вас оголить руку, товарищ летчик.

Посмотрел, пощупал и:

– Вам повезло больше. Гостинец фашистский только обжег и царапнул слегка. Достаточно будет того, что перевяжу здесь, дома повторите, а дальше врач скажет, что делать.

– Большое спасибо, доктор. Теперь бы вот с моим другом быстрее решить вопрос, нам надо срочно добраться в Новую Керсть. Там ждут нашего доклада.

– Из медсанбата регулярно ходят санитарные машины, да и там недалеко до основной фронтовой магистрали. Так что уедете без труда.

– Спасибо. В таком случае, будем надеяться, отделаемся без генеральского гнева за задержку ценных сведений. О, извините, товарищ лейтенант, в этой суматохе мы даже забыли поблагодарить вас за выручку. Нам посыльный уже рассказал коротко о вашем бое с «мессером». Примите нашу искреннюю благодарность. Нетрудно догадаться, что бы стало с нами, если бы вы не отсекли от нас этого настырного «худого».

– Пожалуйста. Но благодарность была бы куда более заслуженной, если бы мы сбили его. Но этого не случилось. Однако и то, что отпугнули «мессера», не дали повторить атаку, это, конечно же, тоже чего-то стоит. Это «чего-то» спасло жизнь двух наших воздушных бойцов. А что касается того, что не сбили... Я знаю, это сложно. Вероятность попадания и прочее... Если бы каждый выстрел угодил в цель, давно не было бы ни немецких самолетов, ни немецких танков, орудий и солдат. Впрочем и наших тоже...

– Да, здесь возражений не может быть. Милости прошу, если по случаю окажетесь в беде, стремитесь в зону досягаемости нашего огня: поможем, как сумеем. Правда, мы вскоре изменим свои позиции. 2-я ударная армия, вы сами видите, продвигается, хотя немцы сопротивляются отчаянно. Говорят, даже резервы подтягивают.

– Да, похоже...

Мы, хотя и накоротке, но с удовольствием почаевничали в гостеприимном «доме» (разумеется, не дотрагиваясь до содержи-

мого флаги), сердечно поблагодарили его хозяев и направились в медсанбат.

Там тщательно обработали раны Гриши, вытащили отдельные осколочки, застрявшие на поверхности кожи лица, руки и предплечья и, сделав перевязку, решили отправить его в госпиталь. Но мне удалось уговорить главного врача отпустить его вместе со мной и под опекой медика, едущего в Малую Вишеру, в наш лазарет. Более того, он разрешил остановку на время моего доклада в Новой Керести... Понятливы все же наши врачи...

Генерал принял мой доклад хотя и с небольшим воодушевлением, но не без заметной заинтересованности. И видно было, что глаза его не так ярко сверкали и не жалили чрезмерно, а синюшность носа даже слегка померкла.

– А вы не рассмотрели повнимательней лес западнее станции? – спросил он после того, как я закончил доклад.

– Западнее – нет. Юго-западнее – да. Но ничего особенного я там не заметил.

– А разъезд южнее станции?

– Нет. Мне не было дано такого задания.

– Очень жаль, очень жаль... Вот и получается, что не пусто, но и не густо, – не преминул он заметить, – однако хвалю – сведения ценные, даже очень. Но жалко, что подрубили вас... Ну что ж, вы свободны. Отправляйтесь в госпиталь или, как там, в лазарет, – вроде подобрили что ли или просто приняли естественный вид глаза генерала...

Доехали мы до Вишеры и удачно устроили Гришу в лазарете. Поблагодарив врача из медсанбата за компанию и помощь, я отпустил его по дальнейшим делам, и направился было к своему подполковнику, как вдруг... столкнулся лицом к лицу с Мишей Кузнецовым. Он был с повязанной головой и левой рукой на повязке.

– Миша, дорогой мой, и ты здесь, – мы по-братски обнялись, – ну расскажи, как и когда тебя ранили.

Выполнял он все эти дни примерно такие же задания, как и я... «Вчера изрядно побили «мессера», да еще добавили ему с земли. И мой самолет загорелся и бухнул, едва дотянув до передовой. Еле успел выскочить сам и с трудом вытащил стрелка-бомбардира, который скончался тут же, на моих руках: у него

была пробита грудь. Похоронили его прямо там. А самого, видишь, ранили в голову осколками и в левую руку, кость задела...»

– Ну, ничего, не унывай. Ты парень сильный, вполне одолеешь эти раны. А Катя пишет?

– Да еще как! – задиристо качнул головой Миша.

– Ну, поздравляю, друг! Выздоровливай быстрее, да не попадай больше под огонь фрицев...

Подполковнику «своему» я рассказал во всех деталях, что и как было в воздухе, а затем и на земле. Он выслушал с большим вниманием, даже записывал временами что-то в своем блокноте. А под конец сказал:

– Я искренне поздравляю вас с успешным выполнением очень сложного и ответственного боевого задания. Да, да, я не оговорился, именно успешным. Более того, я лично считаю, что со своим стрелком-бомбардиром совершили настоящий подвиг. Ваш полет оказался полезным и для наземного командования и для нас, авиаторов, да и, полагаю, вы сами стали опытней и умней. Так что сильно не огорчайтесь. Да что там говорить, вам повезло, здорово повезло! Но только ли в везении дело? Убежден, в большей мере – в действиях ума и рук. А вот... Не хотел я вас огорчать, но такие вещи не утаишь. Напротив, надо знать всю правду, ошибки людей, дабы можно было учиться на них остальным. Из ваших знакомых позавчера не вернулся Миронов... Вчера расстрелян в воздухе «мессерами» Матюшин. Я уж не говорю о потерях истребителей и штурмовиков, которых и так не хватает. Что касается вашей дальнейшей работы... Давайте день-другой отдохните, подлечитесь. Да и «лошаденку»... О, извините, «голубушку» вам надо другую приласкать. Пока выздоровеет Меновщиков, надо отыскать и бомбардира. Кстати, вместо вас в распоряжение штаба 2-й ударной армии вызываем Родионова. Вы знаете его, он из вашего полка... Вот так, отдыхайте спокойно. Когда надо будет, мы вас вызовем сами, – таким искренним доброжелательным взглядом проводил меня добрый мой подполковник, что зарождавшиеся было какие-то сложные чувства сразу исчезли. Спокойствие и уверенность охватили меня. Сердце забилося вдохновенно и сильно. Вот и определи – невезение ли этот полет, кстати, четвертый или, напротив, мне крупно повезло?!

18. ЕСТЬ ЛИ ИНТУИЦИЯ, ИЛИ КОГДА «СТАВИТЬ УШКИ НА МАКУШКУ»

И душа наполнялась каким-то легким радостным чувством. Казалось, за плечами вырастают легкие крылья. Но в то же время чудилось, что в каком-то самом дальнем уголке души затаилась неуловимая тревога, неумолимо давила на меня какая-то смутная тяжесть. Что это? Тяжесть утраты еще четверых товарищей, еще четверых прекрасных парней России? Или какое-то новое предчувствие? Почему-то я стал привыкать к мысли о том, что эти, как мне казалось, «несовременные и необоснованные» легкость и радость, обязательно предшествуют если и не печали, то, по крайней мере, серьезным неприятностям.

В последний раз на земле это было перед самым полетом в «мешок» в распоряжение генерала Синий нос, а в воздухе – в полете перед воздушным боем... А может, сердце и душа интуитивно предчувствуют беду и таким образом предупреждают разум, как бы сигнализируют ему о грозящей опасности? Если это так, то, значит, с получением такого сигнала надо сразу же «ставить ушки на макушку»?

А может, это просто казалось? Может, это случайные совпадения? Ведь на войне опасность может подстерегать на каждом шагу. Но никогда не угадаешь, где и какая именно опасность подстерегает тебя в ту или иную минуту, в тот или иной час...

Мог ли я предположить, что нечто подобное может случиться со мной буквально через считанные минуты?

После напряженного, богатого событиями дня захотелось отдохнуть, прогуляться, да и прийти в себя, с мыслями собраться. А мягкий тихий предвечерний час, склонившееся к закату, но еще достаточно ярко светившее солнце вполне благоприятствовали этому.

Выйдя из леса, я пошел по дорожке на границе летного поля к железнодорожной станции. Давно хотелось полюбопытствовать: что за станция, что там есть. Но все было как-то недосуг. Прошел я, наслаждаясь погожим днем, почти весь путь, оставалось до первых строений каких-то 100–150 метров, как услышал... Вы, конечно, догадались, да-да, этот самый отвратительный, бьющий и по мозгам и по груди, гул немецких бомбардировщиков. Глянул вверх и обомлел: на ясном голубом небе отчетливо выделялась

приближающаяся, чуть ли не закрывающая все солнце, целая стая, не менее двадцати единиц, черных трехглавых «драконов» (выступающий вперед тупокрылый фюзеляж и два таких же мотора слева и справа от него придавали ему такой зловещий вид). Шли они на высоте около трех километров, под небольшим углом к железнодорожным путям, не спеша, надменно, прямолинейно, рядами по три-четыре самолета. Выше и сзади них носились из стороны в сторону худые, как комары, и остроносые, как стервятники, «мессершмитты»...

Только они оказались на подступах к станции, как посыпались из них и бешено, со страшным воем и свистом устремились вниз бесчисленным роем тоже тупорылые, хвостатые и черные «дракончики». Вот первые из них достигли земли, строений, путей, и тут же взметнулись ввысь султаны взрывов с пламенем, искрами, взрыхленной землей, с бесчисленными осколками.

Все пространство, где находилась станция, моментально было охвачено бушующим, беснующимся смерчем дыма, огня, грохота, чада... Беспросветное черное облако закрыло собою голубое небо и всемогущее светило...

Колонна воздушных чудовищ начала разворот точно над нашим полем, чуть в стороне от меня. Я уж подумал, не ринутся ли они на наше поле, на все то, что находится в лесу вокруг. Но нет. Они пунктуальны, методично клюют точно там, где приказано свыше оберчудовищем. «Мессеры» снова заходят на станцию (значит, не все «дракончики» выпущены)... И вот только в этот момент заговорили наши зенитные орудия: и среднего калибра (черные клубы от взрывов их снарядов), и малого, 37-миллиметрового (бледно-голубые «шапочки»). Однако «драконы», как кажется с земли, не обращают ни малейшего внимания на них, идут себе спокойно куда им надо. Они уже вторично выходят на боевой курс. Также как по начерченной прямой, чванливо, с вызовом. Но вот огонь наших зениток усиливается. Разрывы их снарядов вспыхивают все ближе и ближе к фашистским «драконам» и «стервятникам», которые, только сейчас почувствовав явную опасность, начали рыскать по курсу, затем и заметно зашевелились, замельтешили, а когда один из «драконов» задымил и резко повернул на запад, строй их рассыпался, и они, беспорядочно побросав оставшийся смерто-

носный груз, стали уходить восвояси... И именно в это мгновение с «дракона», шедшего в строю крайним слева, отрывается черный хвостатый «дракончик» и летит прямо... на меня. Конечно, я дал такого стрекача, скорость моя наверняка была в два раза быстрее, чем я когда-то сдавал стометровку на значок ГТО. Я стрелой метнулся в первую попавшуюся яму лицом вниз, и в то же время... грохнул где-то справа сзади взрыв такой силы, что я был плотно прижат ко дну ямы (хорошо, успел зажать руками уши) и засыпан таким количеством земли и снега, что с трудом поднялся и выбрался оттуда...

Что было бы со мной, выйди я на прогулку на две минуты раньше? Почему интуиция не заставила меня совсем отказаться от прогулки? Или она решила меня испытать, задержав на эти спасительные две минуты?

Вот и знай, когда и как «ставить ушки на макушку». Ох, как было бы хорошо, если бы каждый из нас нашел этот волшебный ключ своей жизни... По крайней мере, стремиться к этому надо, чутко прислушиваясь к своей интуиции. Как показывает опыт, это помогает.

19. ПОДВИГ ГЕРОЯ. КОМУ ВЕЧНАЯ СЛАВА, А КОМУ ГОРЕ НАВСЕГДА?

Сию, пишу эти строки и задаюсь вопросом, почему наши телеэкраны и кинотеатры полностью отданы американским боевикам? Уже минуло 50 лет Победы, и как мало фильмов о войне, которая завершилась Великой Победой. Хотят расстрелять из американского оружия второй раз нашу память?

Но мы, пока живы, сможем ли забыть, как в нас стреляли враги, можем ли допустить то, чтобы предали забвению ту Великую и Страшную войну, те Огромные усилия и Страшные муки, какими достигалась Победа в ней.

Почему-то вспомнил вдруг, как часто в детстве, глядя вдаль, как, наверное, все, гадал: где и какая она – граница неба и земли; как многим хотелось достичь этого предела, шагая до изнеможения по окрестным полям, поднимаясь на горы. А предела за горами не было. Думал ли я тогда, что скоро моя еще нео-

крепшая душа будет искать ответа на другой, «космический» вопрос? То, что достичь горизонта невозможно, объяснил на уроке географии учитель. «Если все время будешь идти прямо, придешь туда же, откуда ушел, потому что земля наша круглая, – улыбаясь, говорил наш любимый учитель Давлетхан Мирхаев, – а у неба нет предела и границ».

А где предел у человека? Есть ли он вообще? Предел его жизнедеятельности, умственных и телесных способностей, души, сердца, терпения, мужества, сострадания, воли, духа, смелости и... трусости.

Страшная война от многих миллионов, не задумывавшихся об этой философии, скоро и неумолимо, жестоко и сурово потребовала ответа на этот вопрос, и люди, безусловно, вынуждены были задавать его себе и другим, с волнением искать в душе желанного ответа...

Наиболее правильно отвечала на него практика самой войны...

Пришел очередной фронтовой день. В начале его все шло хорошо, а потом...

Этот жестокий воздушный бой прошел более полувека назад, но память хранит все мельчайшие детали его, так же как всего того, что произошло за ним, словно на киноленте, стоит только включить память. И день этот могу расписать по минутам...

И сегодня удивляюсь, как же могло в него уместиться столько событий, чувств, потрясений. Без преувеличения можно сказать, что за этот день пережито столько, сколько не выпадает иным за всю их долгую жизнь. Ну, давайте все по порядку.

Я уже возвращался после выполнения очередного задания: передачи пакета и высадки представителя штаба фронта в расположение одной из передовых наступающих частей. Передо мной скоро откроется символический Мясной Бор, за ним и Волхов.

При полете к этому месту как-то привычно усиливал круговой обзор, особенно верхней полусферы. Объяснялось это просто: Волхов отделял наш большой тыл от районов активных боевых действий, через него проходили все артерии, снабжающие фронт, все видимые и невидимые пути, обеспечивающие связь тыла и передовой. Здесь, через горловину «мешка», проходила основная транспортная магистраль фронта. На

ней не прекращалось оживленное движение даже днем; через нее стремились проскочить к фронту, а также за дно «мешка» и дальше наши штурмовики и бомбардировщики, не говоря уж о других тихоходных самолетах; да и на всем протяжении своем Волхов представлял наиболее открытую полосу в этом районе, при пролете которой хорошо были видны и самолеты, и все, что передвигалось через него и по нему. Вот почему здесь день и ночь, как голодные стервятники, рыскали «мессершмитты», а наши истребители, понятно, вынуждены были почти непрерывно патрулировать весь этот район, стараясь надежно прикрыть его от ударов вражеской авиации. Не случайно, что именно здесь чаще всего проходили интенсивные воздушные схватки...

Поэтому сейчас по установившейся уже схеме я стал обшаривать воздушное пространство. В эти минуты безветрие и тишина царствовали вокруг. Казалось, в полной неподвижности застыла вся вселенная, вся наша земля, поля, реки, леса на ней. Это впечатление усиливалось таинственно и причудливо распластавшимися надо мною тонкими высокослоистыми и перистыми облаками, которые как бы тщательно просеивали и значительно ослабляли этим мощные потоки солнечных лучей, и потому оттуда шел ласкающий взор, мягкий бледно-матовый дневной свет. Это делало воздух еще более тихим, прозрачным, а видимость – идеальной по всем направлениям.

И настроение было под стать погожему дню. «Голубок» мой новый легко, не шелохнувшись, плыл по неподвижному воздуху. Равномерно и монотонно трещали и пели перед носом моторчик с пропеллером. Казалось, все говорило за то, что полет продолжится и завершится тихо, мирно, благополучно.

Но... Будь чуток к тишине! Не всегда ей верь. А на войне и совсем не верь ей! Нередко эта кажущаяся благодать превращается нежданно в бурю, а то и в беду. Об этом говорит опыт предков и наш тоже ...

Через глухой треск и тихоголосое пение своего столошадиноного движка и винта услышал вдруг с неба непонятное еще, но все возрастающее гудение. Глянул вверх. Ба! Справа, примерно на тысячу метров выше меня обгоняет группа из восьми «Юнкерсов-87» и сопровождающих их четырех «Мессершмит-

тов-109». Идут они, как истинные арийцы, важно, надменно, предвкушая, видимо, безнаказанную легкую добычу. Но в это мгновение внезапно выскакивает слева снизу пара ЛАГГ-3 и смело врывается в строй «юнкерсов». Огонь! Еще огонь!! Атака была настолько дерзкой, что «мессершмитты», шедшие с некоторым превышением, зашевелились, заерзали только после того, как, объятый пламенем, начинает падать ведущий ариец – «лапотник», а за ним вспыхивает еще один из середины строя, а остальные, в панике побросав бомбы где попало, беспорядочно уходят назад...

Тем временем ЛАГГи кинулись сначала вниз, а потом вверх и тут же развернулись влево прямо на солнце. Через некоторое время, очевидно, только сейчас обнаружив их, потянулись за ними «мессера». Я метнул взгляд туда. А там... На высоте около трех тысяч метров крутились, вертелись, гоняясь друг за другом, другие «мессера» и ЛАГГи. Крутились стремительно, надрывно. Видно было, что идет тяжелый неравный бой. Да мудрено ли, ведь ЛАГГов там было всего два, а «мессеров» четыре! К ним и устремилась пара, так быстро разделавшаяся с «лаптежниками», назовем ее второй парой, а ту, дравшуюся на высоте – первой. Вот уже ведущий второй пары, как только оказался на стороне солнца от ведущих бой истребителей и чуть выше их, под прикрытием своего ведомого, молниеносно бросается на одного из «мессершмиттов», пытавшегося атаковать нашего ЛАГГа, пристраивается в хвост к нему и с малой дистанции открывает прицельный огонь. «Мессер» раскалывается, рассыпается... ЛАГГ начинает преследовать впереди идущего «мессера»... В это время в карусель боя ввязывается четверка «мессеров», сопровождавшая «юнкерсы»...

Тихое, милое до сих пор небо в считанные секунды заполнилось гулом, грохотом, треском в сотни децибел, исходящих от моторов мощностью в десятки тысяч лошадиных сил, и винтов, ревуших на предельно больших оборотах, и десятков автоматических скорострельных пушек, пулеметов, изрыгающих тысячи разноцветно искрящихся огненных стрел, стремящихся достичь и пронзить летящего впереди противника...

Я вмиг прижался к лесному массиву и на мелких виражах и «змейках» стал наблюдать за происходящим. Во-первых, я просто не хотел рисковать, продолжая полет над открытой местнос-

тью. Вдруг какой-либо из стервятников сверху заметит и решит клюнуть легкую добычу.

Во-вторых, и это, пожалуй, главное, просто взять и уйти незамеченным в такой ситуации для меня было невысказано. Я должен был быть здесь, видеть все до конца. Нет, не только обычное любопытство овладело мною – чем же завершится этот внезапно возникший воздушный бой. Прежде всего промелькнула мысль: может, пригожусь чем-то, ведь и маленький птенец в стайке – надежда. И потом... Почти каждый мужчина знает, какое чувство сильного возбуждения возникает у охотника при виде любого зверя. А когда уж их много и ведут бой... Вот и во мне сейчас разыгрался охотничий азарт. Забурлила, заметалась отчаянно в голове (уж который раз!) беспокоящая мысль: почему я на «голубке», а не на «соколе» или «ястребке»? Хотя видеть неравный бой (неужели будет «избиение»?) было мучительно, нестерпимо больно и обидно. Никогда еще я не чувствовал так свою беспомощность, бессилие...

Крутились, вертелись цепочки этих железных, смертоносных птиц то на вертикалях, свечой устремляясь ввысь, откуда снова, остро отточенным камнем, кидаясь вниз, то на горизонтальной плоскости, вращая крутые виражи вправо и влево, то под углом к горизонту, совершая головокружительные косые петли и перевороты... И чтобы они не делали, их основная цель – занять наиболее удобную позицию для открытия по противнику огня на поражение. Конечно, самая выгодная позиция в задней полусфере, да еще если противник окажется под минимальным ракурсом к тебе. Поэтому все стремились прежде всего зайти друг другу в хвост с тем, чтобы оттуда незамеченным, неожиданно, как можно с более близких дистанций, открыть по противнику уничтожающий огонь...

Более солидным, грузноватым ЛАГГам трудновато было и уходить, и гнаться на вертикалях за быстрыми, легкими, как голубые комарики, «мессерами», поэтому они старались навязать бой на горизонталях, благо по «вертлявости» они не уступали друг другу, да и радиусы разворотов и виражей были примерно одинаковы. А если учесть, что количественное соотношение сил было не в пользу ЛАГГов – четверо против семерых «мессеров», то нетрудно представить, какая драматическая ситуация складывалась в бою.

ЛАГГам вначале как-то удавалось держаться в едином строю, друг за другом на дистанции действенного огня. Но постепенно карусель все больше и больше путалась, смешивалась. И видно было, как «мессера» исподтишка стали расхватывать по одиночке наших, навязывать им свою волю, свою тактику. ЛАГГам становилось все тяжелей. Тут чуть прозевал и... поражение неизбежно. Однако они не сдавались. Более того, используя малейшую ошибку, маленькую брешь в цепи «худых», смело кидались на них. Особенно активными были ведущие пар...

Так и подмывает спросить сегодня некоторых малOVERов и скептиков: почему советские летчики в явно проигрышном соотношении сил не ушли? Что заставило их бороться в столь неравном бою? Ведь не наивными же они были, прекрасно знали профессионализм немецких асов.

Понять это «Почему?» – значит понять, почему мы победили. Леденеет душа от рассуждений некоторых «патриотов» – демократов – о том, что напрасны были жертвы, что надо было сдать Ленинград, не вести партизанскую войну и прочее, прочее, что только суровые приказы начальников и грозная тень особистов заставляли идти на неоправданные жертвы. А кто приказал этим летчикам идти на этот бой? Трибуналы и комиссары? Ведь в сложившейся ситуации они могли легко увильнуть от боя и найти для своего оправдания десятки причин. Но они без колебаний, смело и решительно ринулись в смертельную схватку и дрались небывало отважно, цепко и виртуозно...

В одно из мгновений боя сложилась такая картина. Впереди идут двое «худых» с отставанием друг от друга примерно на 400 метров. Совершив неожиданно удобный маневр, в хвост ко второму «худому» заходит ведущий первой пары ЛАГГов, защищаемый сзади своим ведомым. А за ним, прикрывая его, шла вторая пара ЛАГГов, тоже на определенной дистанции друг от друга. Но именно в эту секунду ведомый первой пары и ведущий второй пары были атакованы, в свою очередь, преследующими их другими «мессерами».

При этом за ведущим второй пары потянулись два «мессера» на дистанции друг от друга до 500 метров. Ведомый второй пары немедленно бросился на ближайшего от своего ведущего «мессера», открыв по нему заградительный огонь, вражеский

самолет не выдержал, отвернулся и стал уходить. Атаковавший же его ЛАГГ продолжил преследование и, видимо, настолько увлекся, надеясь поразить его, что неосторожно оставил своего ведущего без защиты. Пользуясь этим, ведущего атаковал второй «мессер», сразу же дав очередь. Но она, слава Богу, прошла чуть в стороне. ЛАГТу ничего не оставалось как резким быстрым скольжением уйти из-под удара настигавшего его «мессера». В следующую секунду он небольшой горкой набирает высоту и, неожиданно совершив глубокий вираж, оказывается на встречном курсе, на дистанции не более двух тысяч метров, с одним из «худых», шедших за группой. Итак, два самолета, советский и фашистский, на сумасшедшей для того времени скорости, несутся навстречу друг другу. Что же будет дальше? Кто кого? Фашистский «мессер» и шелохнуться не успел. ЛАГГ мгновенно, чуть повернув, дал короткую очередь и молниеносно взмыл с правым отворотом. И «мессер» тоже взмыл, тоже вправо. Но он... весь пылал и через секунду-другую свалился на крыло и стал падать, объятый пламенем, оставляя за собой длинный шлейф черного дыма...

А что происходило в эти секунды с первой парой ЛАГГов? Мы ее оставили в тот момент, когда ее ведущему удалось зайти в хвост ведомому пары «мессеров», шедшей впереди. Но в то же время его, ведомого, атаковал преследовавший его третий фашистский самолет, которому никто не угрожал, ибо шедшую за ним вторую пару ЛАГГов вынудили под угрозой сбития вступить в бой с другими «мессерами»...

Возникает ситуация редкостного драматизма, драматизма наивысшего накала... Ведущий ЛАГГ оказывается все ближе и ближе к атакуемому им «мессеру», в то же время к ведомому ЛАГТу стремительно приближается преследующий его «мессер»...

И вот одновременно протягиваются два огненных щупальца и охватывают преследуемых. И через мгновение, в один и тот же миг, вспыхивают оба преследуемых самолета: и «мессершмитт» и ЛАГГ... Итак, из первой пары ЛАГГов в строю остается один ведущий. Но не этот эпизод, пожалуй, явился кульминацией воздушной трагедии!

Ведущий второй пары, как только вывел самолет из боевого разворота после сбития «мессера» на встречных и стал делать

«змейку», видимо, осмотрел заднюю полусферу и поинтересовался, идет ли за ним его ведомый. Но, не обнаружив его, очевидно, перенес взгляд вперед. И, конечно, левее и чуть ниже себя увидел, как пара «худых» друг за другом погнались за ЛАГГом (это за ведущим первой пары, который только что сбил «мессера», давайте назовем теперь условно ЛАГГом первым), а другой ЛАГГ, ведомый второй пары, на попутно-пересекающихся курсах с ракурсом около 2/4 бросился на «худых». Но видел ли он, как сверху сзади начала на него атаку другая пара «худых»? Вряд ли. Ибо он, как ни в чем не бывало, продолжал преследовать «свою» первую пару «худых», но незаметно было, чтобы расстояние между ними сокращалось, а вот между ним и второй парой «худых», преследующих его, оно становилось все меньше и меньше, вот-вот они откроют огонь. Безусловно, поэтому ведущий второй пары, спасая своего ведомого, немедленно кинулся на эту, вторую пару «худых» и, еще не достигнув дистанции действенного огня, дал короткую очередь. Она прошла буквально перед носом ведущего «худого». Но этого было достаточно, чтобы они отказались от продолжения атаки. Но он не отставал и не оставил «своих» «худых», продолжил их преследование, видимо, стараясь не допустить того, чтобы они зашли в хвост своему ведомому. А ведомый тоже продолжил преследование «своей», первой, пары «худых», атакующих впереди идущего ЛАГГа первого, но никак не мог достичь дистанции эффективного огня. Между тем «худые» буквально зажали первого ЛАГГа, который делал отчаянные попытки вырваться из их лап, производя энергичные, самые замысловатые маневры... Но вот идущий к нему чуть ближе «худой» в одно мгновение пристраивается прямо в хвост и с близкой дистанции дает длинную очередь... Задымил, запыхал ЛАГГ и, перевернувшись на спину, перешел в крутое пики, из которого так и не вышел... И так, оба самолета первой пары оказались сбитыми.

Между тем «худые» левым крутым боевым разворотом легко взметнулись ввысь, конечно же, намереваясь зажать следующего ЛАГГа. Теперь им это нетрудно будет сделать. Ведь их пятеро против двух. Но где же пятый «мессер»? Вот этого-то, к большому сожалению, наверняка не знал ни один из двух оставшихся ЛАГГов. Более того, в горячке боя они могли вообще упустить это из виду.

А он избрал излюбленную тактику хищных птиц, которые прячут в небе, зорко наблюдая за воздухом и землей, до тех пор, пока не появится жертва, и, увидев её, камнем кидаются вниз и легко настигают. Пока вращалась карусель боя, пятый «мессер» спокойно ходил со значительным превышением над ней и зорко следил за жертвой, которую он наметил с тем, чтобы в удобный момент ринуться на нее и нанести смертельный удар. Какого удобного момента он ждал и кого наметил в качестве жертвы – это стало известно в следующие несколько секунд...

Но давайте сначала восстановим карусель. Мы видели, как первая пара «худых», сбившая первого ЛАГГа, крутым боевым разворотом взметнулась ввысь. ЛАГГ же, преследовавший их, а им был ведомый второй пары, таким образом, остался с носом, далеко сзади и снизу от них. Конечно, он потерял всякую надежду догнать эту пару и в то же время заметил вторую пару «худых», шедшую сзади справа от него и пока тщетно атакуемую ведущим второй пары ЛАГГов. И он, ведомый ЛАГГ, неожиданно производит глубокий левый вираж и выходит из него левее второй пары «худых» так, что они оказываются к нему под ракурсом около 3/4 и на дистанции не более 400 метров.

Молодец он, ЛАГГ-ведомый, что не растерялся. Оказавшись в такой выгодной позиции, он решительно атакует ведущего «худого». Короткая очередь! Ещё! И теперь уже «худой» загорелся, задымил, перевернувшись через крыло, заштопорил... И так до самой земли... А ЛАГГ-ведомый, выйдя из атаки, конечно же, увидел справа на встречных сначала «худого», прикрывавшего сбитого им ведущего «худого», и ЛАГГа, пока еще на почтительном расстоянии преследовавшего в хвост этого «худого». Этим ЛАГГом, не забудем, был ведущий второй пары. Так вот другой ведомый ЛАГГ начинает крутой правый разворот, видимо, с тем, чтобы прикрыть сзади своего ведущего.

Но именно в этот момент стремительно пикировал, камнем падал, одинокий «мессер», тот, пятый, на... ведущего ЛАГГа... Никак не могли среагировать ни сам атакуемый, увлеченный атакой на «худого», идущего впереди, ни его товарищ, то бишь ведомый ЛАГГа, спешивший ему на подмогу, но находящийся в очень неудобной позиции. «Мессер» дал очередь внушительную, прицельную и молниеподобной стрелой проскользнул сквозь

строй ничего не подозревавших ЛАГГов и «мессершмиттов»... Летчик ведомого ЛАГГа скажет потом: «Сначала увидел трасирующую очередь сверху, а только потом – вихрем несущегося оттуда «мессера» с бубновым тузом и разъяренным тигром на тонком фюзеляже...»

А жертва «бубнового туза» ЛАГГ, ведущий второй пары, только что перед этим сразивший одного «лапотника» и двух «худых» (фашистский ас знал, кого метить в качестве жертвы и как с ней расправляться), густо задымив, почему-то пошел на петлю, но на верхней точке перевернулся на спину. И в этот момент от него оторвалась и стала падать точка, а через некоторое время над ней раскрылся и засиял на солнце, как громадный белый цветок, купол парашюта...

ЛАГГ-ведомый, хоть и остался один, не раздумывая несколько, погнался было за тем «худым», которого преследовал ЛАГГ-ведущий, но вдруг с глубоким креном и со снижением стал разворачиваться вправо...

Я глянул туда. И... Что это? Неужели?! Меня пронзила страшная догадка: неужели «мессершмитг», тот, который поразил ЛАГГа-ведущего, атакует... парашютиста? А он в самом деле стремительно несется на человека, спускающегося на парашюте... К нему-то наперерез бросается ЛАГГ-ведомый. Успеет ли? Кто же раньше? «Мессер» все ближе и ближе к человеку, а ЛАГГ вовсю несется к «мессеру», очевидно, пытаясь заслонить от него своего товарища. Но... Нет! Условия и возможности слишком неравны... ЛАГГ... не дотянул. «Мессер» с близкого расстояния успеваеет открыть огонь раньше, точнее, расстрелять коварно, жестоко, почти в упор совершенно беспомощного, безоружного, беззащитного человека...

Фашист он есть фашист. Только он, этот людоед, этот вандал в человеческом обличье, способен на такое бесчеловечное, чудовищное преступление. Понять это, понять, почему они расстреливали безоружных, беспомощных, – значит понять, почему они проиграли. Война – это не только схватка пулеметов и орудий, мастерства и физических усилий, но и схватка двух нравственных позиций.

За всю продолжительную войну я не знаю ни одного случая, когда бы советский летчик расстреливал в воздухе ли, на земле ли безоружного, несопротивляющегося немца-фашиста, хотя та-

ких возможностей встречалось сколько угодно. Это было особым признаком советских летчиков, признаком их настоящего благородства, мужской силы, силы духа... А вот фашисты на это шли сплошь и рядом...

Забегая далеко вперед, скажу, что, когда мы спросили как-то сбитого в районе нашего аэродрома пленного фашистского летчика, почему они идут на это, он спесиво заявил:

– Нам это приказывают свыше, приказывает сам фюрер... Ведь советские летчики – все до единого коммунисты и комсомольцы, значит, марксисты, красные и, как таковые, они самые непримиримые и поэтому самые опасные и ненавистные враги нашего фюрера и национал-социализма, а не только наши вооруженные воздушные противники, способные в любое удобное время убить нас.

Вот так-то... Знал враг, что все советские летчики – коммунисты, значит – красные, значит – борцы за правду. Знал он также, что его, всех фашистов весь мир называет коричневыми...

Красные и коричневые. Непримиримые враги. Враги по своей идеологии, то есть по своим воззрениям на мир, на жизнь, по своим моральным и нравственным принципам, по своим целям и методам борьбы...

Коммунисты в свое время разгромили коричневых в пух и прах, и практически, и теоретически, и на поле брани, и на мирной ниве. Разгромили потому, что были правы и, следовательно, сильны...

Мы были уверены, что это навсегда. Ан нет! Кое-где опять начали поднимать голову эти коричневые... Не потому ли, что несколько ослабили силы их главных врагов – коммунистов?

Но самое отвратительное, самое абсурдное в другом – нашлись людишки, рядившиеся в тогу «демократов» (а я не могу их назвать иначе, как «уродцы-демократцы»), которые путают мед... с горчицей, пытаясь ставить в один ряд коммунистов и фашистов, или, вернее, стараясь обмануть людей, говоря, что коммунисты (красные) и фашисты (коричневые) – это одно и то же. Словосочетание-то какое они придумали – «красно-коричневые». Что может быть бессовестнее, кощунственнее, чудовищнее этой махровой лжи?! И что обидно – находятся люди (или, может быть, тоже людишки?), готовые с бездумной легкостью поверить в эту грязную клевету.

Неужели не ясно, что ни забыть историю, ни переписать её еще никому не удавалось и не удастся. Она со временем обязательно скажет свою правду.

Задумываются ли обо всем этом честные труженики, особенно молодые, во имя благополучия и счастья которых сражались в свое время с фашистами их отцы, деды, прадеды? О том, что в первых рядах борцов с фашизмом были коммунисты и комсомольцы? Что за их будущее полегли на полях битв миллионы коммунистов и комсомольцев, лучших сынов Отечества?

Мог ли тогда я, восемнадцатилетний комсомолец, готовящийся стать коммунистом, представить, что через полвека найдется хоть один соотечественник, под каким бы то ни было камуфляжем, то ли просто демократ, то ли социал-демократ, или просто какой-то уродец-демократец (да простят меня демократы в истинном, полном, следовательно, в самом благородном смысле), который назовет меня красно-коричневым только лишь потому, что я не могу быть иудой, не могу, не умею изменять своим принципам, в жизненности которых убежден до мозга костей?

Что бы ответили на это те, которые пали героями на полях битв, принося гибель фашизму (коричневым), свободу чудесной социалистической Родине, победу самым справедливым, гуманным и защищающим коренные интересы всех людей труда коммунистическим (красным) идеям и идеалам?

Это те почти 9 миллионов красных бойцов, ушедших в бессмертие в своем стремительном броске в атаку на «коричневого» врага с оружием, сжатым в руках, за те же самые высокие и святые цели!

Это также те более 10 миллионов пленных красноармейцев, а также угнанных в неволю граждан великой страны: русских, украинцев, белорусов, евреев, татар, грузин, башкир, узбеков, прибалтийцев и многих других, заживо сожженных в газовых камерах и печах-крематориях Бухенвальда, Дахау, Освенцима, Ровенсбрюка, Солоспилса... Измученных и истерзанных, а затем заживо засыпанных в сотнях и тысячах траншей и рвов казни и смерти... беспомощных, беззащитных, только за то, что они принадлежали «низшим» расам, придерживались несколько иных воззрений на жизнь на нашем, единственном для всех, земном шаре...

Каким еще наипакоктнейшим образом можно оскорбить светлейшую, святейшую память этих двадцати с лишним миллионов, рожденных для нормальной жизни, но зверски уничтоженных «коричневыми»?

Или на какую еще мерзостную ложь и клевету можно решиться, чтобы попытаться очернить и унизить незапятнанную честь живущих, борющихся и сегодня миллионов истинных коммунистов? Истинных, настоящих, а не перевертышей.

Однако тщетно это, господа-демократцы. Невозможно закрыть ладонью солнце. Тем более ладонью ничтожной, грязной, как смерть, холодной. Солнце неизмеримо могуче, ярче!

Прости, читатель, мы опять немного отвлеклись. Хотя как сказать. Ведь все так взаимосвязано в нашей жизни, в том числе история и современность, то есть, фундаменты и стены. Одного и того же здания...

Вернемся, однако же, к финалу боя. Мы оставили летчика с ЛАГГа-ведущего второй пары, спускающегося на парашюте. Что с ним после обстрела фашистским асом? А где ЛАГГ, его ведомый, не сумевший вовремя оказать ему помощь и оставшийся сейчас один-одинешенький против четырех «стервятников»?

Нет, он не погнался сломя голову за летающими «хищниками». Это было бы совершенно неразумно, бесполезно. А стал виажить, точнее, полого спиральить вокруг своего, спускающегося на парашюте товарища, прикрывая его от возможных новых фашистских крылатых «извергов».

Но те обошли стороной советских летчиков и... ушли – конечно же, у них и горючее было на исходе, и боеприпасы кончились.

Вскоре парашютист приземлился в лесу на правом берегу Волхова, метрах в ста от береговой черты, в районе почти напротив Мясного Бора. Мгновенно созревает решение – найти и забрать его с собой и, если раненый – оказать срочную помощь, а если НЕТ... не хотелось верить, что он погиб. А если и так – похоронить «дома» с почестями. Он это заслужил.

А ЛАГГ-второй в это время сделал круг над местом приземления парашютиста и... направился ко мне, обошел меня кругом, а затем, покачав крыльями, спикировал на то же место, где был летчик с ЛАГГа третьего. Понял тебя, понял, дорогой, спасибо, ты думаешь точно так же, как и я...

Не раздумывая долго, прохожу над ледяным панцирем Волхова и, убедившись, что он ровен, как бильярдный стол, со следующего захода произвожу посадку у самого берега, на котором невдалеке лежит наш герой. Отрегулировав малые обороты так, чтобы моторчик работал устойчиво (выключать опасно – вдруг потом не запустишь) и подложив под лыжи что-то вроде камня или мерзлого кома земли (чтобы случайно не тронулся с места), спешу к нему...

В меховых унтах и комбинезоне по глубокому снегу в лесу идти нелегко, но я шагаю изо всех сил... Ведь малейшее промедление может оказаться непростительным. Быстрей, быстрей. Только не терять направление. Дерево за деревом выбираю ориентиром. От дерева к дереву ускоряю шаги и наконец... Взор мой уперся во что-то сплошное белое... Заспешил туда. Пригляделся... Да это же купол парашюта, зависший на средних и нижних ветках могучей сосны. Стремглав кидаюсь к ней... Подбегаю, волнуясь так, что слышу, как застучало сердце, как запульсировали виски... И вот... он... лежит, лежит наш герой, все на нем: и комбинезон и унты, и шлемофон и даже перчатки шерстяные, но нет краг меховых... Лежит как-то неудобно, полубоком, полусогнувшись... Осторожно переворачиваю на спину... Голову откидываю чуть назад... Лицо бледное... Глаза полуоткрыты... Боже! Неужели?! Не может быть! Нет, нет, не должно быть?! Меня кольнуло... Пронзило тысячами каленых игл. В глазах то темнеет, то светлеет. Невольно отшатываюсь! Страшный миг!.. Передо мной... Он... Мой... Наш... Дорогой... Бесценный ...Саша!.. Саша Лунев!.. Неужели вы есть, о боги, о аллахи! Нет! Нету вас! Если бы вы были, не допустили бы этого чудовищного видения! Все разумные и сердечные люди знают, что такое истинный друг, истинная дружба и как они рождаются... А если это на войне, в большой беде или в любых других неслыханно тяжелых испытаниях?.. Говорят: «Дружба с большой буквы», «настоящий друг лучше, чем брат родной»... А Саша? Чем стал он для меня за короткое время (зато какое) общения с ним? Неизмеримо больше, несравненно ближе! И вот...

Мгновенно расстегиваю комбинезон и прикладываю ухо к его груди... Слышу сердцебиение... Вдруг – слабый стон... И глаза приоткрылись... В изумлении... остановились на мне. Слабо засветилось на лице что-то вроде улыбки. О, люди! Если бы вы мог-

ли представить, каким необычайным, прямо-таки поразительным, нет, истинно-чудодейственным (!) током пронзило меня всего! В нем страх и умиление, отчаяние и надежда, ясность мыслей и решимость к действиям... «Пить!» – еле уловимо слышится из его уст... Взгляд мой заскользил по поверхности тела: пятна крови на комбинезоне – на правом предплечье, на правой половине груди, ниже тазобедренной полости, на бедрах... Перевязать?! Чем? Обшариваю себя, его... Нет ни одного пакетика ни у меня, ни у него. Какая же... непредусмотрительность, беспечность...

Как можно быстрее дотащить до самолета, погрузить и... Куда? В Веребье, в родной полк, где есть лазарет или в Вишеру, где есть госпиталь? И там, и там условия почти одинаковые... Лучше в родной полк. Снимаю купол парашюта, отрезаю стропы (хорошо хоть перочинный нож всегда был в кармане), догадываюсь перетянуть одной из них выше бедер, таза и всю грудную клетку, приспособливаю купол парашюта на ветках деревьев так, чтобы можно было на нем тащить волоком раненого (все же быстрее, удобнее и, наверное, безопаснее по мягкому снегу)...

Не буду рассказывать подробно, как это происходило. Единственное, к чему я стремился – сделать это как можно быстрее и, в то же время, как можно осторожнее... Вот мы у самолета. Теперь забота – как поднять могучее тело богатыря? Я не верил до сих пор утверждениям, что в критические минуты у человека появляются какие-то мощные резервы физических и душевных сил, и он становится способным творить чудеса. Потом сам удивлялся – как я мог с помощью примитивных подсобных приспособлений, тех же, на чем приволок, один поднять (а ведь надо было очень осторожно) и посадить Сашу, такого великана, в кабину.

Привязать его к сидению и взлететь, конечно, не стоило особых трудов... С ходу беру курс на Веребье... И вдруг сомнение... А правильно ли делаю? Ведь туда намного дальше, а состояние раненого, как видно, очень тяжелое. Да и что там говорить. Госпиталь есть госпиталь. Возможностей там куда больше... Нет, на Вишеру! Решительно меняю курс. Теперь надо гнать «голубка» на всю железку. Сектор газа двигаю до отказа. Бедный мой «М»-ушка с винтиком своим загудели-затрещали как никогда... Быстреей, быстреей, дружки... Но куда еще быстреей? Итак ведь «выжи-маю» из них все, что они могут и даже, наверное, что не могут... Да и

сами они вот как стараются, аж «голубок» весь трясется, дрожит всем телом... И сам я сначала весь был залит потом, изнемогал от жары, а сейчас... тоже начал трястись и дрожать... Только и слежу за скоростью, часами, компасом и Сашей (он сидит неподвижно, с опущенной на грудь головой, с закрытыми глазами)... Взор опять на время-скорость-компас-Сашу... Сердце рвется прочь... Душа ноет... Сознание шарахается... Терпение, кажется, вот-вот лопнет... Ну, скоро, что ли? Тут слышится внутренний голос – терпи, не суетись... Думай о том, как его довести благополучно. Трещит-гудит-дрожит «голубок»... Бегут, бегут под крыльями дерева, дороги, столбы, опять деревья, поля... А вот появились и они... миленькие сарайчики, домишки и дома... И, наконец, появляется сам... самый желанный, жданный с таким нетерпением аэродром... С ходу, поперек поля сажаю «голубка» с самым дорогим, самым святым, что может быть на свете, грузом... И на допустимо большой скорости подруливаю к тому месту, откуда ближе всего к лазарету, к врачам... А они-то уж знают, как дальше поступить...

Когда врач, сестра, санитары вытаскивали из кабины и перекладывали на носилки Сашу, он был еще живой. Его поместили в санитарную машину и отправили прямо в госпиталь... Надо было доложить о случившемся своему подполковнику... Он принял меня, как всегда, с искренней радостью и с большим вниманием выслушал весь мой рассказ... Позвонил в госпиталь. Оттуда передали, что Лунев на операционном столе. Состояние критическое. Добавили: только такой могучий организм мог выдержать случившееся... Потом сообщил по телефону командиру полка в Веребье, который сказал, что сейчас вышлет врача полка и напарника Лунева.

– А теперь, дорогой Куддус Канифович, – вдруг наповал сразил меня подполковник, внимательно, доброжелательно, почти ласково глядя на меня умными, добрыми глазами с длинными ресницами, – теперь спокойно пообедайте, а потом вместе будем переживать и следить за состоянием вашего подопечного.

А я, пока он говорил, продолжал терзаться в догадках, с чего это вдруг оказана мне такая честь... Меня пока еще никто так, по имени и отчеству не называл, разве что некоторые товарищи-пилоты полушутя, полусерьезно. Но уж чтобы такой начальник... к сержанту... – это было выше моего разума...

Подполковник сделал паузу, а потом, видимо, заметив на моем лице некоторые признаки замешательства и удивления, продолжил:

– Удивляетесь, что вас назвал по имени и отчеству? Не удивляйтесь. Вы заслуживаете этого. Даже больше. То, на что вы решились, не всякий способен не только сделать, но даже просто понять. От души рад за вас и благодарю вас за это. Оставайтесь таким всегда.

Он крепко пожал мне руку... Но знал ли он, что прирачивает ко мне еще одни, новенькие, крылышки, что еще больше расширяет во мне видение мира человека...

– Спасибо, товарищ подполковник... – только и мог я пролепетать.

– Вне службы можете называть меня Роман Андреевич. Фамилию же, наверное, знаете – Чистов... Может вам безынтересно будет знать, что мой прямой предок на войне против Наполеона подружился с башкирским воином-конником. Эта дружба не прервалась и после победоносного возвращения, напротив, крепла и осталась нерушимой на всю жизнь, особенно после того, как поженились его красавец-сын с красавицей-дочерью башкирского друга. Родился я и вырос на древней башкирской земле – в Красноуфимском районе. Как видите, я не только ваш земляк, но и как бы сородич. К тому же вот на войне против Гитлера посчастливилось познакомиться с башкирским джигитом самому, чему я тоже очень рад.

– Спасибо, товарищ подполковник, – повторил я опять, как попка, сильно волнуясь, – очень рад слышать все это. Мне просто повезло. Это большое счастье, что попал под ваше начало. А я ведь сразу подумал, что в вас есть что-то не совсем обычное.

– Благодарю, дорогой Куддус. Во мне, конечно, нет ничего необычного. Я просто пережил больше, чем многие другие и научился видеть людей. А вам от всего сердца желаю всяческих удач.

Наверное, он ждал, что я попрошу разрешения идти. Но я продолжал стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы что-то еще хотите сказать, Куддус Канифович?

– Извините меня. Да, вы угадали. Спасибо... Я хочу вас попросить кое о чем, считаю, очень важном.

Я рассказал коротко все, что знал о взаимоотношениях Саши и Насти, также о том, что было в Ольховке, и под конец выпалил:

– Они любят друг друга, как никто на свете! Я вас очень прошу: разрешите мне слетать за... Настей. Она, возможно, поможет Саше выжить... А если не будет суждено этому случиться, хоть попросается, как подобает.

Роман Андреевич направил на меня свой взгляд, как всегда лучистый и внимательный, однако, как мне показалось, более пристальный, чем обычно, и задержал его на мне несколько дольше, чем делал это раньше. Прошелся вдоль стола туда, обратно... Взял трубку полевого телефона, позвонил кому-то:

– Пакет для Киреева еще не готов? Ясно.

И наконец обратился ко мне:

– Вот что, дорогой Куддус Канифович. Хорошая вы душа, сейчас быстренько пообедайте и сразу ко мне. Мы с вами сделаем небольшую «благотворительную» акцию. Я вам дам пакет, отвезете его Кирееву в Озерки. А на обратном пути завернете в Ольховку и заберете Настю. Думаю, поняли меня. Стоит ли говорить о том, насколько надо быть осторожным в пути и деликатным с Настей. Уверен, вы это представляете хорошо.

– Да, товарищ подполковник... Я и не знаю, как вас благодарить.

– Не стоит. Это наше общее, очень нужное и благородное дело. Тем более вы попутно сможете выполнить задание командования...

Да, бывают чудесные люди. Один из них, безусловно, Роман Андреевич, дорогой мой подполковник. Он сегодня даже превзошел самого себя. Нет, он просто ангел из ангелов. Очень мудрый ангел. Он сразу понял меня. Понял все. Понял, что движет моими действиями. Предельно чуткий и порядочный, он увидел, что я стремлюсь защитить и спасти оказавшихся в смертельной опасности людей, живущих самыми высокими чувствами. А что может быть главнее этого? Любовь, искренняя, большая, движет, правит миром. По существу на этой войне-то мы защищаем ЕЁ!

Понять это могли люди только с действительно ангельской душой, как у Романа Андреевича...

В самом деле, нетрудно представить, как молоды мы были! Как верили мы, как стремились к чистой, высокой любви, несмотря на всю жестокость войны. Как обожествляли такую любовь, таких возлюбленных. Как хотели мы оттолкнуть войну от таких чувств, от такой любви. И наиболее жестоко воспринима-

лась нами война, когда своей леденящей рукой убивала она любовь, терзала дружбу. Не столько разрушенные города и села, а сколько истерзанные чувства воспринимались нами как символ войны. Мы интуитивно проявляли чувство самосохранения. Наверное, подсознание подсказывало нам, что города, дома, заводы можно будет потом восстановить, но разбитые чувства, любовь, душу не залечить, не оживить. Страшно, когда разорена земля, когда негде жить, но страшнее, когда некого любить, когда разорена, изранена душа, а мы верили, мы были убеждены, что можно и нужно любить всю жизнь одного человека, одну женщину, как мать – Родину. Война усиливала все эти чувства... Подсознание подсказывало, что ненависти противостоит любовь, и, несмотря на кажущуюся порою ее беспомощность, она, и только она, поможет сохранить Человеческое в море ненависти и смерти...

Меня до сих пор поражает высокая человечность и большая мудрость моего подполковника, который признавал все это и понимал меня, и мне помог понять что-то очень важное, нет, главное! – на этой войне, в жизни, в себе, облегчил мой путь на этой страшной дороге, в эти страшные годы войны... В конечном счете мы ведь действительно воевали ради этого, ради этих чувств. Разрешить такое на войне мог только очень мудрый и сердечный, очень смелый и ответственный, знающий, для чего он живет, знающий, против чего мы воюем, какими мы выйдем из этого ада. Только став зрелым человеком, я до конца осознал, чего стоит этот поступок Романа Андреевича...

А тогда? А тогда как в полусне пообедал, прибежал на КП, взял пакет, добежал до самолета. Взлетел, долетел до Озерков, сдал пакет и снова взлетел.

И вот я на пути к ней, к Насте, к одному из самых чистых, самых невинных и благородных созданий Земли... с миссией самой неблагородной, неблагодарной... Что может быть для неё печальней, чем весть, какую я ей привезу... За что ей такое наказание? Какое объяснение и оправдание я найду перед этой чудной ангельской душой? Как я ей все это передам?

Мог ли я подумать, когда всего месяц назад посещал Ольховку, что окажусь здесь снова так скоро и при таких чрезвычайных обстоятельствах...

Такие мысли терзали меня, пока летел до этой памятной и желанной Ольховки. И все это время перед глазами стояла она, Настя, такая, какой запомнилась: прелестная, добрая и царственная, с ласковым взором, ослепительной улыбкой...

Если бы существовали меры измерения накала тех чувств, которые проявятся, напряженности и быстроты калейдоскопа тех событий, которые произойдут сегодня со мною, то они, конечно, достигли бы максимальных показателей.

Почти не помня себя, домчался я с «Дашкиной поляны» до Ольховки. Опомнился полностью лишь когда оказался перед ставшими такими знакомыми и желанными воротами милого и гостеприимного дома... Осторожно отворяю их... Сразу бросились в глаза баня, остальные надворные постройки. Мне показалось, что все они смотрят на меня – хотя и доброжелательно, но настороженно... Шагаю в сени... Чувствую, как учащенно забилося сердце. Тесно стало в груди, зашумело, закружилось в голове... Нет, мне бы легче было несколько раз слетать на боевое задание, чем один раз сообщить такое Насте. «А ну, бери себя в руки! Ты перед страшным и ответственным испытанием, когда предстоит преодолеть небывалые душевные муки», – приказываю себе... Стучу в дверь, сначала робко, потом сильней...

– Войдите, войдите, пожалуйста, – слышу голос. Её голос!

Открываю дверь, захожу, стараясь быть как можно спокойней, сохранить на лице не то что приличный, но хотя бы обычный вид. Даже пытаюсь улыбнуться...

Она лишь только увидела меня, мгновенно всколыхнулась таким неподдельным счастьем, засияла такой светлой радостью, кинувшись ко мне, обняла с такой теплотой и нежностью, что... вся моя душа, просторная, вольная, стойкая, застонала... Сердце мое, пылкое, горячее, сильное сжалось в комочек до самой последней своей ниточки-клеточки... Наверное, это отразилось на моем лице. Наверное, глаза меня выдали. Ибо, как только она немного откинулась, видимо, чтобы получше рассмотреть меня, сама сразу же стала меняться в лице и нетерпеливо воскликнула:

– Куддус! Да, да, ты не удивляйся! Саша мне писал, что ты, Куддус, потомок легендарного Салавата. Какое звучное и гордое имя – Куддус. А то Коля какой-то! Но ты извини, пожалуйста... Не о том сейчас речь. Это я к слову... Куддус! Что с тобой? Что, плохо стало?

– Нет, нет, Настя! Со мной все нормально... Но и ты меня извини, что тогда присвоил себе чужое имя, так неожиданно вышло... – поспешил я успокоить её.

– Пожалуйста, пожалуйста, Куддус... Но ты скажи, ведь что-то с тобой случилось? Ты весь какой-то сам не свой. Ты в каком-то глубоком смятении. Что с тобой происходит?.. Ну скажи, не томи, – насторожилась она всерьёз.

– Подожди, Настя, не волнуйся, подожди немного, – промямлил я, пытаясь, очевидно, растянуть время, чтобы преждевременно не ляпнуть что-то невпопад. Но этим, похоже, встревожил её еще больше. Да и выражение лица моего, наверно, не предвещало ничего хорошего...

Нет, она не разволновалась бурно, как иногда в таких случаях бывает, напротив, она встала передо мной неподвижно, как будто в немом оцепенении и смотрела... О, боги! О, небо! Есть ли пытка мучительней этой? Как выдержать ее? Как ей все это передать? Как её успокоить, утешить? И возможно ли это?..

Я видел только глаза её... Такие обворожительно прекрасные обычно, они выражали сейчас то, что невозможно передать словами... В них и тревога, и тоска, и боль, и страх, и... надежда... Конечно же, они ищут, они изо всей силы стараются найти подтверждение зародившейся в сознании страшной догадке.

Но я все стоял как истукан, не зная что же делать, как ответить, стоял с раскрытым ртом и растерянно моргающими глазами...

Вдруг её глаза широко раскрылись, а потом как-то лихорадочно заблестели и так пронзительно, кричаще заискрились, что я не выдержал, трусливо отвернулся от неё. И тут... брызнули из моих глаз предательские слезы...

А она бросилась ко мне, схватила за плечи и, глядя прямо в глаза, спросила с такой твердой решимостью, что можно было только поразиться силе ее духа:

– Куддус, ты ведь мужественный человек, не мучай и не томи ни меня, ни себя, скажи откровенно, что-то случилось с Сашей, да?

Как ни странно, ее слова подействовали на меня отрезвляюще, и я нашел в себе силы, чтобы спокойно, тоже глядя прямо в глаза, сказать:

– Настя, дорогая, ты у нас сильная, очень прошу, крепись. Саша ранен... тяжело ранен... очень тяжело... Я его оставил на операционном столе в критическом состоянии...

– Как это случилось?

– Случилось это в воздушном бою, в очень тяжелом, прямо-таки драматическом, в котором Саша одержал три блестящие победы...

Я коротко рассказал все, чему был свидетелем, а также то, что было потом...

Слушала она с трепетным волнением. С жадностью ловила каждое слово, чутко реагируя на каждую интонацию. Без малейших признаков отрешенности, шока... Невозможно было определить, до какой степени она потрясена. Удивительная выдержка. Конечно, она еще не осознала всю глубину происшедшей катастрофы. Глубокая печаль еще не проникла в ее душу и сознание, не захлестнула ее всю. В ней пока теплится, живет надежда. Всей душой, мыслями она уже там, с ним. Вся в неудержимом порыве, устремлена туда, где он... Каким нежным румянцем запылало ее лицо! Каким ослепительным блеском засверкали ее глаза!..

– Ты, конечно, возьмешь меня с собой? – сколько в ее голосе мольбы, надежды.

– Да, Настя, я прилетел за тобой. И у нас совсем мало времени. Тебе придется собираться, как невесте военного, по... тревоге.

– Спасибо. Я мигом. Только предупрежу соседей. Папа придет поздно вечером, – встрепенулась она и выбежала...

Собралась она действительно очень быстро, как настоящая боевая подруга. И домчались мы до «голубка» быстрее лани. А он, как всегда, терпеливо ждал.

Посадил я Настеньку в кабину, пристегнул аккуратно привязные ремни, рассказал, как держаться в полете... Взлетели легко, хорошо, с той же дорожки по диагонали на «Дашкиной поляне», как тогда... с Аксеновым. «Голубок» послушно взял нужный курс. Нужный... Знал бы он куда и зачем везет такую дорогую гостью... Обернулся к ней, одобряюще кивнул головой. Она, присущим только ей одной взглядом, выразила свою благодарность, свое согласие. Она ничем не выказывала, какая борьба чувств идет в ее душе,

в ее сердце... Она совершает первый в своей жизни полет. Впервые с высоты птичьего полета она может обозреть чудные родные просторы. В любое другое время она бы вволю налюбовалась, повосхищалась ими! А сейчас?! Через туман, через слезы страданий увидит ли, заметит ли она их? А было бы хорошо, если бы увидела. Может быть тогда она бы ощутила бодрящую, исцеляющую силу родной земли.

Еще раз взглянул на нее. Она вся – внимание, неподвижность. Взгляд устремлен далеко вперед, в одну точку. Перед ее взором, разумеется, только он – ее душа, сердце, ее жизнь. Лишь бы он выдержал все эти адские муки... Ради этого она готова на все... О, силы небесные! О, все святые земли! Неужели вы сделаете так, чтобы это чистое и трепетное создание летело к своей единственной любви первый и последний раз?..

Между тем мчится, мчится «голубок». Во всю свою мощь. Мелькают леса, поляны, дорожки, столбы, изредка деревушки, кустарники, речки, озерки. Невдомек им, что провожают свое родное дитя, горячо любящее их, на горестное свидание... В любой другой раз сам бы бесконечно восторгался неопишуемой красоты зимними пейзажами и ландшафтом Северо-Западной Руси. А смотрю же я на них сейчас лишь для того, чтобы сличить с картой, чтобы точно пройти по намеченному наикратчайшему пути к дому. Идем правильно. Только вот видимость заметно стала ухудшаться. Бросил взгляд вверх... Да и небо, сиявшее днем светлой лазурью, затянулось молочным маревом. А через какие-то считанные минуты стали попадаться сначала разрозненные, затем уж густыми рядами, слоисто-кучевые облака. Не успели мы пройти и полпути, они вовсе закрыли небо сплошным, темно-серым покрывалом...

Оборачиваюсь назад. Не могу не окинуть Настеньку любящим обнадеживающим взглядом... Она все еще пребывает в своей таинственной сосредоточенности... И «голубок» несется ровно, осторожно, словно боясь нарушить трепетный ее покой... Вот-вот покажется конечный пункт маршрута, а там и цель этого полета...

Нет, никакой, даже самый виртуозно талантливый мозг не смог бы никогда нафантазировать, точнее, предвидеть такую чудовищную трагическую бль: одному и тому же человеку на одном и том же самолете в один и тот же день перевезти туда, где в само-

отверженной, мучительной борьбе решается судьба человека, быть или не быть, если быть, то каким: утром сказочного богатыря прямо с кровавого поля боя со страшными телесными ранами, а вечером – его душечку-красавицу из райского теремка с невообразимо тяжелыми сердечными болями...

НЕТ! Нет у вас никакого сердца, никакого сочувствия, никакой жалости к безвинным людям, силы небесные!

За что им, таким чистым, истинно святым, такие жестокие страдания?! А я, чем я заслужил такое наказание, явившись невольным свидетелем невыносимых телесных и душевных мук друзей, ставших дороже, ближе родного брата, родной сестры?!

... Быстро зарулил на стоянку, выключил мотор, молнией выпрыгнул из кабины, помог сделать то же самое Насте, осторожно спустил ее на землю... На лице ее – мольба, нетерпение. Сдав «голубка» в благородные руки техника, заспешили туда... к нему... Госпиталь находился километрах в двух от аэродрома в живописной роще за городом. Решили было пройти пешком, размять ножки, да собраться с мыслями и духом, но тут на пути попался стартер, спецмашина с длинным хоботом-рычажком впереди для запуска моторов. Сказал шоферу, в чем дело, и он мигом подбросил нас к месту...

Когда подошли к территории госпиталя, уже совсем сгустились сумерки, делая проплывающие низко над головой темные облака еще более мрачными, хмурыми. Притихла, приуныла ласкающая обычно взор милая роща...

Как только открыли дверь, ударил в нос тяжелый больничный запах. Попросив Настю посидеть в приемном отделении, направился в ординаторскую. Пробежал несколько дверей, коридоров, чуть не задевая попадающихся на пути больных, раненых, и вот она, ординаторская. Нетерпеливо стучу и сразу открываю дверь... Четверо мужчин в халатах устремили на меня взгляды, не предвещавшие ничего хорошего, говорящие как бы: «Откуда ты, такой дикарь, явился сюда совсем некстати».

– Кто вы такой и что вам угодно? – совсем недружелюбно вонзил в меня острый взгляд своих черных глаз высокий чернобрый мужчина под белым колпаком...

– Я пилот самолета, доставившего сюда летчика Сашу Лунева с места падения, то есть приземления. Сейчас я привез его...

невесту... Настю. Она и я хотим узнать состояние... Саши... после операции, – выпалил я на одном дыхании и, очевидно, не совсем спокойно и стройно.

– Кто вы по званию, как вас зовут, и не могли ли вы прийти хотя бы в шинели? – почти в таком же тоне, но чуть с просветленным взглядом заставил еще больше покраснеть меня человек под колпаком.

– Извините, пожалуйста... Но мы прямо с самолета, очень спешили, беспокоились... А шинель очень далеко отсюда... А я сержант, сержант Латыпов, Куддус Латыпов...

– Я вас прошу, товарищ сержант, пожалуйста, расскажите, очень коротко, в двух словах, как вы доставили его сюда, – вдруг попросил он.

Я рассказал.

– Так... Ясно... Вы намучились сами и измучили его... Но, главное, конечно, сделали фашисты... А вообще-то вы молодец. Хвалю. Вы сделали все, что могли. Безусловно... если бы... Ну ладно... А я военврач второго ранга Филиппов Викентий Ефимович, тот, который оперировал Сашу, вашего друга, – уже совсем поддокторски добродушно проговорил он, – мой помощник, военврач III ранга Зельдович Михаил Борисович, – он показал на черного, с круглыми черными глазами коротыша, а это – тоже военврач III ранга, врач полка Лунева – Котляров Виктор Федорович, – представил среднего роста подтянутого блондина с умными голубыми глазами, – наконец...

– А мы уже знакомы, очень хорошо знакомы, – вдруг перебил его и заулыбался сдержанно, но доброжелательно и чистосердечно... Максим Ланько.

Мы кинулись друг к другу и по-братски обнялись.

– Ну, ясно, прекрасно, – продолжил военврач Филиппов, что же касается состояния Лунева, то скажу откровенно, как мужчина мужчине, хотя и очень молодому, но уже закаленному, оно очень тревожное... очень опасное... короче – надежды у меня почти нет... Спасти его может только чудо. Хотя он борется изо всех сил... Но борьба явно неравносильна. Превосходство заметно на стороне разрушительных сил. Посудите сами: в трех местах пробиты легкие... Повреждена печень... Раздроблены тазобедренные кости. Перебиты нога и рука. Потерял очень много крови... Удивительно,

как он до сих пор держится. Случай небывалый, по крайней мере в моей практике... Вот так, дорогой друг... Ах, да! Там ведь ждет невеста... Я ей сообщу тоже. Пожалуйста, проводите сами, Куддус.

Настя сидела и ждала все на том же месте. Увидев меня, нетерпеливо вскочила и устремила на меня взгляд... О, чего в нем больше: боли, надежды, мольбы, страха...

– Операция закончилась, Настя. Врачи сделали все, что можно было. Но положение остается критическим... А вообще-то обо всем врач скажет сам. Сейчас мы пойдем к нему, он тебя приглашает, – вот что я мог ответить на ее душераздирающие немые вопросы...

Как только мы переступили порог ординаторской и Настя сказала «Здравствуйте», четверо мужчин, молодых и «голодных», все как один вскочили на ноги и, конечно же, не по воле разума, раскрыв рты, впились в Настю такими взглядами, что даже мне стало не по себе. В первый миг в них отразилось и изумление, и восхищение, в следующий – заискрились, заметались, совсем не ко времени, опасные, блудливые стрелы Амура... Но это только мгновения... Уже в следующие секунды в их глазах отражались только боль, сострадание, просьба о прощении, а может, и покаяние и готовность сделать все, что в их силах, чтобы облегчить ее муки.

Первым нашелся доктор Филиппов. Предложив всем сесть, он, медленно подбирая слова, заговорил:

– Дорогая Анастасия, Настенька, просим прежде всего принять наше сочувствие в случившемся с Сашей... Мы все разделяем ваши.. беспокойство, душевную тревогу. Мы просим извинить нас за то, что не сумели сделать так, чтобы он встал на ноги... Слишком велики потери, слишком сильны повреждения в организме... Простите нас, Настя, но я не хочу вас убаюкивать напрасно... Как врач я должен... я обязан сказать всю правду... Идет в нем ожесточенная борьба и явно не на равных. Каким бы он ни был могучим, боюсь у него не хватит сил, чтобы победить в этом бою... Будьте готовы ко всему... Крепитесь... Мы преклоняемся перед ним, восхищаемся им... Как он сопротивляется! С какой силой! Знали бы вы, какое сердце в нем бьется! Вот оно и не сдастся... борется... Да и мозг недюжинный, ясный. Всю свою энергию, энергию всех мускулов, всех тканей, клеток он мобилизует

на борьбу за жизнь... Но насколько ее хватит... Если даже был бы бог, он бы ничего не смог сказать определенно... Вы, конечно, хотите встретиться с Сашей... Он сейчас спит, отдыхает после тяжелой операции... Но мы разрешим вам несколько минут побыть около него...

– Можно вместе с Куддусом? – Настя вскинула свой умоляющий, свой прекрасный даже в страдании взор.

– Да, да, конечно, пожалуйста, вместе с другом... Халаты возьмите у медсестры, в кабинете рядом с нами.

Мы тихо вошли в двухкроватьную палату. Он лежал один. Он... Он ли это, тот могучий, розовощекий красавец-богатырь с роскошной шевелюрой, не только сводящий с ума девушек, но и вызывающий добрую зависть у парней? Он, постоянно пышущий безграничной энергией и жизнерадостностью...

Я невольно вздрогнул... Даже у Насти, стойкой и волевой, на строгом лице промелькнула на миг еле заметная тень то ли растерянности и удивления, то ли страха и глубокой тревоги...

Перед нами на подушке лежало восковое лицо... Если бы мы не знали, что это Саша, сказали бы, что видим какого-то незнакомого человека. Мы сели на табуретки у его изголовья – Настя слева, я справа от него. Взгляды наши сразу же устремились на это очень дорогое лицо. На нем четко выделялись бескровные, но так хорошо знакомые характерные черты... Мы ощутили глубину связи с ним. Вспоминали часы, минуты, проведенные вместе, в интереснейших беседах, разговорах на самые разнообразные, но всегда животрепещущие темы. И глядя сейчас на этого дорогого безмолвного человека, понимали, насколько он был нужным, желанным, уважаемым и любимым.. И... боялись того, какой невосполнимой будет эта потеря, если...

Не знаю, сколько мы так просидели, поглощенные своими думами, воспоминаниями, переживаниями...

Но вдруг..

Едва заметно задрожали его веки... Вздрыгнули слегка крылья ноздрей. Еле уловимо шевельнулись уголки губ. Медленно, как бы с опаской, приоткрылись глаза и, остановившись на Насти, расширились, заблестели, залучились... Щеки окрасились легким румянцем... На губах появилась легкая, как бы виноватая улыбка.

Трудно было угадать смысл его взгляда. Не может быть, чтобы он не узнал Настю. Выражение ожившего его лица говорило об обратном... Было видно, что он очень соскучился и прежде всего хочет воскресить в себе ясный и светлый ее образ. И, конечно же, вспоминает те счастливые часы, минуты, которые они пережили за короткую, но яркую и чистую жизнь. Я убежден, что их отношения, их любовь состояли лишь из одних чудных мгновений, что у этих душ, нежных, как весенний цветок, с высокими благородными порывами, не могло быть иначе... Вероятно, он силится проникнуть в ее думы, в ее душу и понять, что она чувствует... А может быть, он догадывается, что остались считанные часы или даже минуты их встречи, последней встречи... и скоро, очень скоро наступит вечный сон. И сказать хочет что-то перед этим... Но не может собраться сразу с мыслями... И кто знает, сколько им отведено времени на то, чтобы побыть еще вместе?

Наконец он кивнул головой, прикрыв на секунду усталые глаза. Легко шевельнув пальцами, поманил Настю к себе. Она прильнула к его лицу... Из глаз потекли слезы... Не слышно, что он говорит... Только она слышит его, только она понимает его не только по выражению его прекрасного, открытого лица, а всем своим нутром, тонким девичьим чутьем. Она целует и целует его в губы, щеки, глаза, лоб, приговаривая: «Не беспокойся, Сашенька, дорогой ты мой, сердце ты мое... Не беспокойся ни обо мне, ни о чем другом... Выздоровливай скорее... Все будет хорошо»...

Так продолжалось, может быть, две-три минуты... Потом он закрыл глаза и притих, не подавая никаких признаков жизни.

Она обняла, бесшумно рыдая, вздрагивая всем телом... Конечно же, он унес с собой чистый, прекрасный образ.

Но блеснула ли в его сознании хоть на один миг мысль, что она навсегда сохранит и в уме, и в душе, и в сердце замечательный его образ, так горячо, так незабвенно, так трепетно любимый ею, будет непоколебимо верна ему всю свою долгую, трудную, но интересную жизнь, несмотря ни на какие соблазны, невзгоды, потрясения...

Именно в эту минуту тихо вошел в палату Филиппов. Мы вскочили на ноги. Видимо, по нашему удрученному виду понял, что что-то случилось. Быстро подошел к больному, всмотрелся в лицо,

взял руку, зажал там, где обычно прощупывают пульс, затем обхватил рукой шею спереди вокруг гортани... И попросил:

– Расскажите, пожалуйста, что было с ним...

Я рассказал все, что и как было.

– Спасибо. Мне кажется, ясно, что с ним произошло. Вы невольно, я имею в виду прежде всего вас, Настя, магически подействовали на него... Под вашим пристальным, воистину чудодейственным взглядом он проснулся раньше, чем мы полагали, и пришел в себя... А потом, когда утомился (силы-то очень слабые), снова заснул...

Ах, Настенька, дорогая ты наша... Какие же испытания выпали на твою долю... Она, так же как и я, уже подумала было, что пришел трагический конец... А тут неожиданно вспорхнула новая надежда.

Она взглянула на доктора такими глазами... Я подумал, что она готова сойти с ума... Потом вдруг кинулась к нему... Упала на его грудь и так зарыдала, что я вынужден был отвернуться, спешно вытаскивая носовой платок...

Эх, доктор, доктор, и тебе ведь надо порою быть дипломатом... А сейчас вот не можешь никак успокоить девушку даже с сильным, стойким характером, хотя напоил целым стаканом холодной воды и наговорил столько успокоительных слов...

Вскоре она все же успокоилась, кажется, успокоилась. Виногато посмотрела на нас: «Извините, пожалуйста». Потом обратила свой взор на Сашу. О, люди! Видели ли вы когда-нибудь, как человеческие глаза могут излучать такое?! Как могут сойтись одновременно в одном и том же взгляде столько лучей: ярких, обжигающе горячих, проникающих в самые дебри человеческих душ, лучей радости, лучей страха, лучей надежды... все в одно и то же время...

– Настенька, извините, пожалуйста, – наконец нашелся доктор. – Я все понимаю. Вы, конечно, хотели бы побыть еще, даже, может быть, всю ночь. Но всему есть предел. На сегодня хватит. Пусть он поспит, отдохнет... А завтра видно будет. Приходите утром, пораньше... Кстати, есть у вас место, где она может отдохнуть?

– Да. В моей комнате есть свободная кровать.

– Хорошо. У выхода стоит дежурная машина. Она вас отвезет.

– Спасибо. Если вы позволите, я от вас позвоню, закажу два ужина в летной столовой.

– Пожалуйста. И вот еще. Возьмите успокоительные и снотворные таблетки. Они нужны вам сегодня обоим. Примите перед тем, как лечь спать.

– Благодарю вас, товарищ военврач...

Уже в 6 часов утра мы были у изголовья Саши. Он спал. Спал тихо, неподвижно, так, каким его оставили вчера. Дежурная медсестра сказала, что всю ночь ни разу не приходил в сознание. Пришел дежурный врач Зельдович. Поздоровался. Прощупал пульс. Сказал: «Воистину богатырский организм... Теплится еще жизнь...» Ушел...

Мы сидели, боясь шевельнуться, и ждали. Ждали, не покроется ли еще румянцем лицо, не засияют ли глаза... Настя сидела спокойная, смиренная, неотрывно и чутко глядя ему в лицо, как будто боялась упустить малейшие признаки жизни, если они вдруг проявят себя...

Через час снова зашел Зельдович. Взял руку Саши. Довольно долго ее держал и осторожно положил. Приложил руку свою к его шее – опустил. Прильнул ухом к груди. Наверное, не меньше минуты прослушивал грудь, прикладываясь к ней то одним, то другим ухом. Потом медленно встал и с трудом произнес:

– Сердце остановилось... Силы слишком были неравны... Жизнь в конце концов уступила свои права... Теперь ничем не поможешь... Извините, извините, пожалуйста... Прошу принять мои соболезнования...

Вполне возможно, Настя внутренне уже была готова к этому. Так или иначе она не упала без сознания на его грудь. Она встала на ноги и направила на него пристальный, как бы изучающий взгляд, словно сама хотела убедиться в правильности сказанного доктором... Весь ее облик выражал неутешное горе и строгую сосредоточенность. Я на всякий случай подошел к ней, встал рядом...

У Саши был такой вид, как будто спит до сих пор, тихо и умиротворенно, удовлетворенный чувством исполненного долга. Не хотелось, ох не хотелось верить ни доктору, ни глазам своим. Все, все во мне сопротивлялось, отказывалось признать случившееся. До самых последних минут жила надежда на чудо... Тем не ме-

нее, сомнениям вопреки, решил позвонить и доложить обо всем Роману Андреевичу и сказать ему о просьбе Насти похоронить Сашу на родине, в Березовой.

Подполковник сказал, что минут через сорок позвонит сюда сам, согласовав все вопросы с командиром полка и командующим, а пока велел готовить Сашу к дороге, к похоронам, проделав все необходимые санитарно-гигиенические и другие формальности.

Точно в обещанное время зазвонил телефон. С нетерпением взял трубку.

20. И НАШЕЛ ОН ПОКОЙ В ЗЕМЛЕ РОДНОЙ...

Роман Андреевич сообщил решение командования: похоронить Лунева на его родине со всеми почестями, но по пути сделать остановку в Веревье, где провести прощальный торжественно-траурный митинг частей гарнизона.

Для всего этого выделяется два У-2: мой и еще один, в санитарном варианте.

Мы с Максимом Ланько идем на стоянки У-2.

Я его должен отвезти в Березовую для исполнения тяжелой, но ответственной миссии: передать родным Саши, местным властям и населению печальное известие, как подобает, и приготовить все к похоронам...

– А не будет помехой все это нашему полету? – Максим делает характерный жест рукой выше головы и тут же направляет озабоченный взгляд к небу.

А по нему плывут темные, мглистые тучи, нет-нет да посыпая земную поверхность мелкими колючими крупинками редких, но неожиданно налетающих снежных зарядов. А по летному полю вовсю змеится, струится лохматая, хвостатая поземка.

– Все может быть. Видно будет в пути... Но, что поделаешь, видимо, и небо родное по-своему выражает безутешное горе от того, что не стало одного из самых преданных соколов его, глубоко скорбит о том, что не порадует он его более своими виртуозными узорами и отточенным почерком полета, не выпустит своих острых стрел для его очищения от пришельцев-губителей, фашистских стервятников...

Но, думаю, это волнение небесное не помешает нам исполнить последний наш долг перед его отважным защитником – соколом.

Нет, оно не стало для нас большой помехой, хотя и изрядно потрепало нашего «голубка», словно желая, чтобы мы еще глубже почувствовали ответственность, остроту и скорбь, которые лежали на наших плечах и сверлили наши души...

– А я, Куддус, местный, новгородский. Из деревни Березовая. Еще не пролетали над ней?... Посмотрите, хотя бы сверху, понравится, – слышу сразу потеплевший голос Саши...

Вот и побудем... не только над ней...

Березовая встретила нас мрачным туманом, прижавшись к лесной опушке, как будто покрывшись вуалью скорби и печали...

Поле, в километре от нее, на котором, по рекомендации Насти, мы сейчас должны совершить посадку, с клубящейся на поверхности снежной пылью, казалось, совсем не было радо встрече с нами. Оно всегда ждало его живого, веселого – а тут...

Ведь Саша рос на нем, бегая еще босиком, а потом радуя его звоном кос и напевных песен...

Но мы сели вполне благополучно.

Оставив Максима, я улетел в Вишеру, чтобы оттуда перевезти в Веребье Сашу и сопровождающих его Настю и доктора Котлярова. Они там ждут – не дождутся...

Уже подлетая к аэродрому, на опушке леса перед нашими стоянками я увидел У-2 – санитаря и группу не менее десяти человек около него...

С ходу совершив посадку, подруливаю к ним, соскакиваю с самолета и предстаю перед Чистовым и еще несколькими, незнакомыми мне мужчинами, судя по внешности, военачальниками. Чистов представил им меня, назвал их, в том числе заместителя командующего ВВС армии полковника...

Докладываю о полете в Березовую и готовности к полету в Веребье. Заместитель командующего выяснил ряд интересующих его вопросов, сказал несколько напутственных слов и заключил:

– Прошу отнестись к возложенной на Вас миссии как к выполнению ответственного боевого задания. Это очень важно. Желаю Вам удачи, – пожал мне руку полковник... Что и говорить, я был весьма удивлен и польщен... Саша уже был помещен в спе-

циальном отсеке самолета-санитара. Подошедший пилот казался значительно старше меня. «Наверное, из аэроклубовских инструкторов», – подумал я про себя. «Виталий Савельевич», – представился он.

По договоренности Котляров сел в задней кабине его самолета (мало ли что может случиться в полете), а Настя – со мной.

Тепло попрощавшись со всеми провожавшими, мы взлетели и легли на свой невеселый маршрут.

Как хорошо знающий район полета и аэродром посадки, иду впереди. Виталий Савельевич вплотную пристроился ко мне.

Этому не мешали ни изрядная болтанка в беспокойном воздухе, ни минимально возможная высота полета. Так низко мы летели вовсе не потому, что боялись нападения с воздуха. Километровая толща свинцовых туч надежно скрывала нас от хищных глаз «мессеров». Но она же и придавливала нас к макушкам деревьев и столбов, к крышам домов и других строений, словно создавая им наилучшие условия для прощания с тем, кто так мужественно оберегал их от чудовищного вражеского прикосновения...

Настя по виду была спокойна. Только с тревогой неотрывно следила за самолетом, в котором летел ее Саша, заснувший вечным сном. Она смотрела так напряженно сквозь стекла, словно хотела во что бы то ни стало увидеть его, понять, как он там чувствует себя, знает ли он, что находится в последнем своем полете, прощается с родным небом... Или, может быть, беспокоилась, как бы не унесли его куда-то вдаль, в безграничные просторы, какие-либо неизвестные доселе космические пришельцы.

Наконец в густой таинственной дымке показалось Веребье – родное гнездо отважных соколов и орлят, свидетель немалых побед и поражений, радостей и горестей и многого другого... До недавних пор его чаще навещали, пожалуй, печальные вести. Только последний месяц все больше и больше радовал его торжествующим клетотом. Но вот неожиданно раздался победный клич, сопровождаемый скорбным гласом... Не потому ли оно явно притихло в по-особому задумчивой и печальной грусти?

Осторожно карабкаясь по местности вокруг аэродрома, по ориентирам на ней, делаем маневр для захода на посадку. Мощный пресс тяжелых мрачных туч давит на нас, на все, что находится под ними. Мы уже на посадочной прямой. Но... Что это?..

Вдруг гигантские темно-серые массы облаков прямо на глазах разбухли, за клубидись, и их рваные нижние края фантастически лохмами заволочились по земле, вихрящимися в неистовой пляске потоками закружили, завертели миллиарды льдинок-снежинок на своем пути. Беспросветная снежная мгла охватила вокруг все пространство...

Может ли оплакивать своего сокола родная его стихия над родным его гнездовьем сильнее, чем вот так?

Мы мгновенно оказались отрезанными от реального мира. Взгляд полностью переношу на приборы. Создаю небольшой угол подъема, прибавляю обороты. Смотрю на самолет-санитар. Саша ведь там! Идет, пристроившись крыло в крыло. Молодец пилот! Только так должно быть в такой сложнейшей ситуации.

Идти на посадку сейчас – почти что заказать еще четыре гроба... Решаю ходить по коробке над аэродромом до тех пор, пока не откроется хоть минимальная видимость. Обычно такие снежные заряды недолговечны и, как правило, приходят и уходят внезапно...

И действительно, прошло не более десяти минут, как просветлело. Нет, темные лохматые тучи не ушли. Они по-прежнему продолжали висеть над миром. Просто значительно поредела снежная мгла. Появились земные ориентиры. Теперь уже не представляло особого труда совершить «мягкую посадку» на хорошо знакомом аэродроме.

Встретивший нас на конце пробега техник показал, где поставить самолеты... Ба, там сотни людей! В летных комбинезонах, технических куртках и просто в шинелях... К самолетам подошли, сосредоточенные в глубокой скорби, командир полка, его заместители и летчики – боевые побратимы Саши. Все остальные, в том числе многочисленные представители соседних частей, стояли несколько поодаль...

Все, или почти все, знакомые лица. Но каким безутешным горем они опечалены сейчас! Кивком головы приветствую их. Командир и его ближайшее окружение здороваются с нами за руки. Слов нет... И так все ясно...

Они сами сняли и понесли гроб с телом дорогого и любимого ими боевого соратника, друга, товарища и установили его для

прощания в просторном зале гарнизонного клуба, укрытого в глубине леса за командным пунктом...

В течение часа прощались летчики, техники, штабные командиры и начальники, все авиационные специалисты фронтового гарнизона.

В это время на командном пункте нас приняло руководство полка. Они представились. Конечно, прежде всего для Насти и пилота самолета-санитара. Я их знал хорошо. Они тоже были осведомлены о нашей дружбе с Сашей и доброжелательно относились к этому.

Саша много говорил о своем командире полка майоре Краснове Викторе Александровиче. Высокий, стройный, голубоглазый красавец – блондин, простой, общительный, строгий, требовательный в делах. Первоклассный летчик, заражающий своих питомцев в бою безграничной отвагой и незаурядным мастерством, а в повседневной жизни – высокой порядочностью, чуткостью, он пользовался искренним уважением и любовью не только в своем полку, но и во всем гарнизоне. «Орел наш Батя», – с гордостью говорили о нем подчиненные.

С почтением относились к комиссару полка – батальонному комиссару Теплых Алексею Ивановичу. Плечистый, коренастый с ясными серыми глазами, всегда глядящими на людей внимательно и дружелюбно, сам отменный летчик и умелый организатор политико-массовой и индивидуальной воспитательной работы, он по праву являлся душой и совестью полка.

Мы с Виталием Савельевичем сначала называли себя, потом я представил им Настю...

До этих пор они смотрели на нее с большим интересом и любопытством. Но когда я коротко рассказал, кто она для Саши... Как они преобразились мгновенно! Трудно представить, какую кричащую боль, какую тяжелую горечь, какое сердечное участие и, в то же время, какое восхищение и изумление выражали их глаза. Не надо было иметь особого оптического устройства, чтобы увидеть, как заблестели слезами глаза выдавших виды витязей крылатых... По-отцовски трогательно, искренне и участливо выразили они ей свое соболезнование.

Затем, извинившись перед Настей, командир полка попросил меня коротко рассказать обо всем том, чему я был свидетелем вчера и сегодня. Он с чувством благодарности пожал мне руку. Виктор

Александрович, поинтересовавшись, как в настоящее времяживает Настя, и получив вполне положительный ответ, предложил все же:

– Я вас прошу, Настя, подумайте хорошенько, посоветуйтесь с отцом, матерью, если пожелаете поступить на службу к нам в полк, в полк Саши, мы вас с большой охотой примем, например, укладчицей парашютов, радисткой или в штаб составителем документов. Тогда бы Вы стали... дочерью полка...

– Спасибо, я подумаю об этом, – несколько просветлев лицом, ответила Настя.

После этой теплой, трогательной беседы командир полка пригласил всю группу в летнюю столовую пообедать. «Надо хорошенько подкрепиться, ведь предстоит большой тяжелый день», – сказал он.

Надо ли говорить, с каким волнением сели мы с Настей за стол, за которым обычно мы ужинали вместе с Сашей...

Прощание бойцов и командиров гарнизона со своим бывшим товарищем и отважным соколом завершилось торжественно-траурным митингом, который состоялся на опушке леса, около боевого самолета, рядом с которым был поставлен гроб с телом Саши.

Открыл его комиссар полка.

– Дорогие товарищи! Боевые друзья! Мы сегодня прощаемся навсегда... Подумать-то страшно – с кем? С самим Сашей Луневым, с нашим любимцем, с нашей гордостью... с нашей надеждой... с таким парнем... с таким прекрасным Человеком. С Человеком с самой большой буквы, всегда жизнерадостным, всегда все делавшим с ясным умом, с горячим сердцем... с широкой, ничем не запятнанной душой... С настоящим коммунистом, обладавшим широким кругом гуманитарных и технических познаний, кристально-чистым во всем, преданнейшим благородному и почетному делу трудового народа, делу строительства и защиты первого в мире самого справедливого общественного строя – социализма, активным и деятельным борцом в претворении в жизнь всех, центральных и местных, партийных решений, нацеленных на обучение и воспитание хорошо подготовленных, высоконравственных летчиков, техников и всех других авиационных специалистов нашего полка и не только нашего...

Мы прощаемся с патриотом, сполна выпөлнившим свой воинский долг, свой самый почетный долг, долг Защитника Родины, ее чести, достоинства и благополучия, которому посвятил всего себя без остатка, всю свою короткую, но славную жизнь. Он один уничтожил одиннадцать фашистских самолетов. Это пока, в данный период войны – редкость.

Из них – три в одном, последнем бою, в одном из самых сложных и драматических в боевой истории полка...

Судите сами, насколько он ослабил мощь ЛЮФТ-Ваффе (воздушного флота) фашистского рейха? Насколько ускорил победу над чудовищным врагом? Какой вклад внес он в то, чтобы страна осталась свободной, великой, могучей, а со временем, когда разгромим врага и полностью освободим ее и залечим раны – стала богатой, преуспевающей во всем, чтобы каждый советский человек обрел полное свое счастье...

И вот такого бесстрашного воина, такого виртуозного сокола не стало... Если бы фашисты были не извергами, а нормальными людьми, имеющими хоть какое-то понятие о гуманности, признающими обязательные международные нормы, то Саша был бы жив.

Но фашисты есть фашисты, то есть истинные звери. Они не задумываясь расстреляли человека, оказавшегося совершенно незащитным, не прикрытым ничем, безоружного, мирно спускавшегося на парашюте...

На смерть Саши наш ответ один – еще более умело, еще более беспощадно бить вероломного, коварнейшего фашистского зверя как в воздухе, так и на земле! Мстить и мстить за славного сына нашей Родины, за незабвенного нашего боевого побратима.

Склоним же головы перед памятью чудесного советского человека, отважного летчика, горячего патриота и истинного коммуниста-ленинца!»

Выступившие затем летчики и техники подчеркивали, что он был образцом, концентрировавшим в себе лучшие человеческие черты, наивысшие морально-боевые качества и потому достойным подражания во всех сферах жизнедеятельности личного состава: в бою ли, в повседневной ли жизни, в труде или на отдыхе...

На убедительных примерах они показывали, каким надежным другом и товарищем, готовым пожертвовать собой, он был, когда

обстоятельства требовали защиты жизни, чести и достоинства своих товарищей, как он с большим желанием, не жалея сил и времени, учил боевому и летному мастерству молодых, передавал им свой богатый опыт. Каждый из них твердо заявлял, что Саша будет всегда рядом с ними, в их сердце, в делах их и будет по-прежнему сражаться с врагом вместе с ними.

Слово для заключения взял командир полка:

«Дорогие собратья по оружию! Товарищи и друзья, – обратился он, – неожиданно на нашу голову обрушилось такое большое горе, что трудно представить, трудно осознать. В ходе неравного, жестокого боя вероломно, бесчеловечно был расстрелян, а потом от полученных смертельных ран скончался наш дорогой, всеми горячо любимый лейтенант Александр Васильевич Лунев, наш Саша.

Ушел из жизни в сущности по годам еще только юноша, а по опыту уже зрелый и оформившийся муж и боец – ему бы только жить и жить, творить и творить. Дай ему срок – сколько бы благодеяний он мог сотворить. Но жестокая судьба распорядилась иначе.

Ему суждено было возгореться и ослепительно просиять на небосклоне лишь для того, чтобы осветив путь другим, погаснуть мгновенно. Но и за эту молниеподобную жизнь он успел сделать очень много. Пытливый, целеустремленный, от природы талантливый, он постоянно, неустанно совершенствовал свои теоретические знания и практические навыки в том числе, и в особенности – технику пилотирования и методы ведения воздушного боя. Его хитроумные тактические приемы всегда будут поучительными для многих, особенно молодых. Он являлся одним из основоположников современного воздушного боя не только в полку, но и во всем объединении признанным мастером воздушных атак, настоящим советским асом, выросшим в огне жестоких боев, которого знали и страшно боялись и за которым по-звериному охотились враги.

Он, как уже было сказано, лично сбил одиннадцать фашистских стервятников, в том числе в последнем бою – три. Кстати, этот бой особенно ярко проявил его талант, его мастерство, его бойцовские и человеческие качества. Вы знаете, там было восемь бомбардировщиков и восемь истребителей врага, а наших – всего две пары истребителей.

Правда, все они, кроме одного, были настоящими асами. Итоги боя известны: сбиты два «Юнкерса-87», четыре «Мессершмитта-109», три ЛАГГ-3, т.е. в соотношении 6:3. Три из шести – один «юнкерс» и два «мессера» сбиты лейтенантом Луневым.

Как видите, для нас, привыкших в первом периоде войны ко многим поражениям, это пока редкостный, один из самых удачных результатов.

Этот бой, в котором тон задавал и определяющей фигурой был Лунев, уж в который раз показал, что надо воевать не числом, а умением, да и то, что «смелость города берет». Бой, таким образом, вполне победоносный. Но мы, однако, сознаем, что победа эта досталась нам слишком высокой ценой. Наша задача – сделать правильные выводы из нее...

Дорогие друзья! Здесь уже отметили, да и по жизни мы знаем, какими чудесными человеческими качествами обладал Саша, каким порядочным, высококультурным гражданином и командиром был он. Об этом красноречиво свидетельствует нечто такое, о чем до поры до времени знает только ограниченное число лиц. Так вот, как подтверждают ближайшие друзья, редко кто так горячо, преданно и вдохновенно мог любить свою невесту, будущую свою подругу жизни, как он. Но и его могла любить столь же трогательно и незабвенно только такая, ангельски чистая, верная и умная красавица, как Настя.

Вот она перед вами (все взоры обращаются к Насте, которая сидит у изголовья Саши, хотя и до этого посматривали на нее с большим интересом... Она заметно покраснела, но не отвела взгляда, прикованного к Саше). Дорогая Настя! Прошу принять наше глубокое, братское соболезнование... Отныне мы вас считаем своей дочерью, своей сестричкой... Мы к вашим услугам (Настя на секунду отвела взгляд от Саши, конечно, лишь для того, чтобы нежно, с благодарностью взглянуть на командира). Прошу всех по-отцовски, по-братски любить и жаловать ее, пока будем живы, здоровы...

Товарищи! Не стало в наших рядах одного из самых активных, умелых, одного из самых бесстрашных бойцов. Но он оставил за собой достойную смену. Уверен, его ученики с честью продолжат его славные дела...

Товарищи! Друзья! В этот торжественно-траурный час я почту за честь доложить вам, что за мужество, героизм и другие

высокие морально-боевые качества, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за большое количество уничтоженной им вражеской техники, оружия и живой силы – лейтенант Лунев Александр Васильевич представлен к присвоению самого высокого звания боевой славы – звания Героя Советского Союза (посмертно).

Уверен, горячий патриот нашего социалистического Отечества, прекрасной души человек, один из наших первых прославленных героев Саша Лунев всегда будет в наших сердцах, в наших делах...

Поклянемся же, что дело героев, отдавших свои жизни за свободу и независимость нашей великой Родины, продолжим с честью!

– Клянемся! Клянемся! Клянемся! – раздается мощное тысячеголосое эхо в лесном прифронтовом гарнизоне...

– Склонить боевое знамя к гробу героя! – звучит из уст командира. – Прощай, Саша! Прощай, наш боевой друг! Мы тебя не забудем никогда!..

Алое знамя, теперь уже омытое и его кровью, склоняется к гробу Саши, закрывая его лицо.

Боевые друзья поднимают гроб с телом и направляются к санитарному самолету.

Тысячный строй летчиков, техников, механиков, мотористов, мастеров по вооружению и спецоборудованию, всех бойцов и командиров гарнизона неожиданно, как по команде, преклоняет колени, прижимает к груди снятые головные уборы и провожает своего боевого друга и товарища в последний путь... А их взоры! Взоры закаленных в боях мужей, обращенные к своему любимцу! Полные скорби и печали, они, в то же время, суровы и строги... Но вдруг в людях что-то всколыхнулось, ожило, засветилось, воодушевилось... В их глазах зажегся огонь! Но что за вдохновение может зародиться в этот скорбный час? Что за огонь может вспыхнуть в эту горестную минуту? Огонь надежды и желания, чтобы осуществилось все так, как высказывалось здесь? Да, наверное. Огонь решимости, что они для этого сделают все, что в их силах? Несомненно.

Уверенность, что пример и дела своего крылатого богатыря и прекрасного командира продолжат с честью? Безусловно.

Но было в их глазах еще нечто такое, еще какой-то, незамеченный ранее, штрих, что смог прочесть сразу только комиссар полка.

Стоявший, как и все, преклонив колено, он вдруг тихо сказал, обращаясь к находившимся рядом с ним командиру, начштаба, Насте, ко мне и другим:

– Видите, каким загадочным блеском засветились лица людей в строю? Не удивляйтесь, люди, даже убитые горем, рады, да, да, рады... Рады тому, что будет по-человечески похоронен их боевой друг, товарищ по оружию...

Да, в авиационных частях, хотя и редко, но бывало такое. Люди оплакивали героя, но в то же время... радовались. Радовались, что хоронят его на родной земле со всеми почестями в нормальной могиле. Не каждому летчику на войне суждено было иметь земное место вечного покоя. Летчики, не возвращавшиеся из жестоких схваток или находили приют в безымянных могилах, или же, в большинстве своем, превращаясь в прах и рассыпаясь в огневых вихрях сражений, разлетались затем в бесконечных просторах бушующего пятого океана, а может быть и в холодных, безмолвных космических даях...

А вот сегодня гарнизону Веребье «повезло» – первый раз передают земле-матушке ее сына, израненного над полем боя (до этого был захоронен один... сбитый над аэродромом), хотя потерь в жестоких боях было ох как много!

Под дружный треск выстрелов – прощального залпа нескольких десятков винтовок, автоматов и пистолетов – гроб с телом снова помещают в санитарный самолет... Строй воинов гарнизона встал на ноги и продолжал стоять со склоненными головами и взорами, прикованными к самолету, на котором, навсегда попрощавшись с родной боевой семьей, совершал свой последний полет их боевой брат, с тем, чтобы попрощаться также навсегда с небом и навеки найти покой в родной земле... Так стояли побратимы прославленного героя до тех пор, пока мы – Виталий Савельевич с Котляровым, я с Настей – не заняли свои места в кабинах своих самолетов, не вырулили на старт, не взлетели и не взяли курс на его родную деревеньку...

Не прошло и часа, как мы были на Березовой. Как и по всему маршруту, над ней тяжело и хмуρο висели свинцовые тучи. Очень неровной, а местами беспорядочно рваной нижней кромкой своей они нет-нет, да цеплялись за земную поверхность, временами совсем закрывая ее от наших глаз...

«А я, Куддус, местный, новгородский, из деревни Березовая. Еще не пролетали над ней? Посмотрите, хотя бы сверху, понравится», – вспомнил я опять слова Саши в первый день знакомства с ним... Разве могла когда-нибудь прийти в голову такая бредовая мысль, что появлюсь я над ней вот так... с ним... безжизненным... За какие грехи? Вот и верь, что есть бог – спаситель... Есть, очевидно, одна судьба, непредсказуемая... беспощадная порою. Говорят, она в твоих собственных руках. Всегда ли?..

Решаю сделать круг над деревней и местом посадки, чтобы верно оценить обстановку и в самое нужное время (в просветах между снежными зарядами), на самом нужном месте (проверенном мною, самом ровном) совершить посадку.

Внимательно слежу одновременно и за обстановкой в воздухе, и за тем, что происходит на земле...

Командир полка сказал, что еще на рассвете отправил сюда на машине группу личного состава во главе с парторгом для участия в похоронах. В ее составе также отделение бойцов с винтовками. Они же везли надмогильный памятник, приготовленный умельцами ПАРМ. Прибыли ли они вовремя? Если да, то полностью ли подготовились к похоронам, вместе с Максимом и местными властями?

Вижу ту самую площадку, где нужно садиться, две подводы на ее границе ближе к деревне и трех человек около них...

Вот тот, повыше, Максим. Ну, молодец, Максим, что организовал подводы и сам здесь. Он, наверное, и площадку еще раз проверил. Вот он нетерпеливо машет рукой и показывает место приземления. Молодец... Здесь все ясно...

Летим на конец деревни, в километре от которого находится древний погост. Пролетая над деревней, тщательно просматриваю все улочки-переулочки и дворы. Но нигде ни души. Как будто все вымерло... Странно... Подлетаем к погосту. Ага! Вот в чем дело... Почти посередине его вырытая могила и множество людей вокруг... У ворот стоит машина. Около нее бойцы с винтовками. Все в порядке.

Разворачиваемся... Идем на посадку. По договоренности садимся сначала мы с Настей, а вслед за нами, точно на то же место приземляются Виталий Савельевич, доктор Котляров и Саша... Все произошло так, как было обговорено.

Тепло, как долгожданных родных, встретил нас Максим. Он объяснил, что не только вся Березовая, но и весь район знает и

находится в трауре. В районе знали Сашу все и сейчас очень сильно переживают. Максим доложил также, что к похоронам готово все. Все: и прибывшие секретарь райкома, и райвоенком с представителями, и наша команда, и сельчане там и ждут... Ждали, конечно, с некоторым беспокойством. Все же техника... Да и погода... Ну, слава Богу... Все продумано до деталей...

Когда мы подъехали к воротам погоста, гроб с телом героя-земляка подняли секретарь райкома, военком, Максим, парторг полка, двое пожилых мужчин, видимо, местных жителей и двое бойцов из команды. Медленно, в кладбищенской тишине понесли к могиле... На пути, на всей площади погоста, люди... Стар и млад, вся деревня здесь... Все говорило о том, что вся Березовая, все вокруг погрузилось в такую глубокую скорбь, которую вряд ли они знали и испытали за последние годы, несмотря на военное лихолетье и на десятки похоронок с фронтов.

Открытый гроб поставили так, чтобы все видели Сашу, спокойное и мудрое его лицо... Оно, казалось, до сих пор излучает свет, тепло и... слышит, чувствует, что здесь происходит...

Траурный митинг открыл парторг полка. Он очень задушевно и трогательно говорил о том, кем был, каким был, в каком бою и как погиб Саша Лунев, славный сын и воспитанник этой земли, этого края, этого народа, этой деревни, этих лесов и полей...

Парторг подчеркнул, что такие, как Саша, – совесть, честь, опора и надежда русского и всего советского народа, на таких, как Саша, держится сила и мощь, настоящее и будущее наших народов, такие, как Саша, прежде всего обеспечат успех сражений на фронтах и священного дела освобождения страны...

Парторга дополнил Максим. Он рассказал, что Саша был одним из выдающихся летчиков – асов в своем соединении, замечательным сыном своего народа, прекрасным человеком, верным самоотверженным другом всех, кто был рядом с ним... Вместе с ним всегда было очень надежно, спокойно и на земле, и в воздухе, в жестоких схватках с врагом...

Он был и остается моим командиром, ведущим, я же был и останусь навсегда его подчиненным, его ведомым, в то же время его боевым другом, напарником. Прежде всего ему я обязан всем, и тем, что стал, не примите за бахвальство, летчиком, спо-

собным потягаться с фашистскими «стервятниками» на равных, а то и посильнее, чем многие из них, и тем, что значительно вырос и оформился как человек, как гражданин. Простите, пожалуйста, что не сумели сберечь его... Прошу понять меня правильно, и поверьте... лучше бы, если бы сбили меня, чем его. Но я клянусь перед вами, что не пожалею всего себя для того, чтобы достойно продолжить его дело, чтобы беспощадно бить врага и за себя и за него...

Слушая побратимов своего героя-земляка, люди, все до единого, плакали, кто тихо, кто взхлеб...

Затем выступили райвоенком, пожилая учительница, инвалид войны – школьный товарищ Саши, родной дядя – старший брат его матери и секретарь райкома партии.

Они вспоминали, как он рос, каким прилежным учеником он был, как всегда и во всем бескорыстно помогал слабым, выручал в беде всех нуждающихся, как закалял себя физически и духовно, умственно и нравственно, как стремился к небу, мечтал стать достойным защитником воздушных рубежей Отечества и как это ему удалось, когда он поступил в военное училище летчиков... Выступавшие выразили уверенность, что он навсегда останется в сердцах всех земляков и будет немеркнущей путеводной звездой для грядущих поколений...

Наступает минута прощания близких... В безутешном горе кидается к сыну мать... Подходят сестра, родные тети, дяди и все остальные родственники... Не подойдет, не обнимет его только отец родной. Он одним из первых, несмотря на бронь, добровольцем ушел на фронт и весть о смерти единственного сына – его гордости, его надежды – незаживающей раной схватит за сердце закаленного сельского коммуниста в промежутке между боями под Москвой. Последней склонилась над любимым Настя. Она долго не может оторвать взгляда от дорогих черт его лица... Не может долго подняться сама...

... Только истинно любящее женское сердце, сердце матери, жены или подруги, способно так полно и остро ощутить и представить всю глубину и значимость потери мужчины – мужа, отца, друга...

Звучат прощальные оружейные залпы... Гроб с телом Саши, известного на всю округу юноши-героя, прекрасного человека и

отважного сокола, опускается в могилу. Настя вместе с его матерью кидают туда горсть земли...

Крупными хлопьями повалил сырой, густой снег... Так, видимо, плакало, прощаясь со своим знаменитым соколом небо, передавая его своей извечной подруге и спутнице – з е м л е . . .

Вскоре вырастает могильный холм, на котором солидно и основательно возвышается, сияя серебром, внушительная стально-дюралевая пирамида с искрящейся пятиконечной красной звездой на вершине – символом могущества социалистического отечества и немеркнувшей боевой славы его героических сынов и дочерей...

На лицевой стороне пирамиды помещено под стеклом фото, откуда спокойно, уверенно смотрят на людей, на окружающий мир красивые, умные и всевидящие глаза Саши...

А ниже фото расположилась выгравированная надпись:

$$19 \frac{25}{01} 19 - 19 \frac{24}{01} 42$$

Преклонив колени и склонив головы, замирает в минутном молчании строй бойцов и командиров. Затем они, чеканя твердый шаг, проходят перед ним торжественно-прощальным строевым маршем...

После поминок тепло прощаемся со всеми... Крепко обнимаемся с Максимом – когда еще свидимся. Да и свидимся ли?

... Оторвались от ставшего дорогим для многих кусочка Новгородской Земли и взяли курс: Виталий Савельевич с Максимом на Веребье, а я с Настей – на Ольховку...

Вот так нам довелось не только пролететь, как того просил Саша, но и побывать в этой желанной и загадочно манящей, в свое время, Березовой, в родном гнезде нашего друга... Как он хотел пригласить нас сюда после завершения наступательной операции войск фронта и еще потом, после... Победы! Судьба...судьба... Как он широко, крылато мечтал! Какими высоко-человечными думами, идеалами он жил!

И если не мы, не наши дети, то кто же должен бороться за претворение в жизнь идеалов, мечтаний его и еще многих и многих таких же, как он?! Благородных и великих идеалов благородных и великих сынов Отечества!

21. И РЕШАЕТ НАСТЯ...

Ольховка недалеко от Березовой, так что мы уже через пятнадцать минут приземлились на «Дашкиной» полянке.

Поставив «голубка» на его привычное место, направились в деревню. Шли тихо, не спеша. Понимали, что говорить сейчас неуместно, да и в такие минуты вроде бы не о чем... Больше хотелось побыть наедине со своими мыслями и с... природой. Может, она поможет в какой-то мере расслабиться...

Сникшим, постаревшим показался нам Егор Кузьмич. Хотя явно оживился при виде нас, но печать глубокой скорби на лице не покинула его.

Я рассказал коротко о похоронах.

– Судьба, значит, солдатская, – только и сказал старый солдат, тяжело вздохнув, – помянем его, как подобает.

Настя молча собрала на стол. «Неужели прощальный, последний с ними ужин?» – подумал я с грустью.

Ели сосредоточенно, в полном молчании. Каждый ушел в себя... Я понимал и дочь, и отца...

После ужина Егор Кузьмич, сославшись на необходимость посмотреть за скотиной и решить какой-то вопрос с соседом, вышел, как он сказал, «на полчаса»...

Как только Настя убрала со стола, мы снова сели. Помолчали. Наконец лишь бы не молчать, я спросил, наверное, совсем невпопад, как это бывает нередко в подобной ситуации:

– Осталось ли что-нибудь у тебя от Саши?

Она ответила не сразу. С мягкой грустью посмотрела на меня, как бы спрашивая: «Неужели даже ты не понимаешь, что от него могло остаться у меня?»

Я с запоздалым сожалением окинул ее извиняющим взглядом... Но она! Сколько в ней силы духа, умения понимать, доброты и самообладания!

Не в силах отвести от нее взгляда, с чувством сердечной признательности продолжаю восхищаться ею. Она – само спокойствие, сама красота... В черном шерстяном свитере, плотно облегающем ее юное, упругое тело, она казалась изваянием, сотворенным непревзойденным мастером – ее величием живой природой...

В то же время вся она – твердая решимость, уверенность...

– Сам он остался на всю жизнь в моем сердце, да его письма, хранящиеся в шкатулке, подаренной им самим. Вот и все. Все, чем буду, чем смогу жить...

– Ну, а чем же ты хочешь заняться в своей жизни? – задал я вопрос, опять, может быть, не совсем корректный в данную минуту.

Однако она ответила сразу, притом уверенно, твердо:

– Я знаю, что делать... Решила окончательно... Поклялась сегодня перед ним... И вот повторяю сейчас перед тобой. Буду воевать за него и за себя. Пока Родина не свободна, я должна делать все, чтобы ее освободить... Я должна отомстить... Вот и решила, сколько хватит сил, умения – бить фашистских извергов, виновников небывалого горя моего народа, притом с воздуха... Летчиком, конечно, не успею. А вот воздушным стрелком – сумею... Завтра же поеду в военкомат с просьбой направить на курсы, а потом и на фронт...

Сколько было в ней решимости, вдохновения и красоты небесной! Я не выдержал, подскочил к ней, взял ее за руки, нежно поцеловал их, потом взял за плечи и стал всматриваться в ее умные, чистые глаза, крепко обнял и поцеловал ее в лоб, в щеки, отдавая ей всю силу сердца и разума... Нет! Я никогда в жизни не обнимал ни одну девушку, ни одну женщину с такой нежностью, с таким благоговением, с такой душевной силой и, в то же время, с такой болью, с такой печалью, с такой беспомощностью и с такой признательностью, с такой гордостью.

Вскоре пришел Егор Кузьмич.

– Мне уже пора, – поднялся я с места.

– Мы пойдем с папой проводим тебя, – решительно поднялась и Настя.

Мы молча зашагали. Только ветер, не на шутку разволнованный в эти дни, со стоном и воем продолжал неистово гнать над головами хмурые тучи, как будто стремился разогнать их и открыть наконец для людей звездное небо...

Под его напором, с грустным шелестом и тихим скрипом, мерно качались стройные ели и нежные березы, словно сочувствуя нам, приветствуя нас и желая доброго пути...

Когда мы подходили к «голубку», уже сгущались сумерки...

Я поблагодарил за все доброе Егора Кузьмича и по-сыновьи обнял его...

– Попрошайся с ним, да скажи спасибо, – кивая на «голубка» и обращаясь к Насте, попытался я пошутить, очевидно, опять не совсем удачно.

– О, спасибо ему! Дай Бог ему долгих-долгих лет, больших-больших удач! – серьезно произнесла Настя и нежно погладила крылышко. – А его хозяину... Пусть хоть тебе повезет, Куддус. Я от всего сердца желаю тебе, как самому близкому другу, как брату, чтобы ты успешно одолел все невзгоды, все препятствия, чинимые врагом, хмурыми тучами, грозой и туманами и, вообще... жизнью... Я надеюсь, что тебе это удастся. Как благодарить тебя – не знаю... Что бы я делала в эти дни без тебя? Уверена, что ты понимаешь все...

Я быстро обнял ее по-братски крепко, нежно...

– Обязательно дай знать, когда нужна будет моя помощь. Я всегда к твоим услугам.

Она проводила меня долгим, теплым душевным взглядом... Только ее глаза могут лучиться так выразительно, полные сердечной признательности и глубокого уважения, чистоты и очарования, мудрости и решимости...

Это вселяет уверенность в ее будущее... И меня самого воодушевляет...

22. КАК ЖЕСТОК ТЫ, СВЕТ ЛУЧИСТЫЙ... НЕМИЛОСЕРДЕН И ВСЕВЫШНИЙ

Утром следующего дня я предстал перед подполковником Чистовым. Встретил он меня, как всегда, с искренним радушием.

– Мне уже доложили о проделанной Вами работе, – начал он сразу после взаимных приветствий, – все отзываются лестно, в том числе Виталий Савельевич, что немаловажно. И все это несмотря на то, что на вас невероятно давили и мрачных туч громада, и скорбь утраты тяжелой. Это только возвышает вас еще больше...

– Я от имени командования сердечно благодарю Вас за добросовестное выполнение порученного задания, а если быть точ-

нее, – ответственной и благородной миссии, а также за то, что с честью выдержали еще одно испытание на прочность... души и характера...

Он крепко пожал мне руку.

Как ни странно, в этот момент пронеслись в голове с быстротой молнии отрывочные мысли... Вот уж ответственное задание... Благородная миссия... Хоронить друга... Испытание души. А, может, и казнь души? Хоронить такого, как Саша! Это даже не укладывается в голове. Чудовищные изломы судьбы... Лучше бы я сто раз слетал бомбить фрицев... Но, с другой стороны, раз он попрощался с жизнью в честном, героическом бою, он... должен быть и похоронен с почестями, и это, безусловно, миссия. Миссия почетная, благородная... И выполнить ее, разумеется, должны, прежде всего близкие друзья... И мне ничего не оставалось, как в ответ на искреннюю благодарность своего ближайшего начальника произнести от души:

– Служу Советскому народу!

– Желаю, чтобы так служили всю войну, а потом и всю долгую-долгую жизнь... Кстати, я с радостью сообщаю (надеюсь, и вы не останетесь равнодушным): только сегодня сообщили из Москвы, что обоим истребительным полкам, дислоцированным в Веребье, одним из первых присвоены высокие звания Гвардейских.

В этом, безусловно, прежде всего заслуга таких прославленных летчиков, как ваш друг Саша Лунев...

– Был бы он жив, как бы радовался и гордился...

– Да, к великому сожалению, эта высокая честь приобретена за слишком большую цену... Ничего не поделаешь, за свободу платили всегда очень дорого... Но надо помнить, что эта цена зачастую зависит от нас самих...

Ну ладно... А теперь перейдем к нашим делам, сегодняшним и, в какой-то мере, последующим...

Сначала коротко о положении на нашем фронте. Если сказать честно, наступление идет очень трудно. Только 2-я ударная армия достигает определенных успехов. Вы помните, она только к 17 января прорвала первый оборонительный рубеж противника. К концу же января ей удалось продвинуться на 75 км и выйти на подступы к Любани. Но, к сожалению, дальнейшие ее усилия пока

успеха не имеют. Другие же армии вообще с самого начала топчутся на месте. А ведь уже февраль... Все дело в нехватке оружия, материальных средств, опыта военных действий в лесисто-болотистой местности, да и в серьезных недостатках организации наступления.

И вот в такой обстановке приходится работать нашей авиации... Как всегда, одним из самых больных мест является недостаток информации о противнике, то есть разведанных о противнике, в особенности – в полосе наступления 2-й ударной армии. В настоящее время командование также хочет знать точно, что делается на железнодорожной станции Тесово-Нетельской, находящейся в прифронтной полосе немцев.

Вы помните, кого отвезли к партизанам? Так вот, его люди передают о движении двух железнодорожных составов, которые, по расчетам, завтра к ночи должны прибыть в Нетельский и начать выгрузку. Днем их будут держать партизаны под наблюдением, а уж ночью – вы.

Сегодня отдохните, приведите в порядок и себя, и «голубка». Определитесь и со стрелком-бомбардиром. Если Меновщиков не готов, я вам предлагаю сержанта Нетребенко. Он только что прибыл после окончания училища штурманов. Производит хорошее впечатление. Поговорите с ним. И вот с тем, на ком остановитесь, проведите предварительную подготовку.

А завтра ночью – айда вперед!

Продумайте пока сами и способ выполнения задания, и целесообразное время появления над станцией. Доклад о готовности и возможные уточнения завтра в 14-00... А что касается перспективы... Наверное, пару раз слетаете в тыл к немцам, а затем, думаю, будем использовать вас, в основном, на внутренних маршрутах...

Ясна задача, Куддус Канифович?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Вопросов нет?

– Нет пока, товарищ подполковник.

– Тогда свободны, желаю успехов, – его добрая рука от души пожала мою.

Познакомился я с Нетребенко. Очень добродушный, жизнерадостный парень из-под Полтавы. Одним словом, он мне очень

понравился. Но... идти с ним на боевое задание, вот так – сразу, без предварительного «прощупывания» друг друга на земле и в воздухе, не хотелось.

Не так-то это просто – найти взаимопонимание в первом же бою, причем в таком непростом, ночном...

Решаю проведать Гришу, может быть, он уже на выходе... С какой радостью встретил он – невозможно передать словами. Без того большие глаза его расширились, загорелись, заискрились, того и жди – обожгут тебя. Носик-пуговичка заходил ходуном так, будто хочет сорваться с веснушчатого лица хозяина. А оно, это лицо, всегда бледное, то ли потому, что боролось со своим носиком, то ли по какой-то другой причине, но так покраснело, что почти не заметно стало ни веснушек, ни следов от мелких осколочных ран, заработанных в последнем бою... И засияло... Засияло, словно перед ним явилась... красавица его ненаглядная...

– Как тут чувствуют себя рыцари неба, случайно оказавшиеся жертвами фашистских воздушных пиратов? – крепко обнял я друга. – О! Я вижу, они вполне готовы к тому, чтобы снова ринуться в смертельные схватки с ними...

– Так точно, товарищ командир, только врачи, эти вечные перестраховщики, насильно удерживают здесь, как будто больше некому нюхать у них эту карболку и дышать этим йодо-бромонашатырным воздухом... Товарищ командир, умоляю вас, сделайте что только можете, чтобы выволить меня отсюда, иначе я в самом деле заболею чем-нибудь или, по меньшей мере, стану психически неполноценным от этих запахов, от этой дурманящей атмосферы, что никак не годится для воздушного бойца...

Посмотрел, потрогал я его раны. Они где-то краснели, где-то синели, но в общем все затянулись-зажили и болью не отзывались... Гриша подвигал руками, похлопал по следам ран на предплечье, руках... И мы сделали вывод, что ему делать здесь нечего. Договорились: я пойду и скажу врачу, что он недельку отдохнет, подкрепится «дома», в спокойной обстановке, питаюсь летным пайком и совершая прогулки по свежему воздуху, и конечно же, быстрее выздоровеет и приступит к своим обязанностям, которые ждут не дождутся его...

Врач сначала не хотел, но в конце концов согласился «под честное пионерское». Пританцовывая и сияя от счастья, что он здо-

ров и свободен, шел Гриша рядом со мной и рассказывал, как он лечился и, ох же плут! дважды успел сходить в ПАРМ и заказать опять у того доброго дядьки... новую установку для нового ШКА-Са. Гриша есть Гриша, ничего с ним не поделаешь, разве что только обнять крепко в знак сердечной благодарности?!

А когда я сказал на полном серьезе (шутя, конечно, про себя), что завтра лечу с другим стрелком-бомбардиром на ночную разведку, он остановился неожиданно так, если бы его шарахнули вдруг пудовой дубиной, глаза слезно заблестели, все лицо приняло такое выражение, как будто он терял нечто такое, без чего неминуемо наступает смерть, и заявил:

– Нет, товарищ командир, это невозможно... Только через мой труп... Вы этого не допустите... Товарищ командир, пожалуйста... Очень прошу...

Можно ли после такого устоять?

...После обеда он притащил свой «авиационный скорострельный» и торжествующе водрузил на задний борт своей кабины... Слетали мы с ним, для тренировки, для ввода его в строй, по кругу, в зону и по небольшому маршруту. Чувствовал он себя превосходно.

Весь остаток текущего и первую половину следующего дня мы посвятили подготовке завтрашнего вылета...

Мы уже в ночном, вернее, в позднем вечернем воздухе, на пути к выполнению задания... На ясном небе, может с удивлением, а может быть с тихой застенчивой радостью (какое ему дело до грустных земных дел!) смотрит на земной мир молодой месяц, такой ясный и чистый, а рядом с ним тускло мерцает звездочка – его вечная и верная спутница (вот бы людям такое постоянство, такую преданность, – подумал я почему-то)...

А днем было солнечно, тихо, если не считать того, что слабенький морозец и легонькое дуновение прозрачного, ароматного воздуха ласково нежили лицо и руки. Закапало с крыш. На земле, на некоторых открытых, выпуклых местах появились небольшие проталинки... Вот так, после непогоды неожиданно пришел такой благодатный день.

«Что это так рано весной запахло?» – восхитился даже Гриша...

И вот этот чудный день завершает сейчас не менее прекрасный вечер. Я всегда был неравнодушен к молодому месяцу (да и к пол-

ной луне тоже) – он красив и загадочен. «Как только увидишь его, новорожденного, первый раз, так сразу загадай, чего ты хочешь. Он исполнит обязательно», – говорили нам взрослые в детстве.

Я верил и все время загадывал. И до сих пор это делаю... Вот сейчас лечу тоже, люблюсь им и опять пытаюсь загадать... Какая красота! Какая прелесть! Все бы золото мира отдал, лишь бы хоть раз испытать это над моими до боли в душе дорогими и родными Ай буйы, Башкирией всей и Уралом!..

– Товарищ командир!!! Приближается!.. Чуть влево!.. – так завопил Гриша, что я вздрогнул от неожиданности, но, опомнившись, тут же вернулся к совсем не лирической действительности.

Одновременно в тон хозяину, как-то ожесточенно и захлебываясь, зарычал его ШКАС... Я только успел резко дать рули влево и заметить чуть выше и правее длиннющую гирлянду искрящихся разноцветных огненных шариков... А вслед за ними, через каких-то три-четыре секунды, над нами прошуршало, прогрохотало что-то огромное, черное с языками пламени за собой, обдав такими вихрями, что «голубок» наш перевернуло, как перышко, на спину, и он беспорядочно завращался... Немедленно сбавляю обороты двигателя и ставлю рули на вывод. Умница, наш «голубок» послушно становится по горизонту...

– Как дела, Гриша? – спрашиваю, успокаиваясь.

– Нормально, товарищ командир, – живо откликается он.

– Что нормального-то, когда стервятник сразу почувствовал вкусный запах твоих, наверное, не совсем заживших ран и обрадовался, что нашел легкую добычу, а ты его пулеметом... Нехорошо как-то... – как можно спокойней и добрей отвечаю я ему, – а где он сейчас, не видишь?

– Все пространство вокруг очень внимательно осматриваю, но не вижу его, товарищ командир, – не поддается он шуткам.

– Факт, напугал ты его, небось в штаны... И решил убраться... Спасибо. Продолжай наблюдение.

Это, конечно, был тот самый многоцелевой «Мессершмитт-110», в данном случае – ночной охотник... Обшариваю темное небо снизу доверху, но нигде не вижу его. Где он? Хочет подождать где-нибудь в стороне, а потом опять клюнуть, когда его не ждут? Или он случайно, по пути домой, выполняя другое задание, наткнулся на нас (конечно, молодой глупый небесный красавец, со-

всем не желая того, выдал нас)? А может быть, Гриша всадил звезрю в брюхо немного гостинцев и он поспешил в берлогу?

Что бы ни было, надо идти к цели. И мы продолжаем полет по заданному маршруту. Глянул на месяц, а он плывет себе как ни в чем не бывало. Правда, покраснел слегка. Может быть, ему стало стыдно, что отвлек мое внимание и чуть не случилась беда. Или просто от того, что спустился в нижние слои атмосферы? Ведь ему совсем немного осталось доплыть до горизонта. Когда мы будем пересекать линию фронта, он утонет за горизонтом, а при подходе к цели – уйдет так далеко, что мы останемся в темных небесах наедине со звездами, с нашими верными союзниками...

Полет продолжается спокойно, при строгом соблюдении всех расчетных параметров. Не беспокоят ни зенитки, ни ночные истребители.

Вот уже впереди заветная станция. Обходим ее с юга так, чтобы появиться над ней с запада, то есть с немецкого тыла, откуда, как мы полагали, нас не ждут. Да и лесистая местность нам поможет... Впереди по курсу, теперь уже с запада на восток, скоро покажется Нетельский. Высота 700 метров.

– Гриша, мы на боевом! Смотри в оба.

– Есть.

Сам усиливаю наблюдение за землей... И, наконец, перед самым носом показался желанный Нетельский... поселок средней величины. А вот и слева по боку станционные строения... Показались и пути... Входные и выходные станции... На них... Между ними... Создаю левый крен, чтобы лучше рассмотреть все, что заметил на путях... И в это самое мгновение... Будто сверкнула сразу тысяча молний или само солнце, приблизившись, обняло внезапно! Я был так ошарашен невиданным и неслыханным до селе обилием ослепительно-яркого света, что меня охватила оторопь... Но это доли секунды... Я, конечно, автоматически зажмурил глаза и... Тут же пронзила мысль – прожектор! Это самое страшное в ночном небе для легкого бомбардировщика или разведчика, то бишь для нашего «голубка». Того и гляди сейчас в его лучах начнут дубасить тебя зенитчики... Уходить! Немедленно уходить в сторону и вниз! Но возможно ли это? Со скоростью «голубка» от такого мощного луча света (а вслед за ним и огонь),

способного мгновенно менять свое направление в зависимости от характера движения самолета-цели! Но как бы там ни было, надо попытаться. Другого выхода просто не существует... Немедленно переключиваю «голубка» в правый крен, одновременно переводя его в максимально возможный угол пикирования. На миг луч света остается слева сзади и мы оказываемся в темноте, но тут же он настигает нас вновь и окунает в море солнца... Снова переключиваю, но уже в левый крен, вывожу из угла пикирования, но через секунду, сбавив обороты двигателя, опять начинаю пикировать, то есть спиральить. Луч теперь оказался справа.

– Товарищ командир, справа рядом с лучом большая вспышка... Ясно. Зенитка, среднекалиберная, открыла пробный огонь. Сейчас даст на поражение...

Увеличиваю левый крен, максимально отклоняю вправо руль поворота. «Голубок» засвистел, задрожал, с максимальным углом снижения и с максимальным креном скользит влево.

Через секунду тысячи молний пронизывают нас опять...

– Командир, вспышка сзади, совсем рядом с нами! – уже тревожно передает Гриша.

Быстро перевожу «голубка» в правое скольжение с теми же максимально возможными параметрами...

Луч остается слева...

– Вспышка слева-сзади и чуть ниже...

Так... Надо попытаться обмануть...

Даю максимальные обороты, вывожу из крена, перевожу в угол набора...

– Командир... справа на одной высоте.

Опять настигает луч. Долго секунды сохраняю созданный режим «голубка», потом резко перевожу в глубокое левое скольжение...

– Командир... сзади и выше...

Гляжу, и луч нервно шарит выше... И немудрено – перевел взгляд вниз, а там... быстро и угрожающе приближается с наклоном какая-то темная, лохмато-неровная поверхность... Энергично беру ручку на себя и вправо... «Голубок» переходит в горизонтальный полет, едва не задевая макушки деревьев...

Это чудо, что мы вырвались из цепких объятий зенитного прожектора и зенитных орудий! Пока что, добавим. Впереди может

случиться всякое. Ведь надо обязательно побывать над станцией так, чтобы, во-первых, зафиксировать как следует все, что там находится, во-вторых, применить по назначению четыре пятидесятикилограммовые бомбы и совсем еще не тронутый запас «лимонок» и пулеметных патронов у Гриши, ибо он все равно не даст покоя, пока не израсходует их (Да и у меня самого чешутся руки по зенитным орудиям, прожектору и по железнодорожным составам, какие успел заметить при подходе), в-третьих, чтобы мы привезли все же разведанные домой и в свое время...

Прежде всего, где мы находимся? Судя по всему, восточнее станции. Если так, то как строить маневр, чтобы за один заход решить весь объем намеченного и уйти целыми и невредимыми?

О том, чтобы подняться выше, не может быть и речи! Повторить направление атаки – тоже. Поперек путей, следовательно и составов, – значит в два раза уменьшить вероятность попадания.

Остается одно – атаку производим с предельно малой высоты (слава Богу, что в бомбы ввинчены взрыватели замедленного действия), под небольшим углом к путям с юга или с севера...

Вдруг западнее нас свечой пронзил темное небо вертикально вверх тот самый ослепительно-яркий луч света. Ну, прямо как в сказке: «По моему хотению». С точки зрения моих интересов. А там, как знать...

Мне остается на секунду взмыть и посмотреть, где точно находятся прожектор и станционные пути... Какая удача! Как на ладони юго-западнее нас сама станция с путями, составами... а прожектор – на северо-западной окраине поселка недалеко от нити железной дороги. А это что? Вспышки орудийных выстрелов? Да-да! На юго-восточной окраине... Но кого ищет прожектор? По кому открыли огонь зенитные пушки?

Заградительный? Или уже на поражение? Неужели для страховки подполковник выслал еще один экипаж? Все может быть... Но мне надо выполнить свою задачу. Немедленно спускаюсь с «горки» (от греха подальше) и, прижимаясь к самой земле, разворачиваюсь влево.

Решаю атаковать курсом с северо-запада на юго-восток; сначала прожекторную установку «лимонками» и пулеметной очередью, а затем составы на путях в пределах станции – бомбами и, напоследок, – зенитные орудия опять гранатами и из пулемета...

Разъяснил решение Грише.

«Понял, товарищ командир, будет исполнено», – был его ответ...

Иду к намеченной точке разворота севернее станции и одновременно продолжаю наблюдение за лучом прожектора. Он сейчас как-то беспокойно дергается с некоторым наклоном на восток. Красив по-своему, черт! Красив? Если он предназначен для того, чтобы убить, – красив? Парадокс? Абсурд? Тыфу ты, что тебе в голову лезет, если там... Что я вижу?! Прожектор схватил еще какого-то «голубка»! Точь-в-точь, как минуту назад нас. Вот он заметался... Прожектор цепко удерживает его своими щупальцами. «Голубок» перешел в крутую спираль. Луч прожектора за ним... И недалеко от «голубка» вспышка. Это разрыв зенитного снаряда!..

Я уже достиг железной дороги, идущей на север от станции, которая виднеется левее меня. Прожектор совсем рядом, слева по борту. Разворачиваюсь на него. Вот он ослепительно маячит прямо перед нами, колеблясь и дергаясь так, как надо, чтобы удерживать «голубка» в своих цепких объятиях. А «голубок»... Почему он так долго спиралит в одну сторону? Неужели не видит вспышки снарядов? Вот они все ближе... ближе... Сектор газа энергично толкаю вперед... Быстрее настигнуть прожекторную установку и подавить, погасить ее... Быстрой! Кто раньше? Я или зенитный снаряд, пользуясь лучом прожектора?

– Гриша, приготовься! Сразу две «лимонки», а как пройдем, тут же садани пулеметом! Только смотри и целься в основу установки. Там источник, там экипаж!..

– Есть!

Стараясь смотреть в сторону, накрываю капотом прожекторную установку. А что в зените? Взрыв снаряда у самого «голубка»... И... О, боже! Взрыв другой... Значительно больше... «Голубок» разлетелся на части...

– Бросай, Гриша! И длинную очередь!..

Луч прожектора, жестокий, страшный, смертельный, исчез сразу, как взорвались «лимонки» у его основы и прошла ее длинная очередь ШКАСа... А объятые пламенем части «голубка» продолжали беспорядочно падать... Зенитка, конечно, прекратила огонь...

Ну, дорогой «голубок» наш, вперед! Быстрей! Отомстим за твоего дружка... Направляю его прямо на составы в центре станции... Быстрей! Быстрей... Набираю метров десять высоты, чтобы бомбы не срикошетили и не ударились о своего хозяина... Внимание! Вот они, «красавчики желанные», как вытянулись перед носом! Рядом фрицы... Идет выгрузка?..

– Гриша! Три штуки. Бросай друг за другом три, одну оставь!

– Есть!

Прошли благополучно, спокойно. Никаких стрельб. Факт, не ждали. Ну и отлично... Через 27 секунд прогремят взрывы бомб, а вместе с ними и... Теперь – точно выйти на батарею СЗА! Я хорошо запомнил ее местонахождение. Чуть подворачиваю «голубка»... А вот и они, сволочи, круги с жерлами в середине, темнеют, как чудовищные призраки...

– Гриша! Дерни бомбу! И сразу же все «лимонки», а потом прогрей как следует ШКАСиком!

– Есть!

Только отошли от батареи, а он:

– Командир! Взрывы над станцией!

– Прекрасно!

Делаю «змейку», смотрю сам. Да, два... три... пять взрывов... Они, конечно, рождают в сознании какую-то удовлетворенность, но никак не могут подавить кошмарную смесь чувств: и досады, и обиды, и горечи... Вся душа пылает... Слышно даже, как пульсирует кровь в висках, а не только как гулко бьется само сердце в груди...

Мельтешит перед взором картина избиения того «голубка»... Это же надо казнить душу таким ужасным и мучительным видением – твой собрат рассыпается на горящие куски прямо на глазах!.. А ты цел и невредим... И ничем не можешь помочь!

Странно, но сразу же тяжелым камнем легло на душу чувство, как будто в этом виноват ты, хотя и ясно сознаешь, что твоей вины нет... Но почему бы не распорядиться судьбе так, чтобы бабахнуть по этой чертовой прожекторной установке на каких-то две-три секунды раньше, пока ее луч не навел зенитчиков на прицельный удар?! Ан нет, какие-то иные обстоятельства продиктовали совсем иное, противоположное...

Получилось, во-вторых, так, будто их смерть спасла нашу жизнь. В самом деле, вражеские прожектористы и зенитчики целиком и полностью были поглощены ими, напрочь забыв о нас. Вполне возможно, что именно благодаря этому наша атака получилась неожиданной, и противник не сумел оказать какого-либо сопротивления. В противном же случае исход атаки мог быть печальным и для нас...

Правда, умом понимаешь, что все это, мол, произошло тоже не по твоему велению... И позволило в то же время нанести по врагу ощутимый удар... Может быть, это в какой-то мере успокоит душу?.. Что, опять случайности... везения или невезения..?

А нужно ли отбрасывать элементы предвидения, расчетов, более умелых и решительных действий..? Да, конечно, да... Все это так... Да только камень давит на душу и на сердце...

Нет, даже то, что нам удалось рассмотреть хорошо станцию со всеми расположившимися там объектами и уничтожить значительное количество техники, оружия и живой силы на ней, ни в малейшей степени не может служить утешением...

Но хватит раскисать!.. Вернись к реалиям вражеского ночного неба со всеми его жестокостями, зигзагами... Возьми себя в твердые, уверенные руки!.. Теперь все внимание на то, чтобы благополучно добраться до дому. Ошибаться не имеем никакого права... Это диктуют мне мой разум, моя воля...

Пока были над территорией, занятой врагом, – летели на бреющем... Линию фронта пересекли на высоте девятьсот метров, дабы не продырявила нас какая-нибудь шальная пуля. Почти в расчетное время произвели посадку на своем аэродроме...

Надо ли рассказывать, с каким беспокойством ждал нас и с каким удовлетворением выслушал наш доклад Роман Андреевич?

Если судить по внешнему облику и внимательному взгляду усталых глаз, нельзя сказать, что он сильно переживает.

Но то, что длинные ресницы его моргают чаще, чем обычно, и пальцы «дирижерские» стучат по столу совсем не ритмично, как всегда, говорило об обратном...

– Да, командующий распорядился направить еще один экипаж, – признался он в конце беседы, – очевидно, для большей гарантии и уверенности... Вы же понимаете, что значат разведка и ее данные... Но если бы он мог предвидеть, как могут разго-

реться там события... Это не в состоянии были бы сделать даже мой бог или ваш аллах, если бы они были рядом с ними... А вас я еще раз поздравляю от всего сердца с очередным успехом. Спасибо вам и товарищеское, и человеческое... Я знаю, что это не только, вернее, не столько везение... А вы знаете, кто на том «голубке» был? Нет, конечно. Знаю, вас огорчу, но скажу: пилотом – Рудаков. Да, да, Александр Рудаков, – повторил он, заметив мой удивленный взгляд, – ваш тоже, которого рекомендовали как хорошо подготовленного... А с ним... – Нетребенко... Да, именно тот самый Нетребенко, который должен был лететь с вами, если бы не был готов Меновщиков... Что это? Злая ирония судьбы?

Мгновенно возник перед взором Саша Рудаков, красавец блондин с синими-синими глазами, с нежным лицом, напоминающим, пожалуй, больше девичье. Так рьяно рвался на фронт! Летал старательно, «аккуратно». И девушку любил очень возвышенно. И ее я по Ардатову помню хорошо... Но Саша успел хоть повоевать... А Нетребенко?! Сразу же на первом боевом!..

Жесток ты, немилосерден, Всевышний!

– Завтра, вернее, уже сегодня, – посмотрев на часы, произнес подполковник, – весь день и вечер отдыхайте, приведите себя и «голубка» в порядок, а завтра утром приходите за новым заданием. А сейчас желаю спокойного сна и приятных сновидений.

Вышли мы от него совсем не успокоенные, не с «легкой душой», как всегда. Мы чувствовали не только большую усталость в теле, но и какую-то гнетущую тяжесть в душе... Над нами все еще царствовала ночь. На темнеющем небосклоне, перемигиваясь между собой, на только им одним понятном языке, вели разговор яркие звезды. Приятно ласкал лицо нехолодный, слабый ветерок. Нам не хотелось говорить. И шли мы молча, предаваясь каждый своим мыслям, лишь изредка задавая друг другу вопросы о том, как все это так могло произойти.

Как только мы вошли в свою «спальню», Гриша решительно заявил, аппетитно позевывая:

– Ох, как завалюсь сейчас...

– Давай, дорогой, давай быстрее, и я последую твоему примеру, – поддержал я его.

Но только разделись и умылись, как:

– Получается, что лишил жизни Нетребенко я, товарищ командир? Ведь если бы он полетел с вами, остался бы жив, – с горечью в голосе заявил вдруг Гриша.

– Но причем же здесь ты, Гриша? Ты полетел на вполне «законном» основании, на своем штатном и привычном месте. Ты же оказался здоров, – попытался я успокоить его.

Я посмотрел на него, надеясь, что это мне удалось. Но увидел, что тень сомнения и грусти оставались на его лице и потому решил растолковать ему иначе:

– Так ведь можно договориться и до того, что и Рудакова убили мы с тобой, а не фашисты, коли мы не успели уничтожить их раньше, чем они выпустили снаряд прямо в Рудакова и Нетребенко? Да, я тоже так думал тогда в горячке, в воздухе, как только отошли от станции... А сейчас я тебе признаюсь, чтобы ты успокоился окончательно. Во-первых, в наши обязанности не входило уничтожение или подавление зенитных и иных средств противника. Это уж мы делали сугубо по своей инициативе. Нашей задачей, главной и единственной, была разведка. Во-вторых, ты ведь знаешь и вполне сознаешь, что мы никак не могли трахнуть по этому проклятому прожектору раньше даже на доли секунды. Мы были поставлены, волею обстоятельств и нашими техническими возможностями, в такие жесткие рамки. В-третьих, да простят они мне, тем «голубком» все же управляли, вели единоборство с врагом они, Рудаков и Нетребенко, а не мы с тобой... И специфику такого боя они знали не хуже нас! Да и на это задание, и именно в это время посылали их не мы...

Все это я, очевидно, говорил и для собственного успокоения. Однако, что бы я ни говорил, от какого-то горького осадка, несмотря и на кажущуюся удовлетворенность успешным выполнением «своего» задания и на похвалу начальства, упрямо саднило в душе и сердце. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы вдруг я не обратил внимание на тумбочку у изголовья кровати. Там лежал конверт, один беглый взгляд на который заставил забиться сердце так, что прочь ушли и вся усталость, и все напряжение прошедшей огневой ночи...

Да, это было письмо от нее, от моей Магиры. Я мгновенно схватил его, раскрыл и с жадностью стал читать.

«Здравствуй, свет ты мой, родненький ты мой. Прочитали твое письмо и... как будто солнце волшебное засияло! А я чуть не задохнулась от переполнивших меня всю чувств радости и признательности. О, знал бы ты, что значат твои письма для меня, для всех нас! Они – наша надежда, сама жизнь наша. Они и радуют, и поддерживают, и воодушевляют нас в эти довольно нелегкие времена... Вот и сейчас, прочитала и представила тебя совсем как наяву, хотя ты и всегда в моей душе, перед моими глазами, но сейчас так близко, как будто я слышу твое дыхание, вижу твои глаза, такие добрые, они смотрят так нежно, пылливо... А руки твои хотят дотронуться до меня и... никак не могут... Хотя ни разу не видела в жизни самолет (только на картинках), а сейчас вот вижу тебя в нем, но странно, то верхом с пулеметом в руках, то где-то внизу, впереди под стеклом, то между облаками, то под звездами, то налетает на тебя большая птица с крестом, и ты отбиваешься от нее, а то кидаешься на фашистов в касках с рогами...»

Я много рассказываю своим ученикам о войне, о тебе, как могу, конечно. Они очень интересуются этим. У меня есть ученик по имени Хамидулла, любознательный, смысленный такой, но и шаловливый, такие у него черные глаза, а так блестят, что, кажется, освещают все вокруг. Так вот, он нарисовал, как два самолета – один с красной звездой, другой с черным крестом – дерутся между собой. «Это Куддус агай», – уверяет он, показывая на краснозвездный самолет... Я им говорю: «Куддус агай и его товарищи просят, чтобы вы учились хорошо, занимались физкультурой и были послушными, заранее готовясь быть умелыми и сильными защитниками Родины, тогда они будут гордиться вами, будут спокойны за вас и за будущее отечества, и фашистов будут бить еще лучше и победят их еще быстрее, потому что пойдут в бой с большой радостью и хорошим настроением». Они соглашаются, обещают учиться, вести себя лучше, дают слово, что не подведут, обязательно выполнят ваш наказ, и просят передать тебе и всем твоим товарищам горячий привет...

Знаешь, я верю твоим словам о том, что тоже помогаю тебе там, на войне, бить фашистов и очень рада этому... О, я всегда с тобой... Я вся твоя... Сердце мое бьется вместе с тво-

им, ему в унисон. Ты не слышишь? Прислушайся лучше, и обязательно услышишь. Ты бери его с собой в бой всегда, оно не подведет, надежно будет защищать тебя и поможет бить врага еще сильнее...

А как переживают за тебя все наши, особенно мама твоя (она же и моя, правда?). Это трудно передать словами. День и ночь ты в ее душе, перед ее глазами, на ее устах, как только не толкует она о тебе, то сама с собой, то с нами, то бежит к знахарям, то к имаму-хазрету в Торонкильде... Так что знай – прежде всего она, ее душа, ее сердце поддерживают тебя во всех твоих опасных и трудных делах...

Ох, как мы просим все и бога, и аллаха, и всех святых, и все звезды, чтобы они помогли тебе бить фашистов, оберегая тебя самого. И мы верим этому. И ты верь. Во всем остальном все мы, так же как и деревни наши, живем по-прежнему, без особых перемен. Конечно же, передаем тебе горячий привет и низкий поклон, особенно же желаем благополучия и удач в боях, во всей твоей фронтовой жизни. А я... не просто нежно целую тебя. Я вся с тобой. Нет, вся в тебе. Мы едины с тобой. Я с тобой воюю там, а ты учишь здесь вместе со мной наших детей, воспитываешь смену себе, своему поколению...

Будь здоров, спокоен, везуч во фронтовом небе.

Я, твоя Магира.

P.S.: На меня так хмуро посмотрели Ташклэт, Нажибль, Карагайлы и Коштау и весь Ай буйы, а Актюш так сильно заскулил, что я вздрогнула. Оказывается, они обиделись, что не посылаю привет от них. Исправляюсь, пожалуйста, прими и от них привет и самые теплые пожелания. Вот теперь все в порядке. Видел бы ты, как они все заулыбались и стали показывать очень милыми движениями, что крепко обнимают и целуют тебя, а Актюш к тому же изо всех сил визжит, прыгает и хвостом виляет... Вот так-то... Что значит, горячо любить друг друга. Храни тебя всевышний! И еще. Говорят, Мирзу агая отправили куда-то в трудармию. Енге теперь будет очень трудно содержать себя и двух мальчишек. Правда, Рафаил, хотя ему только 12 лет, очень хорошо помогает матери. Вообще, он молодец, такой смывленный и трудолюбивый, как и папа, и такой же, как папа, никогда не унывающий,

несмотря ни на что. Но, главное, он по стопам и отца, Мирзы агая, и деда, Бадретдин бабая (твоего, кстати, тоже), растет мастером на все руки. Вот уж упрямая наследственность. Впрочем, и у тебя ведь также. Ты тоже что-то все время мастерил: летом какие-то управляемые тележки, зимой – санки, то простые, то с крылышками, то коньки, то лыжи (они ведь тогда не продавались в магазинах). Только не знаю, у какого деда ты большие все это унаследовал: Бадретдина или Латифа. А может, у того и другого поровну. У отца, Каниф агая, ты, конечно, перенял все...

А сейчас, видишь, как ты сумел овладеть самолетом, такой сложной машиной, летаешь даже в ночных небесах. Я уверена, таким способным умельцем во всем ты будешь всю долгую-долгую жизнь...

Еще раз крепко-крепко обнимаю и целую тебя... Чтобы ты ощущал это всегда и всюду, даже в огненном небе...»

На одном дыхании прочитал я это дорогое послание, поцеловал и прижал к груди... Как все ожило вокруг... Эх, Магира ты Магира, жизнь ты моя, радость ты моя! Что же ты делаешь со мной? Какие волшебные крылья даешь ты мне и в какие сказочные дали уносишь? Вот я уже над этим фантастическим миром. Нет, мы вместе с тобой, рука об руку, душа в душу плывем над ним, по светлому воздушному океану в окружении прекрасных птиц. И, конечно же, начался наш стремительный полет с Волхова и Ильмень-озера, протянулся дальше по чудным просторам Волги широкой, красавиц Камы и Белой и нашему захватывающему дух могучему Уралу, вызывающим щемящую боль и тоску в груди, волнующим душу изумительным горам, долам, степям, озерам и полям несравненного Башкортостана...

Только изрядно утомившись и вдоволь насладившись, опустились мы, наконец, на родную землю... И осталась Магира в своем таинственном Алмалы в окружении милых и загадочных холмов и рощ сказочного Ай буйы, а я... очутился в своей землянке среди лесных красот тревожной, огневой Новгородчины...

Гриша уже храпел вовсю. Только гильза-лампа тихо мигала, кокетливо и подозрительно улыбалась, непривычно светло и радостно освещая все вокруг. Казалось, и запах ее копоты щекочет ароматно в носу.

Сон не шел. Упрямо одолевали думы и думы... Непрерывной чередой неслись и неслись перед глазами сводящие с ума и пьянящие душу и сердце красоты родных просторов и такие дорогие, такие милые образы – мамы, отца, сестер, ее, Магиры, родных, друзей-товарищей, сельчан, всех, кого запомнил на всю жизнь... О вас, мои дорогие, все мои думы и мечты! О том, как защитить вас от врагов и уберечь от всех невзгод, а потом и... очастливить! В этом, конечно, я надеюсь прежде всего на вас самих, но и полагаюсь на ту силу, на те крылья, какие вы мне дали. Подведу ли я вас когда-нибудь? Никогда!

...Хорошо отдохнув, утром следующего дня предстали пред ясные очи Длинных ресниц. Встретил он, как всегда, доброжелательно.

– По бодрому выражению лиц и светлым глазам вижу, что готовы к выполнению новых заданий? – обратился он, улыбаясь и пожимая нам руки.

– Так точно, товарищ подполковник, – отвечаю я ему в тон.

– Сегодня выполните сравнительно не тяжелую работу, для разрядки, разнообразия. Прошу передать вот этот пакет командиру штурмового авиаполка (шап) и привезти то же самое от него.

– Есть, товарищ подполковник.

Положив в планшет внушительный пакет, направляемся к «голубку».

23. ВОТ КАКОВ ОН... КОМАНДИР ШТУРМОВИКОВ

А теперь прошу мысленно представить эпизод, который разыгрался в эти минуты на аэродроме штурмовиков.

Командир полка с нетерпением ждет прилета своих самолетов после выполнения боевого задания. Они должны вот-вот появиться. Но вдруг вынырнул из-за леса юркий У-2 и со снижением направился на взлетно-посадочную полосу, намереваясь, очевидно, совершить посадку. И в то же время командир увидел четверку Ил-2 в сопровождении стольких же ЛАГГ-3. Они подошли к аэродрому на высоте 150–200 метров в правом пеленге. Ясно было, что ведущий сразу распустит группу на посадку. И действительно, поравнявшись с посадочным «Т», самолеты, раз-

ворачиваясь под девяносто градусов влево, стали строить маневр для захода на посадку. Ведущий же энергично развернулся на сто восемьдесят градусов, прошел некоторое время по прямой, потом с внушительным креном резко развернулся еще на сто восемьдесят градусов и оказался на посадочной прямой. У-2 в это время выравнивался перед приземлением. Ил-2 же выпустил шасси, щитки и стремительно приближался к полосе.

– Ракету! – истошно завопил командир.

Однако, пока с КП давали ракету, У-2 приземлился и, наверное, увидев ракету и почувствовав что-то неладное, пробежал буквально 30–40 метров и стал уклоняться влево. Но в это же мгновение сел Ил-2 и быстро заскользил по полосе, казалось, прямо на У-2.

Командир и стоящие рядом с ним аж присели. Что же будет?!

У-2 газанул, пытаясь быстрее соскочить с полосы и как раз в эту секунду Ил-2, чуть не задевая «кукурузника», в каких-то четырех-пяти метрах от него, пронесся дальше...

– Ко мне эту тарахтелку! Быстро! – зычно скомандовал командир оперативному дежурному. Тот стремглав кинулся к «тарахтелке», на ходу показывая направление руления. У-2 прирулил на указанное место. Пилот выключил мотор, легко выпрыгнул из кабины, соскочил с плоскости и направился к группе людей, стоящих у входа в землянку на самой опушке леса...

Видимо, дорогой читатель, ты уже догадался – кто же был пилотом этого У-2. Да, да, им был я.

Так вот, спрыгнув с крыла самолета на землю, я не успел сделать и трех шагов, как услышал произнесенное довольно громко и грозно:

– Как вас там, можете вы побыстрее?!

Я сначала ускорил шаг, а потом и побежал. Я приблизился к человеку, окликнувшему меня, остановился в трех-четырех шагах от него и, приложив руку к шлему, стал докладывать:

– Товарищ ко... – успел я произнести, как тут же услышал:

– Чей это гарантас тарахтящий и откуда он приполз? Кто в нем сидит: кучер с казахских степей или человек, призванный управлять доверенной ему летательной машиной? И слышал ли он когда-нибудь, что такое НПП (наставление по производству

полетов – *авт.*)? – посыпались один за другим вопросы, задаваемые тоном, не предвещающим ничего хорошего.

Я оторопел. Не знаю, как точно выразить состояние души, но чувствую, что чем больше смотрю на говорящего, тем больше одолевают меня чувства и страха, и удивления, и обиды, и черт знает еще чего одновременно. Наверное, в это время я был похож на кролика, внезапно оказавшегося перед питоном...

А передо мной стоял высокий смуглый мужчина в кожаном реглане (хотя был довольно холодный мартовский день), в шапке-ушанке. Из-под его темных бровей свирепо смотрели на меня чернущие, как смоль, слегка навывкате, глаза. Нет, не смотрели, а пронизывали насквозь и прямо-таки метали искры и молнии. С лихо закрученными кверху острыми кончиками, но тщательно подстриженные, и потому, наверное, довольно привлекательные усы при этом, вызывающе расположенные под аккуратным, с едва заметной горбинкой носом, вздрагивали от волнения.

«Но как он похож на цыгана, нет, он почти не отличается от того цыгана, который привел свой табор к нашей деревне года за два до войны и который очень искусно пугал мальчишек, шутя, конечно, – пришла внезапно мне в голову совсем некстати и несуразная в своей основе мысль, – нет, не похож, а настоящий он цыган», – только было сделал я свой нелепый вывод, как вздрогнул, услышав:

– Вы знаете, что чуть было не погубили боевые самолеты из-за своей расхлябанности и заслуживаете за это наказания по всей строгости законов летного дела, притом во фронтовых условиях? – продолжил он. – Дежурный, арестовать его и тарантас тоже! – заключил он тоном, не терпящим никаких возражений, и я понял, что на этом разговор окончен.

Я был ошарашен. Почувствовал, как задрожали колени. И уже был подобен кролику, сидящему у самой пасти питона и упирающемуся всеми четырьмя слабеющими лапами, чтобы не попасть в нее. Как заколдованный, я видел в ужасе (несмотря на то, что уже не раз смотрел смерти в лицо) только чернущие искрящиеся глаза «питона».

Как бы я ни силился, но долго не мог оторвать взгляда от них и сказать хоть одно слово. Лишь большим усилием воли удастся мне через некоторое время все же пролепетать:

– Я... я виноват, товарищ командир, но я привез вам пакет от товарища Кондратюка...

Достав из планшета пакет и отдав его суровому командиру, добавил:

– Товарищ командир, прошу вас простить меня... Мне приказано возвратиться немедленно с ответным пакетом от вас: меня ждет новое задание.

– Вы слышали, что я сказал? А вашему командиру я доложу о случившемся, – отрезал «питон», резко повернулся и скрылся в землянке. За ним последовали двое его сопровождавших.

Хотя я почувствовал некоторое облегчение, освободившись от околдовавших меня чар, но продолжал стоять все еще в состоянии некоторого оцепенения.

Со стыдом и жалостью глянул на свой «тарантас», то бишь на моего дорогого «голубка», на Меновщикова, терпеливо ожидающего в кабине, и произнес в сердцах: «Видите, друзья мои, что получилось? Извините, пожалуйста, больше никогда не повторю подобную оплошность, а пока остается только терпеть и ждать».

Все это произошло так быстро, что я не успел даже осознать сразу всю серьезность момента. А когда несколько опомнился, простояв некоторое время, и представил во всей полноте случившееся, ужаснулся. Что будет? Что подумает подполковник Чистов Роман Андреевич? А если узнают в полку? Что подумают товарищи и как поступит командир?

Сколько минут простоял я, предаваясь своим грустным мыслям, не знаю. Показалось, очень долго. Потоптался немного с ноги на ногу, оглянулся и тут только сначала уловил гул, а потом увидел невдалеке, на лесной опушке, прирулившие два камуфлированных во все белое самолета с широкими крыльями, острым внушительным носом и с кабинами-горбами на фюзеляже на уровне крыльев. Сердце мое екнуло! «Да это же они, знаменитые ИЛы!.. Ах, как бы подойти к ним, посмотреть, да еще потрогать и в кабине посидеть. Ведь давно мечтаю я об этом! Смотрел я на них, как зачарованный, боясь оторвать взгляд... И вот из кабин показались летчики, соскочили на землю, что-то сказали техникам и быстро зашагали в направлении... ко мне, точнее, как я догадался, в землянки КП, где сейчас находился «цыган», он же «питон» – командир.

Но они неожиданно вдруг подошли ко мне. Один небольшого роста, курносенький, с умными серо-зелеными глазами, годами старше меня, может быть лет на пять, другой – чуть повыше ростом, более плотного телосложения, с роскошными черными бровями, с изучающим взглядом темных глаз, примерно такого же возраста, как первый.

– Здравствуйте, дорогой коллега! Как видно, вы пилот этого нашего родного У-2, – очень доброжелательно обратился ко мне вдруг хозяин серо-зеленых глаз и, не дожидаясь ответа от меня, продолжил, – извините, пожалуйста, что вынужден был так близко от вас приземлиться, горючее было на исходе, да и был уверен, что успеете соскочить с ВПП (взлетно-посадочной полосы) после ракеты, так оно и случилось. Надеюсь, не обижаетесь на меня?

Я опешил, чего-чего, но такого обращения к себе (от кого? От самого летчика-штурмовика!) после всего случившегося я не ожидал. Я растерялся, смешался изрядно, сразу даже рта не смог раскрыть, но в конце концов промямлил:

– Что вы... Это я должен извиниться... Это я виноват... Простите меня, если сможете... Я просто не предвидел такое... Не заметил вовремя... И спасибо вам за все...

– Не надо слишком сильно винить себя. Бывает всякое, будем считать, что мы оба виноваты. Тем более на земле должны были заметить все это раньше... А командир наш как среагировал?

– Довольно строго... Обещал арестовать...

– Ну, это он, наверное, сторяча. Не переживайте сильно. Он у нас отходчив и вообще очень хороший человек. Мы еще с ним поговорим. Ну, будем знакомы: меня зовут Борис Лозоренко, а его – Кязим Агрба, мы лейтенанты. – И они поочередно от души крепко пожали мне руку.

– А я Латыпов, сержант, – ответил я.

– Очень приятно. Смелей, сержант, не унывай, все будет в порядке, – приятно улыбаясь, ответили на этот раз темные глаза под черными бровями, – желаем тебе удачи, может быть, еще и встретимся, – на прощанье по-дружески пожал мне руку.

– Ну, будьте здоровы, и я желаю вам успехов, – сказал мне Борис, – извините, мы спешим, надо доложить о выполнении боевого задания.

И они направились в землянку.

Машинально посмотрел на часы. С момента посадки прошло всего-навсего десять минут! А я-то думал, целая вечность! Ну что же, подождем еще. Да и надо предупредить Гришу и посмотреть «голубка». Они, конечно же, с нетерпением ждут меня. Не успел еще подойти, а Гриша, увидев меня, сразу спросил:

– Ну как, командир, скоро мы домой?

– Подожди, дорогой, скоро выяснится.

Потрогал моторчик – он уже начал остывать. Только было хотел сказать Грише, чтобы он вытащил чехол, как меня окликнули:

– Товарищ пилот, зайдите в землянку.

Я пулей устремился к землянке, молниеносно заскочил туда и остановился перед «цыганом», как вкопанный, не соображая, что же делать, что же сказать?

– Из какого детского сада вас сюда прислали? – услышал я строгий голос и увидел... ох, эти черные глаза! Разумеется, смысла вопроса я не понял и в недоумении уставился на него, чувствуя одновременно, что я опять становлюсь кроликом перед питоном.

– Я спрашиваю, из какой вы части? – раздался тот же голос, и впилась в меня искрящиеся цыганские глаза, какой-то таинственной силой влекущие к себе.

– Из 704-го нббап, товарищ командир, – с трудом выдавил я из себя.

– Не товарищ командир, а товарищ майор. Вас учили уставному обращению?

– Так точно. Извините, товарищ майор, – чуть внятной произнес я, замечая, что черные глаза сверкают уже не так обжигающе-ослепительно, сверлят меня не так пронзительно, как при первой встрече, и я вижу только сейчас, что он не в реглане, а в гимнастерке, на петлицах которой прикреплены две шпалы.

– Сколько находитесь на фронте? – командирский голос стал мягче, частота и яркость искр из цыганских глаз поубавились и ошутимо ослабла сила притяжения питона.

– Третий месяц, товарищ майор, – смелее ответил я.

– И что же успели сделать за это время? – слышу я вполне обыкновенный любопытствующий голос, совсем не вижу искринок в глазах и не ощущаю силы питона.

– Двадцать боевых вылетов ночью на бомбометание, разведку и несколько полетов на связь, – четко доложил я.

– О, это похвально, – с радушием заблестели черные глаза, довольно задвигались роскошные усы и весь командирский облик стал выражать доброжелательность.

Я почувствовал, что пришел в себя. Мало того, посчитал возможным ответить на затаившуюся обиду (может быть, даже оскорбление профессионального достоинства), которое было допущено при встрече, ибо тут же, не подумав хорошо, довольно смело добавил:

– Все же У-2 тоже летательный аппарат тяжелее воздуха, а не тарантас, товарищ майор, и может выполнить очень ответственные боевые задания, в том числе сбросить до 300 килограммов различных бомб на головы фашистов. А какая разница, каким оружием и как уничтожаются враги, лишь бы побольше побить их.

– О-о-о! Вы довольно дерзкий патриот своего «аппарата тяжелее воздуха», но это неплохо, нет, это даже очень хорошо и правильно, надо любить свое оружие и уметь его защищать. А откуда вы родом? – вдруг спросил он.

– Из Башкирии, – с подъемом заявил я, – а не из Казахстана.

– Да, вы еще и горячий патриот своей республики. Значит, потомок Салавата Юлаева?

– Выходит, что так.

– Это замечательно. Народ твой воинственный, в то же время очень добрый, любит справедливость и свободу. Надеюсь, не производишь его?

– Думаю, что нет.

– А что же ты окончил?

– До армии – педучилище, аэроклуб. В армии – военную школу пилотов.

– Сколько же учились в школе?

– Шесть месяцев, но каждый день с раннего утра и до позднего вечера... Мы прошли ускоренный курс обучения. После этого даже успел поработать два месяца инструктором-летчиком в школе первоначального обучения и месяц проходил ночную тренировку перед фронтом.

– Оно и видно, что ускоренный курс. А сколько вам сейчас лет?

– Через четыре месяца будет девятнадцать.

– Вот-вот, поэтому и спрашивал я, из какого детского сада, юнец да и только, – обращаясь к рядом стоящим майору, капитану и... Лозоренко и Агрбе, – сказал он (только сейчас обратил я на них внимание. Они, как мне показалось, сочувственно и дружелюбно улыбались) и спросил:

– А кто вы по званию?

– Сержант, товарищ майор.

– Ладно, товарищ сержант. На первый раз я вас прощаю. И на фронте надо строго соблюдать правила полетов, очень строго... Нет, даже еще более строго... Вот, возьмите пакет и летите назад, передайте его в штаб товарища Кондратюка. А докладывать или не докладывать о случившемся – дело вашей чести.

Можно ли представить, как я был обрадован?! Я даже не спросил: «Разрешите идти?» – как было положено в таких случаях, я совсем по-мальчишески, звонко произнес: «Спасибо, товарищ майор!» – и быстрее пули вылетел из землянки...

Как скажут мне потом, майор только заулыбался мне вслед и глазами, и усами, и губами, – всем существом своим...

И вовсе не был похож ни на цыгана с искрящимися глазами, ни на питона со сверляще-колдующим взглядом, а напоминал скорее всего добродушного батю.

Могла ли хоть на секунду прийти мне тогда в голову мысль, что когда-нибудь встретимся мы с ним?

Подполковнику Чистову – «Длинные ресницы» – я, безусловно, рассказал без утайки все, что было и как было.

Он только и проговорил, улыбаясь:

– Узнаю, узнаю Николая Дмитриевича. Вот такой он у нас строгий, требовательный, но в то же время справедливый и гуманный. Вообще, командир он хороший, надежный. Правда, может иногда погорячиться, но быстро остывает. Так что радуйтесь, что попали к нему. А то могло кончиться хуже. А вас благодарю за честность и добросовестность. На сегодня освобождаю вас от заданий, отдыхайте после пережитого, а завтра – по необходимости.

24. БУДЬ ЗДОРОВА, ДУШЕЧКА ТЫ МОЯ, МАГИРА!

После обеда отдохнули хорошо и решили заняться кое-какими личными делами. Для себя же я главным занятием определил написать, пока есть время, ответное письмо Магире.

«Здравствуй, Магира, душечка ты моя, надежда ты моя. Здравствуйте, дорогие мои мама, папа, все родные и односельчане. Веришь ли, Магира, прочитал твое письмо и все тучи хмурые рассеялись, засияло яркое солнце моего счастья, ушла прочь усталость после напряженнейшей ночной работы и открылись новые радужные горизонты. Спасибо тебе безграничное, спасибо всем моим сородичам за любовь и поддержку. Как бы я жил, как бы чувствовал себя без вас? Можешь ли представить, как ты способна волновать и воодушевлять, когда делишься душевным теплом своим и искренне говоришь о чувствах своих и всех близких, особенно мамы. Какая она чудная, добрая, благородная! Берегите ее, пожалуйста, пока и за меня. Разумеется, сначала обними, поцелуй...»

А знаешь, как тронули меня смышленныш Хамидулла и его друзья... Это не только радует и... окрыляет, но и заставляет серьезно задуматься о многом. Пишешь, что просите и Бога, и Аллаха... Спасибо. Я вас понимаю и солидарен с вашими желаниями, а также с вашей уверенностью, что все будет хорошо. Но, милые вы мои, наивные вы мои, не поможет никакой Бог, главное – сам не будь плох, да еще чтоб любовь близких всегда согревала... А вот звездам и месяцу ясному я верю и доверяю. Они, по крайней мере, если их знать и любить, могут хороший настрой создавать и нужный путь при необходимости указать.

Правда, иногда и навредить способны, особенно месяц-плут, как, например, позавчера. Мы чуть было не зазевались и тут как тут, пользуясь ярким светом, расточаемым молодым месяцем в самом начале ночи, чуть не склюнул нас гигантский черный, лохматый коршун с крестом... А в одну из ночей, напротив, отсутствие небесного светила (его закрывало громадной толщей облаков) чуть не навлекло большой беды. Но помогли знания, умение и сноровка, надежная работа техники, нашего «голубка» значит, и, конечно же, ваши мольбы, очень горячие и сердечные, то бишь ваша моральная поддержка (вы всегда перед моими глазами, в моем сердце и сознании).

И, видимо, ваши очень сильные и искренние желания какими-то невидимыми, но волшебными путями совершают свое чудодейство: делают мысли мои ясными, действия уверенными и четкими... А врага, наверное, проклиналие вовек, и это влияет на него пагубно?!

Таким образом, еще раз подтвердилась истина о том, что техника и оружие могут принести успех только в руках людей умелых и стойких душою и телом. Вот чему и должна ты учить детишек своих...

Очень жаль, что отлучили от семьи Мирзу агая. И неизвестно, как долго это будет продолжаться. А Талип агая-то уж, наверное, не трогают, ведь он, по существу, инвалид?

Моя фронтовая жизнь идет своим чередом. Бывает всякое. Война есть война. Но, по-крупному, мне пока везет и надеюсь на благополучие и в дальнейшем... Ведь не имею же я права лишить вас опоры, веры и надежды, правда? Так что не тревожьтесь сильно, надейтесь и вы... на судьбу, на меня и... на себя. Больше думайте о своем благополучии. Я же чувствую, что вам там очень нелегко...

Будьте здоровы и удачливы, дорогие мои мамы, папа, сестры и сестренки и все, все родные, близкие и односельчане!

Будь здорова, Магира, моя дорогая, моя родная! Успехов тебе в твоем очень трудном, но почетном деле. Привет всем твоим мальчишкам и девчонкам. Пусть все они будут молодцами и в учебе, и во всех своих других делах и надежной опорой своим мамам, бабушкам и дедушкам.

Крепко обнимаю и так горячо целую, чтобы стало тепло и горячо не только тебе самой, но и всем, кто тебя окружает, в том числе ученикам твоим и даже... Актюш, Таишкэту, Коштау и Аю».

Твой Куддус.

Утром следующего дня пришли мы к своему «голубку» и... забеспокоились не на шутку: «сердце» его полностью раскрыто, а в нем старательно колдует со своими инструментами «врач» – техник.

– Что случилось? – спрашиваю его с волнением.

– Заболел наш старичок моторчик, товарищ командир, да так, что буду менять его.

Доложил об этом нашему подполковнику. В ответ он только заметил:

– Что делать, одряхлели многие «голубки» и имеют полное право на болезни и лечение. Отдыхайте пока и вы.

Так мы еще полных два дня просачковали. А всего же судьбою было predeterminedено пробыть в распоряжении штаба авиации фронта еще около месяца, то есть по первую декаду апреля.

Войска фронта в это время по существу топтались на месте. 2-я ударная армия как вышла на подступы Любани еще в конце января, так и остановилась там. Все ее попытки овладеть городом успеха не имели. А наступление других армий Волховского фронта не получило развития с самого начала. 54-я армия Ленинградского фронта тоже продвигалась очень медленно и только в марте, прорвав оборону противника западнее Киришей, вышла к Любани с северо-востока. До соединения ее со 2-й ударной армией оставалось около 30 километров.

Тем временем немецко-фашистское командование осуществило серьезную перегруппировку своих сил, резко изменив соотношение сил в свою пользу. И в конце апреля войска Волховского фронта и 54-й армии вынуждены были вовсе прекратить наступательные действия и перейти к обороне.

Авиация фронта пока еще уступала авиации противника по качеству и количеству самолетов, однако не безуспешно прикрывала наземные войска от ударов с воздуха и поддерживала, как могла, их наступательные действия и оборонительные бои.

Я выполнял в этот период полеты преимущественно на связь с сухопутными, авиационными частями фронта и изредка с партизанами.

25. КАКОЙ ОН СТРАННЫЙ, ЭТОТ ЛЕТЧИК СЕРЕЖА

Особо отличающихся своей чрезвычайностью вылетов и событий, может быть, не было, но на некоторых из них, вызывающих определенный интерес, считаю нужным остановиться.

Надеюсь, не забыл читатель, как я отвозил к партизанам еще в начале операции представителя штаба фронта Ивана

Федоровича. Теперь пришла пора его возвращения. Ночной полет туда (все на ту же лесную поляну с тремя кострами) и обратно прошел, в основном, благополучно. О нем можно было и не говорить, если бы не...

После приземления доложил, как полагается, Ивану Федоровичу, а за его спиной, рядом с теми же командирами партизан Василием Тимофеевичем и Петром Ивановичем, вдруг увидел, как глядит с любопытством на меня и улыбается... летчик, в таком же меховом комбинезоне, что и я, но в шлеме не как у меня, а в более аккуратном и с наушниками (потом он мне скажет – шлемофоне).

Иван Федорович поинтересовался воздушной обстановкой, тем, как чувствует себя «голубок», и некоторыми другими вопросами и, в конце беседы, широким приглашающим жестом показал:

– Прошу, познакомьтесь со своим коллегой.

– Лейтенант Феоктистов Сергей Алексеевич, – крепко пожал мою руку летчик, продолжая улыбаться серыми глазами под тонкими бровями, украшающими узкое бледное лицо под плотно подогнанным шлемофоном.

– Сержант Латыпов... Куддус Канифович, – тоже слегка улыбнулся я и посмотрел на него и, видимо, с интересом и вопрошающе, ибо он тут же ответил:

– Удивляетесь, как я оказался здесь? Это вас, ночников, частенько спасают темнота ночи, мерцающие звезды и макушки деревьев, а вот мы, летая среди белого дня, надеемся только на себя, но не всегда получается, а немецкие зенитчики, сами знаете, стреляют довольно метко...

И он рассказал, как при штурме железнодорожной станции Волота был подбит и совершил вынужденную посадку в лесу километрах в двадцати отсюда. Конечно, самолет был поломан и он его сжег.

– А как хотите перебраться на Большую землю? Хотите, я за вами прилечу в следующую ночь? Надеюсь, разрешат мне сделать это, – предложил я ему в полной уверенности, что он согласится с радостью.

Но каково же было мое удивление, когда он, не переставая улыбаться, решительно заявил:

– Нет, дорогой коллега, спасибо за заманчивое предложение, но я хочу перейти линию фронта на пузе, с помощью партизанского связного, любезно предложенного Василием Тимофеевичем. Опять удивляетесь? – наверное, он заметил в моих глазах недоумение. – Хочу своими глазами увидеть, своими руками и ногами прощупать передовую, так сказать, воочию, всем нутром почувствовать, что это такое. Все же с воздуха одно, а на земле – другое. Мы ведь чаще всего фашистов бьем на их передовой. Значит, ее надо знать хорошо. Вот я и решил воспользоваться случаем. Так что пока передайте привет Большой земле, особенно нашим соколам-штурмовикам. Дня через два буду с ними.

– А кому конкретней? Из чьего вы хозяйства?

– Нашего хозяина, точнее нашего батю, зовут Николай Дмитриевич Хомутов. Это в Винах. Слыхали?

– Ну как же! Ну надо же! На днях только я был там, – воскликнул невольно я, изрядно поразившись такому совпадению.

Я рассказал Сергею, как хотел арестовать меня его батя-«цыган».

А он расхохотался от души:

– О, это он! Точно наш батя. Тогда верю вам. Но привет передайте им только мысленно. Хочу нагрянуть внезапно. Люблю острые ощущения.

Линию фронта он перейдет успешно. И сведет меня фронтовая судьба с ним, прославленным вожаком штурмовиков, не в очень уж далеком будущем, но уже в других огненных небесах...

26. ВОВСЮ РАЗЫГРАЛАСЬ ВЕСНА, НО ЕЙ НЕПОДВЛАСТНА ВОЙНА...

В хлопотливых буднях фронтовых мы и не заметили, как вдруг подкралась весна-красна. Миллиардами нежных и ласковых лучиков и искринок засияла-засверкала она, цепко и пьяняще захватывая дух, неудержимо маня в бесконечные просторы всегда таинственного мироздания. А какими волшебными звуками заиграла-запела она! Тут и свист ветра шаловливый, и

хор невидимых пернатых многоголосый, неугомонный. И легкий шелест облаков-лебедей на сине-голубом небосклоне, и щебетание сереньких комочков-воробышков, этих верных спутников человеческого пристанища, на густых кустах сирени и милых глазу, белоствольных березках с уже набухшими буроватыми почками. И стрекотание сороки-плутовки, воровато ныряющей по дворам, садам и огородам, и радостный гомон грачей и ворон, то нежащихся на ласковом солнышке, то важно прохаживающихся на проталинах и темных лысынах бугорков, пригорков, разогретых мягкими лучами и испускающих легкий пар.

И, конечно же, веселое журчание многочисленных ручейков, кое-где в канавах и низинах уже образующих значительные потоки. А какое чудодейство леса! То шуршит он легко и невесомо по утрам, то стонет и гудит тяжело и упруго по ночам, то дышит свободно и поет трогательно и нежно под щедрым на тепло солнцем, волнуясь и качаясь по сторонам.

От всего этого весеннего пробуждения, несмотря ни на какие боевые грозы и ненастья, пыльные сердца людские то замирают таинственно и загадочно, то трепещут восторженно ожиданием, если и не чуда великого, то уж очень желанных душе радужных свершений. И несет, несет тебя привольно в неизведанные дали дальние или вдруг возвращает в легкокрылую и светлую радость детства и юности... Вот перед глазами чарующие Урал, Ай буйы... Неожиданно я оказываюсь среди мальчишек, пускающих наперегонки бумажные кораблики по прозрачным ручейкам, спешно бегущим по склону к реке. Вот Барис старательно подправляет путь своему кораблику, и Карим спешно бежит за своим. А Загир со Славкой, как всегда, спорят о чем-то оживленно, Сабир же ехидно улыбается, глядя на них... Где они сейчас? В стремительном броске атаки на врага? Лежат под пулями? Или... Или... А каков сам Ай в это время?! Полноводный, буйный, стремительно несущий в широкие объятья своих ближайших сестер Агидели и Уфимки, а также дальних сестер Камы, Волги большие и малые серовато-грязные льдины, вырванные с корнями деревья, бревна, доски и прочую всякую всячину, в том числе трупы неосторожных животных...

Весь этот фантастический поток с массой многообразных предметов бежит с каким-то трудно передаваемым шорохом, трес-

ком и так лихорадочно-спешно, что, можно подумать, боится опоздать на какие-то наиважнейшие торжества там, где-то далеко-далеко внизу. Если ты в это время окажешься поблизости, то услышишь гул, характерный только чудному этому явлению, называемому весенним ледоходом. Не прозевай его, он очарователен, но очень краткотечен. Я бы назвал его видением-чародеем, неудержимо манящим тебя к таинственному прекрасному...

Вдруг на этом фоне вижу односельчан, дружно высыпающих на берег и с восхищением наблюдающих за этой изумительной стихией мощно всколыхнувшейся природы... А кто это в переднем ряду, радостно устремившие свои взоры на запад, в сторону Нажибля? Да это же мои дорогие мама, сестры Асма, Саима, даже младшие Фатима, Фая и Насима и, конечно же, рядом с ними она, сияющая от счастья моя Магира... И... Что это? По их лицам вдруг пробежала грустная тень... В этом шуме, может быть, они уловили грохот войны, гул канонады? А тут опять перемена... Мы уже с Магирой в одной лодке, плывущей по безбрежному половодью, аж от Нажибля и Толькольотау до подножий Ташклэт, от Яушева до нашей родной, нижней улицы села, тоже оказавшейся в воде...

От избытка чувств приятно и сладко кружится голова... И сердце норовит выпрыгнуть прочь... «С ума можно сойти!», – выдавливает из себя даже никогда не унывающий и не отличающийся чрезмерной чувствительностью Гриша. А что, и походили бы, особенно молодые, отличающиеся большой страстностью, если бы не реалии военного лихолетья, упрямо и властно диктующие и душевный настрой, и ход мыслей, и каждый твой шаг...

А вот тут как тут и посыльный, довольно пожилой солдат, и хотя в его осанке заметны явные признаки приподнятости, а в глазах оживленные искорки, ему удается без весенних эмоций спокойно и четко передать приказ явиться на КП.

Нам велели сегодня же сменить лыжи на колеса, завтра... Да, на полевых аэродромах и взлетно-посадочных площадках без твердого покрытия уже стало невозможно взлетать и садиться на лыжах. Лишь на некоторых из них и на отдельных лесных полянах это можно сделать пока по утрам и то с серьезными неудобствами, а кое-где и с риском.

Но нам с «голубком» лететь с раннего утра на аэродром Крестцы, имеющий твердое покрытие. Мы повезем туда представите-

ля то ли аж генштаба, то ли просто штаба фронта для решения, как он сказал, «некоторых оперативно-тактических вопросов и не только...» Должны туда прибыть не позже семи часов.

Взлетели мы ни свет ни заря, когда кругом царил полумрак. Не совсем люблю я такое время суток. Обычно оно вызывает во мне неприятное ощущение. Может поэтому или из-за какого-то недоброго предчувствия, или по какому-то другому поводу на душе было муторно. Полагал, когда ляжем на маршрут, пролетим какое-то время и развеемся, просветлеет и в душе и впереди по горизонту. Но не тут-то было! Все впереди и под нами земную поверхность заволокло такой темной серостью, что ничего нельзя было различить. Только местами грозно и таинственно чернели отдельные возвышенные и площадные ориентиры различной величины и довольно расплывчатых форм и очертаний. Это, видимо, были лесные массивы и отдельные рощи и кустарники под зыбким и тонким слоем утренне-сумеречного тумана. А строго над нами в вышине, в просветах меж бесформенных и неясно очерченных облаков нет-нет да и выглянут тускнеющие звезды. В воздухе же было мирно и спокойно, ни болтанки, ни угрозы внезапного нападения охотников-«мессеров». И пассажир наш вел себя тоже так тихо, будто целиком предался своим сокровенным мечтам. Лишь изредка совершенно равнодушно, видимо для порядка, оглядывался по сторонам.

Так и летели мы, каждый занятый своими думами. Приземлились благополучно, точно в назначенное время. Высадив виновника полета у КП, поставил я «голубка» в определенный ему свободный капонир и направился к соседнему, стоящему метрах в семидесяти в лесном углублении. Все же интересно было увидеть, кто здесь хозяин и чем в данную минуту занимается. Подошел я к нему и увидел...

В капонире стоял, горделиво подняв свой мощный нос, тот самый знаменитый красавец Ил-2... Предмет мечтаний молодых пилотов, в том числе и моих. На нем копошилось человек пять в технических куртках. Под его крыльями лежали четыре стокилограммовые бомбы, освобожденные от тары... Поздоровался, представился. Несмотря на озабоченность и занятость, приняли дружелюбно. Не отрываясь от дел, охотно отвечали на вопросы. По их рассказам, с пяти часов утра на аэродроме

кипит напряженная жизнь, идет подготовка самолетов и летного состава к боевым вылетам. На аэродроме базируются три штурмовых полка. Их полк перелетел сюда только вчера. И какой, вы думаете, полк ? Да, да! Как вы, наверное, уже догадались, именно тот самый, командир которого, батя-цыган, и хотел меня арестовать в Винах. Это известие и обрадовало и озадачило меня одновременно. Встрече с уже знакомыми мне летчиками Борисом Лозоренко и Киазимом Агрбой я был бы рад, а вот попадаться на глаза «цыгану» не хотелось бы. Да и, откровенно говоря, я еще стеснялся незнакомых, особенно знаменитых, какими я считал здесь и летчиков-штурмовиков, и всех тех, кто находился рядом с ними. Поэтому я отказался от зародившейся было мысли сходить на КП полка, а решил, пока летчики заняты подготовкой к боевому вылету, сходить позавтракать. Благо, летная столовая находилась невдалеке. Да и был смысл сделать это вовремя, иначе...

Дело в том, что мой пассажир перед уходом на КП предупредил меня, чтобы я в 9-00 находился в своем капонире, тем более сзади него есть щели. И больше ничего. Вот и гадай...

Когда я пришел с завтрака к своему «голубку», было 8-00.

Еще раз осмотрел его для успокоения души, убедился, что все в порядке и щели есть и направился опять к тем техникам в надежде найти разгадку слов своего пассажира. Успел сделать несколько шагов и вдруг вижу, туда же быстрыми шагами идет... Киазим Агрба. И он заметил меня. Встретились мы, как старые знакомые.

Оказалось, в 8-30 он вылетает на боевое задание в составе четырех Ил-2 и предложил посмотреть, как будут происходить подготовка, запуск, выруливание и взлет.

Я не преминул воспользоваться столь желанным для меня предложением... Особенно сильное впечатление оставил во мне взлет, точнее то, с каким мощным ревом моторов происходил разбег и отрыв шеститонных грозных стальных соколов...

Вернулся в свой капонир и с волнением стал ждать, действительно ли станет роковым сегодняшнее утро.

Разумеется, с тревогой всматривался в воздушное пространство западнее аэродрома... И вот, наконец, оттуда показалась туча (может мне померещилось!) летящих точек и тут же послышался

прерывисто-ноющий, угрожающе-давящий гул. Я невольно посмотрел на часы. Без одной минуты девять.

Нет, не померещилось, оказывается, – точки быстро превратились в двухмоторные «Юнкерсы-88», и ровно в 9-00 ВЗМЕТ-НУЛИСЬ ФОНТАНЫ ВЗРЫВОВ НА АЭРОДРОМЕ. И, больше всего, на территории железнодорожной станции и складов вокруг. У меня была дурная привычка: пока самого не коснулась беда, следить за происходящим в воздухе и на земле.

Так и сейчас, со станции переносу взгляд на аэродром и... Что же он делает?

Вихляя и ныряя меж разрывов, спешно рулит тупоносый, короткий, юркий «ишак» (довоенный истребитель И-16), стремительно выбегает на взлетно-посадочную полосу и, казалось, не обращая никакого внимания на происходящее, с ходу берет разбег и... взлетает.

Убирает шасси, низко над землей разгоняет скорость, потом делает резкую горку с одновременным крутым разворотом на сто восемьдесят градусов и далее совершает такой маневр, что оказывается на встречных курсах с «юнкерсами» второго эшелона и с ходу атакует их ведущего. Прицельный огонь, и «юнкерс»... пылает. Остальные «юнкерсы» пришли в явное замешательство и беспорядочно стали разворачиваться. А «ишак» не мешкая делает энергичный маневр со снижением в сторону первого эшелона «юнкерсов», находившихся на развороте для второго захода на цель и, неожиданно произведя горку, снизу врезается в их строй, сбивает одного из них и начинает новый маневр для третьей атаки...

Строй «юнкерсов» был расстроен, они шарахнулись в разные стороны и, бесприцельно метнув оставшиеся бомбы, кинулись прочь...

Атака советского истребителя была настолько дерзкой, внезапной и быстрой, что вражеские истребители, прикрывавшие сверху своих бомбардировщиков, опомнились и заметили его только тогда, когда он на третьей атаке приближался к одному из «юнкерсов», уходящих восвояси.

Ведущий «мессер» бросился ему наперерез и сразу же открыл заградительный огонь.

«Ишак» вынужден был прекратить атаку бомбардировщика и смело броситься навстречу фашистскому истребителю. Они на

мгновение оказались на встречных курсах и успели открыть огонь друг по другу. Успех оказался на стороне советского истребителя. Фашистский истребитель сначала черно задымил, но тут же вспыхнул ярким огнем...

А трудяга «ишак» становится в глубокий вираж, ибо на него одного накинудись сразу пять быстроходных, высокоманевренных и по вертикали, и по горизонту, сильно вооруженных, как было признано в мире, лучших истребителей того времени.

«Ишак» мог тягаться с ними на равных только на виражах, в остальном – он уступал им. Но во всем имел несравненное и непревзойденное превосходство над фашистами его хозяин, советский пилот.

И он сражался с хвалеными фашистскими асами сколько мог. Как только он ни крутился, как только ни изворачивался для того, чтобы стойко и искусно сопротивляться столь мощному натиску и, изловчившись, наносить неожиданно ощутимые ответные удары...

Но слишком были неравны силы. В один из моментов, когда «ишак», увернувшись от одного, погнался за другим, третьему «мессеру» удалось с близкого расстояния, сзади снизу открыть по нему сильный огонь.

«Ишак» загорелся. И сразу же от него отделилась и стала быстро падать точка.

И вдруг, в мгновение ока, она распухла, сразу же раскрылась, засияла и засверкала чудным белоснежным зонтом!

Нет, не зонтом, а цветом волшебным весенним, белей, красивей лилии и даже самой ромашки. И под этим чудом, на сходящихся нитях-стропах свободно повис человек. Человек! Свободно парящий! Небо вмиг преобразилось. Солнечное, весеннее, голубое, оно стало сказочным. О, Боже! Сбереги эти чудеса от витающих рядом с ними на черных, смертоносных крыльях злых духов...

И ты сам, дорогой мой человек, смотри в оба, берегись, берегись... Однако же, однако же... Могут ли быть долговременными чудеса? А вот и один из злых духов, черно-желтый, тонкий, как комар, крестообразный «мессершмитт» неожиданно разворачивается и берет направление на него... Неужели? Неужели он задумал?.. Похоже... Вот он нацеливается... Легчик заметался, зака-

чался и стал дергать за стропы, совершая таким образом скользящие движения то в одну, то в другую сторону, желая, видимо, уйти от прямого попадания...

Инстинктивно? Сознательно? Но мог ли он надеяться, хоть в какой-то мере, на спасение? Вполне вероятно, что в эту минуту во всем земном воздушном пространстве находится он один, открытый всем ветрам и врагам, без единого друга и опоры, без всякого прикрытия и оружия и, медленно спускаясь, смотрит то по сторонам, то на Землю-матушку и не видит в этом бесконечном океане никого и ничего, кроме воронья черного, с угрожающим карканьем и широко раскрытыми клювами носящегося вокруг...

И зенитчики, заслуживающие пока что «кормления соломой», перестали стрелять, видимо, раскрыв рты, следят за этим редко-чудовищным единоборством...

Доли секунд кажутся минутами... Мечется, мечется летчик, дергая за стропы... А реагирует ли он еще как-то по-другому на действия врага и какие чувства он испытывает? Показывает ему кукиш и плюет с презрением в лицо? Испытывает чувство глубокой обиды от того, что его хотят вероломно и коварно убить, а он ничем достойно не может ответить убийце? А может, он хоть чуточку надеется, что фашист решил поугадать его шутя? Ведь может быть такое... В самом деле, что может думать этот фашист? Может, появится у него угрызение совести? Все же он человек...

Эх, наивный ты, наивный, человек советский, российский...

Но вот фашистский стервятник достиг минимальной дистанции и... его пушки стали изрыгать языки пламени, а вслед, искрясь и дымя, вытянулись разноцветно-огненные шарики, одни из которых гасли, достигнув тела летчика, другие пролетали мимо...

Можно было предположить, что на этом бесчеловечно-жестокое убийство прекратилось. Ан, нет! Вслед заходит второй стервятник... Неужто заметил, что тело летчика еще слегка дергалось и колебалось? Очевидно. Он повторяет все то, что и первый... А это что? На уже безжизненное тело... нацеливается третий мясник-изувер! И, как ни странно и чудовищно, тоже совершает акт невиданно дикого глумления... Что это? Злобная месть фашистского палача? Невиданно дикая потеха варвара? Или для звероподобных и мертвый герой опасен?..

Небо, какие-то секунды назад явившее такое прекрасное видение, поблекло, нахмурилось. А красовавшийся на нем изумительный белый цвет потемнел, увял и, вихляя и колеблясь из стороны в сторону, весь испещренный извергами, быстро падал со своей бесценной ношей...

Как воспринял бы эти виртуозные мгновения мастерства, мужества, отваги и героизма Михаил Васильевич Фрунзе, легендарный полководец рабоче-крестьянской Красной Армии, умнейший, храбрейший и честнейший гражданин и борец за коренные интересы трудящихся масс, в том числе за мир и за укрепление их родного государства? И как бы расценил он этот смертоубийственный разгул фашистских воздушных пиратов?

...Да, этим опасным для фашистов героем был его сын, Тимур Фрунзе, юноша чистейшей души, добросовестнейший молодой командир Красной Армии, только что оперившийся сокол, ставший искусным истребителем, лейтенант, любимец своего полка и всех тех, кто его знал...

... На этом, в этот час, в этом месте это кошмарное зрелище прекратилось...

Но сколько их было и будет еще?! Еще раз невольно из пораженной и возмущенной души и сознания вырываются вопросы, вопросы... Ну почему, под воздействием чего существа, в полном человеческом облике, считающие себя не только высоко цивилизованными, но и самыми высокосортными, чистокровными «арийцами», призванными, якобы, Богом управлять всем миром – почему эти существа становятся чудовищно-жестокими псами-извергами по отношению к тем, кто хочет жить по-своему и не согласен с ними?

И до такой степени, что совершенно бессмысленно и безо всякой необходимости, вопреки элементарным нравственным нормам и самой человеческой сущности, не считаясь с имеющимися международными договоренностями (а уж об элементарной человеческой боли и добросердечности говорить нечего), хладнокровно расстреливают, зверски терзают беспомощного, беззащитного человека, в данном случае ставшего таковым в неравном бою героя-солдата противоборствующей армии.

А ведь во все времена, во всех армиях уважали мужество и доблесть воинов противника...

Почему Тимур Фрунзе был в гордом одиночестве ?

Где были другие истребители ? Были ли они здесь вообще и так далее и тому подобное – пытаться ответить на эти и некоторые другие вопросы, значит уйти далеко от нити нашего повествования, поэтому я их оставляю открытыми.

Конечно, очень не хватало истребителей, и старых (они почти все были перебиты), и тем более новейших, производство которых только налаживалось. Безусловно, были серьезные организационные неурядицы... Все это и еще что-то другое учит читатель, размышляя про себя о тех тяжелых временах...

А вот на вопрос о том, что же случилось дальше с двумя сбитыми немецкими бомбардировщиками и их экипажами, ответить, пожалуй, надо.

Когда все утихло и люди вышли из щелей, для выяснения их судьбы была направлена в лес за аэродромом группа авиационных специалистов. Но не прошло и получаса, как из леса вышли три человека. Когда они подошли ближе, мы увидели: впереди идут двое здоровенных молодых мужчин в форме... немецких летчиков с поднятыми руками на уровне плеч, за ними в трех шагах – советский военный лет сорока пяти в шапке-ушанке, громоздящейся над узким лицом с длинноватым носом, в мешковато сидящей на щупленьком теле серой шинели с капитанскими петлицами, с наганом в вытянутой на уровне груди правой руке и с двумя кобурами на широких поясных ремнях в левой руке, как мы поняли, отобранных у плененных им фашистов. Держался капитан довольно непринужденно, но строго. Большие серые глаза его из-под роскошных рыжеватых бровей смотрели спокойно, умно. А как держались пленные ? Нет, не надменно и самоуверенно, как обычно старались вести себя в то время немецкие вояки где бы то ни было. Никак нельзя было предположить, что это и есть те фашистские воздушные пираты, которые только минутами раньше неистовствовали в чужом небе, предавая огню и страданиям чужую землю, чужой народ.

– Кто этот капитан, сумевший один пленить двух фашистских верзил? – спросил я у стоящего рядом техника.

– Это Новин Рувим Бенцианович, начальник химической службы полка, – с явным оттенком уважения и гордости ответил тех-

ник, – до войны он известный ученый-химик, был и остается сугубо штатским, свободно владеет немецким, очень эрудирован, доходчивее его никто не может растолковать не только вопросы в пределах служебных обязанностей, но и международного положения и текущей политики.

Как мне рассказали позже, по долгу службы он вместе с начальником службы вооружения организовал в приаэродромном лесу нечто вроде полигона для изучения неразорвавшихся немецких бомб, снарядов, гранат и мин. Это нужно было не только для того, чтобы люди знали, как безопасно обращаться с ними в случае чего. Но они еще тогда замыслили, как можно будет использовать их против самих же немцев, если в этом возникнет необходимость... Так вот, в этот раз, перед налетом, он направился туда один для своего очередного занятия и стал наблюдать за всем происходящим из своего укромного местечка. Он видел, как поодаль от него один бомбардировщик рухнул и взорвался вместе с экипажем, а из второго выпрыгнули двое (а третий, видимо, почему-то не сумел). Одного из них он встретил с наганом в руке прямо с воздуха, а второго пленил чуть позже, недалеко от этого места. Как в деталях это происходило, что и как он с ними говорил, осталось для меня загадкой. Факт тот, что он их привел целехонькими, без единой царапины или синяка. Он – типичнейший коммунист, еврей. Те – чистейшей воды арийцы. Как поступили бы они, если поменять их ролями? Думаю, ответ на этот вопрос ни у кого не вызывает сомнения. Рувим Бенцианович, разумеется, хорошо знал, что такое фашистский геноцид по отношению, прежде всего, к евреям и коммунистам, как зверски мучают сейчас и убивают их десятками, сотнями тысяч в концлагерях, в душегубках, как поступают с попавшими в плен коммунистами и еврейскими солдатами или офицерами и т.д. и т.п.

Да и сейчас он отлично видел, как собратья этих пленных расстреливали беззащитного советского воздушного бойца...

Но почему же он, оказавшись сейчас один на один в безлюдном лесу, не то чтобы расстрелять, даже пальцем не тронул их, а привел и сдал здоровыми, невредимыми? А командир полка, майор Николай Дмитриевич Хомутов, разумеется тоже коммунист, после предварительного допроса, перед отправкой в вышестоя-

ший штаб, приказал их накормить в своей летной столовой? «Красная Армия не воюет с безоружными и уважает человеческое достоинство пленных», – отрезал он при этом.

Любой беспристрастный человек, где бы он ни был, скажет, значит и Новин, и Хомутов и по своим убеждениям, и по своему характеру истинно гуманные, человеческие, а таковы, прежде всего, потому, что они настоящие коммунисты, то есть и по взглядам, и на деле самые справедливые, самые человеколюбивые к кому бы то ни было и где бы то ни было... Таковыми были все, кто верил коммунистам и неуклонно шел за ними, то есть подавляющее большинство советских людей...

Что думают те, кто осмеливается сегодня ставить на одну ступень советских воинов и фашистских вояк? А те, кто рукоплещет, увидев бритоголовых(или безголовых?) юнцов с фашистской свастикой на рукавах? Неужто человечество ударится против самого себя в преступное беспамятство?

... Но давайте вернемся назад.

Группа, направленная на поиски бомбардировщиков, вернулась значительно позже. Она подтвердила, что прочесывание леса не дало никаких результатов, а в местах падения самолетов обнаружено некоторое количество останков.

Теперь стали понятны и слова штабиста (моего пассажира) о том, что он будет заниматься «еще кое-чем другим» и чтобы в 9.00 я был в капонире, рядом с которым есть щели, т.е. можно было догадаться, что он предупредил о возможности налета вражеской авиации точно в это время. Откуда у него такие точные сведения? Не предвидение же это таинственное?! Конечно нет. Как штабист сказал потом, «ларчик-то открывался просто...»

Было неоднократно замечено, что как только на станцию прибывает эшелон с важным военным грузом (а она была перевалочной базой для всего Северо-Западного фронта), так ровно через час происходит налет немецких бомбардировщиков. Догадывались, предполагали, в чем причина, казалось бы, такого загадочного явления и такой пунктуальности. Не раз пытались и выяснить эту закономерность, но тщетно.

Так вот сегодня решено было провести комплексную авральную проверку, для чего предварительно было установлено неко-

торое количество постов во главе с ответственными работниками «Смерш»...

Все объяснилось просто. Немецкий лазутчик в форме советского железнодорожника передавал по радиации информацию о времени прибытия эшелона и характере груза, меняя каждый раз свое местонахождение...

А с момента получения сигнала до подготовки немецких бомбардировщиков и полета их до станции проходил ровно час...

С плохим настроением вылетел я в обратный путь, а представитель довольно потирал руки. Ему что – он выполнил свою задачу. Перед моими же глазами был Тимур: его героический, бесмертный подвиг и гибель, полная драматизма. И не столько образ его, сколько эти легендарные мгновения его короткой, но яркой, как звездная вспышка, жизни останутся в моей памяти навсегда... Добавим: наряду с Сашей Луневым...

Вторым обстоятельством, удручившим меня, было то, что из группы штурмовиков, вылетевших на выполнение боевого задания в 8.30, не вернулся Агрба...

Даже чудная магическая весна была не в состоянии настроить мою душу на весенний лад.

Я видел и замечал все вокруг, фиксировал отдельные предметы, явления. Но только по привычке. Даже мысленно оценивал, что красиво, что нет, чем определяется прелесть того или иного участка местности или неожиданно возникающего явления. Однако эти ощущения были поверхностными, не вызывали обычного душевного подъема, восхищения...

Может быть, сказывалось и то, что я сейчас смотрел на все с высоты птичьего полета и в движении со скоростью 40 метров в секунду.

Между тем все видимое на земле, так же, как и на небе, не давало никакого повода для минорного настроения.

Под нами простирался прекрасный апрельский ландшафт Новгородчины. То и дело выбегали навстречу нам уже освободившиеся от белых одеяний рощи и кустарники, а то и целые массивы леса: буровато-серые – лиственные, темно-зеленые – хвойные. Они чередовались полями и полянами, балками и оврагами, еще хранящими на своем дне и склонах, обращенных к северу, заметный покров серовато-синего снега. Нередко по-

падались ожившие после зимнего сна большие и малые селения, прижатые к лесным опушкам или растянувшиеся вдоль дорог.

И все это нежно греется и обильно светится под щедрыми лучами властно торжествующего на голубом небосводе могучего светила.

Под неотразимым воздействием их чар просыпаются от зимней спячки и водоемы. Правда, до большой воды еще дело не дошло, но ледяные панцири, сковавшие на всю долгую зиму реки и озера, треснули, образуя местами полыньи и расщелины. И кое-где из-под них, пока еще робко и осторожно, уже выплывают первые потоки талых вод.

И всему этому природному пробуждению искренне радуется все живое, прежде всего, конечно, люди. В том числе и наш пассажир. Вот с каким удовольствием он улыбается, рот до ушей, аж солнечные лучи отражаются на зубах да глаза блестят... А «голубок», «голубок»-то мой, чертенок, тоже не хочет быть солидарным со мной, своим хозяином-водителем. Смотрите, как он не только расчалками стальными и пропеллерным кругом ослепительно сияет, но и капотом, всеми стойками и крыльями изумрудом отликает. И мотор с винтом совсем не тарыхтит и не трещит, а ласкающе баюкают тебя мерной песней своей...

Как все это прекрасное, замечаемое тобой, назвать ? Торжеством извечных сил природы ?

А можно ли найти точное и полное определение тому состоянию души, когда она полнится каким-то необыкновенным ощущением от всего пробуждающегося земного и небесного чуда? А если в то же время она вся озарена пленительной музыкой и несется легко и невесомо на сказочных крыльях над всем этим чудесным миром?

И... Ба! Да ведь само мироздание необъятное насыщено чудотворным волшебством весенних мелодий! И чего только там ни услышишь, ни почувствуешь! И приподнятость, крылатость и фантазий стремительный полет. Высокие думы и надежда, и смутной тревоги налет. (Да простит меня читатель за эти рифмованные строки, это как-то само собой получилось. Значит, это она, душа закричала...)

А если вместе с этим сияющим торжеством траур черный, глубокий? Совместимы ли они, торжество и траур? Правильно ли мы поступаем, когда говорим торжественно-траурное? Если случается естественная смерть, то, очевидно, правомочно говорить, что природа берет свое, поступает справедливо, отвергнув отжившее, торжествуя нарождающимся...

А если смерть преждевременная, тем более от коварства и подлости? Каждый скажет, что здесь один черный траур. А если она наступила после ослепительной победы в неравном и жестоком бою, после мгновений легендарного подвига и его торжества, которому суждено навеки остаться в народной памяти?

Здесь я осмелился бы заметить, что случай торжественно-траурный, как это и произошло с Тимуром Фрунзе...

Как, должно быть, я увлекся своими размышлениями и наблюдениями, что не заметил вовремя (это непростительно для летчика в любой обстановке), откуда и как появился самолет, тень которого вдруг легла на нас с «голубком».

Я аж встрепенулся. Но все-таки нашел в себе силы, чтобы сразу же оглянуться. И... опешил. Сзади слева, со стороны солнца, к нам пристраивался... «голубок», точь-в-точь, как наш. Нет, я не успокоился. Напротив, я был озадачен. Что за «голубок»? Кто им управляет? Что задумал его пилот? Дело в том, что и немцы, хотя и изредка, но использовали наши самолеты, особенно в первый год войны, для разведки наших объектов, высадки своих лазутчиков и даже для отдельных авантюр с применением оружия.

Поэтому меня пронзила мысль – не такой ли «голубок» решил пощекотать наши нервишки. Присмотрелся внимательней. Вроде все советское. И пилот, и стрелок-бомбардир одинаково одеты в наше летное обмундирование и оба одинаково скалят зубы.

Вдруг пилот сделал рукой круговое движение над собой, потом широкий жест вниз и показал большой палец (он был в пятипалых меховых перчатках, точно таких, как у меня). Мол, вот как прекрасно вокруг. Значит, тоже любовались всем происходящим в воздухе и на земле.

Потом постепенно стал приближаться к нам и так близко... пристроился, что я забеспокоился. Но тут пилот снял очки и так широко улыбнулся, что мне ничего не оставалось, как... ахнуть от

радостного удивления и... погрозить кулаком. Этим шалуном-пилотом был... Миша! Да, сам Миша Кузнецов... Через некоторое время за ним поднял очки на лоб сидевший в задней кабине и... удивил меня еще больше. Им оказался... Ну и ну! Как вы думаете, кто?.. Гриша!

Да, да! Мой дорогой Гриша Меновщиков!..

Летим рядом два «голубка» и... хохочем до упаду. Ну и хохмачи!

Такое могут вытворять только они...

Так и шли рядом, бок о бок, до самого дома... Вот и такое бывает в безграничном пятом океане...

27. КТО ДАЛ МНЕ КРЫЛЬЯ ДЛЯ ПОЛЕТА...

После доклада о выполнении задания подполковник Чистов – Длинные ресницы – буквально ошеломил меня:

– Вы хотели пересечь с «голубка» на «сокола»? – как ни в чем не бывало спросил он. – Так вот, командующий дал на это свое согласие, – продолжил он в том же духе. – Поздравляю вас и желаю успешно выполнить и эту задачу, очень ответственную и почетную. Полк ваш отправляется на днях в тыл на переучивание на штурмовиков, вы вернетесь в полк завтра же, и отвезет вас туда... Кузнецов, – отчеканил этот душа-человек.

Я, наверное, настолько был и удивлен, и растерян, и обрадован, и взволнован одновременно, что поначалу и рта не мог открыть, только через какое-то время начал было мямлить: – Спасибо, товарищ подполковник, благодарю Вас... – но запнулся, не зная, что говорить дальше. Очевидно, при этом выражение моего лица было такое, что подполковник не столько спросил, сколько воскликнул, переходя почему-то на «ты»:

– Ты что, Куддус, не доволен? Я надеялся, что ты радостью засияешь и начнешь «Байык» отплясывать, а ты как-то непонятно хмуришься.

– Нет-нет, товарищ подполковник, – заспешил я, приходя в себя, – это просто от неожиданности, наверное, я оступел и онемел. Я очень рад. Это ведь была моя заветная мечта. Я и не знаю, как Вас благодарить. Никогда не забуду я ваши заботы обо мне...

– Ну прекрасно, коли так. Я тоже рад за Вас. А теперь настройте себя на небольшую, но очень важную церемонию. Конечно, в иных условиях она была бы проведена более широко и торжественно, но сейчас, извините, такой возможности нет. Экипажи все в разлете. Поэтому только в присутствии свободных от боевого дежурства командиров и красноармейцев штаба и командного пункта...

Всего я мог ожидать, но только не этого. Ни во сне, ни в мечтах даже ни на мгновение не мог допустить мысли, что заслужу такой чести... Что за великий день сегодня! Что за чародей этот подполковник – Длинные ресницы?!

... Когда я и еще трое таких же пилотов, ведомые Романом Андреевичем, зашли в «зал» землянки, оборудованной под клуб, он был заполнен больше, чем наполовину. Мы заняли свободные места в третьем или четвертом ряду. Я оглянулся. И... оторопел. От страха. Я впервые в жизни видел сразу столько командиров и... глаз, смотрящих, как мне показалось, прямо на меня...

Вскоре вошли еще несколько человек, и трое из них заняли места за столом президиума. Сидевший в середине тут же встал и начал говорить. Я только заметил по одной звезде на петлицах и большие, усталые глаза его, внимательно всматривающиеся в сидящих. Говорил он негромко, спокойно. Я улавливал только отдельные фразы его речи. Сначала он охарактеризовал положение на нашем фронте, подчеркнул, что не удалось достигнуть серьезных успехов, хотя бойцы и командиры показывают примеры мужества и отваги... «Стойко, храбро сражаются и показывают все возрастающее умение летчики... Заслуженно было присвоено звание гвардейских двум истребительным полкам... Свою лепту в дело разгрома врага вносит малая авиация (я насторожился)... Несмотря на опаснейшие перипетии грозного фронтового неба, она и на передовой, и в тылу врага самоотверженно выполняет самые сложные и ответственные боевые задания... Отличились многие экипажи...» Перечислил несколько фамилий и вдруг... «сержанта Латыпова...» (я вздрогнул)...

«С радостью и гордостью я вручаю им правительственные награды...»

Двоим вручили под аплодисменты награды... Дальше для меня все происходило как во сне. Как гром: «Награждается медалью «За боевые заслуги» сержант Латыпов Куддус Канифович».

Душа ушла в пятки. Все же хватило силы поднять себя со скамьи, подойти, принять награду, ответить как все: «Служу Советскому Союзу!» и вернуться на свое место, чудилось, под взглядами многочисленных ослепительно сверкающих глаз, как будто десятки скорострельных ведут по тебе одновременно убийственный кинжальный огонь...

Получили награды еще трое или четверо. Затем вручавший награды, а это был, как оказалось, командующий ВВС фронта, еще раз поздравил нас и пожелал новых успехов... Наконец, все встали. Пошли к выходу трое из-за стола президиума, за ними все остальные...

Я стал приходить в себя только в привычном кабинете подполковника Чистова, в более непринужденной обстановке, куда он пригласил нас – четверых награжденных. Он еще раз тепло, по-отцовски сердечно поздравил нас, пожелал не успокаиваться, а дерзать и дерзать, чтоб достигать большего, уметь анализировать свою жизнь и работу, особенно ошибки, и сделать все, чтобы их не допускать...

Между прочим, Чистов сказал, что мы заслужили большего и он добивался награждения нас звездочкой (орденом Красной Звезды), но наверху решили иначе. «Но ничего, пока и медаль очень высокая награда, особенно если учесть, какие тяжкие испытания выдерживает весь народ... Уверен, в будущих боях заслужите немало наград гораздо большего достоинства... Для этого вы имеете все, или почти все...»

Отвлечусь на секунду от контекста и скажу, что нам и в голову не приходила тогда мысль о каких-то там наградах и вообще о поощрениях. Всем своим существом мы сознавали, что работаем как положено, выполняем свои обязанности, предусмотренные уставами, приказами и не за награды, а просто потому, что так должно быть. А, потом... Мы же видели, всеми фибрами души чувствовали, что не до наград. Тяжелое время переживает страна и вместе с ней ее армия. Однако, как оказалось, они не забывали своих героев или просто отличившихся... Проявляли чуткость в этом важном деле и многие военна-

чальники. Одним из таких и был подполковник Чистов Роман Андреевич.

Как нам стало известно, именно он выхлопотал эти высокие для нас в то время правительственные награды. Конечно, нетрудно представить, как это нас тронуло и взволновало. Хотя мы, повторяю, и мечтать не смели, что заслужим их когда-нибудь, а герои... Они были для нас, простых смертных, совершенно необыкновенными, недостижимыми...

После нескольких минут беседы «по душам» остальных награжденных подполковник отпустил, а меня попросил на минуту задержаться.

– Извини, Куддус Канифович, что решил тебя еще немного задержать. Хочу с тобой поговорить кое о чем, как с земляком.

Во-первых, еще раз хочу поделиться своей сердечной радостью в связи с тем, что заслуженно удостоился правительственной награды и что для тебя открылась довольно заманчивая перспектива, я имею в виду возможность овладеть более грозным оружием, следовательно, внести еще более весомый вклад в дело разгрома врага.

Убежден, с этой задачей, хотя она очень трудна и сложна, ты справишься с честью... Надеюсь, обрадуешь этими приятными вестями и своих родных.

Во-вторых, Куддус Канифович, хочу по-дружески спросить тебя о том, что меня очень интересует; хотя это может быть не совсем деликатно, но очень важно для нас и я спрашиваю об этом не из простого любопытства, а потому, что нужны положительные примеры в нашей работе с людьми, особенно с молодым пополнением. Я ведь не только старший товарищ для них и ответственное лицо, отвечающее за определенные направления работы, но и секретарь партийной организации нашего отдела.

За сравнительно небольшой отрезок времени ты выполнил ряд ответственных боевых задач, испытал при этом немало и удач, и неприятностей. Главное – сумел с честью выйти из многих, очень сложных ситуаций и, как итог, ты завершил свой боевой путь в нашем объединении успешно. Да, да! Безо всяких преувеличений, весьма успешно.

Так вот, дорогой Куддус, скажи откровенно, как ты сам представляешь, что составляет основу твоих успехов?

Я насторожился и даже встревожился в какой-то мере. Но нашелся, не совсем естественно улыбнувшись: «Вроде бы вопрос на засыпку. Мудреный вопрос, сразу не ответишь. Надо хоть немного подумать...»

И вот, без того в достаточно разгоряченном мозгу заискрились, завертелись с быстротой молнии мысли и мыслишки, тесня и обгоняя друг друга, то сливаясь воедино, то отбрасывая непутевые...

Но вот через минуту-другую вроде удалось привести мысли в порядок:

– Я вспомнил, как мой отец любил повторять: «Совесть и весь мир движет, и поступками каждого правит!» Так вот, я просто мог бы ответить, что как везде, так и здесь поступал по своей совести, что если не я, не все мы – сыны Отечества, – то кто же будет защищать страну? Что я отчетливее, чем раньше, сознаю простую истину – если каждый воин не будет с полной отдачей сражаться, то врага не разбить, победу не одержать, Родину и народ не спасти.

Но я же хочу подчеркнуть один, очень важный, с моей точки зрения, момент, который имел для меня решающее значение. Это – доверие и надежда, Роман Андреевич. Доверие моего народа в лице тех, кто постоянно влиял на мою жизнь... Они доверили простому деревенскому пареньку из башкирской лесной глухомани сначала сложную авиационную технику и оружие, а потом и самое трудное, ответственное и потому почетное дело – дело вооруженной защиты Родины. Ваше доверие, Роман Андреевич, в отличие от некоторых других до вас. Спасибо вам безграничное от всей души за то, что сразу же, без всяких сомнений стали доверять мне выполнение всех задач, которые входили в круг вашей компетенции. И обратная сторона доверия, этой бесценной медали, – Надежда. Да, надежда всех, кто меня знает, прежде всего всех моих близких, отца, матери, братьев, сестер, всех других родных, друзей, товарищей, односельчан, всего моего района, всей Башкирии, а также командования, в том числе лично ваша. Надежда всех их на то, что оправдаю их доверие и внесу свой посильный вклад в дело разгрома врага и освобождения Родины.

Собственно, в этом, по-моему, заключается моральная поддержка народа и тех, кто тебя окружает непосредственно. Пожа-

луй, надо подчеркнуть еще один важный момент. Это то, что душевные силы прибавляет мне и могучий дух знаменитых предков, не только русских, но и своих родных, башкирских, особенно таких, как Салават Юлаев и его сподвижники. И, конечно же, тех, кто участвовал во всех освободительных войнах, в том числе против Наполеона. Во мне всегда живет стремление быть достойным их великих свершений, их светлой памяти. Вот, как мне кажется, все то, что составляет, говоря вашими словами, основу моих успехов. Они водят меня в бой. Они же несут меня по жизни.

А все остальное: умение, мужество, находчивость, взаимовыручка и т.д. – исходное от них. Я так считаю, Роман Андреевич. Извините, пожалуйста, за многословие.

– Нет, ничего. Все на своем месте. Все оправдано. Спасибо. Я очень рад, что не обманулся в своей надежде. Примерно такого ответа и ожидал я от тебя. Еще раз большое спасибо. Твой ответ послужит хорошим подспорьем в моих беседах с молодыми бойцами.

– А знаете, Роман Андреевич, я еще не сказал об одном очень деликатном моменте, а именно о том, что у меня есть любовь, моя несравненная Магира, – вдруг почему-то расхрабрился я и почувствовал в то же время, что краснею до ушей.

– О, это прекрасно, это просто замечательно! И хорошо, что сознаешь это и признался мне. Это же наиважнейшая основа твоих успехов! Я рад за тебя и от души желаю тебе счастья. Пусть крепнет твоя любовь, как самые надежные крылья, несущие тебя по жизни.

– Спасибо, Роман Андреевич. Спасибо за пожелания и за поддержку, – успокаиваюсь и, очевидно, поэтому еще больше осмеливаюсь я. – А можно мне задать вам вопрос?

– Пожалуйста. Охотно отвечу на все твои вопросы.

– А как вы поверили мне, совсем молодому, не имеющему опыта ни в жизни, ни в боевых делах?

– На лице написано, – говорят в народе. – Не всем, к сожалению, суждено видеть, чувствовать это. В твоих глазах, во всем твоём облике искрились фанатичное желание и готовность к немедленным действиям по выполнению того, ради чего был прислан. Я понял, что это искренний порыв души. К тому же в тебе

чувствовалось достоинство, гордость, самолюбие. Такие не подводят. Они делают все, чтобы оправдать возложенные надежды.

А потом... – сделал некоторую паузу, посмотрел мне в глаза с таким вниманием и добротой, что я почувствовал прилив крови к лицу, и продолжил, – я знаю настоящих башкир не только из истории, мне приходилось с ними тесно общаться. Ты призван быть таким и ты станешь им. Убежден, всегда и везде будешь достойно представлять славный свой народ.

Столь высокие слова я слышал впервые и, наверное, немалыми усилиями мне удавалось скрывать, как душа неудержимо наполнялась такими ощущениями, какие я никогда не испытывал и как мне становится не по себе, но я все же нашел силы сказать:

– Спасибо, Роман Андреевич, большое спасибо за столь высокую оценку еще не полностью заработанных мною заслуг. Мне это очень лестно, но не очень удобно. Я, конечно, приму вашу похвалу как аванс.

– Ну что ж, хорошо. Не сомневаюсь, аванс надежный, пойдет на пользу, и от него голова у тебя не закружится. Иначе я бы так открыто не высказал того, что негласно сложилось во мне за эти дни и ночи совместной работы.

– Я и не знаю, как выразить свою признательность вам, Роман Андреевич. Ведь в основном благодаря вашим заботам и вниманию я обрел практические навыки и получил такие результаты. От всей души благодарю вас за отцовскую заботу, за ваши доверие и надежду...

Да, опыт войны и всей жизни показали, как много значит сознание того, что тебе доверяют, на тебя надеются. Доверие и надежда! Они всегда вместе и несут тебя по жизни, как два крыла птицы, придают силу и уверенность в труде и в бою, снимают усталость, кидают в огонь и в воду, освобождая тебя от сковывающей волю лености и цепящего страха. Они воодушевляют на подвиг. Однако только ясным умом, горячим сердцем, чистой душой, светлыми помыслами и прилежным трудом можно заслужить эти праведные несущие крылья...

28. ПРОЩАЛЬНЫЕ АККОРДЫ ...

На следующий день я прощался с друзьями, ставшими для меня, пожалуй, ближе и дороже, чем иные родные братья.

На стоянку «голубка», на котором отвезет меня Миша, пришел, чего я не ожидал, сам Чистов – Длинные ресницы. Это меня очень тронуло и обрадовало! Был здесь, конечно, и Гриша.

– Ничего не попишешь, такая уж она, жизнь наша армейская, не успеешь встретиться, подружиться, а уже и расставаться пора, – не без грустинки проговорил подполковник, но тут же бодрее продолжил, – но я провожаю тебя, Куддус, с радостью, ибо ты отправляешься осуществлять свою мечту стать соколом, и, надеюсь, станешь им. Но не зазнавайся, помни нас, помни «голубка» своего и не забывай, что иногда надо быть и как сорока. Помнишь? «Сорок раз посмотри, один раз клюнь...»

– Спасибо вам, Роман Андреевич, тебе, Миша, и, конечно же, тебе, Гриша. За все, за все то, что не только никогда не забудется, но и послужит хорошим уроком на всю мою жизнь. Кто бы я без вас? Никто!

– И тебе спасибо, Куддус, за взаимопонимание, за искреннюю дружбу, – вмешался в разговор Миша, – желаю тебе удач на новом пути. Честно говоря, я тебе завидую по-хорошему, по-дружески, но и сам не теряю надежды. Ведь вы поспособствуете мне в этом, товарищ подполковник? – обратился он вдруг к Роману Андреевичу по-особому, по-кузнецовски, или, как мы, его товарищи по школе, говорили когда-то шутя, по-петушиному вскинув умную, красивую голову, по-видимому выражая этим решимость и готовность добиться своего.

– Да, да, разумеется. Уверен, пройдет не так уж много времени, когда и вас буду провожать на этот маршрут, – уверенно ответил подполковник.

Тут я решил втянуть в разговор Гришу, казалось, безучастно наблюдавшего за нашим разговором:

– А Гриша, мой дорогой друг и помощник, что думает и какие планы строит? Прежде всего, конечно, самые горячие слова благодарности я адресую тебе. Я обязан тебе и всеми успехами в нашей работе и жизнью своей. Ты всегда будешь в моем сердце, пока оно будет биться.

– Спасибо, командир, за столь высокую оценку моей скромной роли. Я очень рад, что слышу эти слова. В свою очередь, сердечно благодарю вас за науку. – за науку жить и бороться за жизнь, за науку умело драться с врагом тем оружием, какое было у нас.

Спасибо за то, что вы есть такой и за то, что я стою перед всеми вами живой и невредимый. А насчет планов... Вы, конечно, не забыли, как иногда в воздухе, в спокойной обстановке доверяли мне управление самолетом. Если бы вы знали, какую радость вы мне этим дарили. А когда вы говорили, что у меня получается неплохо, я был на седьмом небе... Так вот, я решил добиваться направления в летное училище.

– Молодец, Гриша! Правильное решение. Убежден, из тебя получится настоящий пилот, – очевидно, я перебил его, ибо он тотчас же обратился к Роману Андреевичу:

– Я только сейчас открыл свою душевную тайну перед вами, это моя давняя и самая заветная мечта. Товарищ подполковник, пользуясь случаем, я обращаюсь и к вам: вы поддержите меня, если я подам соответствующий рапорт по команде?

– Конечно! Конечно, дорогой, обязательно поддержу, тем более это одобряет ваш командир и вы приобрели определенный опыт самолетовождения...

Ай да подполковник, дорогой наш человек, какой же ты умный, добрый и правильный!

Нашему восхищению не было предела. Круглые голубые глаза Гриши засияли благодарно и радостно, а его симпатичнейший носик-пуговичка стал совсем пунцовым от счастья.

– Да, дорогой Куддус, – спохватился вдруг Роман Андреевич, – я ведь вам не сказал что-то очень важное. Знаете, куда вы поедете переучиваться? Ни за что не угадаете! Не буду томить – на Урал! Или почти на Урал, в Ижевск. Ведь это совсем ничего от наших с тобой родных пенатов. Так что передайте привет и Уфимке, и Аю, и Ику, и лесам нашим.

– Вот так новость, ну и ну! Вот уж удивили так удивили, Роман Андреевич... Спасибо, спасибо. Не слишком ли много радостей у меня за последнее время? Конечно же, передам большой привет нашей чудесной родине.

Мы обнялись крепко, по-мужски... «Голубок» мой (да, это был именно мой «голубок») и мы решили, что туда поведу его я, а обратно – Миша) взял прощальный курс на Веревье...

Летел я, вел ориентировку, а самого одолевали думы... И Миша не мешал, осматривался вокруг, нет-нет да поглядывал на приборы, но ни разу не нарушил хода моих мыслей. Конечно, понимал мое душевное состояние... А думы мои... Я мысленно прошел весь свой путь на этом фронте, начиная от вынужденной посадки на огороде, заканчивая последним вылетом; пытался ответить на вопрос: «Чем были для меня боевые будни этих необыкновенных трех с лишним месяцев?»

И никак не мог.

Летел я, размышлял и в то же время с жадностью любовался всем обозреваемым пространством. Сколько раз я восхищался этим прекрасным видением, и вдали, и вблизи, и в непогоду и под солнечным сиянием, как вот сейчас. И никогда не мог налюбоваться... А может потому, что она во многих местах очень напоминала мой Урал, особенно мою северную и северо-восточную Башкирию? Может и там скоро удастся побывать?

О! Это было бы самой высокой наградой...

Родная ты Земля, Земля-магушка! Сердце мое, душа моя, жизнь моя!!! Как тебя не любить и как же тебя не лелеять и не защищать всем, чем только можешь?! И кто же тебя сбережет, если не сами люди, населяющие тебя, рожденные, выпестованные тобой? Притом сообща, совместными усилиями, везде и всюду... Поймут ли они когда-нибудь этот святейший долг свой? Или будем уповать на Всевышнего? Пусть он и сохраняет ее? Но по всему видно, ему не до нас. Значит, остается надеяться на Его Величество Разум, который только и сможет сохранить чудо – планету Земля в ее разнообразном и ярко-красочном, но гармоничном и в строгом порядке сложившемся убранстве, то есть на само человечество, овладевшее им. Когда? Как?..

Мне было радостно и грустно одновременно. Радостно, потому что взял новый курс на нечто заветное, таинственное, заманчивое. Грустно, потому что расстаюсь с тем, что стало привычным, дорогим и потому, что постоянно скребет сердце тревога о родной земле, продолжающей стонать и терзаться под ярмом хищного врага...

Да, таковы, видимо, коллизии жизни, неподвластной тебе...

Посадку в Веребье произвели мягко и точно у «Т». Обнялись еще раз по-братски с Мишей.

– Ни пуха, ни пера тебе, Куддус, – сказал он вроде бы бодро, но вышло это у него вяло и не совсем естественно.

– Спасибо, Миша. Это прежде всего тебе надо. Ты остаешься в огне, я-то буду пока в безопасности, – ответил я, стараясь быть спокойным.

Попрощался я с «голубком», совсем как с живым моим главным другом, хотя и называют его в иных казенных выступлениях «материально-технической основой» боя и победы. Я же с любовью обратился к нему:

– Прощай, боевой друг. Прости, если что было не так. Теперь-то я тебя всего знаю насквозь. Спасибо, дорогой, что мы выдюжили с тобой первые испытания огнем...

Я нежно погладил его по крылышку. Мне показалось, что он грустно преклонил голову. И пошел на взлет со своим новым другом.

Помахал я им на прощанье рукой, а в груди почему-то защемило беспокойно, тяжело...

Это тягостное чувство в душе оставалось долго, даже после отъезда с фронта. Оно лишь один раз прервалось на очень короткое время. Это случилось на второй день после отлета Миши...

Я пришел на стоянку истребителей... Капониры, капониры. Вот он, Сашин капонир... О, не трепещи же так, сердце мое!.. В нем находил покой и защиту не только его «ястребок», но и он сам. Временами приглашал и меня... Какими интересными, задушевными, счастливыми и окрыляющими были наши встречи и беседы! То полные радости, то до предела драматичные...

Здесь и Настя была... Но то уже был эпилог великой трагедии... Еще раз мысленно попрощался с ними и быстро зашагал прочь.

Надо было побыть в гнездышках «голубков», оставшихся еще в живых. Там сейчас происходит прием-передача их новым хозяевам.

Только сделал, может быть, десяток шагов, как из-за леса, из-под низко плывущих лохм мутноватых облаков с прямо-таки ошеломляющей внезапностью выскочила тройка Илов и, напевно гудя, красивым, как на параде, строем промчалась над летным полем и стала производить маневр для захода на посадку...

Вот уже ведущий сел и стал рулить в направлении КП истребительного полка. Я побежал туда. Мало ли, вдруг...

Когда я прибежал, перед знаменитыми соколами – «горбатыми», выстроившимися в ряд, стояли трое летчиков и о чем-то переговаривались между собой.

Я в нерешительности остановился метрах в пятидесяти от них. Как к ним подойти? Вроде ни с того, ни с сего... Но вдруг они сами заметили меня и дружно замахали руками, подзывая к себе. Обрадованный, я бросился к ним навстречу. Не добежав метров десять, я остановился, не веря сам себе... Воистину, чудо может подстеречь нас повсюду... На меня были обращены умные, внимательные, радостно светящиеся глаза... Бориса Лозоренко, а рядом с ним, хитровато улыбаясь и с некоторым удивлением смотрел Сережа Феоктистов.

Помните, с ним я знакомился у партизан, это тот, который отказался от моих услуг и решил перейти линию фронта пешком. По-братски обнялись. Пошли оживленные расспросы. Я, конечно, чувствовал себя как самый несмышленный «голубок» перед грозными, загадочными, недостижимыми для меня «соколами» – настоящими хозяевами боевого неба...

Выяснилось, что они сели здесь после выполнения боевого задания вынужденно, из-за тумана, внезапно закрывшего их аэродром. Улетят, как только он рассеется. Два момента радостно взволновали меня.

Первый – сообщение Бориса, что вернулся Киазим. На последнем вылете его самолет был сильно поврежден огнем зенитной артиллерии и сам он был ранен, но сумел перетянуть линию боевого соприкосновения и посадить самолет на живот прямо на передовой. Сейчас – на лечении в своем лазарете и через месяц-другой будет в строю.

Второй – Борис разрешил мне посидеть в кабине своего самолета. «Только никаких манипуляций с арматурой! А то можно выстрелить из пушек или убрать шасси», – предупредил он.

Моей радости и моему изумлению не было конца. Еще бы! Посидеть в кабине грозного штурмовика! Сколько там было всяких приборов, рычагов, кнопок... Так сбылась-моя давняя мечта – хоть немного для начала посмотреть, пощупать приборы и подержаться за ручку управления «сокола»! Я горячо поблаго-

дарил Бориса и сказал, между прочим, что на днях убываем в тыл, в запасной авиаполк, где переучивают на ИЛах. Он с довольным видом посмотрел на меня и воскликнул:

– Это прекрасно! Тебе здорово повезло. Благодарю и Бога и Аллаха, а я тебя от души поздравляю. Уверен, сумеешь овладеть управлением этой чудной машиной.

На прощание он дал мне номер полевой почты своего полка. Вот он – 06972. Я его не забуду никогда. Мы договорились поддерживать связь. По мере возможности, конечно...

Нужно ли говорить, с каким интересом и восхищением следил я за тем, как они взлетели, собрались над аэродромом и легли на маршрут: «Вот это да! Вот это соколы настоящие! Когда же и мы окажемся на этих крыльях?!»

А пока что иду в свой полк, в полк ночных ближних бомбардировщиков. Откровенно говоря, с небольшим энтузиазмом. Уж очень не хочется попадаться на глаза особисту и Чупину, встретившим меня подчеркнуто официально, а если точнее – сухо.

А вообще-то, что мне они? Пусть их! Лишь бы не давать повода к придиркам. Все остальные, как мне показалось, рады моему возвращению. Летчики, так те вообще облапили, как родного брата. Почти так же обошлись техники и механики. По-отцовски искренне обнял и инженер Гаврилов Степан Петрович, за ним комиссар Лозичный.

Полную лояльность, может быть только внешне, показал командир полка. Он даже похвалил «За успешное выполнение боевых заданий» и поздравил с «правительственной наградой». Так что, в основном и целом, я мог чувствовать себя вполне сносно. Нет, пожалуй, даже с некоторой удовлетворенностью в душе. Вот сейчас идет строевое собрание полка. Подводятся итоги боевой работы и будут поставлены задачи на период перебазирования, точнее – на время нахождения в пути следования до ЗАП.

Итоги, прямо скажем, не утешительные. Думается, не столь важно перечислять, сколько вылетов совершено на бомбардировку вражеских войск, сколько на разведку, для связи с партизанами или передовыми частями.

Куда интересней было бы поточней узнать количество уничтоженной полком боевой техники, оружия и живой силы противника. А как раз эти данные, долженствующие characterizo-

вать основные боевые заслуги полка, определены весьма приблизительно и довольно скромно. Это в определенной степени вызывало в людях чувство досады. Понятное дело, их не совсем устраивало и то, что объявленные результаты оказались чрезмерно скромными, и то, что достоверных источников для более объективной их оценки в то время просто не существовало.

А результаты эти, между тем, были добыты высокой ценой...

Не было оснований похвастаться и числом отличившихся экипажей. Всего-навсего были названы летчики Бахирев, Брылин, Королев, Кислов, Шишковец.

Правда, командир полка не преминул, как ни странно, привести в качестве примера и наши с Кузнецовым фамилии. Это, надо полагать, с подачи подполковника Чистова... Среди лучших техников и механиков были и Аксенов, и Петрозашвили, Гуревич и Литвиненко, Канкава и Таран...

Через три часа погрузка в спецшелон, состоящий из нескольких вагонов-«теплушек» и... айда, в путь...

А сейчас обедаем последний раз в первой для меня и моих товарищей летной столовой фронтового аэродрома, с которого начинали боевую работу. Какой она стала желанной и приятной, если хотите, даже чем-то дорогой составной частью нашего фронтового быта.

Ведь мы там принимали пищу не только телесную, но и духовную, встречались и знакомились с новыми людьми и вели душевные беседы, а то и горячие споры между собой по самым различным вопросам боевой и, не совсем боевой, повседневной нашей фронтовой жизни.

И вот сегодня расстаемся с этим привычным, теплым и гостеприимным местом.

Разумеется, всякое расставание, тем более с чем-то очень богатым интересными событиями, рождает гамму чувств. Тут и теплые волны радостных минут и тихая грусть, уводящая тебя вдаль, и вдруг искорки надежд и счастья, а за ними душу щемящая печаль...

Я невольно бросил взгляд на стол у окошка, за которым обычно сидел один из самых человеческих, искусных и мужественных хозяев здешнего неба. Я имею в виду, как вы, конечно, догадались уже, Сашу Лунева. Он при каждой встрече посылал мне от-

туда привет обворожительной улыбкой и характерным кивком красивой и умнейшей головы. За этим же столом произошло наше первое знакомство. Помните, когда я сказал, что из Башкирии, он восторженно воскликнул:

– О! Потомок Салавата Юлаева! – он тогда посмотрел на меня еще заинтересованней, словно пытаюсь найти в моем лице что-то значительное, – будешь воевать так же героически! – твердо, словно нисколько не сомневаясь в этом, добавил он.

Когда я, краснея и бледнея, возразил, что он не сравним ни с чем и ни с кем, что он сам дух и символ моего народа, Саша наставительно заявил:

– Вот и надо стремиться дотянуться до него... Тогда же он представился сам:

– А я, Куддус, местный, Новгородский. Из деревни Березовая... Как закончим операцию, обязательно приглашу тебя в гости. Мои близкие будут очень рады...

За этим столом посидела и Настя.

Помните? На обеде перед траурным митингом, на котором боевые побратимы прощались с Сашей... На всю жизнь стали одним из негасимых, самых благородных угольков, постоянно поддерживающих в моем сердце яркого накала огонь, ее слова, сказанные на прощанье после похорон Саши, перед взлетом с «Дашкиной поляны»:

– Пусть хоть тебе повезет, Куддус. Я от всего сердца желаю тебе... чтобы ты успешно одолевал все невзгоды, все препятствия, как чинимые врагами, так и... хмурыми тучами и туманами. ... Я надеюсь на это... Ты сможешь это...

Я сказал тогда ей и поклялся про себя: «Спасибо, дорогая. Я постараюсь. Я очень буду стараться... Всю жизнь, пока бьется сердце...»

А теперь пора монотонно свои солдатские собрать, да с жильем фронтовым веревбинским попрощаться.

Вышли на улицу, на простор. Сразу задышалось легко и свободно. И радость стала стучаться в сердце. Да и не мудрено! Кругом сама благодать весенняя всюю кричит! Лазурь небесная ввысь зовет. Солнышко апрельское тело нежно прогревает и душу приятно ласкает. Если чего не хватает для полного блаженства, так это то, что пока нет изумрудного блеска трав и цветов. Вообще

жаловаться на весну нынче грех. Идет она вполне благоразумно. Не спешит очень, но и не задерживается зря. На местах, обращенных к солнцу, снега уже нет и ручейки едва журчат. Грачи уже пообвыкли и чувствуют себя повсюду как полноправные хозяева. А скворцы! Только на днях обрадовали своим появлением, а уже хлопчут о своем житье-бытье. Конечно, им еще рано до мелодичных и вдохновенных песнопений. Но и то, что в свободное от хлопот время слегка посвистывают, бодрит, воодушевляет...

Прошли мы, наслаждаясь этим восхитительным миром, наверное, минут пять, как вдруг... Затрещал-затараторил, резко, зло и часто, авиационный скорострельный... Да это же ШКАС, – едва успел подумать я, как тут же раздалась следующая очередь не так часто и резко, но достаточно гулко...

– А это уже «мессершмитт» затявкали из своей пушконки, – угадал шедший рядом Игорь. Вслед за оружейной трескотней сразу же услышали неровный, противнейше воющий, ноюще-давящий гул, слившийся с пиратским свистом и змеиным шипением... Такие неприятнейшие звуки могут издавать только фашистские стервятники. Вмиг взоры наши устремились в ту сторону, откуда шел этот звериный вой.

Над самой северной окраиной аэродрома одинокий У-2, этот кроткий «голубок», изо всех сил отбивался от яростных атак двух «Мессершмиттов-109», этих фашистских кровопийц-стервятников.

Сейчас он на глубоком левом вираже на высоте не более двадцати метров. Ведущий «мессер» пикирует на него и стремительно приближается. Дистанция уже семьсот... пятьсот...

Вдруг «голубок», не выходя из виража, совершает резкое движение вверх и выпущенная трассирующая очередь «мессера» оказывается ниже его. Но уже атакует второй стервятник. Вот он на дистанции открытия огня. Однако «голубок» резко кидается вниз, и огненная трасса стервятника оказывается выше, а стрелок «голубка» посылает по нему очередь из ШКАСа, которая проходит перед самым его носом, и он шарахается в сторону вверх. В это время ведущий «мессер» по-звериному подкрадывается для второй атаки. «Голубок» разгадывает его намерение и быстро переходит из левого в правый вираж, а стрелок открывает упреждающий огонь. Однако «мессер» продолжает атаку, и «голубок» решает прямо с виража резко взмыть и тут же кинуться в крутое

скольжение. Очередь хищника проходит опять мимо. Стрелок сопровождает его своим огнем...

Мы зачарованно следим за этим неравным, прямо-таки диким с одной стороны, но чертовски восхитительным с другой, поединком.

Кто он, этот храбрец, этот виртуоз-«голубок»? По почерку очень похож на... Неужели... Я сам очень любил эти маневры. Они меня не раз спасали. Их еще, насколько мне известно, знал и мастерски выполнял Миша. Но он в Вишере... Неужели еще кто-то?.. А вдруг?.. И стрелок своими короткими, выпущенными только в очень нужный момент очередями напоминает...

Сердце екнуло и так зануло, загорячилось и запрыгало, что стало не по себе...

Сошлись в единоборстве «голубок» и «стервятник», – подумал я про себя. Кто кого? Такой покладистый, мирный, дружелюбный и такой хищный, агрессивный, непримиримый?.. Нежный, шелковисто-прозрачный, предназначенный только для добра, да еще усталый и, возможно, поврежденный – мог ли он противостоять черному, железному с острыми длинными когтями хищнику... И вообще, сравнимы ли они, «голубь» и «ястреб»?

Нет, конечно, что ни говори, «голубь» – он есть голубь, ястребом он не станет никогда, им надо родиться, – говорят одни. Почему же, – возражают другие, – это как подойти. Если взвесить все «за» и «против», можно смело поставить их рядом. Я тоже так думаю.

Конечно, не сравниться ему с ястребом по скорости передвижения и телесной резвости. Но, оказывается, когда надо отстаивать свое право на жизнь, право свободно парить над землей, спасти свое гнездо и своих птенцов, он способен проявить непреклонную решимость, неодолимую силу чувств и мощь душевного огня и недостижимую для врагов изворотливость ума. Смотри, как он дерзко и искусно сражается один против двух фашистских ястребов! А кто может, по мере необходимости, так мастерски справляться с делами и учителя неба, и связиста, и разведчика, и санитаря, и почтальона, и вот еще грозного ночного бомбардировщика, который в ночной темени, неизвестно откуда налетая внезапно, нагоняет на врага страх, сковывает его волю, а своими бомбами уничтожает значительное число фашистской живой силы и техники.

Поэтому, не от лукавого ли вопрос, поставленный в обратном порядке, а именно: может ли «ястреб» «голубем» стать? Тут, пожалуй, эти обстоятельства явно в пользу «голубя». Разумеется, не просто положить на чашу весов благородство дел «голубя» и особые свойства «ястреба». Ясно одно – и «голуби» нужны в небесах, как в огневых, так и, особенно, мирных...

Напряженность боя не спадает. Идет очередная атака. «Голубок» продолжает выразить то вправо, то влево, постоянно меняя высоту. Но... что это? «Мессеры» решили атаковать одновременно, только с небольшим уступом, но с разных направлений и высот. Хитро, коварно. Вот один из них опасно приближается. Стрелок дает по нему довольно длинную и меткую очередь. Одну, вторую. И... стервятник, задымив, резко отворачивает... Но уже через секунду-другую, воспользовавшись тем, что стрелок был скован первым «мессером», второй «мессер» беспрепятственно открывает огонь с довольно близкого расстояния. Хотя «голубок» продолжал искусно выполнять свои излюбленные и в своей основе очень умные маневры, часть траксирующих снарядов врага гаснет в его теле. Однако он еще продолжает полет. Правда, маневрирует уже не так энергично...

Между тем, задымивший «стервятник» (о, каким молодцом оказался «голубь» со своим стрелком), охваченный ярким пламенем, круто направляется к земле... Но второй стервятник, конечно же, с дикой яростью мстителя бросается в новую атаку.

Вот он уже на дистанции действенного огня... Но почему почти неподвижен «голубок» и не встречает коварного хищника огнем?!

Я кричу про себя: «Ну, дружок, оглянись и делай же что-нибудь!» Но он и не маневрирует, и не стреляет из пулемета.

Пользуясь этим, «мессершмитт» в зверином броске насккивает на беззащитного «голубка» и вонзает в его тело свои острые, сильные и ядовитые когти – с минимально близкого расстояния изрыгает огонь... еще... и еще...

Губительная очередь снарядов прошивает нежное тельце «голубка»...

«Голубок» резко вздыбился. Тут же отвисло у него правое крыло и он нехотя свалился на него, потом на нос. А тут уже земля... И как он не вспыхнул ярким пламенем, как часто бывает в таких случаях, блеснула мысль в возбужденном мозгу, неужели у фаши-

ста были только бронебойно-осколочные снаряды? И не взорвался при ударе о землю...

Только в это время мы услышали тьяканье наших 37-миллиметровых зенитных пушек и увидели двух взлетающих Яков...

Неужто только секунды продолжался этот бой, явно неравный по возможностям, но поразительно отважный по характеру и виртуозный по рисунку с одной стороны и беспощадно жестокий и коварный с другой? Или еще настолько низкой была боеготовность наших зенитчиков и истребителей, что не смогли защитить своего голубя?

Ну почему бы на минуту раньше не открыть огонь одним и не взлететь другим?

Однако надо быстрее бежать к месту падения «голубка» с его храбрецами... Сердце готово выскочить, а в голове роятся мысли, одна страшней другой...

О, сердце ты мое! Крепись, дружище, крепись! Не смей ныть и стонать! Даже в такие ужасные минуты... Нам с тобой надо будет беспощадно мстить в свое время за них и за многих еще других... А пока, как видишь, так жестоко обходится с нами судьба и горько сознавать, что наши с тобой тяжкие догадки и предчувствие, к великому сожалению, оправдываются нередко...

... Обломки «голубка» в лесу возникли перед взором внезапно. Сразу же, как бы смягчающую боль реакцию вызвал четко выделяющийся на переднем плане фюзеляж, который лежал, как качели у самой земли на пригнувшихся мощных разлапистых ветвях могучей сосны, что и спасло его от прямого удара о землю и разрушения.

Чуть сзади и в стороне находились исковерканные части крыльев и стабилизатора. Я ближе подошел к фюзеляжу и достаточно было мне бросить беглый взгляд на беспомощно повисших на привязных ремнях своих кабин пилота и стрелка, как потемнело в моих всегда ясных и зорких глазах, ослабли и зашатались никогда не знавшие усталости мои крепкие ноги. Казалось, меркнет все вокруг, гаснут самого светила лучи... О, боги! Почему вы так безучастны и безжалостны?! За что такие тяжкие страдания?! Отчего такая вопиющая несправедливость?!

Да, да, вы уже, конечно, догадались, что владельцами кабин только что отважно сражавшегося «голубка» против сильных и

коварных вражеских ястребов были наши дорогие, милые и любимые Миша и Гриша...

Хотя положение их тел было не совсем удобным, но облик и черты их лиц были как живые и еще сохранили следы жестокой схватки. Можно было подумать, что они только на минуту остановились передохнуть...

Миша без шлема. Наверное, в горячке жестокого боя и не заметил, как сорвал. Промокшие от пота волнистые русые волосы прилипли к белому высокому лбу. Красивая и мудрая голова же его, казалось, вовсе не поникла, а остановилась по привычке в своем горделиво, «по-петушину», вскинутаом положении... Нет, не сдался Миша врагу... А глаза! Ох, эти глаза!! Большие серозеленые, всегда доброжелательные и внимательные, они еще не успели потускнеть и сейчас ясно выражают глубокую озабоченность, встревоженность. И... Я аж вздрогнул... Возможно ли такое? Они, чудилось, виновато глядели прямо на меня и говорили: «Прости, браток, не сумел я сберечь ни Гришу, ни «голубка», ни себя самого...»

Как можно перенести такое?!... Может ли быть еще более тягостное для души испытание, чем подобное?!

А может быть... Да ведь это... Эх, Миша, Миша, какая же ты, оказывается, совестливая душа! Конечно же это его своеобразный прощальный завет боевым соратникам! «Не забывайте нас и учтите наши ошибки». Но разве ты ошибся, Миша? Просто вопиющее неравенство сил. Вы бились редкостно умело и стойко и ты сам сделал больше, чем можно было в такой ситуации...

При осмотре «голубка» мы убедились, что вы перестали сопротивляться лишь тогда, когда оказались перебиты рули управления и были израсходованы все до единого патроны. Мы ясно представляем, какое было ваше состояние, когда вас, беспомощных, в упор расстреливал хищный и жестокий враг... Ну да, конечно, ты всегда и всюду был искренне проникнут глубоким благородством... Будь уверен, твой воистину святой образ будет служить немеркнущим светом доброты к людям, преданности долгу и дружбе, высочайшей человечности во всем... И вот именно потому твой завет примем к сердцу, как нашу клятву тебе, на всю жизнь... Тебе, одному из самых героических и верных сынов своего народа и нашему боевому другу...

А сейчас... А сейчас надо приступить, впервые в своей жизни, к самому прискорбному действию... Разве мог я когда-нибудь допустить хоть на мгновение мысль, что исполню такой пренеприятнейший долг – сомкну всегда такие жизнерадостные, мужественные и добросовестные твои глаза? Прости и прощай! Но ты будешь жить, пока будем живы мы... В бой с нами ходить и, хочется надеяться, новую жизнь затем строить...

Волнующимся, но нежным движением опускаю навсегда верхние веки дорогого моего Миши...

Что же так, сердечко ты мое, заколотилось, как никогда сильно и нетерпимо?! И душа ты моя небывало остро заняла вдруг! А ты, мозг мой, всегда такой стойкий, почему напрягся, наверное, больше, чем в жестоком бою? Да, я вас понимаю. По-другому вы сейчас просто не можете. Вы, конечно, почувствовали, что в добавление к только что пережитому предстоит вам новое испытание... А вот и увидели его, своего... Гришу...

О, боги! О, силы небесные! Есть ли вы? Если вы есть, то как можете допустить такое?

...Круглые голубые глаза Гриши в пронзительном блеске застыли, устремленные, в беспомощной ярости, в небо, как бы желая энергией лучей своих остановить чудовищного врага, зловеще кидающегося на израненных, обезоруженных, беспомощных... А носик же - пуговичка – тоже смотрел вверх, но с таким разочарованием, словно недоумевал: «Как же это получилось? Как же он мог допустить такое...»

Конечно же, Гриша есть Гриша. Иначе, как брать всю вину на себя, он не мог никогда. Это одна из отличительных черт его характера. Одна из... А чтобы обрисовать его всего, потребуется множество самых лестных эпитетов: один из самых умных, добрых, преданных, надежных, умелых, мужественных, находчивых и пр. пр., характерных, впрочем, для многих других наших ребят. А еще чем особенным отличался он от них? Так и хочется крикнуть: «Да он же божественное создание, ангел небесный в самом лучшем Человеческом смысле!» На самом деле, такую удивительную чистоту помыслов и дел, как у него, смею заверить, встретишь не очень уж часто. И искренность в нем – что лесной родник! А постоянные, только для улучшения дела нацеленные, поиски и хлопоты его, завершающиеся, как правило,

«фокусами-мокусами»? «...Командир, отвернитесь на секунду... А теперь повернитесь...» И вот перед тобой чудо, сотворенное его золотыми руками и беспокойным умом...

Эх, Гриша, Гриша, ведь сам ты был истинное чудо. И какие бы вышли из тебя Человек и Мастер, останься ты жив. А ты ушел из жизни. О нет, прости, у тебя отобрали ее, свирепо, жестоко, позвериному. Как это архинесправедливо и противоестественно. Этого никак не должно было быть. А вот случилось. Почему?

Боги вы, боги, почему вы не всегда и не везде правильны и чутки?! И ты, судьба-судьбина, почему же такая недостаточно серьезная и внимательная?!

А что остается делать нам, остающимся в живых не небожителям, однако играющим в эту судьбу-судьбину? Играющим? Или все же делаемым, творящим? Скажете – когда как и кто как? В зависимости от обстоятельств и сущности самой личности? Может быть....

Пока же... Я не нахожу слов, чтобы передать, с каким душевным волнением навеки закрываю небесные глаза Гриши – эти чистейшие зеркала его бескорыстнейшей, добрейшей души...

Прощай, Гриша, бесценный мой боевой друг. Встречу ли я еще такого, как ты? Может, да, а может и нет. Но знай твердо – твоя ангельская, то бишь истинно Человеческая, как детская слеза, чистая душа – всегда будет вместе с моей... И будет помогать мне всюду, как и в Волховских огневых небесах...

«...Командир, создай небольшой крен влево...» И желанный треск очереди родного ШКАСа... Он никогда не уйдет из моего слуха и всюду будет вдохновлять на борьбу, на победу.

Прощай, незабвенный мой Гриша, дорогой мой Спаситель. Прощай!

Потери, опять потери... Какие чудеснейшие парни великой нашей Родины, истинные рыцари неба и земли уходят из жизни, одни совсем. С другими расстаешься по воле случая и, зачастую, тоже навсегда. Но и те, и другие на всю жизнь оставляют в душе и сердце свой светлый и вдохновляющий образ, как маяк, как светоч... Ведь теряешь-то каких... Роман Андреевич... Саша... Настя... А теперь вот Гриша и Миша... Только когда с острой болью в сердце и душе представил, что их нет и не будет никогда рядом с тобой, начал сознавать, что в тебе не

хватает очень большого и существенного, что, оказывается, какой надежной опорой для тебя они были, кого подарила тебе судьба в тяжкий период начала боевой жизни, какие жемчужины скрашивали (а в короткие удачливые мгновения делали радостной) твою фронтовую жизнь, всегда беспокойную, постоянно вибрирующую, как туго натянутая струна, вихрево-ураганную, огненно-кровавую...

...В глубоком горестном раздумье зашагали мы, их побратимы, за санитарной машиной, направившейся с телами Миши и Гриши к медсанчасти, где будут готовить их к похоронам...

Наверное, каждый по-своему переживал случившееся. Шел я вместе с ними, как в тяжелом сне... В голове мелькали, вращались, как в калейдоскопе, самые разнообразные грустные мысли.

О, сердце ты мое, молодой, еще недостаточно закаленный, мой друг! Выдержишь ли стойко такие испытания?! А ты, разум мой, сумеешь ли осознать и перенести достойно все это и еще многое-многое другое?.. Надеюсь, ты сделаешь это, ибо, хотя ты и не вполне искушен, но достаточно рассудителен, сознателен и понятлив.

А вот как с тобой, душа моя, подруга моя заветная? Наверное, будут некоторые проблемы, да? Что и говорить, хотя ты у меня довольно широкая, но очень уж чувствительная, нежная и беспокойная. Ясно, ты не переживешь такое потрясение бесследно и никогда не смиришься, будешь болеть и страдать всю жизнь. Но держаться-то надо. Думаю, в этом и сознание наше всегда будет вместе с тобой... А то как же? Ведь нам надо жить да жить, бороться да бороться. За себя, Гришу, Мишу и многих-многих других, отдавших себя за то, чтобы все мечты наши стали былью... Если не мы, то кто же?

Из глубоких размышлений вывел возникший неожиданно рокот, мощный, ровный, зазывный, сопровождаемый звонким напевным гулом.

Такие родные и такие желанные звуки!

...Несколько в стороне от аэродрома, на высоте птичьего полета, широко распластав могучие крылья, чуть сгорбившись, но горделиво и чинно, устремив острые носы на запад, шли штурмовики Ил-2. Над ними четким строем, переходя из стороны в сторону, носились юркие «ястребки» ЯКи.

Идут красиво, мощно! Аж мурашки по телу побежали и дух захватило от этого внезапно возникшего удивительного, неустойчиво зовущего вперед, – в бой, на подвиг – зрелища.

Быстрее туда! Туда, на Урал! Освоить эти чудо-машины и на их сильных и быстрых крыльях возвратиться...

Итак, даешь Урал и до свидания, Волховский!

Надеюсь, мы встретимся. Может быть, не с тобой. Неважно. Лишь бы с фронтом. Пока он есть...

И, прощай Новгородчина!
Край чудесный, край былинный,
Сказочных рек, лесов, полей,
Звезд таинственных мерцаний,
Сердечных мужественных людей...

1990–1995 гг.

Москва–Башкортостан (Ай буйы)

СОДЕРЖАНИЕ

Клятва и наказ ветеранам	5
1. На фронт? Подожди, «голубок»	10
2. Теперь уж в самом деле на фронт.	19
3. Первое невезение, или нет худа без добра?	31
4. В ожидании боя	44
5. Вот он и первый бой...	53
6. И ночью гоняется за «голубком» стервятник	65
7. Звезда Салавата	69
8. Нежданный бой с «мессерами». Спасительная атака Саши	77
9. Ужас от... «боевых» ста граммов	85
10. Ад крошечный и... Чудные мгновения вдруг...	88
11. Не все справедливо в этом мире... Но и цветочки есть в нем	123
12. Ночная разведка – благодарны «Длинные ресницы»	135
13. В гости... К партизанам	141
14. И ринулись мы в бездну	148
15. Справились с «причудами» передовой, но недоволен «синий нос»	152
16. Гришин фокус-мокус	161
17. Не «палки коммунистов» гнали нас на работу тяжкую	165
18. Есть ли интуиция, или когда «ставить ушки на макушку»	185
19. Подвиг героя. Кому вечная слава, а кому горе навсегда?	187
20. И нашел он покой в земле родной....	217
21. И решает Настя...	232
22. Как жесток ты, свет лучистый... Немилосерден и всевышний	234
23. Вот каков он... командир штурмовиков	251
24. Будь здорова, душечка ты моя, Магира!	259
25. Какой он странный, этот летчик Сережа	261
26. Вовсю разыгралась весна, но ей неподвластна война....	263
27. Кто дал мне крылья для полета...	278
28. Прощальные аккорды	285

Художественно-документальное издание

Латыпов Куддус Канифович

МОЖЕТ ЛИ ГОЛУБЬ ЯСТРЕБОМ СТАТЬ?

Зав. редакцией *З. К. Ханова*

Редактор *Л. О. Хаирова*

Оформление художника *И. С. Файрушина*

Художественный редактор *А. Р. Мухтаруллин*

Технический редактор *Н. Я. Зарипова*

Корректоры *И. П. Пастушкова, О. И. Каюмова*

Верстка *Ю. М. Абсалямова*

Лицензия № 0168. от 10.04.96.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.01.99. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
Бумага офс. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 16,38.
Учетн.-изд. л. 15,71. Тираж. 3000. Заказ № 150.

Башкирское издательство «Китап». 450001, г. Уфа, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, г. Уфа, проспект Октября, 2.

Уфа «КИТАП» 1999

